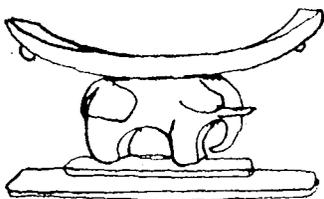

Академия наук СССР
Ордена Дружбы народов
Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

В. А. Попов

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ
АКАНОВ
в XVI-XIX веках

**ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА
И СТАДИАЛЬНО-ФОРМАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗМОВ**

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1990

Ответственные редакторы

Р. Ф. ИТС, Л. Е. КУББЕЛЬ

*Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР*

Попов В. А.

П58 Этносоциальная история аканов в XVI—XIX вв. Проблемы генезиса и стадияльно-формационного развития этнополитических организмов.— М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.— 277 с.: ил. и карт.

ISBN 5-02-016961-7

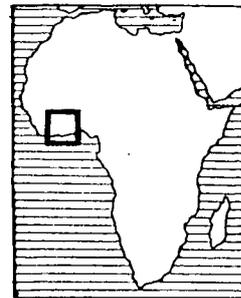
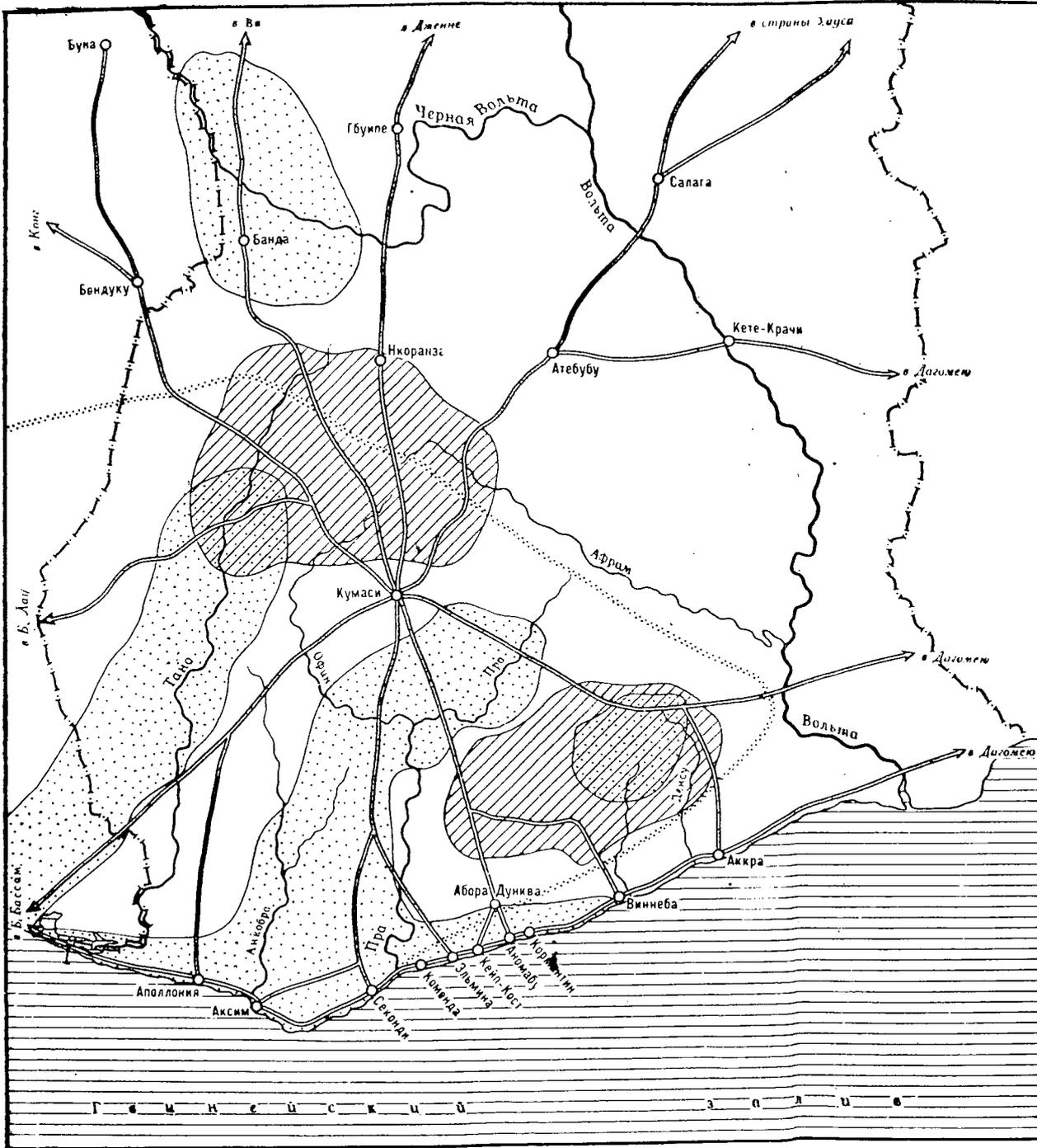
В книге разрабатывается проблема формационной атрибуции доколониальных обществ Тропической Африки. Показана несостоятельность феодальной и рабовладельческой версий формационного развития аканов. Доказывается, что Ашанти, Фанти, Денчира, Аквапим, Джаман и другие этнополитические организмы аканов являлись многоукладными обществами, переходными от первичной формации ко вторичной. Пересмотрен ряд устоявшихся стереотипов об общественном строе аканов. Изучен конкретный механизм вторичного политогенеза и предложена концепция парapolитейности. Выявлена особая форма раннеполитической организации (парapolис) и исследованы два ее стадияльных варианта. Значительное внимание уделено этнической истории и влиянию европейцев на традиционную культуру аканов.

П $\frac{0503000000-147}{013(02)-90}$ 137-90

ББК 63.3(6) + 63.5(6)

ISBN 5-02-016961-7

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1990

- — — — — Современные границы Ганы
 - Границы лесной зоны
 - Главные дороги региона
 - ▤ Главные районы добычи золота
 - ▨ Главные кола-производящие районы
- 30 0 30 60 км

Золотой Берег и его
хинтерланд в XVIII-XIX вв.

Постановка проблемы

Стадиально-формационная принадлежность доколониальных обществ Тропической Африки — одна из самых актуальных проблем современной африканистики. С одной стороны, она представляет собой частный случай более общего и весьма дискуссионного вопроса об особенностях исторического развития восточных обществ и о соотношении этого развития с формационными ступенями истории человечества. С другой стороны, от ее решения во многом зависит понимание специфики современных социально-экономических и политических процессов в молодых государствах Африканского континента, а также более адекватное представление о том, что же на самом деле деформировалось при образовании колониального общества — той основы, на которой строится настоящее и от изживания которой зависит будущее большинства освободившихся стран Тропической Африки.

Следует отметить, что как в марксистской, так и немарксистской (особенно африканской) африканистике, несмотря на принципиально разные методологические ориентиры, преобладает тенденция модернизации социальной истории народов Тропической Африки, завышения уровня их общественного развития в доколониальный период и соответственно сомнительной их стадиально-формационной атрибуции. Сложившееся положение в значительной степени связано с тем, что африканские доколониальные общества описываются и исследуются, как правило, при помощи привычных, но неадекватных терминов и научных категорий, что неизбежно приводит к противоречиям между выбранной системой понятий и объектом исследования. К тому же в марксистской литературе иногда допускается некритическое использование категориального аппарата немарксистских исследователей, что также создает предпосылки для произвольной модернизации или, реже, архаизации конкретных социальных организмов. И хотя эти причины уже стали предметом обсуждения в советской африканистике, предстоит еще немало сделать для преодоления и пересмотра ставших стереотипами неверных представлений об уровне развития многих африканских традиционных обществ.

Особенно актуальной эта задача выглядит на фоне заметной растерянности перед массовыми взрывами традиционализма на современном Востоке. Необоснованное завышение уровня стадиального развития африканских и других восточных обществ к началу колониального периода и неверно взятая точка отсчета породили неадекватные представления о результатах и глубине воздействия на эти общества со стороны метрополий в колониальный период, обусловили преувеличение сте-

пени их подготовленности к восприятию капитализма и социализма.

В современных условиях, когда наступила пора объяснить, почему наследие традиционности оказалось столь сильным и глубоким, такая исходная база оказалась совершенно непригодной [296, с. 84]. «Приходится признать, что политический и социально-экономический опыт суверенных афро-азиатских стран не подтвердил некоторых наших предположений. Принявшая различные формы и направления традиционалистская контрреакция оказалась сильнее и упорнее ожидаемой (хотя еще В. И. Ленин предупреждал, что, пробуждаясь к политической жизни, массы привнесут в нее свои предрассудки). Отдельные слои и классы... повели себя как бы не по правилам исторической игры» [247, с. 172].

Практика современного общественного развития требует теоретического осмысления специфики доколониальных общественных отношений и осознания их реального воздействия на процессы формационного развития освободившихся стран. Простое указание на господство в том или ином обществе докапиталистических (или в более неопределенной форме — традиционных) отношений уже удовлетворить не может — нужна конкретная стадийно-формационная оценка.

Только знание реального уровня развития позволит выработать подлинно научную стратегию и тактику борьбы за социальный прогресс, более достоверно прогнозировать перспективы становления современных форм производства, управления, социальных и культурных преобразований. От адекватной атрибуции зависит и разработка эффективных методов модернизации экономики. Наконец, знание истоков позволит понять, что способствует, а что мешает этнополитической консолидации и политической стабильности, разобраться в причинах кризисных явлений и провала многих реформ.

Все сказанное самым непосредственным образом относится к специфике социально-политического и экономического развития современной Республики Гана, в которой, в частности, в первые годы независимости Народная партия конвента во главе с К. Нкрумой начала борьбу с пережитками прошлого. Опираясь на ошибочную оценку формационного уровня развития народов Ганы (всех без исключения) как феодального, она выдвинула лозунг: «Долой феодализм!» Конкретные действия по борьбе с феодализмом были вполне обоснованными, поскольку предполагалось отобрать у феодалов землю и перераспределить ее среди безземельных крестьян. Ожидалось, что крестьяне с энтузиазмом воспримут свое освобождение от гнета феодалов и поддержат намечавшуюся экспроприацию. Однако они, наоборот, выступили против реформы, усмотрев в ней посягательство на права своих предков, ибо земля принадлежала отнюдь не мифическим феодалам, а являлась неотчуждаемой собственностью социально-родственных коллективов,

олицетворением единства которых и считались предки (подробнее см. [290; 292; 650]).

Вполне вероятно, что эта непродуманная борьба с «феодализмом» впоследствии отразилась на популярности К. Нкрумы и его политики некапиталистического пути развития. А основой для антифеодальной реформы послужили труды британских антропологов об общественном строе ашантийцев.

Ашантийцы — крупнейший этнос аканской группы и один из самых известных этносоциальных организмов (ЭСО) Тропической Африки. Не много найдется других народов (разве что еще ирокезы или австралийские аборигены), сыгравших такую же серьезную роль в становлении и развитии теоретической этнографии и послуживших основой или поводом для разработки столь многих фундаментальных понятий и концепций, — таких, например, как фетишизм¹, анимизм, тотемизм², матриархат, двойной счет родства и т. д.

Вместе с тем популярность ашантийцев, особенно у теоретиков первобытного общества, привела к появлению целого ряда стереотипов, упрощенных и даже неверных представлений, которые без проверки и аргументации переходят из одной работы в другую. Особенно много искажений в описаниях основных компонентов ашантийского традиционного мировоззрения и социальной организации. Объясняется это прежде всего тем, что ашантийский материал чаще всего привлекается не столько для обоснования, сколько для иллюстрации того или иного положения в концепции автора и не становится объектом серьезного анализа.

В то же время формационная природа ашантийского общества стала предметом многолетней дискуссии. Большинство ее участников, как советских, так и зарубежных, марксистов и немарксистов, рассматривают Конфедерацию Ашанти в качестве феодального государства. Другие исследователи соотносят уровень развития доколониального ашантийского общества с поздней первобытностью или с переходным этапом от первичной формации ко вторичной. Ряд африканистов полагает, что экономическую основу Конфедерации Ашанти составляли рабовладельческий и даннический способы производства.

Современное состояние вопроса, несомненно, свидетельствует о назревшей необходимости разобраться в накопившихся противоречиях и выяснить основные тенденции и закономерности социально-политических процессов в доколониальной Конфедерации Ашанти, чтобы затем попытаться установить тот реальный уровень стадийно-формационного развития, которого достиг этнополитический организм (ЭПО) ашантийцев к началу британской колонизации.

Решение этой задачи невозможно без учета того обстоятельства, что ашантийцы являются неотъемлемой частью крупной этнокультурной общности аканов, для которой в целом характерны специфические формы социально-политической куль-

туры, сложившиеся в процессе взаимозависимого развития в течение многих столетий. Конфедерация Ашанти — лишь один из многих ЭПО аканов. Поэтому только сравнительно-историческое изучение всех аканских ЭПО и тенденций их формационного развития может привести к пониманию специфики этого развития у ашантийцев и осознанию причин, вызвавших появление наиболее продвинутого из аканских ЭПО в стадильном отношении — Конфедерации Ашанти, одного из самых крупных доколониальных политических образований Западной Африки, оказавшего в XIX в. упорное сопротивление британским колонизаторам.

Современное состояние проблемы стадильно-формационного развития аканов

Представление о феодальном характере ЭПО аканов разделяли практически все первые историки Золотого Берега и его внутренних районов (К. Рейндорф, Дж. Сарба, У. Кларидж). В значительной степени оно сложилось под влиянием многочисленных сочинений европейских путешественников, миссионеров и купцов XVIII—XIX вв. (Ж. Барбо, В. Босман, Т. Э. Баудич, Дж. Дюпюи, Т. Б. Фримен, Ф. Рамсейер и И. Кюне и ряд других), а также колониальных чиновников и военных деятелей второй половины XIX в. (Э. Б. Эллис, Дж. Бичам, П. Брэкенбери, Б. Дж. Круикшанк, А. Фуллер, Б. Дж. Макдональд и др.). Их книги и путевые дневники, весьма далекие от научных описаний, во многом искажали реальную картину жизни аборигенов, распространяя европейские модели общественной и политической организации на африканскую действительность.

Поэтому вполне закономерно, что Конфедерация Ашанти однозначно определялась как феодальное государство во главе с деспотическим монархом [411, с. 87], а Р. С. Рэттрей — крупнейший английский специалист первой половины XX в. по истории и этнографии ашантийцев — полагал, что феодализм Ашанти является «почти точной копией» английского феодализма [613, с. 223]. Дж. де Графт Джонсон считал аканскую систему землепользования «похожей на феодальное землевладение в английской истории» [521, с. 100].

Первым, кто подверг сомнению правомерность соотнесения ашантийского общества с английским феодализмом, был Дж. Б. Данква, который, полемизируя с выводами Р. С. Рэттрея, впервые указал на специфику аканского землевладения как коллективного землепользования [464, с. 5—6]. Но по-настоящему научная критика феодальной концепции появилась только в книге известного ганского антрополога и политического деятеля К. А. Бусии, продолжившего сравнительное исследование систем землевладения (а также иерархии традиционных вождей) и установившего их принципиальную нетождественность

английской системе [433, с. 57—60]. Выводы К. А. Бусии были позднее подкреплены результатами анализа норм обычного права аканов в трудах Н. А. Оллену [596; 597] и А. Н. Аллотта [386].

Тем не менее феодальная версия формационного развития аканов фактически доминировала в зарубежной, прежде всего немарксистской, литературе до середины 70-х годов. Причем ее сторонники, как правило, не занимались серьезным исследованием общественного строя аканов, ограничиваясь довольно поверхностными сопоставлениями, указывая на сходство ряда формальных черт — прежде всего иерархии правителей с феодальным вассалитетом. Были, впрочем, и отдельные попытки сравнения экономической основы аканских ЭПО с европейским средневековым феодализмом, но обнаруженные отличия трактовались в рамках феодальной концепции [513; 515; 554].

В то же время противники феодальной версии только лишь отрицали феодальную специфику традиционного общества аканов, не предлагая никаких альтернативных оценок.

Эта «традиция» вскоре оказалась в русле так называемого африканского подхода к истории Африки, для которого прежде всего характерны афроцентризм и национализм, хотя единой концепции или методологии так и не было создано. Несомненной заслугой сторонников «африканского подхода» стало их обращение к истории африканцев (в противоположность истории деятельности европейцев в Африке, которая преобладала в трудах африканистов предшествующего периода). Однако эта позитивная тенденция и вполне понятное стремление (в конкретных условиях борьбы за политическую независимость) раскрыть величие африканского прошлого часто ведет к воинствующему отрицанию единства мирового исторического процесса, подчеркиванию исключительности развития африканских народов и к безоговорочной идеализации доколониального прошлого. При этом славное прошлое обычно обосновывается либо доказательствами африканских истоков всех великих цивилизаций древности, либо возвеличиванием крупных политических образований, подающихся как грандиозные империи, в которых отсутствовали эксплуатация и классовая борьба, торжествовали эгалитаризм и даже гармония между социальными группами. Причем полемика с другими точками зрения ведется, как правило, на уровне эмоций, а не фактов.

По существу, «африканский подход» до сих пор является главным, если не единственным методологическим ориентиром для историков и этнографов независимой Ганы, руководители которой всегда поощряли изыскания, направленные на восстановление былой славы предков и их достижений в различных областях культуры и общественно-политической жизни. Именно этим объясняется столь пристальный интерес к этногенезу и конкретным вопросам этнополитической истории, реконструк-

циям (прежде всего на базе устной традиции) взаимодействия политических образований аканов друг с другом и с европейцами в доколониальную эпоху.

Проблема стадийного уровня развития в этих работах даже не ставится, поскольку их авторам чужд формационный и вообще исторический подход. Степень развитости того или иного ЭПО определяется по степени сложности властно-управленческой структуры, которая отождествляется с понятием государства, а также в зависимости от размеров, военно-политических успехов и длительности самостоятельного существования таких «государств» (см., например, [506; 553; 648]).

В конце 60-х — начале 70-х годов обозначился новый этап в изучении проблемы стадийно-формационного развития аканов. Во-первых, появились серьезные исследования доколониального прошлого аканов, написанные на базе новых полевых и архивных материалов ([404; 458; 474; 493; 532; 542; 619] и др.). Во-вторых, ряд африканистов, прежде всего французских, попытались применить гипотезу К. Маркса об азиатском способе производства к африканским обществам, что привело к появлению нескольких теорий, обосновывающих специфику путей развития африканских доколониальных ЭПО (гипотеза об африканском способе производства К. Кокри-Видрович, теория даннического способа производства С. Амина и т. д.).

Среди ганских исследователей аканов особенно популярной стала теория данничества как особой докапиталистической формации, сочетающей общинную земледельческую экономику с политическим аппаратом для изъятия дани; дань рассматривается как особая форма эксплуатации, а общество делится на два антагонистических класса — эксплуатируемых крестьян-общинников и правящих аристократов-эксплуататоров [389, с. 14—16]. Именно такое общество обнаружил Р. А. Ки на Золотом Берегу XVII в., в том числе у фантийцев и других прибрежных аканов, правда, в сочетании с рабовладельческим способом производства, но при ведущей роли данничества [542, с. 5].

Предметом дискуссии стал вопрос о рабстве и рабовладельческом способе производства у абронов, что в целом отражает начавшийся в современной африканистике процесс переосмысления последствий работорговли.

Э. Террэ, исследуя специфику социально-экономических отношений в ЭПО абронов — Джамане — и сопоставив Джаман с другими аканскими ЭПО (в том числе с Конфедерацией Ашанти), пришел к выводу о доминировании рабовладельческого способа производства, дополнявшегося данническими отношениями [639; 640; 641], что служило ему основанием для отрицания правомерности гипотезы об африканском способе производства. Однако Р. Э. Дюметт подверг обоснованной критике работы Э. Террэ и привел довольно весомые аргументы в пользу именно африканского способа производства у абронов, в

обществе которых, как и у других аканов, рабство носило домашний характер и не существовало в качестве особого способа производства [480].

О гибриде данничества с рабовладением у ашантийцев в XIX в. писал и А. Вилкс, однако его точка зрения слабо обоснована и непоследовательна. К тому же для его работ [661; 664; 665; 668; 671] в целом характерна чрезмерная модернизация ашантийского ЭСО, который он, как правило, описывает в категориях буржуазного общества (таких, как «пролетариат», «буржуазия», «торгово-капиталистический класс» и т. д.). Неудивительно, что ему удалось, в частности, обнаружить в «правительственных кругах» Конфедерации Ашанти начала XIX в. две «политические партии», одна из которых охарактеризована им как империалистическая.

Другая крайность модернизации наблюдается в работах Э. Террэ, который, считая себя марксистом и употребляя категории марксистского анализа, в то же время обосновывает возможность существования у аканов таких способов производства, как линиджный и супружеский [641, с. 330—331], а также рассматривает в качестве отдельных классов жен, детей, молодежь, стариков³.

Наряду с такими «марксистскими» построениями появились и более серьезные попытки соотнесения, например, социальной структуры ашантийцев XIX в. с марксистской теорией классов [398]. В итоге делается вывод об отсутствии классов и о невозможности отождествить ашантийских земледельцев-общинников с крестьянством, хотя одновременно Конфедерация Ашанти определяется как государство, правда, подчеркивается его «африканский» характер, но все равно такое заключение явно противоречит общей оценке экономического базиса как патриархально-племенного [398, с. 471, 475].

В этих условиях сторонники феодальной версии стали отмечать в своих работах сосуществование элементов феодализма (в социально-политической сфере) с данничеством, рабовладением и примитивной демократией (см., например, [431, с. 246]).

Таким образом, к середине 80-х годов обозначилась довольно значительная пестрота суждений о стадийно-формационном развитии аканов в доколониальную эпоху. Главная особенность зарубежных исследований рассматриваемой проблемы заключается в отказе от однозначных оценок и в попытках обосновать некое сочетание различных способов производства, но при ведущей роли какого-то одного из них, чаще всего — феодального.

Из советских ученых первым, кто высказал свое мнение о характере общественного строя ашантийцев, был М. О. Косвен, который обратился к ашантийскому материалу в связи с разрабатываемой им концепцией матриархата. М. О. Косвен определил ашантийское общество как раннюю ступень феодализма с материнско-родовым укладом [157, с. 40].

Большой вклад в изучение проблемы стадияльно-формационного развития аканов внес И. И. Потехин. Именно на примере ашантийцев он впервые выдвинул тезис о ведущей роли феодальных отношений в общественном развитии доколониальной Африки [290].

Точка зрения И. И. Потехина оказала очень сильное влияние на советскую школу африканистов, которая, судя по всему, также не избежала определенного воздействия со стороны «африканского подхода», что, понятно, было обусловлено конкретными общеисторическими ориентирами того времени. Во всяком случае, и для многих советских африканистов был характерен поиск свидетельств славного прошлого африканских народов, в том числе в виде развитых цивилизаций и крупных феодальных государств. Поэтому значительное число, а до 70-х годов подавляющее большинство исследователей видели свою задачу в доказательстве феодальности изучаемых ими конкретных обществ Тропической Африки, что приводило к подчеркиванию элементов, сходных с моделью феодализма, и затушевыванию того, что ей не соответствовало. «Комплекс Потехина» достиг наибольшей законченности в концепции всеобъемлющего феодализма в Африке, разрабатываемой Ю. М. Кобищановым, который, в частности, полагает, что ашантийцы в доколониальный период находились на стадии перехода от раннего феодализма к развитому [143, с. 287].

В целом же в советской африканистской и этнографической литературе абсолютно преобладает представление об ашантийском ЭСО (другие аканы практически никогда не рассматривались) как о раннефеодальном обществе с рабовладельческим укладом и с пережитками первобытности. Именно такие формулировки чаще всего встречаются в литературе общего характера, посвященной Гане или Тропической Африке в целом, хотя практически никто после И. И. Потехина, кроме С. Л. Мильявской [220], специально не занимался стадияльно-формационной атрибуцией аканов. Складывается ситуация, аналогичная той, о которой писала Э. С. Годинер: «Данное без специального анализа и аргументации определение стадияльного характера бугандского общества как феодального звучит чуть ли не аксиомой или, во всяком случае, давно установленной научной истиной» [90, с. 33].

Завершая краткий обзор современного состояния проблемы стадияльно-формационного развития аканов, следует подчеркнуть, что она не только далека от своего решения, но и не создано пока работ, в которых бы ставилась в качестве основной задача именно стадияльно-формационной атрибуции аканов или какого-то одного из аканских ЭПО доколониальной эпохи.

Нет также исследований, в которых бы рассматривались в исторической динамике процессы политогенеза и классовообразования у аканов.

Автор данной монографии, основываясь на анализе тенденций развития традиционной социальной организации ашантийцев XIX в., уже высказывал свое суждение о том, что ашантийское общество в предколониальный период находилось на стадии перехода от первичной формации ко вторичной, на стадии классовобразования и становления государства [285, с. 3—4; 269, с. 141]. А изучение специфики ашантийского омана позволило квалифицировать этот социальный институт в качестве варианта племенной организации, а Конфедерацию Ашанти соответственно как союз племен [268, с. 19—21].

Однако для стадиально-формационной атрибуции эти выводы об относительном уровне развития ашантийцев XIX в. недостаточны. Требуется специальное исследование, каковым и является настоящая книга.

Для решения поставленной задачи имеется довольно обширная фактографическая база, которая в значительной степени создана ганскими африканистами за последние два десятилетия (о современном состоянии африканистики в Гане см. [287]). Правда, несмотря на обилие работ, посвященных аканам, многие аспекты, и прежде всего социально-экономические, описаны довольно поверхностно. Мешает и неравномерная изученность конкретных аканских ЭПО, хотя и опубликовано несколько серьезных работ по фантийцам, аквапимцам, ачемцам, акваму, абронам, что открывает определенные возможности для сравнительно-исторических сопоставлений. Однако аньи, бауле, нзима, квану и ряд других аканских этносов описаны слабо, особенно в плане социально-политической и экономической специфики. По-прежнему много лакун и в социально-экономической истории ашантийцев.

Тем не менее существующие источники и научная литература, прежде всего монографические исследования английских и американских антропологов второй половины XX в. (М. Фортез, Дж. Гуди, М. Дж. Филд, У. Т. Балмер, А. Вилкс, М. Д. Маклеод, Д. Кимбл, Е. Мейеровиц, Дж. Б. Кристенсен, Р. Листад, М. Манукян, Т. Маккаски), вполне позволяют осуществить исследование формационного содержания политогенетических процессов в ЭПО аканов доколониальной эпохи. Многочисленные статьи и книги ганских историков, этнографов и фольклористов (А. А. Боаен, К. И. Дааку, Р. А. Ки, Дж. Нкетия, У. Тордофф, А. К. Датта, А. А. Анти, К. Архин, Дж. К. Финн, М. Овусу, К. Б. Диксон, Ф. Агбодека, П. К. Сарпонг, А. Черематен и др.), хотя и не обладают необходимой полнотой и строгостью анализа, способствуют конкретизации и уяснению аканских реалий и понятий, корректируют многие устоявшиеся представления; благодаря использованию полевых и труднодоступных архивных материалов они являются серьезным источником информации.

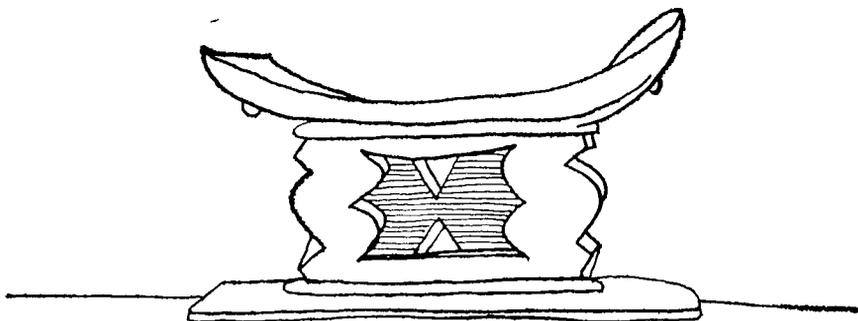
Подробная оценка и критика источников и отдельных работ дается в последующих разделах непосредственно при рассмот-

рении конкретных вопросов, что, как представляется автору, удобнее и продуктивнее для восприятия.

Иллюстрации к книге выполнены сотрудниками Ленинградской части Института этнографии АН СССР К. Б. Серебровской (рисунки) и В. Е. Балахновым (фотографии).

Список сокращений в тексте

- АзСП — азиатский способ производства
- АфСП — африканский способ производства
- ВФ — вторичная формация
- ПО — производственные отношения
- ПС — производительные силы
- ПСП — первобытнообщинный способ производства
- ПФ — первичная формация
- РСП — рабовладельческий способ производства
- РФ — рабовладельческая формация
- СОР — социальный организм родства
- СП — способ производства
- СР — система родства
- СТР — система терминов родства
- ФСР — феодальный способ производства
- ФФ — феодальная формация
- ЭПО — этнополитический организм
- ЭСО — этносоциальный организм

Часть первая
МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ

Глава 1

ИСХОДНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЫЛКИ

Получение значимого результата в науке, как известно, в большой степени зависит от исходных познавательных установок, от изначального (и осознанного) подхода к постановке проблемы и поиску путей ее разработки. Другими словами, логику исследования задает методология. Следовательно, прежде чем перейти к решению конкретной задачи стадияльно-формационной атрибуции ЭПО аканов доколониальной эпохи, необходимо обосновать методологические ориентиры, а также решить ряд теоретических проблем или дать им свою трактовку, руководствуясь известным методологическим положением В. И. Ленина: «Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя „наткаться“ на эти общие вопросы» [19, с. 368].

**Системный подход и историческая типологизация
как первый уровень абстракции**

Стадияльно-формационная атрибуция любого ЭПО невозможна без всестороннего представления о нем («чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования» [24, с. 290]). Всестороннее, целостное видение объекта изучения обеспечивается, как известно, системным подходом. Следовательно, системный подход является наиболее адекватным методологическим средством для решения поставленной задачи.

Подход к изучаемым явлениям и процессам как к системам — одна из характерных особенностей развития современ-

ной науки. Основной фактор, определивший становление системного подхода как общенаучного методологического направления,—невозможность выявления механизмов функционирования и развития сложных объектов на базе методов и понятийного аппарата традиционных научных дисциплин [49, с. 157]. Системный подход основной акцент делает на выявлении интегративных свойств объекта, т. е. ориентирует на раскрытие механизмов, обеспечивающих его целостность [48; 300].

Основные принципы системного подхода были обоснованы в трудах К. Маркса (подробнее см. исследования В. П. Кузьмина [186]). В настоящее время системный подход рассматривается как одно из важнейших методологических требований марксистско-ленинской диалектики, как одна из форм конкретизации диалектико-материалистического учения о всеобщей связи и всеобщем движении, развитии материальной действительности и форм ее отражения в сознании человека [28; 38; 47; 50; 127]. По проблемам системного подхода имеется большая специальная литература, что избавляет от необходимости подробно излагать здесь его основные принципы (см. [28; 37; 50; 300; 346; 376]). Рассмотрим только существенные для нашей темы моменты (см. также [269, с. 5—9]).

Понятие системы является центральным в системном подходе. Обычно под системой понимается множество взаимосвязанных компонентов (элементов), выступающих как определенная целостность, хотя в специальной литературе существует целый ряд дефиниций этого понятия, причем различия между ними обусловлены характером исследования, в рамках которого используется понятие системы (см. обзор в [300, с. 93—99]). В данной работе принимается определение В. Г. Афанасьева: «Система—это совокупность объектов, взаимодействие которых вызывает появление новых, интегративных качеств, несвойственных отдельно образующим систему компонентам» [38, с. 99].

Самые сложные системы, к которым относятся биологические и социальные, требуют двоякого их рассмотрения: в статике и в динамике. В свою очередь, «движение системы есть, во-первых, ее функционирование, деятельность, и, во-вторых, ее развитие—возникновение, становление, эволюция, разрушение. Соответственно этому адекватное представление о сложно-динамической системе требует сопряжения трех плоскостей ее исследования—предметной, функциональной и исторической» [127, с. 35].

Предметный аспект системного исследования предполагает решение двух взаимосвязанных задач: установление тех элементов (компонентов, подсистем), из которых состоит изучаемая система, и определение связей между элементами, т. е. сначала необходимы элементный и структурный (по М. С. Кагану [127, с. 36]), или системно-компонентный и системно-структурный (по В. Г. Афанасьеву [38, с. 102]), анализы системы.

Но изучение состава системы нельзя ограничивать поиском образующих ее элементов, так как эту задачу успешно решал и традиционный, аналитический подход. Поскольку же системный подход исходит из представления об изучаемой системе как о целостности, то вычленение элементов, образующих эту целостность, должно сопровождаться исследованием их необходимости и достаточности для существования данной системы, так как только определение необходимости и достаточности составляющих систему компонентов (т. е. тех компонентов, которые обеспечивают непрерывное воспроизводство системы в целом и сами воспроизводятся вместе с ней) дает возможность для исследования ее внутренней организации. Следовательно, компоненты системы нужно не просто выделить и описать, но и взвесить их место в функционирующей и развивающейся системе.

Главная задача структурного анализа состоит в изучении способа построения системы, т. е. в выявлении из присущего ей множества связей и отношений тех взаимосвязей элементов системы, которые придают ей целостность и тем самым создают у нее некоторые новые свойства, не сводящиеся к свойствам составляющих ее элементов. Другими словами, речь идет о выделении системообразующих связей, которые выражают интегративные свойства системы и определяют ее специфику [38, с. 99; 50, с. 15; 127; 202, с. 84, 233]. Целостность — результат взаимодействия элементов в определенной системе связей. Поэтому взаимодействие играет системообразующую роль, сохраняя целостность и тогда, когда изменяются ее компоненты [48, с. 19], т. е. детерминирует наиболее существенные (инвариантные) компоненты (необходимые и достаточные).

Функциональный аспект системного исследования связан с выявлением механизма внутреннего функционирования системы, благодаря которому ее компоненты действуют согласованно, образуя координированное единство. Функциональный аспект предполагает также анализ внешних функций системы, т. е. взаимодействие ее со средой. Внутреннее функционирование системы обусловлено, с одной стороны, ее компонентным составом и ее структурой, а с другой стороны, ее внешней функцией, которая определяет характер взаимодействия всех элементов системы. Таким образом, функциональная характеристика системы заключается в установлении присущего ей специфического способа деятельности [38, с. 105—108; 127, с. 38; 203, с. 204].

Исторический аспект предполагает изучение происхождения, развития и перспектив дальнейшего существования системы, т. е. историю структуры и ее функционирования на разных этапах развития, включая и прогностический аспект. В связи с этим необходимо указать на весьма распространенное заблуждение, к которому привела недостаточная разработанность методологии системного подхода. Имеется в виду противопостав-

ление системного подхода историческому (генетическому), что явилось следствием отождествления системного подхода только со структурным, или структурно-функциональным, который действительно обычно связан с синхронным рассмотрением явлений. Однако в настоящее время осознается не только неправомерность такого противопоставления, но и необходимость включения в практику системных исследований исторического аспекта наряду со структурным и функциональным [38, с. 109—110; 127, с. 35—39; 128; 346, с. 21, 24; 356, с. 42], ибо «диахрония развития столь же системна, как и синхрония исторична» [41, с. 286]. В более общем виде соотношение структурно-функционального и исторического рассмотрения явлений выступает как соотношение логического и исторического [318, с. 5] или, в терминах Б. А. Грушина, генетико-структурного и структурно-генетического [92, с. 210].

Следовательно, всякое социальное явление может быть до конца понято лишь в том случае, если оно исследовано не только в структурно-функциональном, но и в историко-генетическом плане, так как целостность любой системы по-настоящему раскрывается только в контексте процессов ее предшествующего развития.

Конкретное выражение системный подход находит в построении моделей, что предполагает определенный порядок исследования:

1. Выделение системы из среды, ее фиксация по внешним свойствам-параметрам. Система составляет органическое целое со средой, которую, исходя из принципа иерархичности, можно трактовать как метасистему, компонентом которой является данная система. В свою очередь, эта система есть метасистема для ее компонентов. Другими словами, выделение системы — это определение ее места в иерархии систем.

2. Определение необходимых и достаточных компонентов, структуры и системообразующих связей, т. е. поиск тех детерминантных составляющих, которые создают целостность системы.

3. Исследование динамики системы, т. е. ее функционирования и развития.

Возможности системного подхода могут быть наиболее полно реализованы только при его органическом сочетании с типологизацией (ср. [40, с. 21]), если под типологией понимать сущностную систематику.

Систематика, или, точнее, систематизация, представляет собой одно из наиболее эффективных средств, применяемых в процессе научного познания как в целях упорядочения и обобщения изучаемого материала, так и для хранения и поиска информации, а также для вычленения и фиксации объектов исследования. Любая систематика — «начало и конец, альфа и

омега каждой науки» [194, с. 7]. Подытоживая результаты предыдущего изучения, она вместе с тем означает начало нового этапа.

В то же время в специальной литературе неоднократно отмечалась недостаточная разработанность теории и методики конкретных приемов и процедур систематизации [297, с. 3—4; 354, с. 74]. «Хотя литература по теории классификации огромна,— замечают С. В. Мейен и Ю. А. Шрейдер,— нельзя сказать, чтобы это обилие революционизировало классификационную практику» [214, с. 76]. Этот вывод вполне справедлив и по отношению к этнографической систематике. В частности, термины «типология», «классификация», «систематика», «группировка» в этнографической литературе часто отождествляются и употребляются в качестве синонимов, хотя объемы понятий, обозначаемых каждым из этих терминов (подробнее см. [276]), нетождественны, но пока не существует общепризнанных определений, наглядно демонстрирующих границы и иерархию понятий, обозначаемых данными терминами.

Вместе с тем в специальной и философской литературе, несмотря на различие трактовок [126; 141; 174; 214; 240; 336; 375; 377; 547; 549], разграничиваются по крайней мере два основных вида систематики. Один из них связывается с содержательным (сущностным) аспектом систематизируемых явлений, а другой — с дескриптивным (формальным), или, в терминах К. Л. Пайка, широко применяемых в зарубежной литературе, с эмным (эмическим) и этным (этическим) уровнями соответственно. Видимо, такое же разграничение двух основных видов (уровней) — дескриптивного и сущностного — следует проводить и в этнографической систематике.

Дескриптивную систематику чаще всего называют классификацией; сущностную же определяют по-разному, но, учитывая имеющуюся в этнографии традицию, она может быть названа типологией¹. Таким образом, классификация — это систематика, связанная с формальным (этным), а типология — с сущностным (эмным) уровнями явлений. В такой трактовке типологии сам процесс типологизации становится неотъемлемой стороной раскрытия содержания объектов изучения, а глубина разработки принципов типологизации характеризует уровень разработанности объекта, создает определенные предпосылки для обнаружения непознанных закономерностей.

Далее, если типологию рассматривать в качестве сущностной систематики, тогда ее основные таксономические единицы (типы) необходимо должны представлять собой системные модели, отражающие целостные, интегративные свойства объектов типологизации (ср. [240, с. 564]). Кроме того, поскольку одним из основных принципов системного подхода является положение о том, что сущность развивающейся системы раскрывается в единстве структурного, функционального и исторического планов рассмотрения, то, значит, и типологии должны

быть адекватными этому принципу, т. е. они должны быть историческими типологиями, сочетающими элементы как структурно-функциональной систематизации, так и периодизации, и фиксирующими, таким образом, общие закономерности стадийного развития систем (ср. [135, с. 36—38]).

Следовательно, типологизация этносоциальных объектов при помощи исторических типологий представляет собой процесс обобщения и синтеза, или, другими словами, историческая типологизация является первым уровнем обобщающей абстракции.

Стадиально-формационная атрибуция как высший уровень абстракции

В марксистском обществоведении основным понятием, выражающим наиболее существенные и универсальные принципы целостности социальных организмов, является категория общественно-экономической формации. По определению К. Маркса, общественно-экономическая формация — это «...общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество с своеобразным отличительным характером» [11, с. 442]. Следовательно, общественно-экономическая формация (далее — просто «формация») — это одновременно и исторически определенный тип общества, и стадия (качественно особая ступень) его исторического развития. Именно поэтому категория формации стала высшим обобщающим и систематизирующим понятием в общественных науках, а стадиально-формационная атрибуция, или процесс соотнесения конкретных социальных организмов с определенными стадиями формационного развития, есть не что иное, как высший уровень обобщающей абстракции.

Генеральная схема формационного развития человеческого общества из пяти основных таксономических единиц представляет собой историческую типологию высшего уровня, в которой каждый таксон, как и в любой типологии, является научной абстракцией, идеальной моделью. Следовательно, формация, как и всякий тип, — это некий инвариант, который в конкретике может существовать только в виде вариантов, выражающих специфику типа («общее существует лишь в отдельном, через отдельное» [20, с. 318]). Поэтому практически не бывает социальных организмов, которые бы абсолютно по всем параметрам соответствовали идеальной модели формации. «Разве феодализм когда-либо соответствовал своему понятию? — спрашивал Ф. Энгельс в письме К. Шмидту (12 марта 1895 г.). — Возникший в Западнофранкском королевстве, развитый дальше в Нормандии норвежскими завоевателями, усовершенствованный французскими норманнами в Англии и Южной Италии, он больше всего приблизился к своему понятию в Иерусалимском королевстве, которое оставило после себя в „Иерусалимских

ассизах“ наиболее классическое выражение феодального порядка» [16, с. 356]. В. И. Ленин, не раз подчеркивая ту же мысль, указывал, что «чистого капитализма, переходящего в чистый социализм, нигде в мире нет и быть не может» [21, с. 266].

В связи с этим соотнесение конкретных обществ с определенной общественно-экономической формацией-инвариантом практически всегда вызывает затруднения. Поэтому необходима разработка методологических подходов или принципов стадияльно-формационной атрибуции, учитывающих прежде всего диалектику соотношения общего, особенного и единичного. Историческая типологизация — первый уровень обобщающей абстракции — необходима для перехода от реальной истории конкретных социальных организмов к формационной атрибуции.

Историческая реконструкция как метод познания

Формационно-атрибутивное исследование конкретного общества фактически представляет собой реконструкцию процесса его исторического развития. Для африканиста, занятого определением уровня стадияльного развития доколониальных ЭПО, это означает необходимость обращения к опыту этносоциологических реконструкций первичной формации.

Для историков и этносоциологов первобытного общества методика реконструкций всегда была ключевой проблемой. Однако в теоретических работах разрабатываются, в основном, подходы к процессу реконструкции первобытного общества как социально-экономической формации. Не менее актуальной (и не менее сложной) является и другая грань этносоциологических реконструкций — моделирование первобытного прошлого конкретных ЭСО (как на уровне всей системы, так и на уровне ее основных компонентов), когда перед исследователем стоит задача не поиска общеисторических закономерностей и их соответствия определенным стадиям развития общества, а выявления тех закономерностей, которые свойственны только объекту изучения.

Историческое познание в значительной степени зависит от источниковой базы, определяется характером источников, их информативностью и объективностью. Специфика ситуации с первобытными бесписьменными обществами заключается в том, что основным источником информации об их историческом прошлом, по сути дела, становится сам объект исследования в силу его стадияльной гетерогенности, так как во всяком состоянии любого общественного явления всегда имеются «остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего» [17, с. 181]. Ничто и нигде не зарождается, не развивается и не исчезает сразу во всем своем объеме, поскольку разные ком-

поненты системы «движутся» с разной скоростью [153, с. 73]. Поэтому в структуре каждой этносоциальной системы необходимо содержатся, хотя и в более или менее трансформированном виде, так называемые пережитки (остаточные явления) — элементы предшествующего развития.

В этой особенности развития общественных явлений находит свое объективное обоснование метод пережитков — один из основных способов опосредованного получения информации о прошлом. В этнографической литературе уже давно стало общим местом сетование на несовершенство этого метода. Однако другого способа извлечения информации об объекте исследования из самого объекта пока не существует, и применение метода пережитков не только правомерно, но и единственно возможно.

Слабая разработанность конкретных операциональных процедур метода пережитков действительно не может не вызывать беспокойства. Однако в конечном счете количество и качество информации, получаемой с помощью этого метода, а также достоверность любой реконструкции зависят от исходных теоретических установок и от уровня подготовленности исследователей. Здесь не хотелось бы рассматривать сложную проблему субъекта в научном познании. Что же касается теоретических установок, то они, как правило, выступают в качестве системы отсчета для обоснования вычленения пережиточных явлений² и их интерпретации (т. е. стадийальной атрибуции), соотношения друг с другом во времени и сопоставления с этнографическими аналогами. Как известно, между теорией и конкретным материалом существует сложная диалектическая взаимосвязь: с одной стороны, теория строится на базе материала конкретных обществ; с другой стороны, теория играет системообразующую роль при формировании представлений исследователя об историческом развитии конкретного этносоциального организма, не говоря уже о том, что она обуславливает и видение объекта, и отбор фактов для анализа. Поэтому на первом этапе исследования теория фактически становится своего рода источником для получения нового знания об объекте изучения, способствует воссозданию из фрагментов неизвестного целого (точнее, принципов целостности).

В свете вышесказанного представляется необходимым перенести акцент с операционального (процедурного) аспекта этносоциологических реконструкций на интерпретационный, ибо «первостепенное значение имеет дальнейшее совершенствование, применительно к современным требованиям (выделено мной.— В. П.), методов теоретической интерпретации тех данных, которыми уже располагает наша наука» [263, с. 39]. Но каковы же эти современные требования? Есть ли основания полагать, что у историков и этносоциологов первичной формации имеется некая система приемов или правил, предписывающих определенные формы мыслительной деятельности и «задающих» логику

(или алгоритм) рассуждений при разработке гипотез и при создании теоретических реконструкций? Думается, что есть несколько таких приемов, способных выступать в качестве методологических постулатов, ибо в них выражается накопленный опыт методологического осмысления реальной реконструктивной деятельности. Правда, многие из них применяются, как правило, интуитивно и не стали еще предметом специального рассмотрения. Большинство из них имеет характер явно сформулированных или неявно предполагаемых требований, предписаний и запретов.

Постулаты исторической реконструкции

К наиболее существенным следует прежде всего отнести требование обязательного разграничения структурообразующего принципа и форм его проявления (т. е. конкретных социальных институтов, основанных на этом принципе). Рассмотрим подробнее обоснованность и необходимость этого методологического постулата, который по существу предполагает дифференциацию общего и единичного, содержания и формы, сущности и явления, инварианта и варианта.

«Реконструкция, — отмечает Ю. И. Семенов, — должна прежде всего состоять в выявлении той внутренней сущности, той внутренней объективной необходимости, которая нашла свое проявление в истории всех первобытных социальных организмов, взятых вместе» [305, с. 109]. В связи с этим следует подчеркнуть, что реконструировать, как правило, можно лишь принципы организации общества и тенденции его развития, но не конкретные формы реализации этих принципов и тенденций³. «Мы можем с известной уверенностью реконструировать лишь общие закономерности, определяющие структуру данного древнего общества, лишь тенденции его развития, но далеко не всегда — конкретные формы социальной организации» [125, с. 67].

Казалось бы, это элементарное и хорошо известное правило. Однако эвристический потенциал его используется недостаточно. Для многих исследований все еще характерны неправомерные отождествления принципа и формы, попытки реконструировать сразу именно конкретную форму социального явления, которая широко представлена у других ЭСО. Так, довольно часто отождествляют принцип экзогамии с конкретным институтом, основанным на этом принципе, — родом. Или возрастную стратификацию с возрастными классами. Но наиболее распространенными являются отождествления систем родства (систем родственных отношений) и систем терминов родства. Эти понятия зачастую употребляются в качестве синонимов, хотя они обозначают два совершенно разных явления, соотносимых друг с другом как сущность и форма проявления. По-

этому определения системы родства как совокупности терминов, служащих для обозначения различных отношений родства [171, с. 42], или как системы терминов родства и системы реальных родственных отношений, вместе взятых [313, с. 16], трудно признать корректными. Однако именно такие представления о системах родства доминируют и, естественно, не могут не влиять на результаты конкретного анализа терминологии родства.

К этому же ряду неправомерных отождествлений следует отнести и частое смешение основных таксономических единиц различных типологий и классификаций (типа, класса и т. п.) с конкретными вариантами проявления этих типов, подтипов, классов, что нередко приводит к сведению универсального явления (типа) к локальному варианту. Как правило, это находит свое выражение в обозначении типа этническими, географическими и тому подобными конкретными названиями. Например, у М. В. Крюкова типы систем терминов родства получили этнические наименования: прокезский (австралийский), гавайский, арабский, английский [172, с. 39]. Географическую привязку имеют названия ряда способов производства (азиатский, африканский). Представляется очевидным, что наименования универсальных типов должны отражать те структурообразующие принципы, на основании которых и построена модель каждого типа.

Трудно согласиться и с довольно широко распространенными контаминациями периодов или этапов истории первобытного общества с конкретными явлениями, характерными для этих этапов. Таких, например, как форма власти (матриархат — патриархат), форма рода (материнский — отцовский) или тип общины (праобщина — родовая — первобытная соседская). По сути дела, такие периодизации сводятся к последовательной смене форм, а не принципов, лежащих в основе этих форм, что к тому же неизбежно ведет к абсолютизации одной из этих конкретных форм.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на то, что типология систем терминов родства — одна из немногих в этнографии исторических типологий, которая отражает прежде всего смену принципов. К тому же в области изучения систем терминов родства применяется метод компонентного анализа, позволяющий выявлять как раз структурообразующие принципы (дифференциальные переменные) и рассматривать эволюцию систем терминов родства не только в плане истории терминов, но и как трансформацию дифференциальных переменных.

Практика этносоциологических реконструкций первобытности показывает, что некоторые исследователи порой ориентируются не столько на моделирование структурообразующих принципов, сколько на поиск конкретных социальных институтов, зафиксированных у синполитейных обществ, т. е. занимают экстраполяцией в прошлое конкретных форм, которые

даже в стадильно однопорядковых обществах могут быть различными, что уже подчеркивал и от чего предостерегал В. Р. Кабо [125, с. 67]. Например, складывается впечатление, что некоторые сибиреведы как бы поставили себе цель найти у сибирских аборигенов пережитки материнского рода, дуальной организации, племени и других форм социальной организации⁴ и, естественно, не могли не найти при такой исходной установке, поскольку неизбежно срабатывает хорошо известная психологическая «ловушка» с ожиданием желаемого результата. Так, в свое время у азиатских эскимосов был «обнаружен» патрилинейный род [219, с. 29—34; 317, с. 35—42] и даже пережитки матрилинейного [352, с. 160—172], хотя, как показал непредвзятый анализ фактов, у азиатских эскимосов не реконструируется принцип экзогамии, но в то же время весьма отчетливо прослеживается принцип эндогамии, что позволило соотнести их основную социальную единицу с общинными («клановыми») институтами [364, с. 8—12; 165, с. 20—21]).

Форма, разумеется, также может быть реконструирована, но только в соответствии с общими правилами выводов по аналогии [348], так как образцы конкретных форм могут быть взяты только у синполитейных обществ, которые являются лишь этнографическими аналогами при создании первобытно-исторических моделей [263, с. 34]. В целом реконструкция принципа не только важнее, но и методологически обоснованнее, хотя, конечно же, необходимо разрабатывать критерии достоверности реконструкций конкретных форм реализации структурообразующих принципов. Но в любом случае вопрос о форме реализации может быть поставлен только после того, как реконструирован принцип.

Второй методологический постулат может быть сформулирован как необходимость четкого обоснования критериев появления/исчезновения явлений, причем при этом нужно сначала определить о появлении/исчезновении чего идет речь: принципа или формы, поскольку конкретные механизмы смены принципов и форм существенно различаются. Нуждается в обосновании и критерий определения того, какой процесс — появление или исчезновение — реконструируется. Без этого невозможно отличить разрушившийся социальный институт от несложившегося, что «подчас более важно, хотя и не менее сложно, нежели различение автохтонного и заимствованного» [84, с. 111].

Таким образом, необходимость доказательства того, что исследователь имеет дело именно с исчезновением явления, а не с его появлением (или наоборот), — одно из основных методических требований любой этносоциологической реконструкции. Поэтому вызывает сомнения вывод Ю. И. Семенова о том, что «такой важнейший момент первой социальной формы регулирования отношений между полами, как агамия (экзогамия), в неприкосновенности сохранился у большинства первобытных земледельцев, но полностью исчез у многих низших охотников

и собирателей» [305, с. 123], так как не приводятся доказательства того, что экзогамия именно исчезла у охотников и собирателей, хотя она вполне могла еще не появиться, что к тому же, на наш взгляд, гораздо логичнее. В этой связи уместно отметить, что Ю. И. Семенов сам подчеркивает необходимость выявления объективных критериев для установления того, «какие именно из сосуществующих форм социально-экономических отношений являются более архаичными и какие — новыми» [305, с. 114]. Представляется не лишним напомнить, что именно неразработанность соответствующих критериев привела Л. Г. Моргана к ошибочному выводу о стадийном месте малайского типа систем терминов родства.

Третий методологический постулат предполагает необходимость разграничения корреляционных и причинно-следственных зависимостей с целью избежать отождествления корреляции между социальными явлениями с причинно-следственными связями. Для реконструкций такое различие даже более важно, чем опасность принять следствие за причину (если не иметь в виду такие явные ошибки, как у Ю. И. Семенова, который полагает, что «потребность в преодолении конфликтов внутри охотничьей партии должна была привести к известному разделению труда между ладами» [313, с. 120]).

Корреляция между разными социальными явлениями очень часто рассматривается как доказательство наличия причинно-следственных зависимостей⁵, что отражает приверженность классическому детерминизму, предполагавшему существование только однозначных причинно-следственных связей между явлениями. Поэтому прежде чем заняться выяснением, где причина, а где следствие, следует сначала установить, не находятся ли изучаемые явления в корреляции друг с другом, особенно если речь идет о надстроечных явлениях⁶ (прежде всего идеологических). Важность этого постулата обусловлена тем, что «качественная определенность отдельного по отношению к общему должна быть обусловлена факторами, находящимися за пределами явлений, состоящих в корреляции» [82, с. 125].

Поэтому трудно согласиться с мнением И. С. Кона, что периодизация жизненного цикла зависит от «свойственной каждой культуре символики чисел [150, с. 101], поскольку эти явления, скорее всего, находятся лишь в относительной корреляции друг с другом. Требуется осторожной оценки и попытка Н. А. Бутинова возвести лингвистические категории грамматического рода и именных классов к половозрастной организации [65, с. 65—66].

Нельзя также не отметить, что распространенное представление о том, что производственные отношения на ранних этапах развития человеческого общества совпадают с родственными, не соответствует действительности, так как эти явления могут находиться только в относительной корреляции друг с другом. Тут же следует подчеркнуть, что широко распространенный

взгляд на системы терминов родства (и даже на системы родства) как на зеркальное отражение конкретных социальных группировок и брачных норм обусловлен убеждением, что родственные отношения являются порождением этих группировок и норм, т. е. прямым следствием. Однако, как образно сформулировал А. Л. Крёбер, «взаимоотношения систем терминов родства и социальных институтов аналогичны взаимоотношениям одежды и человеческого тела: было бы неверным утверждение, что тело определяет одежду или одежда отражает тело; иногда да, иногда нет» [550, с. 339]. Другими словами, нет жесткой причинно-следственной связи систем терминов родства с формами социальной организации. Они находятся лишь в относительной корреляции друг с другом. Поэтому не существует и полного изоморфизма между ними. Следовательно, из систем терминов родства можно извлечь информацию только об общих принципах организации общества, но не конкретные формы реализации этих принципов, и это обстоятельство должно обязательно учитываться при использовании систем терминов родства в качестве источника информации для этносоциологических реконструкций.

Еще одним методологическим постулатом является требование использовать в качестве этнографических аналогов только такие ЭСО, которые стоят на возможно более близкой стадии развития [125, с. 64]. Этого принципа стадийной равноценности сопоставляемых обществ придерживается подавляющее большинство советских историков и этносоциологов первобытности, поэтому на таком фоне слишком иногда выделяются построения Ю. И. Семенова⁷, у которого даже английские матросы с корабля «Баунти» могут выступать в качестве этнографических аналогов при реконструкции общества архантропов [313, с. 71].

При выборе этнографических аналогов следует также учитывать качественное различие апополитейных и синполитейных первобытных обществ, впервые обоснованное А. И. Першицем [251, с. 5].

Пятый методологический постулат представляет собой требование обязательного разграничения процессов функционирования и развития, но с учетом перехода механизмов функционирования в процесс развития и наоборот.

Завершая данный раздел, следует подчеркнуть, что аксиоматика теории этносоциологических реконструкций не ограничивается только отмеченными здесь постулатами. Можно еще указать на необходимость строгого отделения главного от второстепенного, установленного от гипотетического, необходимого от случайного, употребления только адекватных содержанию изучаемых явлений научных категорий, а также на недопустимость несистемных обобщений и т. д. Однако автор не ставил и не мог ставить своей задачей дать исчерпывающий список нормативных компонентов создающейся теории первобытно-ис-

торических реконструкций. Охарактеризованы только те, которые представляются наиболее существенными и от последовательного и осознанного применения которых на практике в значительной степени зависит степень достоверности этносоциологических реконструкций первичной формации. Прежде всего потому, что они представляют собой своего рода методологические ориентиры, позволяющие очертить границы познавательных возможностей или разграничить области достоверного и невозможного, т. е. с большей долей вероятности определять, что может быть реконструировано, а что не может, что в принципе могло существовать на данном этапе развития общества, а что нет. Причем знание того, чего быть не могло, порой оказывается гораздо более важным и полезным для исследователя, чем предположения о том, что быть могло.

Глава 2

ФОРМАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ

Теория формаций как методологическая основа познания закономерностей общественного развития была создана основоположниками марксизма. Среди обществоведов существует весьма устойчивое мнение, что классики марксизма разработали все детали и аспекты формационной теории. Между тем она была ими сформулирована лишь в самом общем виде. При чтении специальной литературы обнаруживается, что очень многие понятия и категории, отдельные положения и даже целые разделы понимаются и трактуются авторами по-разному. Накопилось множество нерешенных проблем и дискуссионных вопросов, что уже сказывается на исследовательской практике. Особенно отражается на развитии конкретных наук нерешенность взаимосвязей теории формаций и политической экономии, отсутствие единых точек зрения на определения, структуру, характер взаимоотношений и смены отдельных формаций. Обобщающие работы, энциклопедические справочники и многочисленные учебники только усиливают существующий разрыв и зачастую просто дезориентируют неспециалиста.

Современное состояние теории формаций (подробнее см. [55; 110; 116; 207; 208; 224; 239; 330]) приводит к необходимости изложения (в предельно сжатой форме) собственного видения основных ее компонентов, а также определений некоторых формационных понятий и категорий, которые будут активно применяться в дальнейшем исследовании.

Общие основания формационной теории⁸

Общественно-экономическая формация — сложная система экономических, социальных, политических, идеологических, семейно-бытовых и других явлений и процессов, в основе кото-

рых лежит исторически определенный способ производства материальных благ. Другими словами, формация — это исторически определенный тип общества, основывающийся на конкретном способе добывания средств существования (ср. [39, с. 257; 113, с. 40]).

Способ производства (СП)⁹ чаще всего трактуется как единство производительных сил (ПС) и соответствующих им производственных отношений (ПО), т. е. характеризует технологические и социальные условия производства. Специфика ПО зависит от уровня развития ПС согласно закону соответствия ПО и ПС. Поэтому развитие общества в конечном счете определяется движением ПС и изменением соответствующих ПО.

ПС представляют собой систему вещественных и субъективных компонентов, т. е. средств производства и людей, приводящих их в действие в процессе труда. Средства производства, в свою очередь, состоят из средств (орудий) труда и предметов труда.

Специфика конкретного СП выражается в определенном уровне и в конкретной ступени развития ПС, причем категория «ступень» характеризует качественную специфику ПС, а понятие «уровень» — количественную [114, с. 90]. Показателями ступени развития ПС являются характер разделения труда¹⁰ и исторический тип техники и технологии производства, а уровня развития ПС — производительность труда, в которой отражается продуктивность ПС¹¹.

В качестве социальной формы развития ПС (или процесса производства) выступают ПО. Они складываются в процессах производства, распределения, обмена (перераспределения) и потребления материальных благ. Эти четыре процесса часто называют основными составляющими СП, но при ведущей роли процесса производства. В то же время эти четыре взаимосвязанных процесса обусловлены отношениями собственности (как сущности, или принципа), причем суть всех ПО раскрывается в процессе производства, так как при этом функционирует самая важная и все определяющая часть собственности — собственность на средства производства (отсюда и общее название всех этих отношений производственными, поскольку они — основные).

Таким образом, в основе ПО лежит форма (экономический тип) собственности (общественная или частная) на средства производства. Конкретный тип ПО определяется способом соединения работников со средствами производства.

Далее, отношения собственности определяют общественный строй и прежде всего классовую структуру, т. е. положение и взаимоотношения различных социальных групп в процессе производства, распределения, обмена и потребления. Эта же система отношений обуславливает способы эксплуатации и присвоения прибавочного продукта.

Совокупность господствующих ПО составляет экономический

строй, или базис, данного общества, т. е. материальную основу его существования, и определяет все прочие общественные отношения. Иными словами, определенной степени развития ПС соответствует конкретный экономический базис.

Таким образом, СП — главный интегративный элемент формации. Его основными системообразующими признаками являются: 1) степень и уровень развития ПС; 2) экономический тип собственности на средства производства; 3) способы эксплуатации и присвоения прибавочного продукта (присущ только антагонистическим СП).

Важной характеристикой формации является также ее основная экономический закон, или соотношение цели СП и средств ее достижения [231, с. 6], от чего зависит специфика господствующего (или предельного) производственного отношения.

Определенному экономическому строю (базису) соответствует определенная политическая и правовая организация общества — надстройка, в которую включают также и общественное сознание, идеологию (мировоззрение), этику, эстетику и т. д.

Надстройка играет достаточно активную роль в структуре формации и обладает относительной самостоятельностью, что позволяет ей, в свою очередь, воздействовать на экономический базис. Другими словами, взаимодействие ПС и ПО испытывает на себе обратное воздействие надстройки, причем на более поздних формационных стадиях это воздействие возрастает.

Таким образом, в сущностном плане формация представляет собой единство базисных и надстроечных отношений. Правда, не совсем ясно, к базису или надстройке следует относить общественный строй, включающий также определенные формы быта, семьи, родственных отношений и образа жизни. По этому вопросу имеется множество взаимоисключающих суждений. (Наряду с этим активно обсуждаются и проблемы неполной расчлененности базиса и надстройки, особенно в докапиталистических формациях.) Не вдаваясь в существо противоположных трактовок, выделим общественный строй в виде промежуточного компонента. Следовательно, основными системообразующими компонентами формации являются экономический базис (способ производства), общественный строй и надстройка.

Обобщение истории развития человечества позволило выделить пять основных формаций (так называемая пятичленка), последовательно и закономерно сменяющих друг друга: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая. Пятистадийное членение всемирно-исторического процесса принимается в целом большинством исследователей-марксистов. Наиболее серьезный спорный момент — азиатский способ производства и соответствующая ему шестая формация, а также связанный с этой проблемой вопрос

о правомерности выделения рабовладения в качестве отдельной формации.

Существует также укрупненная периодизация формационного развития, в которой выделяется всего три таксона-макроформации (или чаще просто формации): первичная (первобытная), вторичная (частнособственническая) и высшая (коммунистическая), различающихся между собой прежде всего характером общественных отношений [5, с. 413—419]. Макроформационный подход в последние годы стал весьма популярным, поскольку позволяет обойти многие нерешенные вопросы формационной теории; он также применяется в целях типологии переходности развивающихся стран (см., например, [294]).

«Пятичленка» построена по принципу прогрессивной последовательности в плане общеисторического развития (общесоциологической закон прогрессивной смены формаций)¹². Но все формации может пройти только человеческое общество в целом: «Последовательное прохождение всех пяти общественно-экономических формаций — удел всемирной истории, история же отдельных стран и народов не предопределена ни в отношении обязательного прохождения всех классово-антагонистических стадий, ни в отношении последовательности их смены» [110, с. 73].

Тем не менее критики и даже некоторые защитники «пятичленки» приписывают ей универсальный характер, понимаемый как обязательность прохождения абсолютно всех формаций абсолютно всеми конкретными обществами. Однако «нельзя вдаваться в своего рода социологический экстремизм, когда всем народам предписывается неизбежность прохождения всех стадий начиная с рабства» [349, с. 186], следует исходить из диалектического взаимодействия принципа и формы. Как уже отмечалось, формационная схема — это историческая типология, отражающая закономерную последовательность смены формаций, т. е. лишь генеральная линия истории, формы реализации которой связаны с различием конкретных условий и с асинхронностью темпов исторического развития.

Отдельные регионы и конкретные социальные организмы в разное время проходят одни и те же формационные ступени, и эта асинхронность общественного развития приводит к сосуществованию различных формаций. Это, в свою очередь, ведет к неизбежному формационному взаимодействию, которое порождает многообразие конкретных форм, обусловленных спецификой воздействующей исторической среды, причем среда может оказывать как стимулирующее, так и тормозящее воздействие на темпы и специфику развития конкретных социальных организмов [103, с. 39—40].

В связи с этим фундаментальным законом неравномерности формационного развития нельзя не отметить еще одно весьма принципиальное обобщение. «Исторический процесс в целом направляется народами, вышедшими на передний край обще-

ственного развития» [151, с. 201], ибо передовые общества своей эпохи заставляют остальных «равняться» на себя и подтягиваться [151, с. 201—202], что ускоряет процесс формационного развития, позволяя во многих случаях переходить на более высокую ступень развития, минуя (или пропуская) те формационные стадии, которые человечество в целом уже прошло. Формулировки о миновании формаций стали уже общим местом, однако процессы «равнения» и «подтягивания» отставших социальных организмов к уровню передовых не совсем корректно называть минованием или пропуском формаций [110, с. 74]. Ведь когда человечество в целом прошло те или иные стадии, для отставших социальных организмов нет не только необходимости проходить эти же формации, но и реальной возможности это сделать (подробнее см. [315, с. 89]). Как показывает ход истории, абсолютное большинство народов не прошло в своем развитии все формационные ступени исторического процесса.

Смена одной формации другой требует особого переходного периода. Для переходного состояния социального организма характерно наличие различных общественно-экономических укладов, каждый из которых (в отличие от полностью утвердившейся системы) не охватывает всей экономики и быта в целом. Уклады могут представлять собой как остатки изжившей, так и зародыши новой формации, причем, как правило, это не деформированные пережитки прошлого или всего лишь зачатки будущего, а реальные отношения компромиссно и/или противоречиво сосуществующие друг с другом.

Многие исследователи различают формационные (системные) и неформационные (несистемные) уклады [110, с. 26—27; 224, с. 127; 192, с. 138]. Первые представляют собой господствующие (ведущие, системообразующие) СП, вторые — негосподствующие. Как правило, только один из укладов является носителем формационного (так называемого предельного [41, с. 255]) отношения и составляет системообразующий базис этого общества на данном этапе развития. Если же ни один из укладов не является системным, то это переходное общество.

Следует подчеркнуть один весьма существенный момент — многоукладным может быть только отдельное общество, страна или эпоха, но не формация в силу ее абстрактности и инвариантности. В связи с этим довольно распространенные гипотезы о так называемых смешанных, или переходных, формациях, когда переходные периоды возводятся в ранг отдельных формаций (типа протофеодальной формации у А. И. Неусыхина), не выдерживают серьезной критики (подробнее см. [224, с. 127]). Вызывают сомнения и предложения о необходимости выделения неких межформационных периодов [60, с. 50].

Возможны два основных пути становления формации: непосредственный (спонтанный) и опосредованный (стимулированный, вторичный). Первый является результатом саморазвития

при отсутствии или минимальном внешнем воздействии («чистая» форма смены формаций); второй путь — синтетический — на основе взаимодействия с внешней, более развитой в формационном отношении средой. Причем второй путь может осуществляться в двух вариантах: либо насильственно (в форме завоевания), либо добровольно (подробнее см. [105, с. 112—113; 104, с. 18—19; 97, с. 190]).

Собственно формационное (внутриформационное) развитие обычно разделяют на три стадии: раннюю (стадию генезиса и становления, или эпоху социальной революции), зрелую и позднюю (стадию перзрелости, или отмирания). Последняя еще определяется как стадия умирания перзрелой, становящейся традиционной, формации и зарождения внутри нее элементов (уклада) новой формации [319, с. 55].

Указанное внутриформационное деление процесса развития общества и будет в дальнейшем обозначаться как стадияльно-формационное.

Модели феодализма

Феодализм как понятие широко применяется в общественных науках с начала XVIII в. Однако буржуазные ученые сущность феодализма усматривают исключительно в специфике его политической системы и юридических норм. Главными чертами феодализма до конца XIX в. считались политическая раздробленность и феодальная иерархия (вассалитет). Ш. Монтескье в перечень признаков включал еще систему феонов, а Ф. Гизо — условный характер земельной собственности и ее соединение с верховной властью. В конце XIX в. в центре внимания медиевистов оказались вопросы, связанные с крупной вотчиной как основной хозяйственной единицей феодализма, основанной на барщинном труде крепостных крестьян (работы Фюстель де Куланжа, К. Лампрехта, К. Бюхера, Т. Роджерса, М. М. Ковалевского, Д. М. Петрушевского, П. Г. Виноградова и др.). Однако самым главным признаком феодализма по-прежнему называлась политическая раздробленность [95; 490; 510; 529].

М. Блок преодолел чисто политическое понимание феодализма, но и он видел суть феодального строя в системе личностных связей всеобщей зависимости и покровительства [51]. Этот аспект его концепции в последние годы разрабатывается в трудах А. Я. Гуревича [93; 94]. Для современной буржуазной медиевистики в целом характерно все то же представление о решающей роли политической и правовой структуры и недооценка экономических основ феодального строя.

Системное рассмотрение феодального строя и подход к нему как социально-экономической формации были намечены К. Марксом [8, гл. 47] и В. И. Лениным [18, гл. 3]. Но единой кон-

цепции феодализма в рамках марксистского обществоведения пока не создано. Имеются серьезные разногласия в понимании многих существенных сторон феодализма как формации и СП. Нет и общепризнанного определения феодализма.

В настоящей работе принимается следующее толкование феодальной формации (ФФ) в формулировке Р. М. Нурсева: «Феодализм — классово-антагонистическая формация, основанная на условной частной (феодальной) форме собственности на землю и эксплуатации лично и поземельно зависимых от господствующего класса (феодалов) непосредственных производителей» [236, с. 270].

Основным экономическим законом ФФ является производство прибавочного продукта в форме феодальной ренты путем внеэкономического принуждения к труду лично-и поземельно-зависимых от феодала крестьян. Известны три вида (формы) феодальной ренты: отработочная (барщина), продуктовая (натуральный оброк) и денежная (денежный оброк). Эксплуатация феодально-зависимых крестьян осуществлялась в рамках вотчины — основной хозяйственной единицы феодализма. Основу вотчины, как правило, составляла крестьянская, или соседская община. Основными формами феодального производства были оброчное (вся земля находилась во владении крестьян) и барщинное (земля делилась на господскую, или домен, и крестьянскую) хозяйства [236, с. 271—273].

Существенная особенность ФСП состоит в его натуральном характере и крайне низком, рутинном состоянии техники. Более конкретных и точных определений в литературе нет (только призывы к этому). Решающим компонентом ПС феодализма считаются работники. Продуктивность ПС практически не изучалась, но общим местом является подчеркивание более высокой производительности труда зависимого крестьянина по сравнению с античным рабом. Прибавочного продукта было вполне достаточно для удовлетворения потребностей эксплуататоров, но не хватало для обеспечения расширенного воспроизводства.

Основой ПО (предельным отношением ФСП) является монопольная собственность феодалов на главное средство производства — землю. Крестьяне — собственники орудий и условий труда и имеют свое частное хозяйство, основанное на личном труде; землей они только владеют и пользуются, но не распоряжаются, а отдают за нее ренту [236, с. 271—273; 246, с. 218]. Собственность феодала на землю дает ему экономически обоснованные права на взимание ренты. Именно в этом заключается экономическая специфика феодального типа собственности на средства производства.

Экономическое могущество феодала — в количестве эксплуатируемых им крестьян, как правило прикрепленных к земле. Специфика феодальных способов эксплуатации заключается в том, что феодал присваивает только прибавочный продукт, а весь необходимый продукт оставляет производителю, в силу

чего изменяется (по сравнению с рабовладением) характер воспроизводства работников, ибо они воспроизводятся естественным путем.

Кроме того, для ФФ характерно внеэкономическое принуждение работника к труду или выплате ренты, так как у крестьянина или ремесленника есть материальная заинтересованность в своем труде и нет необходимости прямого насилия над его личностью. В связи с этим существует довольно распространенное представление, что именно внеэкономическое принуждение, а не собственность феодалов на землю составляет основу ФФ. Однако, как представляется, такая абсолютизация неправомерна, ибо ФСП основан на сочетании крупной земельной собственности феодалов и мелкого индивидуального хозяйства непосредственных производителей, эксплуатируемых с помощью внеэкономического принуждения.

Социальная структура ФФ характеризуется разделением общества на антагонистические классы, причем выделяются основные классы (феодалы и крестьяне) и неосновные: класс мелких товаропроизводителей, связанных с мелкотоварным укладом (ремесленники), и торгово-ростовщический класс.

Феодалным СП были обусловлены рост городов как средоточия ремесла и товарного обмена, а также главные черты социальной структуры (сословность, иерархичность, корпоративность), политической надстройки (публичная власть как атрибут земельной собственности), идеологии (господство религиозного мировоззрения), социально-психологического склада индивидов (традиционность мировосприятия и общинное сознание) [42, с. 284].

Особенностью господствующего класса феодалов является вассально-ленная иерархическая структура, на базе которой создавалось феодальное ополчение (позднее — рыцарские дружины) как главная форма военной организации.

Таким образом, в формулу ФФ могут быть включены следующие системообразующие принципы.

1. *Базисные*: феодальный тип собственности на средства производства; феодальная земельная рента; феодально-антагонистическая классовая структура.

2. *Надстроечные*: государственность (преимущественно монархическая); кодифицированное право; религиозная идеология (в форме монотеизма); феодальный тип общественного сознания.

Описанная модель ФФ — это так называемый классический феодализм, представление о котором сформировалось на базе изучения западноевропейского средневековья, причем в основе этой модели — специфика феодализма Франции, точнее, Ильде-Франса, т. е. в качестве идеального образца принята конкретно-историческая форма. Другими словами, перед нами типичный случай отождествления принципа и формы его реализации. Но с этой реальностью приходится считаться. Посколь-

ку в медиевистике уже произошло создание формационного эталона не в виде теоретической модели, а в форме классического (или типичного) образца, то, чтобы снять эту методологическую некорректность, необходимо создать аналогичные модели для региональных разновидностей (типов) ФФ, которая отличается особенно большим многообразием конкретных форм (подробнее см. [96; 228; 347]). И действительно, существует еще формационная модель восточного феодализма как наиболее контрастной формы по сравнению с европейским эталоном. В связи с этим некоторые исследователи даже выделяют два феодальных региона — Западноевропейский и Восточный, для которых характерны соответственно частновотчинная и государственная (преимущественно) формы феодальной собственности [44, с. 58]. Вместе с тем существует весьма упрощенная точка зрения, что Восток — это всего навсего несколько задержавшийся в развитии (по направлению к капитализму) Запад [248].

Понятие восточного феодализма (или феодализма на Востоке) весьма дискуссионно, о чем речь пойдет ниже. Специфика же модели восточного (государственного) феодализма заключается в следующих основных признаках [42, с. 287; 227, с. 129; 30, с. 88—90].

1. *Базисные*: государственно-феодальный тип собственности на средства производства (или верховная собственность государства на основное средство производства — землю); государственное распределение ренты-налога и отсутствие барщины; несистемность внеэкономического принуждения (эксплуатация в форме «аренды» помещичьей земли); незакрепощенность крестьянства; неразвитость феодальной иерархии и сословности (открытость господствующего класса).

2. *Надстроечные*: государственность в форме относительно централизованных теократических монархий; гипертрофированная власть государства, высшая степень централизации власти.

Для наших целей необходимо рассмотреть особенности ранней стадии ФФ. И здесь следует отметить весьма существенное обстоятельство: модель раннего феодализма, построенная, например, Н. Ф. Колесницким на материале Западной Европы и Скандинавии [149; 148], очень близка по своим основным параметрам к модели восточного феодализма, ибо специфика раннего феодализма состоит в государственном подтипе феодального типа собственности на средства производства и в преимущественно государственной форме эксплуатации непосредственных производителей, т. е. в раннем феодализме еще не сформировалась личная и поземельная зависимость крестьян, поскольку еще нет монопольной собственности феодалов на землю. Поэтому и рента в таком обществе основывается не столько на собственности, сколько на власти [110, с. 93]. Кроме того, в условиях слабого развития частновладельческого хозяйства преобладают хозяйства лично свободных крестьян.

Развитие ремесла приводило к формированию различных форм кастовой системы (в отличие от ремесленных цехов развитой стадии ФФ).

В то же время более распространенная точка зрения на раннюю стадию ФФ трактует ее как складывающееся, формирующееся феодальное общество с незавершенной классовой структурой, нечеткой феодальной иерархией и раннегосударственной политической надстройкой. Более детализированных формулировок никто не приводит.

Модели рабовладения

При рассмотрении комплекса проблем, связанных с рабовладельческой формацией, необходимо прежде всего разграничивать два фундаментальных понятия — «рабство» и «рабовладельческая формация», которые часто неоправданно отождествляются [516, с. 16—17; 529, с. 109]. Под рабством понимается форма зависимости, при которой непосредственные производители (рабы) лишены средств производства и являются собственностью хозяина. Различаются две основные формы рабства [246, с. 174; 155; 259, с. 159]:

1. Домашнее, или патриархальное, при котором рабы рассматриваются лишь как подсобная сила, выполняющая наиболее тяжелые и непрестижные домашние работы, причем рабы и рабовладельцы совместно участвуют в трудовом процессе.

2. Производственное, при котором рабы занимают ведущее или сравнительно заметное место в общественном производстве.

Рабовладельческая формация (РФ) базируется на производственном рабстве. Это классово-антагонистическая формация, основанная на частной (рабовладельческой) собственности на средства производства и эксплуатации рабов рабовладельцами, когда объектом присвоения становится сам непосредственный производитель (ср. [234, с. 415]).

Основной экономический закон РФ может быть сформулирован как производство прибавочного продукта в форме рабовладельческой ренты-налога путем внеэкономического принуждения к труду рабов, являющихся полной собственностью рабовладельцев. Поэтому внеэкономическое принуждение носит характер абсолютного подавления или прямого насилия.

Таким образом, рабовладение как СП — это отчуждение раба от орудий производства и превращение его самого в орудие извлечения прибавочного продукта [151, с. 200; 110, с. 143—144], в собственность индивидуального или коллективного (общины, храма, государства) владельца. В этом и заключается предельное отношение РСП¹³.

К дополнительным (неуниверсальным) признакам рабства относятся: степень бесправия раба (юридический статус), профессия и занятие, бытовое положение (наличие или отсутствие

семьи, ее права или их отсутствие), такие внешние признаки рабского состояния, как особая одежда, ошейник, клеймо и т. д. [154].

Выделяются три основных вида рабства: полонянничество (рабство военнопленных), кабальное (долговое) и карательное (обращение в рабство за преступления).

Домашнее рабство — это, как правило, полонянничество; производственное включает все виды. Превращение должников в рабов-кабальников — типичная тенденция развития РФ, т. е. тенденция при любой возможности переходить к рабскому труду, что оправдывает обозначение такого общества как рабовладельческого [101, с. 48].

Существенная особенность РСП состоит в его натуральном характере и низком состоянии техники. Впрочем, уровень развития техники при РСП примерно такой же как и при ФФ и поздней первобытности. Но продуктивность ПС растет не за счет развития техники, а в силу увеличения числа работников, а также возрастания продолжительности их рабочего дня и увеличения числа рабочих дней [309, с. 31—32]. Это приводит к росту населения за счет рабов-иноплеменников. Отсюда — жизненная необходимость для рабовладельческого общества иметь более или менее систематическое взаимодействие с первобытной периферией, откуда черпаются ресурсы рабочей силы. Так, в Афинах эпохи расцвета на 200 тыс. свободного населения приходилось около 100 тыс. рабов (из них примерно 70 тыс. взрослых мужчин) [99, с. 29—58]. По мнению ряда зарубежных ученых, рабы составляли от 25 до 43% всего населения Аттики (см. обзор в [164]). Такого рода прогресс ПС мог происходить в ограниченном числе социальных организмов, в связи с чем существует точка зрения на античное общество как на тупиковое ответвление от магистрального пути истории и неуниверсальности РФ [372].

Принципиальной особенностью рабовладельческой эксплуатации является присвоение эксплуататором не только прибавочного, но и значительной части (а иногда и всего) необходимого продукта, т. е. сверхэксплуатация (при феодализме это привело бы к разрушению экономической системы).

РСП обуславливает главные черты социальной структуры РФ — разделение общества на антагонистические классы рабов и рабовладельцев, а также неосновные классы мелких товаропроизводителей и торгово-ростовщический, политической надстройки (государство в монархической и республиканской — аристократической или демократической — формах), идеологии (религиозное мировоззрение преимущественно в политеистических формах с начатками натурфилософии), а также появление признаков цивилизованного общества: письменности, литературы, искусства, науки.

Таким образом, в формулу РФ могут быть включены следующие системообразующие принципы:

1. *Базисные*: рабовладельческий тип собственности на средства производства; рабовладельческая рента-налог; рабовладельческая антагонистическая классовая структура.

2. *Надстроечные*: государственность (в формах монархии или республики); право как совокупность законодательно оформленных юридических норм; религиозная идеология в форме политеизма; цивилизованность.

Описанная модель РФ — это классический образец, соответствующий античному рабству, т. е. и здесь сложилась ситуация, аналогичная описанной выше с феодализмом. И так же как в ФФ, выделяется восточный тип, который тоже стоит несколько ниже по уровню развития. Основное отличие заключается в меньшей степени юридического закрепления экспроприации личности раба [234, с. 416].

Термин «раннее рабовладение» впервые упоминается во «Всемирной истории» [77]. Знаковая модель раннего рабовладения предложена М. А. Коростовцевым: $\Sigma = P^n + (X_1 + X_2 + X_3) \rightarrow P^n$ (Σ — совокупность непосредственных производителей; P — полные рабы; $X_1 + X_2 + X_3 \dots$ — непосредственные производители разных зависимых групп, т. е. представители разных зависимых категорий населения и даже свободные ничем не ограждены от возможности порабощения. Другими словами, все непосредственные производители находятся в состоянии латентного, потенциального порабощения) [153, с. 72—73].

Специфика первичной формации

Стремительное возрастание объема новых данных привело к необходимости их обобщения и пересмотра многих устоявшихся представлений о первобытном обществе. Однако пока этот процесс находится на начальных этапах. Обновление теории отстает от накопления эмпирического материала, а такие важные разделы, как политэкономия (в терминах А. М. Румянцева) или теория первобытной экономики (в терминах Ю. И. Семенова), фактически не разработаны вовсе, намечены лишь общие контуры и робкие подходы. В связи с этим существуют весьма различные точки зрения на специфику первичной формации (ПФ), хотя и есть относительно общепринятые суждения и обобщения. Прежде всего они касаются довольно принципиальных различий между первичной и вторичной макроформациями.

Если в качестве самых главных признаков вторичной формации (ВФ) признать частнособственнический характер базиса и антагонистическую социально-классовую структуру, тогда в силу противопоставительного подхода к определению специфики ПФ ее признаками будут отсутствие частной собственности, классового антагонизма и эксплуатации в качестве принципиальной основы системы экономических отношений. Отсут-

стве этих признаков в конечном счете обусловлено невозможностью производства стабильного прибавочного продукта.

В то же время именно отсутствие регулярного прибавочного (или, точнее, избыточного) продукта обуславливает коллективный характер производства, распределения и потребления, равенство членов одного социального организма. И марксистская концепция первобытности есть фактически теория первобытного коллективизма, вызванного крайне низким уровнем развития ПС.

Основной экономический закон ПСП, учитывая формулировки К. Власова [76, с. 69], А. М. Румянцева [298, с. 134], Л. В. Даниловой [208, с. 336], Ю. И. Семенова [310, с. 56—67] и К. В. Островитянова [246, с. 155—158], может быть сформулирован следующим образом: производство жизнеобеспечивающего продукта для непосредственного удовлетворения потребностей (или непосредственного обеспечения обобщенной жизненной потребности) при помощи примитивных орудий на основе первобытнообщинной собственности и коллективного труда в рамках простой кооперации и половозрастного разделения труда, при уравнительном (равнообеспечивающем) распределении, учитывающем физиологические потребности индивидов и обеспечивающем выживание коллектива.

Непреложным условием первобытного производства и ПО является принадлежность индивида к определенному коллективу — естественно возникшей общности людей, каковой прежде всего является община. Первобытнообщинный строй — это фактически система общин, связанных между собой через роды, фратрии, племена, через пересекающие их возрастные группирования, брачные классы и тому подобные социальные институты [102, с. 37; 208, с. 337—338] и систему родственных отношений.

ПО первичного СП имеют в своей основе общественную собственность на средства производства, что является следствием коллективного труда. Для ПСП характерно и непосредственное соединение работника со средствами производства.

Таким образом, для развитого первобытного общества (на производящей стадии) характерны следующие системообразующие принципы.

1. *Базисные*: первобытнообщинный тип собственности на средства производства; уравнительное (равнообеспечивающее) распределение; дарообмен; половозрастное разделение труда и общественных функций; бесклассовая социальная структура.

2. *Надстроечные*: социальное родство как основа первичной социальности; естественный характер социальных институтов; обычай как регулятор социальных отношений; первобытные верования (анимизм, тотемизм, культ предков); нерасчлененность индивидуального и группового сознания; упрощенность и стилизация в изобразительном искусстве; пиктография и ее эквиваленты.

Позднепервобытное общество, или период разложения, представляет собой переходный период к ВФ. На этой стадии идет становление частной собственности, классов и государства. К основным его признакам относятся следующие.

1. *Базисные*: первобытнообщинный тип собственности на средства производства; трудовое распределение (взаимопомощь, обмен деятельностью, товарообмен); престижная экономика; данничество; социальное расслоение на свободных и зависимых;

2. *Надстроечные*: вождества, союзы вождеств; обычное право, мононорматика; полидемонизм, культ вождей и племенных покровителей; мифологическое сознание; предписываемость (идеографическое или логографическое письмо); начало разделения умственного и физического труда.

Понятие о первобытности как о формации и СП существует только в марксистской науке. В то же время ряд зарубежных исследователей, считающих себя марксистами, конструируют вместо ПФ и ПСП такие способы производства, как лириджный, семейный, супружеский, родственник, деревенско-племенной, домашний и т. п. Методологически такие построения неоправданны и не выдерживают серьезной критики (см., например, [303]).

Проблема азиатского способа производства

Охарактеризовав основные докапиталистические формации, нельзя не затронуть проблему перехода от ПФ к ВФ, которая в XX в. обсуждалась в основном в рамках дискуссий об азиатском способе производства.

Понятие «азиатский способ производства», как известно, впервые ввел К. Маркс, ему же принадлежит и характеристика этого СП в переписке с Ф. Энгельсом в 1853 г. [12, с. 214—215, 226—230] и в работах 1850-х годов [3, с. 130—136; 9]. К. Маркс пришел к выводу, что «...азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [4, с. 7]. Некоторые черты азиатского способа производства (АзСП) рассмотрены в «Капитале» К. Маркса [7; 8], а также в одной из основных работ Ф. Энгельса [13].

Но в работах К. Маркса и Ф. Энгельса 1870—1880-х годов АзСП уже не упоминается. В итоговой работе по проблемам докапиталистических формаций [14], написанной на базе новейших данных, понятие АзСП отсутствует. Многие исследователи связывают это с появлением трудов Л. Г. Моргана, открывшего более древнее общество, чем азиатское [224, с. 139, 144; 110, с. 8—9; 75, с. 80—81]. Поэтому возникла вполне обоснованная точка зрения, что К. Маркс и Ф. Энгельс пересмотрели

свои взгляды, обусловленные состоянием науки и уровнем знаний о Востоке первой половины XIX в., и отказались от гипотезы об АзСП. Однако сторонники этой гипотезы оспаривают данный вывод, требуя представить документальное подтверждение такого отказа¹⁴. Так что изменение взглядов основоположников марксизма на АзСП остается спорным (подробнее см. [232, с. 19; 227]). К тому же появилась весьма аргументированная точка зрения, согласно которой исчезновение понятия АзСП «объясняется не вынужденной ревизией взглядов К. Маркса, которые нашли свое воплощение в этом понятии, но, напротив, тем обстоятельством, что они были подтверждены в масштабе человеческой истории. Точнее, это понятие не исчезло, а было заменено другими, более точными дефинициями, непосредственно выражающими само социальное содержание данной категории» [357, с. 72].

В марксистской литературе конца XIX — начала XX в. гипотеза об АзСП не получила своего развития. В трудах В. И. Ленина категория АзСП употребляется только в конспектах марксовской теории формаций; специально В. И. Ленин эту проблему не рассматривал.

Начиная с середины 20-х годов XX в. АзСП стал темой многочисленных дискуссий, главная причина которых — в недостаточной разработанности теории докапиталистических формаций, особенно ее политэкономических аспектов. Поводом для первой дискуссии 1925—1931 гг. послужил вопрос о движущих силах и перспективах национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах. Итогом дискуссии стала оценка раннеклассовых обществ как раннерабовладельческих, а в отдельных случаях, когда происходил перескок рабовладельческой формации, — как раннефеодальных. Во многих современных работах, особенно имеющих характер официальных, фигурируют те же оценки, а АзСП интерпретируется как локальный (восточный) вариант других формаций и ставится задача выявления специфики РФ и ФФ в странах Востока [105; 106; 134; 224].

Вторая дискуссия об АзСП началась в середине 50-х годов (в СССР — с 1965 г. после публикации тезисов М. Годелье, Ж. Сюрэ-Канала и В. В. Струве [89; 327; 329]). Ее участники, с одной стороны, не ограничивались определением специфики формационного развития отдельных обществ Азии и рассматривали материалы по доколумбовой Америке, доколониальной Африке и Океании, а также более глубоко подошли к теории и методологии формационного развития человечества. С другой стороны, велось более тщательное изучение рукописного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса. Правда, часто это делалось лишь для того, чтобы ссылкой на авторитет классиков марксизма подкрепить собственные построения. Однако «...едва ли правомерно искать у Маркса законченной и детально разработанной концепции азиатского способа производства... Разрознен-

ные замечания Маркса и Энгельса, их наблюдения и анализ отдельных явлений экономической и социальной жизни стран Востока в разные эпохи каждый исследователь пытается привести в систему, руководствуясь своей логикой, своими представлениями о ходе исторического процесса в этих странах. Этим и объясняется такая пестрота в изображении азиатского способа производства и такая дискуссионность вопроса» [249, с. 94].

Если попытаться изложить представления К. Маркса и Ф. Энгельса об АзСП, то в самой сжатой форме — это государственная система сельских земледельческих общин, причем государство являлось верховным собственником основных условий производства (земли и воды), а основными формами эксплуатации были рента-налог и трудовая повинность («общественные работы»). Характерными признаками восточного общества К. Маркс и Ф. Энгельс считали: отсутствие частной собственности на землю и верховная собственность царя на землю; господство искусственного орошения в земледелии и необходимость организации общественных работ большого масштаба, поэтому основная функция государства — строительство ирригационных сооружений; деревенская община (общинники — основной эксплуатируемый слой); деспотия как форма государства¹⁵.

Главный из этих признаков — первый: «В основе всех явлений на Востоке... лежит отсутствие частной собственности на землю. Вот настоящий ключ даже к восточному небу» [12, с. 215].

Современные сторонники АзСП по-разному оценивают эти признаки, так же как по-разному трактуют все другие моменты развития восточных обществ, т. е. в настоящее время единой теории АзСП и соответствующей ему формации нет. В то же время существуют конкретные разработки отдельных аспектов этой теории, что позволяет предложить свое видение того, что сейчас является наиболее существенным в понимании АзСП. Предлагаемая модель АзСП построена на основании работ Р. М. Нуреева [230; 231; 229; 237], И. Л. Андреева [33], Ю. И. Семенова [308; 309; 304; 315], Ф. Тёкеи [334; 335], Н. Б. Тер-Акопяна [331], Б. Хиндесса и П. Хёрста [529].

Если начать описание модели АзСП с уровня и ступени развития ПС, то здесь возникает первая трудность, поскольку сторонники АзСП практически обходят этот вопрос¹⁶ и даже отрицают соответствие АзСП какому-то определенному уровню развития ПС [329, с. 157]. Получается, что этот СП мог существовать при самых разных уровнях и ступенях развития ПС. Подчеркивается только единство земледелия и ремесла внутри общины и отсутствие разделения труда между городом и деревней.

Систему отношений собственности сторонники АзСП называют государственной, или политарной (по Ю. И. Семенову¹⁷).

Ее специфика в том, что государство выступает в роли верховного частного коллективного собственника земли и других средств производства¹⁸. Частная индивидуальная собственность на землю и на личность работника отсутствует. Поэтому только государство может быть собственником земли, или же возможно сочетание государственной собственности с общим землепользованием. Основная ячейка производства — община.

Результатом политарной частной собственности было совпадение господствующего класса с государственным аппаратом, системы распределения прибавочного продукта среди членов господствующего класса — с политической иерархией. Правитель являлся единственным распределителем прибавочного продукта и воспринимался подданными в качестве верховного собственника земли и всего произведенного прибавочного продукта. В отличие от ФФ, где прежде всего собственность на землю и затем на личность, в АзСП — прежде всего на личность и лишь тем самым на землю. Однако политарх был собственником земли не как конкретная персона, а лишь как обладатель должности или титула. Действительным верховным собственником был господствующий класс в целом, организованный в форме иерархии должностных лиц (иерархии рентополучателей).

Следовательно, для АзСП характерно разделение общества на два класса — руководителей/управителей и непосредственных производителей («управляемых»). Другими словами, класс эксплуататоров = государственному аппарату, класс эксплуатируемых = земледельцам-общинникам, ремесленникам, купцам, домашним рабам. Классовые отношения выступали в форме отношений государства и его подданных.

Тезис о государстве-классе весьма уязвим, как и вся функциональная концепция азиатских классов (см. довольно убедительную критику в [134, с. 151—153]). Ведь пока нет монополии на СП, не может быть и классовых антагонизмов, а сосредоточение публичных функций в руках определенной группы само по себе не может породить классовые противоречия.

Антагонистический характер распределения, по мнению сторонников АзСП, заключался в том, что государство-класс присваивало прибавочный продукт в формах ренты, совпадавшей с налогом или данью, и трудовой повинности под видом общественных работ. Перераспределение прибавочного продукта осуществлялось в форме даров и жалований.

Как сугубо азиатская особенность часто подчеркивается организация государством крупных общественных (прежде всего ирригационных) работ, хотя М. Годелье различает два типа АзСП — с крупными работами и без них [89, с. 102].

По поводу большинства надстроечных признаков (специфика права, мировоззрения и др.) никаких разработок пока нет, за исключением книги Л. С. Васильева [69].

Таким образом, модель АзСП строится на следующих основных системообразующих принципах.

1. *Базисные*: политарный тип собственности на средства производства; рента-налог (дань) и трудовые повинности; политарная антагонистическая классовая структура.

2. *Надстроечные*: государственность (в формах деспотической монархии и теократии, в том числе коллегии жрецов); наличие особого ведомства общественных работ; грандиозность и масштабность сооружений; общинное сознание; письменность.

Описанная модель АзСП — это так называемый АзСП в «чистом» виде, или «вечная» (по В. Н. Никифорову [224, с. 20]) азиатская формация. Однако до сих пор никто не смог найти конкретное общество, в котором реализовалась бы эта модель (самая серьезная попытка осуществлена Р. М. Нуревым [237]). В то же время существует второй — французский (по В. Н. Никифорову¹⁹) вариант АзСП, сторонники которого находят его повсюду и рассматривают в качестве универсальной и самой примитивной формы классового общества, как стадию превращения первобытного общества в раннеклассовое. В этом варианте крупные общественные работы и деспотизм не играют решающей роли.

Самое уязвимое место обоих вариантов заключается в том, что их сторонники не сумели обосновать особый — азиатский — способ эксплуатации и соединения непосредственных производителей со средствами производства помимо рабов, феодально-зависимых крестьян и наемных рабочих²⁰.

Большинство сторонников французского варианта рассматривают АзСП как переходное состояние обществ, но одни из них относят его уже ко вторичной формации, другие, например Р. М. Нурев [231, с. 16—17], — к позднепервобытной стадии. Следует отметить, что последние более последовательно отражают взгляды К. Маркса, который помещал АзСП в ПФ в качестве завершающего периода и одновременно переходного этапа ко ВФ [5, с. 419]. По поводу марксовой позиции в отношении АзСП необходимо сделать одну существенную оговорку: К. Маркс ведь фактически отождествлял АзСП с первобытным, точнее, рассматривал АзСП в качестве первого СП, а под первобытностью в 1853—1859 гг. он понимал нечто иное (подробнее см. [75, с. 80—82; 226, с. 131; 357, с. 58—74]), но сторонники АзСП замалчивают этот момент.

Среди тех приверженцев АзСП, кто относит его ко ВФ, возникло несколько направлений²¹. Одно из них рассматривает АзСП как первую ступень РФ [327], делая при этом оговорку, что на Востоке эта раннерабовладельческая ступень (общинно-рабовладельческий СП) не достигла зрелой (античной) стадии и непосредственно предшествовала ФФ [369, с. 44, 51]. Второе направление отстаивает точку зрения, согласно которой АзСП — переходная ступень, сочетающая тенденции движения и к РФ и к ФФ, но скорее ко второй [215; 216; 217]. На-

конец, третье направление отстаивает представление об АзСП как об одной из трех равноправных (параллельных РФ и ФФ) моделей классового докапиталистического общества [72], которое в целом трактуется как единая (смешанная) феодально-рабовладельческая (прафеодально-кабальная) формация, основанная на частной собственности и внеэкономическом принуждении, но фактически эта модель отождествляет АзСП с медленно развивающимся феодализмом.

Таким образом, дискуссия переросла первоначальные рамки и вылилась в обсуждение проблемы докапиталистических формаций. Попытки пересмотра состава ВФ и увязки специфики докапиталистического развития Востока и Запада порождены тем фактом, что развитие в направлении РФ в античной форме носило характер исключения, а конкретные раннеклассовые общества характеризовались сосуществованием рабовладельческих и феодальных отношений, которые тесно переплетались. В итоге появилось несколько концепций о единой добуржуазной формации, которую одни исследователи определяют как феодальную («вечный» феодализм, или теория большой феодальной формации Ю. М. Кобищанова), другие — как формацию внеэкономического принуждения, или вторую основную стадию общественной эволюции, основанную на рентном СП [115] (фактически то же смешение крепостнического и рабовладельческого укладов). В последних работах В. П. Илющеккин называет ее сословно-классовой, основанной на рентном типе распределения прибавочного продукта [116; 117; 118]. Формы эксплуатации на докапиталистической стадии он выделяет на базе политэкономического признака — по характеру и способу соединения непосредственных производителей со средствами производства, а не на основе более принятого в советской литературе правового подхода («полная» — «неполная» собственность на работника). Им выделено пять основных форм: рабство, крепостничество, оброчное невольничество, докапиталистическая аренда и докапиталистический наемный труд.

К гипотезе В. П. Илющеккина примыкает и подход к решению проблемы соотношения докапиталистических формаций, предложенный В. Я. Израителем. Он считает, что РФ, ФФ и АзСП — локальные варианты коэрцизма (от лат. «коэрцео» — сдерживать, принуждать) — единой добуржуазной формации, основанной на внеэкономическом принуждении [110, с. 120] (ср. с точкой зрения Е. М. Медведева: АзСП и РФ — локальные варианты первой фазы развития феодализма [212; 213]).

В целом дискуссии об АзСП не привели и не могли привести к единому мнению о формационной принадлежности восточных обществ. И дело не столько в новых фактах, не укладывающихся в предлагаемые схемы, сколько в различных теоретических подходах к фактам — как новым, так и старым. Поэтому не случайно возникли две крайние точки зрения, согласно одной из которых Восток — это всего лишь отставший

Запад, в то время как приверженцы другой, напротив, утверждают, что именно Восток продолжил общечеловеческий путь мировой истории, а Запад от него отклонился. Вторая точка зрения разрабатывается, в частности, в статье Л. Б. Алаева [30], с появлением которой фактически началась третья дискуссия об АзСП и восточном феодализме. Причем первые однозначно подчеркивается, что модель феодализма более применима к восточным, нежели к европейским, обществам, что европейский феодализм был периферийным, «слабым звеном» всей системы феодальных обществ [30, с. 79]. Дискуссия продолжается...

Несомненным положительным итогом предшествующих дискуссий является обоснование необходимости выделения особого переходного периода. И сейчас, собственно, одна из главных задач состоит в том, чтобы разрабатывать подходы к определению формационной природы этого раннеклассового периода. Пока же можно коротко перечислить несомненные тенденции развития древних и средневековых обществ Востока в этот переходный период: к сохранению общинных структур; к важной экономической функции государства; к установлению верховной собственности на землю; к развитию феодализма без крупного помещичьего хозяйства; к деспотическим формам политической надстройки [134, с. 262—263]. На Востоке эти особенности были выражены значительно сильнее, наблюдались почти повсеместно и в течение более длительного времени.

Гипотеза об африканском способе производства

Понятие «африканский способ производства» предложено французским марксистом К. Кокри-Видрович в 1969 г. В полемику с Ж. Сюрэ-Каналем, пытавшимся соотнести африканские доколониальные общества с АзСП, К. Кокри-Видрович назвала специфическое сочетание (или, скорее, противоречивое сосуществование) общинной экономики натурального типа и монополии государства на распоряжение всеми внешнеторговыми контактами общества африканским способом производства (АфСП), который отличается от АзСП преобладанием косвенной эксплуатации общин в форме присвоения части прибавочного (или избыточного) продукта путем централизованной внешней торговли на большие расстояния, а не прямого ее отчуждения деспотическим государством [444].

Таким образом, АфСП — это производство через торговлю, точнее, через экстравертный (внешнеориентированный) обмен, сравнимый с формой производства. Исходная посылка при разработке гипотезы состояла в том, что африканские доколониальные общества никогда не были полностью изолированными и во все времена осуществлялись торговые контакты с внешним миром, включая трансконтинентальные связи (через Сахару,

Индийский и Атлантический океаны) [445, с. 79—80; 446, с. 104].

Гипотеза об АфСП практически не разработана и кроме весьма приблизительного обоснования идеи пока ничего нет. Совершенно очевидно, что АфСП только условно может быть назван СП, так как он не имеет специфической системы ПО и соответствующей им надстройки. В то же время эта гипотеза заслуживает внимания, поскольку К. Кокри-Видрович удалось выявить довольно типичный путь развития многих доколониальных обществ Тропической Африки в условиях постоянного контакта с более развитыми в стадияльном отношении социальными организмами. К тому же, как отмечал К. Маркс, посредническая торговля, осуществляемая с помощью купцов и купеческого капитала, представляет собой один из способов эксплуатации [7, с. 355—370; 8, с. 159].

Название, конечно, неудачное, так как географическая привязка подчеркивает локальный характер этого СП, в то время как особенности АфСП присущи и обществам других континентов и имеют, несомненно, стадияльный характер.

Модель АфСП строится на базе следующих признаков: полная монополия государства на экстравертный обмен; отсутствие частной собственности на землю; общинная собственность на средства производства; косвенная эксплуатация общин (данничество); перераспределение в потлачевидных формах; домашнее рабство; социальная стратификация на управителей и управляемых; раннее государство.

Глава 3

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОГЕНЕЗА

Понятие политогенеза часто сужают и трактуют как государствообразование. Однако, как представляется, политогенетические процессы не ограничиваются генезисом государства, а включают становление всех властно-управленческих отношений политической надстройки.

Аксиоматика марксистского понимания политогенеза²² включает следующие основные постулаты.

1. Необходимость разграничения политических и потестарных отношений. Политическими принято называть те отношения, которые присущи социальным организмам со сложившейся классовой структурой²³. Соответственно потестарными определяют властно-управленческие отношения в доклассовом обществе. Однако категория «потестарность» удобна лишь для описания специфики властных отношений внутри доклассового социального организма. Когда же речь идет о взаимоотношениях между разными потестарными организмами, особенно на

позднепервобытной стадии развития, то уже допустимо их соотнесение с политическими.

2. Всякая политическая власть должна иметь как минимум две функции — управляющую и подавляющую. «В основе политического господства повсюду лежало отправление какой-либо общественной функции» [13, с. 184].

3. Политогенез, классовый генезис и правовое происхождение — синхронные процессы, диалектически взаимодействующие и тем самым стимулирующие развитие друг друга (вероятно, их даже можно объединить под общим названием классово-политико-правового генезиса). Иными словами, они находятся в корреляционной, а не причинно-следственной зависимости. Причиной же всех этих процессов является возникновение частной собственности. Тем не менее аксиомой считается положение, что ведущую и определяющую роль играет процесс классового генезиса, поэтому государство и право не могут возникнуть раньше разделения общества на классы — только одновременно с появлением классов (подробнее см. [180, с. 254]).

4. Если в обществе нет классов, значит, нет и государства. По определению В. И. Ленина, классы — это такие большие группы людей, которые, во-первых, различаются по их отношению к средствам производства и, во-вторых, одни постоянно могут эксплуатировать других [22, с. 15; 23, с. 69]. Определяющий признак класса — отношение к средствам производства, что обуславливает место класса в исторически определенной системе общественного производства и его роль в общественной организации труда, а это, в свою очередь, приводило к различию способов получения и размеров получаемой доли общественного продукта. Другими словами, отношения между классами становились отношениями эксплуатации.

5. Все многообразие отношений эксплуатации укладывается в рамки двух возможных путей классового образования, выделенных Ф. Энгельсом [13, с. 183—186]: а) монополизация общественной должностной функции; б) монополизация средств производства (непосредственное отчуждение прибавочного продукта). Первый путь встречается чаще и исторически предшествует второму [180, с. 258; 182, с. 72].

6. Выявлено три возможных пути политогенеза: военный, аристократический и плутократический [74; 60, с. 58]. Ни один из них не существует в чистом виде, всегда есть хотя бы зачаточные формы остальных. В Тропической Африке доминируют первые два.

7. «Классовое образование представляется в виде ряда социально-экономических процессов долговременного действия, обладавших известной самостоятельностью, но в исторической перспективе тесно связанных друг с другом. Основным содержанием этих процессов были: разложение первобытного эгалитаризма; постепенное появление лиц, групп, прослоек и слоев, занимавших различное положение в производстве, распределе-

нии, общественной и религиозной жизни; развитие имущественного неравенства, различных форм внутренней и внешней зависимости и эксплуатации; прогрессирующее общественное разделение труда, формирование слоя, контролирующего производство и распределение, руководящего обществом, и его дальнейшее превращение в господствующий класс, тем или иным способом узурпирующий совокупный прибавочный продукт» [358, с. 125].

Выделяются три основных типа классовообразования. «Первый — связан с возникновением имущественного неравенства и социальной дифференциации; второй — с формированием неравноправных архаических „сословий“ в разлагающихся первобытных обществах и институционализацией власти; третий — с непосредственным переходом к классовому обществу» [358, с. 125—126].

Основная предпосылка классовообразования — появление регулярного прибавочного продукта и возможностей его перераспределения и реализации.

8. Классообразование в целом и его конкретная специфика определяются совокупным воздействием системы взаимосвязанных факторов, которые могли и ускорять и замедлять, придавали процессам классовообразования конкретную специфику. Среди этих факторов наиболее значимыми являются следующие [358, с. 132—146]:

— *природно-экологические*. Они определяют возможность получения стабильного прибавочного продукта, специфику хозяйства и общественного разделения труда. При этом преимущество имеют те регионы, в которых есть различные экологические ниши, а также те, где облегчаются контакты между различными группами населения;

— *хозяйственные*. Классообразование могло развиваться на основе любой системы производящего хозяйства, но разные системы обладают разными адаптационными возможностями в конкретной экологической обстановке;

— *металлургические* (роль металлов). Способствуют росту ПС, отделению ремесла от земледелия и появлению профессиональных групп, а также развитию обмена и накоплению богатств;

— *демографические*. Обеспечивают наличие достаточных человеческих ресурсов для классовообразования (плотность населения и др.);

— *торгово-обменные*. Способствуют накоплению богатств, усилению власти и влияния, причастных к этой сфере деятельности;

— *военные*. Укрепляют централизованную систему управления, ослабляют кровнородственные связи и укрепляют территориальные, способствуют социальной стратификации, укрепляя позиции руководящего слоя в престижном и материальном отношении и приводя к появлению зависимых прослоек за счет

иноэтнических элементов; могут способствовать оформлению ранней государственности в форме завоевания.

9. Категория «раннеклассовое общество» в марксистском обществоведении используется в четырех разных значениях: а) неразвитое, формирующееся классово-антагонистическое общество (раннерабладельческое, раннефеодальное, раннеазиатское); б) равноукладное; в) общество с АзСП; г) любое докапиталистическое общество. Однако только первое значение может, как убедительно доказал А. И. Першиц, быть адекватным обозначению раннеклассовым. Его начальный рубеж — появление антагонистических классов, конечный — полная победа господствующего СП [261, с. 62].

10. Что касается непосредственно государствообразования, то, как писал В. И. Ленин, «вопрос о государстве есть один из самых сложных, трудных» [23, с. 64] в общественных науках. В марксистской литературе термин «государство» употребляется в трех основных значениях: а) форма организации населения; б) организация (механизм) общественной власти; в) субъект международных отношений. Последнее значение в принципе соответствует более общему понятию «страна», т. е. определенному единству территории, населения и организации общественной власти. Это значение не обязательно предполагает классовое содержание. В истории известны субъекты международных отношений, которые могли быть определены термином «страна», но они не являлись государствами как формой организации классового общества [131, с. 49].

Классики марксизма употребляли понятие «государство» в первом и во втором значениях, чаще всего во втором («государство — это есть машина для поддержания господства одного класса над другим» [23, с. 73]), т. е. для обозначения политической организации экономически господствующего класса для подавления сопротивления его классовых противников. По своей сущности всякое государство — аппарат диктатуры господствующего класса.

В трактовке современного марксистского обществоведения «государство — это исторически преходящая, выделившаяся из общества, обусловленная его экономическим строем классовая организация, осуществляющая суверенную политическую власть при помощи специального аппарата, защищающая общие интересы собственников основных средств производства, служащая обеспечению развития социальных отношений в нужном им направлении и выступающая как официальный представитель всего общества» [196, с. 62].

Отличительными признаками государства являются следующие:

— наличие особой категории людей, главным или единственным назначением которых является управленческий труд [23, с. 69, 72];

— наличие особого аппарата для применения насилия и под-

чинения людей насилую — отряды вооруженных людей, тюрьмы и т. п. [23, с. 68—69]; следует подчеркнуть, что степень специализации и самостоятельности функции принуждения является одним из самых объективных показателей наличия государственности [180, с. 259—260];

— налогообложение, без которого невозможно содержать государственный аппарат («в налогах воплощено экономически выраженное существование государства» [1, с. 308]);

— законодательство и суверенитет.

Содержание понятия «государство» в первом значении определяется двумя существенными признаками: территориальным принципом организации населения и наличием общественной (публичной) власти, не совпадающей с населением [14, с. 170]. В этом случае термин «государство» тождествен понятию «территориальная форма организации общества». Но Ф. Энгельс не сводил государственную организацию к разделению на определенные территориальные единицы, а имел в виду именно территориальный принцип организации населения в целостные социальные организмы, который сменил кровнородственный принцип. Он писал: «Его (родового строя.— В. П.) предпосылкой было то, что члены одного рода или хотя бы племени жили совместно на одной и той же территории, заселенной исключительно ими» [14, с. 168]. Следовательно, деление населения по территориальному признаку существовало и при догосударственной организации общества. Но организация людей в единый социальный организм любого уровня и взаимодействие его и органов общественной власти на этой стадии развития определялись прежде всего по кровнородственному признаку, а территориальный играл второстепенную роль. Поэтому территориальное деление общества (и возникновение института гражданства) рассматривается в качестве критерия возникновения государства.

В немарксистской литературе в целом доминирует либо отождествление государства и общества, либо государством называют любую общественную систему, характеризующуюся наличием системы управления, т. е. занижается порог, от которого форма организации общества может быть определена государством (см. обзоры в [176; 205; 206; 341; 598; 645; 646]), хотя некоторые исследователи под государством понимают вполне определенную политическую систему, для которой характерны: наличие территории, суверенитета, централизованного управления, специального административного аппарата для поддержания порядка и с монополией применения силы закона [589, с. 69]. Но только М. Фрид связывает сущность государства с системой эксплуатации [504]. Ряд западных исследователей, считающих себя марксистами или имеющих репутацию марксистов, например Л. Крэдер [548], грешат эклектичным смешением марксистских и немарксистских трактовок категории «государство». Для них государство не столько институт,

присущий определенной стадии общественного развития (инструмент регулирования классовых отношений в классово-антагонистическом обществе), сколько одна из ступеней в эволюции властно-управленческих (в их терминах — политических) систем.

В связи с этим следует подчеркнуть неправомерность применения немарксистских толкований и классификаций государства в рамках марксистского исследования. В лучшем случае это приводит к неосознанному завышению уровня развития конкретного общества и в целом — к дезориентации, в худшем — может быть квалифицировано как уступка немарксизму (ср. [37, с. 59—60]).

Сказанное может быть отнесено и к концепции раннего государства, авторы которой считают себя марксистами. Но на самом деле они искажают марксистскую трактовку государства как результата классовых антагонизмов, ибо рассматривают его как предклассовый институт (соотнося его с АзСП [645, с. 648]) или же как политическую организацию таких классов, которые не являются антагонистическими, а состоят в отношениях взаимовыгодного сотрудничества, т. е. фактически они принимают теорию социального контракта Э. Р. Сервиса, обосновывающую «обмен» видами деятельности между управляющими и управляемыми и их «взаимную» эксплуатацию. Концепция раннего государства предлагает фактически расширенное толкование понятий «государство» и «класс», что лишает их категориальной однозначности. К тому же все перечисленные признаки раннего государства [645, с. 21, 586—588, 640] неспецифичны и вполне приложимы и к развитому государству, а единственный признак, выражающий специфику именно раннего государства (социальная стратификация на два возникающих класса управителей и управляемых), скорее характеризует общество, а не государство как организацию для регулирования социальных отношений (ср. [146а, с. 27—28]).

Как представляется, категория «раннее государство» должна соотноситься с понятием «раннеклассовое общество», а те ЭПО, которые уже явно переросли потестарную стадию, но еще не превратились в государство, следует определять раннеполитическими.

II. Генезис государства, как и становление формаций, может осуществляться двумя основными путями: в результате действия факторов внутреннего развития и под внешним воздействием уже сформировавшихся государств (в форме завоевания или опосредованного воздействия), что закономерно в условиях асинхронности темпов исторических процессов. В связи с этим принято различать первичные (*pristine, primary*) и вторичные (*secondary, derived*) государства, причем большинство известных науке государств — вторичные, и только ряд государств, возникших в долинах великих рек Азии и Африки, может с известными основаниями рассматриваться в качестве первичных.

Необходимость разграничения первичных и вторичных государств впервые обосновал М. Фрид еще в 1960 г. [502]. Однако до сих пор нет серьезных теоретических исследований феномена вторичной государственности и — шире — вторичного политогенеза. Только Г. С. Льюис использовал эту идею при изучении африканских государств [559], а Б. Прайс наметила ряд предварительных подходов к классификации вторичных государств [609]. Г. Классен и П. Скальник принимают идею о разграничении первичных и вторичных государств, но полагают, что оба типа развиваются аналогичными путями [645].

Глава 4

АКСИОМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Завершая методологическую часть, представляется необходимым кратко перечислить основные постулаты, составляющие аксиоматику настоящей монографии.

1. Объектом данной работы являются этнополитические организмы аканов, предметом — процессы стадийно-формационного развития, хронологические рамки исследования ограничены периодом с середины XVI до последней четверти XIX в.

2. Основными постулатами предпринимаемого исследования являются следующие:

— этнополитический организм — динамическая, развивающаяся система, целостность которой раскрывается в единстве структурного, функционального и исторического планов рассмотрения;

— возможности системного подхода к этнополитическим и этносоциальным явлениям наиболее полно реализуются при его органическом сочетании с типологизацией;

— системная типология — это сущностная систематика в отличие от классификации — дескриптивной систематики;

— категория «традиционное» отражает доколониальное состояние рассматриваемых явлений (например, традиционная социальная организация);

— стадийно-формационная атрибуция — это соотнесение конкретного этнополитического организма с отдельными формациями и стадиями их развития.

3. Основные постулаты исторической реконструкции:

— обязательность разграничения структурообразующего принципа и форм его реализации;

— необходимость обоснования критериев появления/исчезновения явлений;

— обязательность разграничений корреляционных и причинно-следственных зависимостей;

— требование использовать в качестве этнографических аналогов только равностадийные общества, разграничивая синполитейную и аполитейную первобытность;

— обязательность разграничения процессов функционирования и развития;

— недопустимость несистемных обобщений.

4. Процедура исследования довольно тривиальна:

а) параметрическое описание, включающее:

— концептуализацию, или представление объектов изучения в категориях системного подхода;

— типологизацию, или историко-типологическую характеристику основных компонентов традиционной социальной организации, социального организма родства и мировоззрения (как первый уровень обобщающей абстракции);

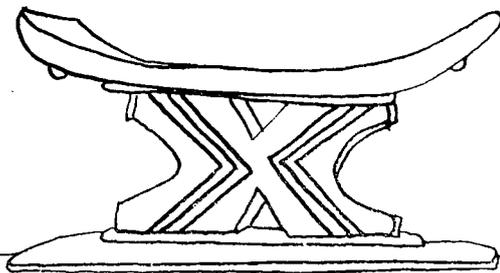
б) стадияльно-формационная атрибуция с ориентацией на системообразующие принципы формационных моделей, включая — установление способа производства, т. е. определение степени и уровня развития производительных сил, исторического типа собственности на средства производства, анализ процессов производства и основных производственных отношений, а также отношений распределения и обмена;

— выявление предельного отношения, или системообразующего социально-экономического уклада;

— анализ исторической динамики социальных отношений с выявлением тенденций классогенеза;

— характеристика общественного строя и определение специфики политической и идеологической надстройки.

5. Главная задача настоящей работы может быть сформулирована как исследование формационного содержания политогенетических и этносоциальных процессов у аканов с целью определения стадияльно-формационного уровня развития их этнополитических организмов к концу доколониальной эпохи.

Часть вторая

ПАРАМЕТРИЧЕСКАЯ

Глава 1

ВВЕДЕНИЕ В ЭТНИЧЕСКУЮ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ АКАНОВ

Аканы: этнолингвистическая и социокультурная общность

Современные аканы населяют гвинейское побережье и центральные районы Ганы и юго-восточную часть Кот-д'Ивуара, а также северо-запад Того. В Гане аканы составляют основное население областей Западной, Восточной, Центральной, Ашанти, Бронг-Ахафо, а также обитают в западных и центральных районах Северной области. Территория расселения аканов составляет более 140 тыс. кв. км (от гвинейского побережья на юге до границы Верхней области на севере, от границы с Кот-д'Ивуаром на западе до водохранилища Вольта на востоке и от р. Дака на северо-востоке до границы области Аккра на юго-востоке). В Кот-д'Ивуаре аканы являются основным населением трех департаментов: Южного (восточная часть), Восточного (южная часть) и Центрального (кроме северной части). Территория расселения — более 70 тыс. кв. км (от гвинейского побережья — между р. Комоз и Абиджаном — на юге до городов Бваке и Бондуку на севере, от р. Бандама на западе до границы с Ганой на востоке).

Общая численность аканов превышает 10 млн. человек, из них ашантийцев — около 3,5 млн., фантийцев — более 1,6 млн., аньи — 1,6 млн., бауле — 1,2 млн., ачемцев — 0,6 млн. и аквапимцев — 0,5 млн. человек [61, с. 557]. В Гане аканов 7,3 млн. (53% населения, из них ашантийцы — 26%, фантийцы — 12, ачемцы — 4,5%), в Кот-д'Ивуаре их — 2,6 млн., или 28% (главным образом аньи и бауле). В Того живут чокоси (50 тыс. че-

ловек) — этнографическая группа ануфо, переселившаяся в XVIII в. (область Саванн, на берегах р. Оти).

В антропологическом плане все аканы относятся к негрской (по Я. Я. Рогинскому и М. Г. Левину) расе в пределах большой экваториальной (австрало-негроидной) расы или к суданской (по В. П. Алексееву) группе популяций негрской локальной расы негроидной ветви западного евро-африканского ствола.

Аканы составляют особую этнолингвистическую и социокультурную общность, объединяемую близостью языка, происхождением и определенным единством материальной, духовной и социально-политической культуры, что отражается в самосознании своего единства и обособленности. Но все же основным интеграционным критерием выступает языковой: все аканы говорят на взаимопонимаемых языках, которые входят в подгруппу ква гвинейской группы языков Западной Африки по классификации Д. А. Ольдерогге или в подгруппу ква нигеро-конголезской группы нигеро-кордофанской языковой семьи по классификации Дж. Гринберга. По степени языковой близости аканы обычно подразделяют на две группы: западную (аныи, бауле, нзима, аанта, ануфо, афема, ассайе, сефви, чокози, аброны [бронг], аовины, черепоны и др.) и восточную (ашантийцы, фантийцы, аквапимцы, ачемцы, акваму, денчира, кваву, ассинцы и др.); последняя, в свою очередь, распадается на две группы диалектов: фанти (фанте, мфантсе) и чви (тви).

Название языка или группы диалектов чви закрепилось в русском языке в неправильной транскрипции «тви» (иногда «тми»), так как мало кто знал, что сочетание «tw», которое имеется в названии языка (twi), передается в аканских языках лабиализованный палатальный звук [čw], т. е. twi — это не тви, а чви (чъви, чуи, чъи). Попутно отметим, что нелабиализованный палатальный [č] передается сочетанием «ку», которое также часто неверно транскрибируют как «к» или «къ», и поэтому даже в специальной литературе нередко ошибки типа Анокье (Апокуе) вместо Аноче; Денкьера, Денкира и т. п. вместо Денчира (Denkiŋra) и Аким или Акем вместо Ачем (Akyem). Типичны ошибки и с транскрипцией сочетаний «gy» и «dw», передающих соответственно звуки [j] и [j]: мोगья вместо моджа (mogya) — кровь; агья вместо аджа (agya) — отец; Двабен вместо Джубабен (Dwabab) или Одвира вместо Оджира (Odwira).

Новейшие исследования лингвистов привели к некоторым изменениям в представлениях о внутреннем членении языков ква. Прежняя аканская подгруппа теперь называется «вольта-комозэ» и подразделяется на три группы: гуан (гуанг, гонжа), оно (языки абуре и бетибе) и тано; последняя, в свою очередь, состоит из подгрупп биа и акан, соответствующих в целом прежним западной и восточной группам аканских языков. Таким образом, в современной лингвистике название «акан» закреплено только за группами диалектов чви-фанти [635; 649, с. 5—10].

Следует также отметить, что употребление термина «чви» не отличается однозначностью. В узком значении этот термин употребляют в качестве второго названия языка (диалекта) аквапим. В обычном или наиболее распространенном — как обозначение группы диалектов, в которую входят аквапим, ашанти (асанте) и ачем, что и отражено в лингвистической классификации. В широком — для номинации всех языков восточной подгруппы аканских языков (чаще всего это сводится к рассмотрению аквапим, ашанти, ачем и фанти в качестве диалектов или региональных вариантов одного языка чви). Кроме того, в Гане имеется тенденция использовать слово «чви» как синоним термина «акан» для обозначения всех аканских языков, распространенных на территории Ганы (подробнее см. [288]).

В сложившейся ситуации не так уже трудно разобраться, однако во многих справочниках и учебниках слишком много противоречивых утверждений, которые еще больше запутывают и так весьма непростую картину с соотношением «чви» и «акан» (см., например, [189]). Так, очень часто пишут о народе тви или отождествляют тви с ашанти, причем не только в языковом аспекте [35, с. 87; 223, с. 222; 78, с. 98; 119, с. 299; 326, с. 121].

Единой литературной нормы языка чви нет. В то же время имеются нормативные формы диалектов аквапим, ашанти и ачем, а также фанти и нзима. Письменность для этих диалектов была создана европейскими миссионерами в середине XIX в. на основе латинской графики, причем сначала был создан нормативный вариант для всех диалектов на базе аквапимского, который и получил название «чви», или «чви каса». Однако попытки учителей-миссионеров обучать других аканов по-аквапимски вызвали негативную реакцию, особенно у ашантийцев. Впоследствии крупнейший исследователь африканских языков Д. Вестерманн создал нормативные варианты ачем и ашанти, а методистские миссионеры — фанти (хотя еще в середине XVIII в. были подобные попытки фантийцев Я. Капитейна и К. Я. Проттена создать и письменность и грамматику фантийского языка).

Происхождение термина «акан» до сих пор неясно. Впервые его упомянул в своей книге, изданной в 1505 г., Д. Пашеку Перейра в форме «Nessanus» [601]. Слово «акан» в разных транскрипциях довольно часто встречается в документах португальских, голландских и британских фортов Золотого Берега и в сочинениях европейских путешественников и торговцев XVI—XVII вв.

Аканами в те времена называли одну из групп населения золотобережного хинтерланда, представители которой часто приходили в европейские форты продавать золото. Торговцы-аканы имели репутацию самых искусных на Золотом Берегу¹. Считалось, что аканы живут в Акане, но вот что такое Акан — никто

толком не смог объяснить. Часто аканами собирательно называли все население лесной зоны. Одни авторы считали Акан географическим понятием типа страны, другие — городом, третьи — племенем, но большинство — политическим образованием (государством или вождеством). Имеются сведения о переговорах между португальцами и послами «короля» Акана в 1519 г., о «гражданской» войне в Акане в 1548 г. и т. п. [416]. Было предпринято множество попыток отождествить Акан с каким-нибудь более поздним политическим образованием, существовавшим в доколониальный период в междуречье Офин—Пра—Бирим (Ассин, Чифо, Аданси, Ачем-Абуakwa, Ачем-Котоку), причем одна из самых популярных версий отождествляет Акан с Ачем-Абуаквой, а аканов с ачемцами. Однако ни одна из предложенных гипотез не выдерживает серьезной критики [544].

Неясно также и то, почему Акан и аканы исчезли из европейских сочинений XVIII—XIX вв. и появились только в конце XIX — начале XX в. в работах миссионеров и колониальных чиновников как собирательное название определенной группы родственных этносов и языков. Северные соседи аканов (народы вольтийской группы) называют их «камбон», а эве — этнонимом «блу».

Этимология слова «акан» тоже не совсем понятна. Наибольшее распространение имеет толкование, которое впервые привел в своем словаре Й. Г. Кристаллер [435]: акан, или оканни (мн. ч. — аканфо), — «человек, говорящий на языке акан, или чви; хороший, лучший, чистокровный; человек с хорошими манерами»; т. е. аканы — лучший, первый среди других (народов). Кроме того, Й. Г. Кристаллер различает аканфо (говорящих на чистом чви) и тех, кто говорит на апотокан — «нечистом» диалекте (квану, аброны и др.).

Вместе с тем обращает на себя внимание, что слово «акан» практически не используется неграмотными аканами и другими танцами в качестве этнонима. У многих чвиязычных народов, особенно у ашантийцев и ачемцев, слово «оканни» употребляется только в ситуациях, связанных с личной честью и моралью. При этом они произносят почти как клятву следующую фразу: «Смотри, я — оканни», т. е. он — настоящий абориген, хорошо знающий все моральные ценности своего народа (в противоположность чужаку). Вполне возможно, что слово «оканни/аканфо» стало активно использоваться с увеличением числа чужаков, скорее всего невольников, среди чвиговорящих народов в период работорговли. В таком случае этот термин отразил становление и противопоставление в структуре общества новых социальных категорий, а не сохранение древних этнических связей.

Отличительной особенностью аканов является отсутствие татуировки, скарификации и обрезания, характерных для вольтийских народов.

Проблема этногенеза и ранней этнической истории аканов породила в свое время множество этногенетических концепций. В течение почти столетия преобладали многочисленные гипотезы, так или иначе связанные с хамитским мифом или производными от него теориями, т. е. с поиском престижных и, как правило, неафриканских истоков происхождения относительно высокоразвитых народов-негроидов Тропической Африки и их культуры. Корни аканской цивилизации искали вне территории ее современного распространения, чаще всего в Западном Судане, связывая аканов с Древней Ганой (Аукаром), что в конце концов нашло свое наиболее яркое отражение в переименовании Золотого Берега в Гану после достижения независимости в 1957 г. («новое название страны символизирует возрождение и реабилитацию африканских культурных ценностей») [451, с. 9]).

Имеющиеся материалы не дают оснований для выводов об общем происхождении протоаканов и мандеязычных народов Западного Судана [421; 534; 514; 669], тем не менее большинство ганских ученых воспринимает общность происхождения древних ганцев и аканов как аксиому, занимается поиском этнических связей народов Ганы с цивилизациями Западного Судана.

Разрабатывались также «теории» о предках-европеоидах, пришедших в лесную зону Золотого Берега из долины Нила (Египта, Мероэ), Эфиопии, Сахары и Северной Африки и даже из Финикии, Аккада и Месопотамии, Древней Греции и Древнего Рима и принесших полностью сформировавшуюся политическую и духовную культуру². Такие гипотезы в настоящее время мало кто принимает всерьез, хотя иногда и встречаются их рецидивы в трудах отдельных ганских историков, одержимых, по выражению М. Блока, «идолом истоков». Большинство же специалистов отвергает их как ненаучные.

Более современная точка зрения связывает истоки аканской культуры с регионом между оз. Чад и р. Бенуэ, откуда пришли предки многих западноафриканских народов, а центром развития аканов как особой этносоциальной и этнокультурной общности считает лесную зону Золотого Берега (современные Гана и Кот-д'Ивуар); протоаканы могли формироваться в соседнем районе — в зоне саванн к северо-западу от лесного пояса в междуречье Комоэ и Черной Вольты (так называемый Течиман) примерно в XI—XII вв. Об этом свидетельствуют современные данные антропологии и археологии (прямая преемственность археологических культур прослеживается в лесной зоне до XII в. [421; 607]), а также лингвистики и этнографии. Так, например, единая система матрилинейной родовой организации и патрилатеральных группировок нторо (эджабосом) охватывает практически всех лесных и прибрежных аканов, но

отсутствует у абронов и других аканов саванны, у которых несколько иная специфика социальной организации. Более того, эта система могла сложиться только в лесной зоне, поскольку тотемические названия родов не только совпадают у всех аканов лесного пояса и побережья, но и связаны с животными, которые обитают только в лесу или в лесу и саванне, но нет ни одного, который бы жил только в саванне. К тому же все названия группировок нторо совпадают с аканскими названиями рек и других водоемов именно этого региона, а большинство родов возводит свое происхождение к Амансе, Аданси и Денчире — крупным ЭПО лесной зоны в междуречье Пра—Офин [421; 474].

В XII—XIV вв. протоаканы двумя волнами переселились на юг — в лесную зону и на побережье Гвинейского залива. По археологическим данным, наиболее ранние аканские поселения появились здесь около 1200 г. Первая волна переселенцев (некоторые авторы считают их предками гуанов) достигла побережья Гвинейского залива между Виннебой и Кейп-Костом, двигаясь по среднему течению р. Вольты и через Аквапимские холмы. Вторая волна двигалась западнее — вдоль рек Тано и Офин — и состояла из предков современных аканских этносов лесной зоны и гвинейского побережья, говорящих на диалектах чви и фанти. Во всяком случае, фантийцы, нзима, денчира и ряд других этносов возводят свое происхождение к Течиману. О древнейших обитателях лесной зоны практически ничего не известно [417, с. 161; 474, с. 13; 608, с. 49—59]. Га и адангме переселились в район Аккры в XV в. с территорий, расположенных к северу от зал. Бенин [381, с. 6].

Миграции протоаканов на юг в этногенетических преданиях связываются с неким «государством» Кумбу, которое распалось вследствие каких-то войн [583, с. 96; 655].

Древнейшим центром аканской цивилизации в лесной зоне считается основанный в XV в. город Боно-Мансу, бывший, по-видимому, крупным центром торговли золотом. Его появление, вероятно, связано с увеличением потребности в золоте стран Судана в начале XV в. Руины Боно-Мансу сохранились в 180 км к северу от Кумаси.

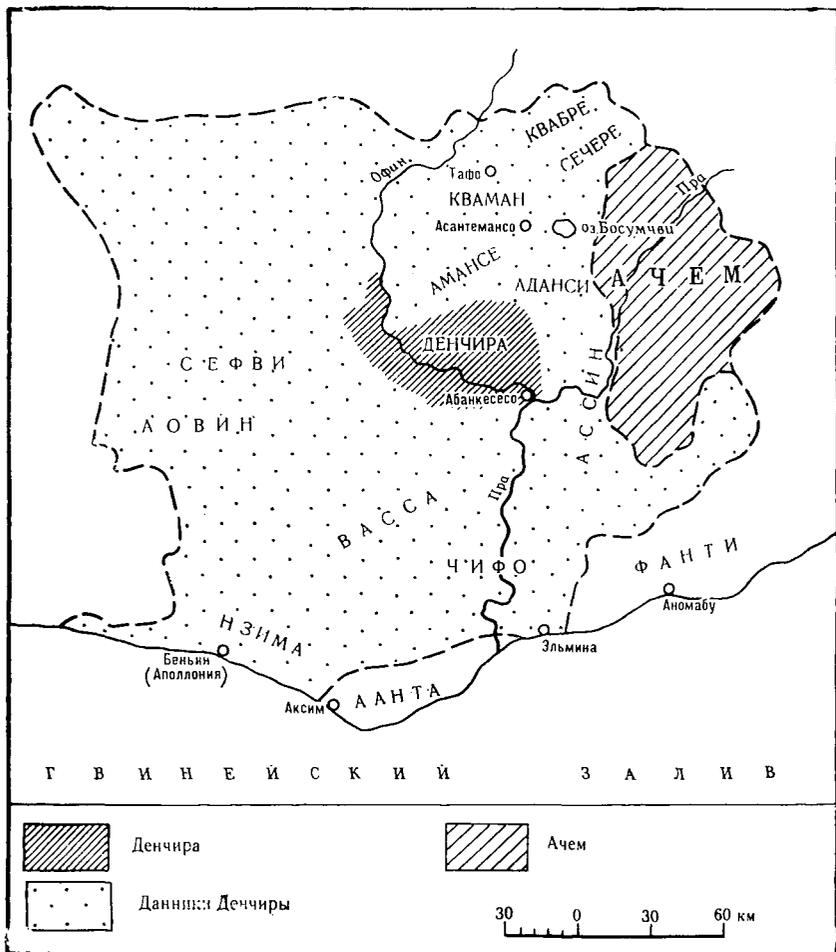
Боно, получивший в XVIII в. название Течиман, возник на границе с саванной рядом с известным г. Бего — главным коммерческим центром мандеязычных торговцев золотом и орехами кола. Бего (Бигу, Биту или на чви — Бе'о) играл важную роль в экономической и этносоциальной истории аканов вплоть до конца XVII в. (европейцы называли его Инсоко [672]). Это влияние, в частности, отразилось в архитектуре, керамических формах, технологии ткачества, на системе мер и весов [608; 401; 668]. В Боно сформировался аканский этнос аброн (бронг), испытавший самое сильное влияние — прежде всего исламское — северян (манде и моси). Язык абронов — самый архаичный из аканских [551; с. 255].

В XVI в. в междуречье Пра—Офин—Бирим появилось политическое образование Аданси, которое все чвязычные аканы лесной зоны считают своей колыбелью (само слово «аданси» означает «основа, ядро поселений»), а многие акановеды определяют как «сад Эдема» для всех аканов. И действительно, именно в Аданси появились специфические аканские формы социальной и политической организации, прежде всего оман. Прародительские матрилинейные роды Ашанти, Ачема, Денчиры, Ассина и других крупных ЭПО аканов возводят свою генеалогию к Аданси [391; 410; 455, с. 10; 456; 474; 566]. А на всех крупных праздниках на специальном «говорящем» тамтаме вождя сначала отбивают фразу: «Когда творец создавал мир, он сначала создал Аданси» [391, с. 86]. В то же время вполне вероятно, что Аданси был не столько колыбелью аканов лесной зоны, сколько местом пересечения торговых путей в центре региона и отсюда — районом интенсивных контактов в первой половине XVII в.

К началу последней четверти XVII в. в лесной зоне Золотого Берега сформировалось три главных политических образования аканов: Денчира — на западе, Акваму — на востоке и Ачем — в центре. Победа Денчиры над Аданси в 1659 г. привела в движение массы людей, значительная часть которых переселилась в страну Амансе (букв. «начало народов») в районе оз. Босомчви. В Амансе находился г. Асантемансо, из которого, по преданию, происходят все ашантийцы. Существует также легенда, согласно которой возле Асантемансо было отверстие в земле, из которого вышли предки ашантийцев. Ныне крошечная деревня Асантемансо (рядом с Беквай) сохраняет свое значение в качестве ритуального центра. Это самое священное место в стране Ашанти [655, с. 39; 474, с. 25].

Вторая половина XVII в. была временем миграций, войн, создания многих ЭПО и интенсивной коммерческой деятельности различных европейских держав на побережье. В результате этническая и политическая карты лесной зоны Золотого Берега резко изменились, аканские этносы потеснили эве на восток, гуанов — на север, часть аканов ушла на запад (на территорию современного Кот-д'Ивуара), но основная масса переселенцев устремилась на северо-запад в страну Кваман (букв. «лесная страна»), которая позднее стала известной как страна Ашанти. По преданию, Кваман был необитаем, когда туда пришли люди из Асантемансо [456, с. 12].

Здесь будет уместным отметить, что к подобным преданиям следует относиться с некоторой осторожностью, так как они зачастую отражают стремление определенной группировки обосновать свои права на власть. Типологически близкие легенды о происхождении отдельных этносоциальных общностей и правящих группировок повсеместно распространены в Тропической Африке. Интенсивное изучение устных традиций ряда африканских народов, проведенное в последние годы, продемон-

Карта 1. Денчира и Ачем в конце XVII в.

стрировало отсутствие жесткой связи между этими легендами и реальными фактами [210; 211; 652].

Как отмечал Я. Вансина, одной из важнейших функций устной традиции является узаконивание права на власть определенной родственной группы, сведения же о переселении часто не имеют ценности, это культурное клише [653, с. 58]. Для обоснования права на власть необходимо было доказать, что данная группа является либо первопоселенцами, либо пришельцами из общепризнанного идеологического и культурного центра (особенно показателен в этом плане миф об Аура Поку — «прародительнице» бауле, приведшей их из страны Ашанти). Вполне также допустимо предположение, что в легендах могли

отразиться и такие явления, как регулярные переселения на соседние территории, обусловленные характером хозяйственной деятельности (охотой, скотоводством, подсечно-огневым земледелием и др.). Н. М. Гиренко обозначает такую форму развития ЭСО термином «пульсация» [87, с. 84—85; 81 с. 33—34]. В результате пульсации постоянно возникали и отмежевывались аналогичные общности, уходившие на относительно новые территории в рамках одной экологической ниши. Вполне вероятно, что ядро ашантийцев составил именно такой пульсирующий ЭСО, а легенды о происхождении — это одна из форм осознания их общности.

Однако вернемся к стране Кваман, которая, несмотря на утверждение устной традиции, была обитаема и ее жители (аброны и дормаа [487, с. 107]) создали ЭПО: Тафо, Асафо, Амакон, Сантресо по одним источникам [402, с. 68] или Тафо, Домаа, Каасе и Амаком — по другим [505, с. 11; 618, с. 51; 455, с. 17]. Страна Кваман была богата орехами кола, дичью, свободной землей, имела естественную защиту в виде гряды холмов и болот, непроходимых в дождливый сезон.

Переселенцы из Асантемансо разбили военные отряды кваманских ЭПО, а в конце XVII — начале XVIII в. создали Конфедерацию Ашанти — апогей политического развития аканской цивилизации.

XVI — начало XVIII в. в истории аканов — это период возникновения и консолидации множества раннеполитических образований — оманов и их союзов, таких, как Ассин, Васса, Денчира, Аквamu, Ачем и Ашанти в лесной зоне; Фанти, Акрон, Агона, Агуафо, Фету, Коммани, Асебу, Аанта (Анте), Нзима (Аманахиа) и других на побережье, причем если в начале XVII в. на побережье существовало пять небольших оманов, то в начале XVIII в. — уже 11 довольно крупных ЭПО, прежде всего — Федерация Фанти, объединившая около 20 оманов.

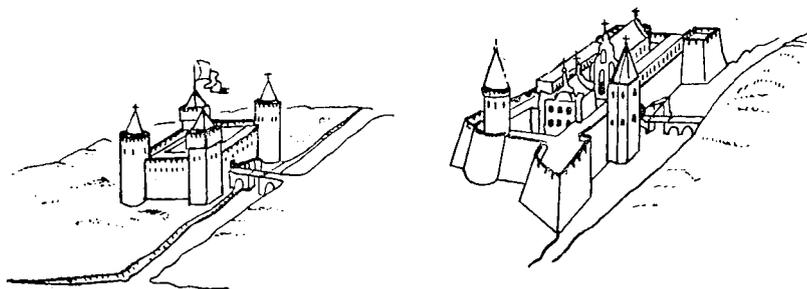
XVIII век стал временем становления и укрепления Конфедерации Ашанти. Практически в течение всего века ашантийцы боролись с соседями за контроль над торговыми путями на юг, к побережью Гвинейского залива, и на север, в страны Западного Судана. А. Вилкс отмечает, что за целое столетие только в 1723—1730 и в 1733—1740 гг. ашантийцы не вели никаких войн [661, с. 19]. К середине XVIII в. территория конфедерации увеличилась в пять раз [599, с. 38], а к концу XVIII в., как отмечал Дж. М. Сарба, Конфедерация Ашанти превратилась в мощную державу, под контролем которой находилась территория от Либерии до Дагомеи [627, с. 3]. Хотя, если точнее, то под контролем ее правителей были земли, примерно соответствующие территории современной Ганы (см. карту на форзаце 2). К началу XIX в. фактически существовало только два мощных аканских политических центра — Конфедерация Ашанти и фантийские федерации Борибори, или Бороборо (Западная), и Экумфи (Восточная).

Процесс политогенеза на Золотом Берегу и в его внутренних районах, несомненно, находился в корреляции с упадком суданских империй на Нигере вследствие вторжения марокканцев в 1591 г., а также с появлением голландцев и англичан на побережье Гвинейского залива и интенсификацией торговой деятельности европейских держав.

Золотой Берег и европейские державы

Первыми европейцами, появившимися на Золотом Берегу³ в последней трети XV в., были португальцы, которые в 1481—1482 гг. построили форт Сан-Жоржи-да-Мина, или Каса да Мина, более известный как Эльмина. Эльмина стала первым европейским фортом⁴ во всей Тропической Африке. Она была главным торговым и военно-опорным пунктом португальцев и голландцев (с 1637 г.) в Западной Африке⁵. В XVI в. португальцы построили еще три форта: Сант-Яго (возле Эльмины), Сан-Антонио (в Аксиме) и Сан-Себастьян (в Шаме).

Великобритания впервые появилась на Золотом Берегу в 1631 г., построив небольшую факторию Кормантин (Корман-

Замок Эльмины в XVI, XVIII и XIX вв.

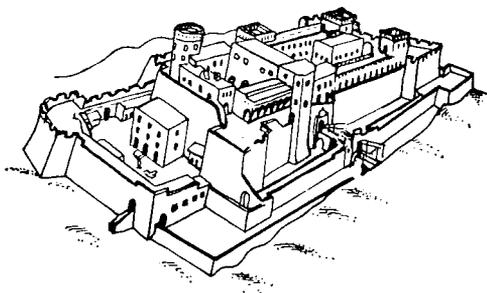
тайн)⁶, а позднее захватила португальский замок Кабо-Корса (Кейп-Кост), который почти 200 лет служил британцам штаб-квартирой в этом регионе. Во второй половине XVII в. англичане закрепились в восточной части Золотого Берега (форт Джеймс в Аккре, Прампрам и др.), где уже с 1620 г. доминировали датчане (Фреденсбург, или Нинго-Форт, Кристиансбург в Аккре и др.), и лишь в конце XVII — начале XVIII в. Великобритания вновь появилась в центре и на западе Золотого Берега (1691 г. — Диксов, 1712 г. — Виннеба, 1753 г. — Аномабо).

Голландцы обосновались на Золотом Берегу в 1636 г. Они захватили английский Кормантин (переименовав его в Амстер-

дам), через год — португальскую Эльмину и построили два новых форта поблизости от Эльмины: в 1637 г. — Нассау, или Мори (Моури, Мури), в 1640 г. — Конрадсбург (на месте разрушенного португальского форта Сант-Яго). В 1642 г. голландцы отобрали у португальцев последний их форт (Аксим) и полностью вытеснили их с Золотого Берега. Позднее они построили свои форты в Комменде, Бейине (Аполлония), Апаме (Патиенс) и Секонди (Оранжевый).

Проявили интерес к Золотому Берегу и другие европейские государства, в частности Швеция (Такоради и замок Осу в Аккре, захваченный в 1659 г. Данией и переименованный в Кристиансбург), Бранденбург (форты Бранденбург возле Аксима и Гросс-Фридрихсбург в Принсисауне). Франция осваивала в основном Берег Слоновой Кости, и прежде всего ту его часть, которая называлась Берегом Людей Кваква (Берегом Хороших Людей) — в районе торговых центров Большой Лау и Малый Лау, но и на Золотом Берегу построила несколько фортов (Асини, Амоку и др.).

Всего на Золотом Берегу было построено около 50 европейских замков, фортов и сторожевых постов — больше чем где бы то ни было в Африке [557, с. 7]. И если к началу XVI в. здесь было только одно постоянное торговое поселение евро-

пейцев — португальская Эльмина, а к 1600 г. — 4 (все португальские), то к 1700 г. — 35 (голландские, британские, датские, французские, шведские и бранденбургские), к 1800 г. — 45 (голландские, британские и датские). В целом к началу XIX в. на Золотом Берегу было сосредоточено $\frac{2}{3}$ всех фортов и замков европейских держав, построенных в Западной Африке [453, с. 235]. Эти поселения находились друг от друга на расстоянии не более 10 миль и даже ближе (см. подробнее карту № 2). Каждый форт имел жилые дома, склады, мастерские и укрепления, которые строились не столько для защиты от аборигенов, сколько от европейских соперников [120, с. 22].

В 1850 г. Великобритания выкупила за 10 тыс. ф. ст. все военно-торговые поселения Дании [528, с. 608] (прежде всего замок Кристиансборг⁷—датскую штаб-квартиру), а затем, в 1867 г. обменялась фортами с Голландией (с целью ликвидации чересполосицы). В 1872 г. голландцы продали британцам все свои форты и поселения за 24 тыс. ф. ст. [528, с. 980]. Весь Золотой Берег оказался в руках Великобритании. В эти же годы весь Берег Слоновой Кости стал французским.

Золотой Берег привлек внимание европейцев прежде всего золотом, что подчеркивает и само название, данное португальцами. Достоверных свидетельств, что население этого региона было вовлечено в торговлю с Европой до XV в., пока нет, но в литературе довольно распространена точка зрения, согласно которой такая торговля (золотом, слоновой костью, рабами, перцем, черным деревом и т. д.) существовала при посредничестве торговцев Западного Судана и Северной Африки [619, с. 5]. Это обосновывается, как правило, тем фактом, что, когда португальцы прибыли в 1471 г. на Золотой Берег, они столкнулись с мандеязычными торговцами-посредниками. Подтверждением возможности транссахарских связей до XV в. часто служит и находка в Кумаси в конце XIX в. кувшина со знаком английского короля Ричарда II Плантагенета (1377—1399) [513, с. 395; 370, с. 66].

Практически с самого начала и до конца XVII в. европейцев прежде всего интересовало золото, в меньшей степени — слоновая кость, но пик золототорговли приходился на 1471—1520-е годы, когда португальцы ежегодно вывозили более 40 тыс. унций (только из Эльмины по 15—20 тыс. унций), что составляло примерно $\frac{1}{10}$ мирового золотого запаса [665, с. 520; 532, с. 40], причем португальцам удалось подорвать монополию арабов на торговлю золотом [532, с. 40].

С XVII в. золото с Золотого Берега стали вывозить и другие европейские державы, прежде всего — Великобритания. Например, стоимость монет, сделанных из африканского золота, составила более $\frac{1}{3}$ стоимости всех золотых монет, выпущенных в Англии в 1677 г., а в 1691 г. — почти половину [654, с. 29, 36]. Почти 400 лет Золотой Берег был одним из главных источников золота для Европы. За это время было вывезено почти 14,5 млн. унций. Динамику этого процесса можно проиллюстрировать следующими данными (тыс. унций) [538, с. 14]:

Годы	В среднем за год	Всего
1471—1750	40	11 200
1750—1800	10	500
1801—1850	40	2 000
1851—1880	25	75

В обмен на золото европейцы предлагали довольно большой выбор различных товаров: металлические изделия (железные бруски, топоры, ножи, котелки, кастрюли, сковороды, тазы, вед-

ра, лопаты), оружие (мушкеты, аркебузы, порох, сабли, кинжалы) и алкогольные напитки, а также различные текстильные изделия (тонкие шелковые ткани, тафту, полотно, ковры, одеяла, шерстяную одежду и др.). Пользовались спросом такие предметы роскоши, как зеркала, бусы, кораллы, украшения из бронзы, кожаные сумки, зонты больших размеров и различные головные уборы. Обменивались и такие товары, которые закупались в других регионах Африки, например леопардовые шкуры и бусы из Бенина [458, с. 5; 542, с. 105, 208] и даже рабы (из того же Бенина и из Конго, а в XVII в.—главным образом из Ардры, Попо и Виды), которых португальцы продавали торговцам-посредникам, нуждавшимся в носильщиках. Так, в 1485—1540 гг. ввоз рабов на Золотом Берегу составлял 150—700 человек в год, а всего за этот период было завезено более 12 тыс. рабов [601, с. 127, 134—135; 622, с. 442]. После 1540 г. спрос упал, и ввозилось не более 100 рабов в год [541, с. 198].

Во второй половине XVII в. в Америке произошла сахарная «революция» и резко возросла потребность в рабочей силе на плантациях сахарного тростника, что стимулировало развитие трансатлантической работорговли. Это, в свою очередь, изменило характер торговых связей Европы с Африкой, в частности с Золотым Берегом. Главным товаром стали невольники. С конца XVII в. до 1730-х годов Золотой Берег очень быстро превратился из «золотого рудника» в «невольничий рудник», по образному выражению К. Дааку [458, с. 15], и до конца работорговли был одним из основных поставщиков невольников [475, с. 423]. Золото отошло на второй план, оно даже ввозилось из Бразилии, и на него покупали рабов [542, с. 326].

Работорговля резко активизировала деятельность европейских держав на Золотом Берегу, и именно в этот период было построено большинство фортов и факторий. О размахе торговли говорит и тот факт, что в 1650-х годах к Золотому Берегу прибывало не более 50 торговых кораблей в год, а в начале XVIII в.—более 150 [542, с. 211]. Работорговля была весьма прибыльным занятием, если учесть, что невольника покупали за 45 флоринов, а продавали в Новом Свете за 210 и более [458, с. 19]. Из всех европейских держав только Голландия почти не занималась торговлей невольниками, сохранив свой интерес к золоту [619, с. 11].

Невольники, как правило, шли в обмен на огнестрельное оружие, и самыми популярными товарами в XVIII в. стали порох, пули и мушкеты. До 1730 г. в Западную Африку завозилось не более 180 тыс. единиц огнестрельного оружия в год, а в 1750—1807 гг.—уже по 283—394 тыс. [497, с. 198], причем на долю Англии приходилось до 45% всего объема торговли оружием. На каждом британском корабле доставлялось в среднем 610 мушкетов [497, с. 198].

Работорговля фактически продолжалась примерно 200 лет (до 1850-х годов), хотя официальная ее отмена произошла во

Франции в 1794 г., в Дании — в 1803 г., в Великобритании — в 1807 г. и в Голландии — в 1814 г.

Сколько невольников было вывезено с Золотого Берега, установить практически невозможно, но, по некоторым оценкам, ежегодно — до 10 тыс. человек [120, с. 22]. Британцы и французы с 1711 по 1810 г. вывезли около 500 тыс. рабов, причем $\frac{2}{3}$ приходится на долю англичан — основных работорговцев. Динамику этого процесса можно проиллюстрировать следующими данными (тыс. человек) [452, с. 221]:

Годы		Годы	
1711—1720	— 44,0	1761—1770	— 52,4
1721—1730	— 54,2	1771—1780	— 38,7
1731—1740	— 65,2	1781—1790	— 59,9
1741—1750	— 67,0	1791—1800	— 29,4
1751—1760	— 41,8	1801—1810	— 22,1

Запрещение работорговли заставило европейцев искать альтернативные виды товаров. Сначала основным местным товаром вновь стало золото⁸, следующими по значимости — слоновая кость, древесина, копаловая камедь и шкуры обезьян, но с 1830-х годов в число основных вошло пальмовое масло, которое к середине XIX в. вытеснило слоновую кость со второго места в этом списке [619, с. 69]. В связи с этим XIX в. часто называют переходным от работорговли к торговле пальмовым маслом. В обмен европейцы предлагали прежде всего текстиль, алкоголь, порох, оружие и табак. Кроме того, поиск новой основы для обмена на европейские товары привел к началу плантационной системы хозяйства и поощрению производства местной сельскохозяйственной продукции на экспорт.

Следует отметить, что попытки разводить экспортные сельскохозяйственные культуры предпринимались и раньше. Так, еще в 1689 г. голландцы zaloжили плантации табака, индиго и хлопка на р. Пра около Шамы, а к 1700 г. такие плантации были в Аксиме, Секонди, Бутри и Эльмине; сахарного тростника — в Бутри. Англичане и датчане тоже в конце XVII в. пытались разводить цитрусовые, перец, имбирь и т. д. Но только во второй половине XIX в. плантации пальмового масла и особенно кофе (с 1880-х годов) приобрели экспортное значение (подробнее см. [619, гл. 2; 553, с. 95—110; 391, с. 131]).

Завершая краткую характеристику торговой деятельности европейских держав на Золотом Берегу в доколониальную эпоху, выделим три основных этапа в ее истории (ср. [391, с. 131]):

1. Конец XV — конец XVII в. — начальный период; вывоз главным образом золота; весьма кратковременное пребывание на побережье.

2. Конец XVII — начало XIX в. — период работорговли; вывоз невольников и ввоз огнестрельного оружия; расширение постоянных поселений.

3. Начало XIX в.—1874 г.—предколониальный период; вывоз «узаконенных товаров» (золото, пальмовое масло, слоновая кость); начальная колонизация побережья.

Основные моменты исторического развития в предколониальный период

В политическом плане XIX век ознаменовался противоборством между жителями побережья (прежде всего фантийцами и га), на стороне которых выступали англичане, и ашантийцами. Серьезным политическим фактором стало также создание коронного владения британских фортов и поселений Золотого Берега в 1821 г. (до этого форты Золотого Берега находились под эгидой английской Королевской компании и голландской Вест-Индской компании). Главной причиной конфликтов, как и в XVIII в., было стремление правителей Конфедерации Ашанти установить прямые контакты с европейскими торговцами, в то время как фантийские правители стремились сохранить свою монополию. В XVIII в. произошло не менее десяти ашантийско-фантийских войн (самая крупная — в 1765 г.), в XIX в. — девять (1803, 1806, 1811, 1814—1816, 1823—1824, 1826, 1863, 1873—1874, 1895—1896 гг.), большинство из которых вошли в историю под названием англо-ашантийских войн.

Первые пять англо-ашантийских войн закончились в пользу Ашанти. Англия признала независимость Конфедерации Ашанти, и по договору 1831 г. была определена граница между конфедерацией и британской сферой влияния на Золотом Берегу. Во время шестой войны (1873—1874) англичане проникли в глубь страны, ашантийская столица была сожжена и разграблена. Все военные укрепления и дворец правителя были взорваны, но удержаться в Кумаси англичанам не удалось. Формально ашантийцы сохранили свою независимость. Однако по договору они должны были выплатить Англии 50 тыс. унций золота и отказаться от притязаний на Эльмину (поводом к войне послужил отказ англичан платить дань ашантийцам за право торговать и иметь поселение в Эльмине, которую они купили у голландцев в 1872 г. [580, с. 356—357]). Англичанам разрешалась свободная торговля на территории страны, в Кумаси был направлен чиновник для контроля над соблюдением всех условий договора.

Поражение в шестой англо-ашантийской войне фактически ознаменовало конец самостоятельного развития Ашанти. Конфедерация стала разваливаться, многие омане объявили о своей независимости от Кумаси [393, с. 65; 419]. Седьмая, последняя англо-ашантийская война (1895—1896) завершилась полным поражением Конфедерации Ашанти. Страна была объявлена английским протекторатом, а после неудачного восстания в 1900 г. была включена в состав британской колонии Золотой Берег (январь 1902 г.).

Колония Золотой Берег была создана 24 июля 1874 г. В нее вошла территория побережья от устья р. Тапо до устья р. Вольта и от побережья до междуречья Пра—Офии на севере. Создание колонии назревало уже достаточно давно — с 1850-х годов, непосредственная подготовка к этому началась в 1867 г., когда Великобритания и Голландия, естественно без каких бы то ни было консультаций с местными правителями, договорились об обмене фортами. Эта акция вызвала протест у правителей фантийцев, так как английские форты на их территории должны были перейти к голландцам — союзникам Конфедерации Ашанти. Была попытка противостоять этим планам путем создания так называемой Конфедерации Фанти, объединившей ряд фантийских оманов, а также Ассин, Вассу, Чифо, Денчиру и др. с центром в Манкессиме. Однако разногласия среди руководителей, отсутствие необходимых финансов и военной силы, а также противодействие британских колонизаторов привели к распаду конфедерации в 1873 г. В следующем году территория Конфедерации Фанти, так же как и Конфедерации Аккры, вошедшей в это же время, вошла в состав британской колонии Золотой Берег, создание которой, а также перенос резиденции губернатора из Кейп-Коста в Аккру в 1877 г. ознаменовали начало новой эпохи в социально-экономической и этнополитической истории аканов.

Следовательно, 1874 год в истории Ганы и аканов можно считать условной датой конца доколониальной эпохи и начала колониальной, когда уже начались серьезные сдвиги под непосредственным воздействием капиталистического мира и создавались предпосылки для оформления колониального общества. В свою очередь, доколониальная эпоха может быть разделена на два главных этапа — до появления европейцев в XV в. и после, причем второй этап можно подразделить еще на три периода. Рубежами двух первых периодов будут соответственно: 1700 г. (примерная дата создания Конфедерации Ашанти) и 1803—1806 гг. (отмена Великобританией работорговли и первая англо-ашантийская война).

Нетрудно заметить, что выделенные периоды вполне соотносятся с тремя периодами в истории торговой деятельности европейцев на Золотом Берегу.

Глава 2

ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО АКАНОВ

Экология региона

Аканы обитают в двух основных экологических зонах — лесной и прибрежной, а также на границе тропического леса и саванны.

Лесная зона в геофизическом отношении представляет собой слегка приподнятую над уровнем моря (до 450 м) холмистую

равнину, покрытую густым высокоствольным тропическим лесом. С севера она ограничивается двумя уступами (Венчи и Мампонг) плато Кваху (до 1 тыс. м над уровнем моря), которые надежно защищают ее от северо-восточного горячего и сухого ветра — харматтана. Большая часть территории лесной зоны сложена из древних пород с преобладанием кварцитов, гранитов и гнейсов. Основной тип почвы — красноезем (красные латериты) влажных тропических лесов.

Прибрежная зона (до 100 км от побережья Гвинейского залива) — это травянистая равнина с небольшими грядами холмов или изолированными горами и редколесьем. Береговая полоса до Аксима — песчаные пляжи и болота (протяженностью до 30 км от берега), к востоку от Аксима — столчатые морские утесы; лагуны встречаются довольно редко, хотя типично чередование заливов и мысов. Большая часть территории прибрежной зоны сложена из гранитов, кварцитов, филлитов и сланцев, в отдельных местах (между Эльминой и Секонди) преобладают известняки, к западу от Аксима — песчаники. Почвы здесь глинистые, а также красные песчаные.

Весь регион расселения аканов пронизывает густая гидрографическая система. Наиболее крупные реки — Вольта, Тано, Анкобра, Пра, Бирим, Анум, Комоз, Бандама, Нзи, Биа. В 36 км к юго-востоку от Кумаси расположено оз. Босомчви вулканического происхождения.

Растительный мир лесной зоны богат и разнообразен: пальмы 30 видов, деревья кола, цитрусовые; ценные породы деревьев: красное (махогани), эбеновое, шелковое, касторовое, хлебное, тамаринд и т. д. В прибрежной зоне — мангровая растительность, а также баобабы, веерные и масличные пальмы. В тропическом лесу много дичи, есть антилопы, обезьяны, кабаны, различные хищники, разнообразные виды змей; в реках много рыбы и крокодилов.

Поскольку каждое общество развивается в конкретной экологической среде, а производственная деятельность находится во взаимозависимых отношениях с эксплуатируемой территорией, то необходимо рассмотреть те ее физико-географические условия, которые влияют на производственную деятельность. Основным традиционным занятием всех аканов было земледелие, продуктивность которого прежде всего зависит от характера почвы и климата.

К сожалению, в распоряжении исследователя нет данных о климате этого региона до XX в., однако основные параметры климатических условий середины XX в., по-видимому, могут быть с известными оговорками экстраполированы в доколониальную эпоху. В середине XX в. в лесной зоне был экваториально-муссонный климат: сезоны дождей чередовались с сухими сезонами. Первый сезон дождей — аусоу (март—июль), второй — адом (сентябрь—ноябрь); между ними — сухие периоды опэ (июль—сентябрь) и офупэ (ноябрь—март). В течение го-

да наблюдается два максимума осадков — в июне и октябре. На побережье максимумы осадков те же; только наибольшее количество осадков выпадает в мае—июне, особенно в западной части Золотого Берега [54, с. 42].

Влажность воздуха, создающая потенциальные условия для выпадения дождя и определяющая расход воды водоемов и почвы, в районе Кумаси составляет 88% ($\pm 5\%$), на побережье — 87% (по утрам — 90—100%) [54, с. 44].

На большей части лесной зоны самые высокие средние суточные и месячные максимумы температуры наблюдаются в марте ($+27,6^\circ$) и апреле ($+26,7^\circ$), самые низкие — в августе ($+24,6^\circ$). В прибрежной зоне максимальные температуры в марте ($+31,2^\circ$) и апреле ($+31,1^\circ$), минимальные — в августе ($+26,9^\circ$) [54, с. 36].

Количество осадков и температурные изменения определяются также ветрами. Здесь два режима ветров: из Сахары приходит горячий и сухой харматтан, а со стороны моря дуют юго-западные ветры — муссоны, несущие прохладу и осадки. Осадков в целом выпадает много, но густой растительный покров предохраняет почву от выщелачивания в дождливые сезоны и от высыхания в сухие сезоны.

Земледелие

Аканов можно отнести к хозяйственно-культурному типу мотыжных земледельцев жаркого пояса [360, с. 172], традиционная система земледелия которых связана со свойствами почвы, требующей длительного времени для восстановления, и обычно определяется термином «мотыжное переложное подсечно-огневое».

Однако аканы, как и многие другие мотыжные земледельцы Тропической Африки, не ведут полукочевого образа жизни, обусловленного периодическим перемещением обрабатываемых полей вслед за освоением целины. Вновь осваиваемые земли чаще всего бывают не целиной, а залежью. Участок, занятый вторичной растительностью, всегда легче расчистить, чем целину в условиях тропического леса. Поэтому целина осваивается только в крайнем случае (при увеличении численности населения или при росте его потребностей). Таким образом, у аканов, по существу, практикуется циклично-залежная форма земледелия (основные циклы: обработка—залежь—обработка) [53, с. 95—97].

Основным типом поселения является постоянная деревня, вокруг которой располагаются обрабатываемые (афува) и залежные (мфуфува) земли. Циклично-залежная система земледелия стала возможной благодаря усовершенствованию агротехнических приемов экстенсивного земледелия, и прежде всего правильному подбору и чередованию главных культур, что

позволяет использовать разнообразные почвы и продлевать сроки непрерывной эксплуатации одного участка (перелог с частичным оборотом культур) [52, с. 166; 665, с. 497—505]. Длительность ротационного цикла обычно составляет 3 года, реже — 4. Так, ашантийцы Мампонга попеременно возделывают следующие культуры: первый год — ямс, второй — кукурузу, третий — маниок [572, с. 219]. Ямс дает хороший урожай только тогда, когда его сажают первым из набора чередующихся культур, маниок сильно истощает почву, но нетребователен к ее плодородию, поэтому его сажают последним [52, с. 163]. Вокруг полей или в их центре сажают плодовые деревья (чаще всего плантен) и масличные пальмы, которые предохраняют почву от размыва во время ливней и защищают растения от солнца; опавшие листья деревьев служат хорошим удобрением.

Весь процесс земледельческих работ у аканов строго регламентирован и происходит в определенной последовательности. Основные производственные стадии земледельческих работ следующие: нкете си — выбор участка, вырубка и пожог растительности; афув доу — вскапывание и подготовка участка к посеву; ннуаба дуа — посев; афув асе доу — уход за посевом (включая прополку); ннуаба чва анату — сбор урожая.

Аканы в доколониальную эпоху возделывали в основном ямс, маниок (кассава), таро, батат и др. клубнеплоды. Причем до кассавы и других культур, завезенных португальцами (кукуруза, земляной орех, ананасы, томаты, цитрусовые) [395, с. 6—8; 474, с. 130; 585], ямс был основной продовольственной культурой, и ежегодный праздник ямса — главное социально-идеологическое событие в жизни всех аканов. Возделывались также зерновые (рис, просо, сорго), бобовые, бананы-плантены, различные плодовые деревья, масличная пальма, на огородах — овощи (окра, лук, перец, баклажаны), арбузы, дыни, тыквы. Практически все перечисленные культуры хорошо плодоносят, и большинство из них дают урожай дважды в год [302].

Основными сельскохозяйственными орудиями были мотыги (асоу), мачете (секан) и нож с длинной рукояткой (нкранте).

Охота, рыболовство, собирательство

В прошлом охота была одним из основных занятий всех аканов [614, с. 345]. Но к XVIII в. она уже играла второстепенную роль в хозяйстве. В нашем распоряжении, к сожалению, нет никаких данных об относительном весе всех видов хозяйства у аканов до XX в., но данные по ашантийцам на начало XX в. говорят о преобладании земледелия: 316 дней в году занимала работа в поле, а охота — 10 дней [572, с. 220]. Однако до сих пор охотник занимает почетное место в обществе [639, с. 65]. Охота была главным видом деятельности в сухой сезон, а дичь (антилопы, дикие кабаны, зайцы, птицы) — почти един-

ственным источником мяса. Охотились, как правило, небольшими группами из 2—3 человек или, реже, группами побольше (до 15—20 мужчин разного возраста) [415, с. 11—12].

Собирательством занимались женщины в случае неурожая, пожара или за один-два месяца до большого урожая. Собирали плоды и семена дикорастущих растений, орехи, ягоды, коренья, а также саранчу, улиток, ящериц, термитов и других насекомых [427, с. 315].

Скотоводство было развито слабо из-за мухи цеце и отсутствия пастбищ. В небольших количествах разводили овец, коз, свиней и домашнюю птицу (кур, гусей, индеек).

Рыболовством (преимущественно речным) занимались круглый год, но наиболее интенсивно — в начале сухого сезона. Ловили рыбу удочкой на крючок или сетями (донными, плавными, кошельковыми, сетями-накидками), а также использовали специальные яды. В лагунах ловили корзинами (в основном карпа).

Морским рыболовством занимались фантийцы, правда, появилось оно у них лишь во второй половине XVIII в. после заимствования у европейцев паруса [54, с. 82]. В море выходили на долбленых челноках с парусом и короткими веслами (помещалось в них по 5—7 рыбаков). Наиболее распространенная добыча — сельдь и макрель. Применялись различные способы заготовки рыбы впрок — копчение, сушка, засолка.

Ремесла, золотодобыча, солеварение

Основные предметы домашнего обихода (утварь, циновки, корзины и т. д.) аканы делали сами из подручных материалов. Однако некоторые домашние промыслы, по крайней мере к XVIII в., уже выделились в ремесла. Это прежде всего кузнечное и гончарное дело, ткачество и изготовление каноев.

Кузнецы (и ювелиры) занимали особое социальное положение и пользовались большим уважением, имея репутацию колдунов и лекарей. Иногда кузнецы селились отдельно, образуя небольшие самостоятельные поселки. У ашантийцев эта социальная группа была эндогамной, браки кузнецов с земледельцами были запрещены. В то же время кузнецам не разрешалось заниматься земледелием и другими ремеслами, поэтому все ими изготовленное шло на обмен. Но у абронов они продолжали заниматься земледелием и огородничеством [639, с. 105]. Кузнецы изготавливали мотыги, топоры, ножи, наконечники для стрел, различные украшения из бронзы, серебра и золота, а также знаменитые гирыки для взвешивания золотого песка.

Гончарное искусство передавалось от матери к дочери. Ткачество и изготовление традиционной одежды (кенте и адинкра) всегда было мужским занятием. В отдельное ремесло выделилась еще резьба по дереву: изготовление культовых фигурок и

барабанов, а также джуа — небольших деревянных скамеечек — символов власти у всех аканов.

Практически все аканы занимались добычей золота. Так называемый Золотой пояс располагался в центре лесной зоны (от р. Бандамы на западе до Аквапимских холмов на востоке). Главные районы золотодобычи — долины рек Пра, Офин, Тано, Анкобры, Комоэ. Когда и где началась золотодобыча, установить трудно. Сведения голландцев, датируемые 1658 г., содержат перечисление 8 районов, богатых золотом [542, с. 76], но они не поддаются идентификации. В конце XVII в. основными местами золотодобычи были Аовин (низовья Тано) и Акан, или Аданси (бассейн рек Пра и Офин), причем сами аборигены лучшее золото называли «акансика» [426, с. 79].

Вполне вероятно, что золотодобыча началась под влиянием торговцев-манде (само слово «нкорон», обозначающее шахту, — мандеязычное), которые до XVI в. монополизировали посредническую торговлю золотом со странами Западного Судана. В XVI—XVII вв. половина добываемого золота по-прежнему шла на север через Бего [542, с. 79, 85—86]. В XIX в. главные районы золотодобычи были сосредоточены в стране Ашанти (Мансо Нкванта, Кононго и Обуасе) и в западной части Золотого Берега (Денчира, Сефви, Васса), где располагалось самое крупное месторождение — Тарква.

Практиковалось три основных способа добычи золота [397, с. 93; 480, с. 46]:

1. Промывание золотоносного песка на берегах рек и на морском побережье (после дождей). Это занятие женщин и подростков, которые за день промывали до 70—80 кг песка.

2. Добыча золота в неглубоких ямах (до 3 м в диаметре и глубиной 1—3 м) — самый распространенный метод. Обусловлен неглубоким залеганием аллювиальных пластов — ближе к поверхности, чем в любом другом регионе мира.

3. Добыча в глубоких шахтах, как правило, в форме бутыли (до 1,5 м в диаметре широкой части и 15—30 м глубиной).

Золотодобычей занимались в течение трех-четырех месяцев сухого сезона и в начале сезона дождей (с декабря по апрель), так как потом ямы и шахты заливало дождевой водой. Добыча осуществлялась чаще всего больше семейными группами с половозрастным разделением основных производственных функций.

Единственный источник соли во внутренних районах Золотого Берега — Дабойа (в Гондже), поэтому многие прибрежные аканы, прежде всего фантийцы, специализировались на извлечении соли из морской воды. Практиковалось два основных метода: кипячение воды в глиняных горшках (традиционный способ) и выпаривание на солнце в земляных ямах (заимствован у португальцев) [618, с. 363; 567, с. 56—57; 619, с. 20]. Наиболее крупные центры солеварения на Золотом Берегу — Такоради и Сега (Чинка).

Торговля

У аканов практиковалась торговля двух видов: внутренняя и внешняя, которая, в свою очередь, осуществлялась на двух уровнях — региональном и межрегиональном.

Внутренняя, или локальная, торговля (джуади, от «джуа» — рынок) товарами местного происхождения (продукты земледелия, рыба, дичь, изделия ремесленников) велась на рынках в пределах омана. Рынки были ежедневные (на открытой площадке без навесов под тенистыми деревьями, обычно на центральной площади селения) и еженедельные (с шестидневными интервалами) на специально оборудованных площадках. Торговля-джуади, и прежде всего продуктами питания, была исключительно женским занятием (как гласит ашантийская пословица, «дело женщин продавать овощи, а не порох» [459, с. 177]). Рынок был центром общественной жизни селения, и поведение на рынках регламентировалось своеобразным «кодексом», который запрещал, например приносить оружие.

Региональная торговля (батади, от «обата» — торговать) осуществлялась между различными аканскими оманами и их соседями примерно в рамках современных Ганы, Того и восточной части Кот-д'Ивуара на ярмарках (с одно- или двухнедельными интервалами) в крупных рыночных центрах, связанных между собой сетью хороших дорог. С начала XVIII в. восемь главных дорог проходили через Кумаси. Ашантийцы занимали очень выгодное положение в центре региона на границе тропического леса и саванны и поэтому были основными посредниками в этой торговле. Каждая дорога имела название по имени города или страны, куда она вела [427, с. 162, 483]. Четыре дороги вели на север — в Джаман (Бондуку) и далее в страны манде (дорога номер один для ашантийцев [661, с. 5]); Банда, или Нсоко («нсоко» на чви — манде); Гбуипе (Дабойа) и далее в Енди и страну моси; Салагу и далее в страны хауса. Южные дороги назывались: Сефви (вела в Аполлонию и Б. Лау), Васса (Эльмина), Джуабен (в Аномабо, Виннебу и Кейп-Кост) и Ачем (Аккра). Поддерживала дороги в надлежащем состоянии и контролировала передвижение торговых караванов особая группа людей — нквансрафо [661, с. 3—5, 38, 48].

В северные районы региона и далее в страны Западного Судана ашантийцы продавали орехи кола, пальмовое масло, золотой песок; ачемцы в основном — слитки золота, а аквапимцы — дичь. На севере они покупали металлы, ткани, предметы роскоши. На юг, на побережье Гвинейского залива, аканы лесной зоны доставляли невольников, золото, продукты земледелия, слоновью кость, а получали отсюда европейские товары, соль, сушеную рыбу. Осуществлялся внутрорегиональный обмен и вдоль побережья: фантийцы и нзима поставляли на восток кукурузу, ямс, сладкий картофель, а получали (от эве и адангме) главным образом рис.

Торговля-батади вызвала к жизни караванную форму доставки товаров, широко распространенную по всей Тропической Африке.

Межрегиональная торговля осуществлялась в трех основных направлениях: к побережью Гвинейского залива; на северо-восток — в страны хауса; на восток — вдоль побережья до дельты Нигера. Торговле золотом, невольниками и оружием — главными товарами трансатлантического обмена — предшествовала торговля с жителями саванны золотом, солью и орехами кола. По грубым подсчетам, ежегодно на север с конца XV до середины XIX в. из аканских оманов вывозилось до 2,5 тыс. унций золота [458, с. 26; 480, с. 39], т. е. торговля с севером никогда не прекращалась, несмотря на переориентацию главных торговых связей на побережье.

Основными партнерами аканов в межрегиональной торговле были европейцы и хаусанцы, причем последние покупали прежде всего орехи кола⁹, что было связано с увеличением спроса на них в странах хауса после запрещения употреблять алкогольные напитки Османом дан Фодио в 1804 г. [619, с. 70]. Но с началом перевозок товаров в Лагос по морю в середине XIX в. караванная торговля с хаусанцами постепенно прекратилась [585, с. 373].

Транзитная караванная торговля со странами Западного Судана осуществлялась особой группой торговцев-профессионалов, преимущественно хаусанцами, мандингами и моси; аканов среди них почти не встречалось. Самыми первыми из них были манде-диула, обеспечивавшие связи Бего с Сегу, Тимбукту и Дженне [404, с. 2].

Транзитная межрегиональная торговля привела к появлению торговых портов (по терминологии К. Поланьи [605, с. 30—45]) — городов, целиком связанных с посреднической торговлей, располагавшихся на морском берегу, у слияния рек или на границах экологических зон. Таковыми были европейские форты на побережье (наиболее типичные — Эльмина, Кормантин, Кейп-Кост, Аксим, Комменда, Аномабо), а также такие города, как Салага, Енди, Бего, Кинтампо, Атебубу [403; 459; 619]. Самым крупным и знаменитым из них была Салага, которая располагалась к востоку от слияния Белой Вольты с Черной Вольтой на землях нанумба, однако большую часть ее жителей составляли хаусанцы, манде-диула и аканы (главным образом ашантийцы).

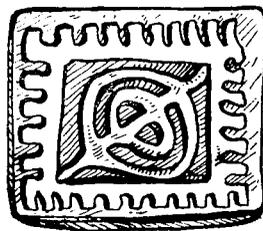
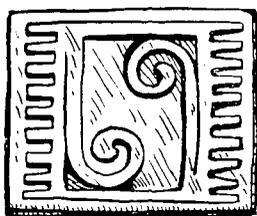
До середины XVIII в. Салага была под контролем Гонджи, а затем (до 1874 г.) — Конфедерации Ашанти. О процветании Салаги красноречиво свидетельствует тот факт, что в первой половине XIX в. она превосходила Кумаси по числу жителей в два раза (население Кумаси тогда составляло 15—25 тыс. человек, Салаги — 40—45 тыс. [661, с. 175; 662, с. 124]). Северо-восточная дорога на Салагу стала в первой половине XIX в. самой важной для ашантийцев, так как с запрещением работор-

говли и упадком трансатлантических торговых связей спрос на орехи кола в странах хауса буквально спасал Конфедерацию Ашанти от экономического краха. Как отметил Дж. Дююи, дорога на Салагу была одной из самых проторенных в Африке [481, с. 110].

Торговля у аканов до середины XIX в. была меновой, ориентированной не столько на прибыль, сколько на непосредственное потребление. Все торговцы (батафо) могут быть разделены на четыре категории [542, с. 12, 176, 252; 403, с. 8; 396, с. 365; 459, с. 173—178; 458, гл. 5]: 1) аджуадифо — торговцы на локальных рынках; 2) батадифо — специалисты по внешней торговле, занимавшиеся организацией и сопровождением караванов; 3) аконкофо — торговцы-посредники (спекулянты); 4) асанфо — маклеры и представители батадифо и аконкофо в торговых портах на побережье и на севере.

При дворах оманхене и других аканских правителей существовала специальная должность батахене, который возглавлял торговые операции данного ЭПО, связанные с обменом монополизированных правителями товаров (золото, невольники, слоновая кость, огнестрельное оружие и др.).

Все категории торговцев взаимодействовали друг с другом по принципу торговой цепи, но доминировали при этом аконкофо. В то же время значительным влиянием пользовались асанфо, которые постепенно превращались в особую прослойку сре-

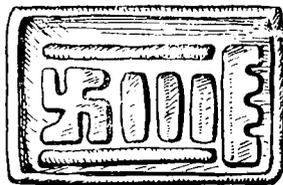
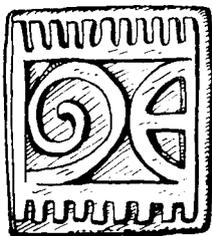

Ашантийские гирьки с цифрами

ди жителей торговых центров, прежде всего на побережье, некоторые из них стали настоящими «торговыми королями» [458, с. 143]. К. И. Дааку, в частности, выделяет среди них четверых наиболее известных и влиятельных на Золотом Берегу в XVII—XVIII вв.: Дж. Кэйбс в Комменде, Дж. Конни в Аанта, Асомани в Аккре и Акваму и братья Акросан в Кейп-Косте [458, с. 143]. Кроме них большой авторитет у европейцев имели мулат Э. Бартер из Кейп-Коста, Дж. Куранче из Аномабо и П. Пассоп из Аккры [459, с. 169—170; 458, гл. 6—7]. К XIX в. таких маклеров стало значительно больше, и влияние их на экономическую и политическую жизнь усилилось (подробнее:

см. [619, с. 107—112]). Следует отметить, что одним из факторов, способствующих резкому увеличению числа маклеров на побережье, стало появление пароходов, что привело к интенсификации торговых связей, поскольку сократило доставку товаров из Англии в Западную Африку с 35 дней до 21 дня. Пароходы также решили проблему сезонности мореплавания [619, с. 112].

Караванная торговля осуществлялась у аканов только в пределах лесной зоны и не имела такого размаха и масштабов, как, например, в Восточной Африке и даже как у хауса и мандингов, и не играла такой важной роли, как в торговых портах Западного Судана (Капо, Тимбуку и т. д.). Аканские караваны, как правило, состояли из сравнительно небольшой группы родственников (в отличие от рабов-носильщиков у хауса и манде). Безопасность караванной торговли обеспечивалась родовой взаимопомощью, поэтому караваны обычно не сопровождались вооруженными отрядами, а торговцы имели при себе только небольшие ножи для самозащиты. К тому же, по обычаю, в мирное время запрещалось идти по чужим землям с оружием в руках [459, с. 175]. Караван мог пройти в день не более 15 км, поэтому через каждые 8—15 км строились на дорогах небольшие караван-сарай, в которых можно было найти пищу, воду и ночлег [542, с. 257].

Таможенные пошлины за проход через территорию оманов или за товары, как правило, не взимались, хотя в литературе по этому вопросу существуют довольно противоречивые мнения [542, с. 259; 475; с. 429; 459, с. 176; 661, с. 34]. Ашантийцы пытались установить контроль в XVIII в. и создали ряд «таможенных пунктов» (в Эджуре, Акомодане, Асогоре, Кусе и Донкро-Нкванте), где с торговцев взимали пошлины [612, с. 51], но цели преследовались не столько экономические, сколько политические (например, не допустить нежелательных лиц, в частности мусульман) [459, с. 176]. Регулярно взимали пошлины только на рынках и на паромных переправах через реки.

Основными эквивалентами торгового обмена в этом районе Тропической Африки в XVI—XVII вв. были железные бруски (длиной до 70 см, иногда расплющенные по концам) или диски — набуо, или ннаабо, в больших количествах завозимые европейцами [482, с. 154; 659]; в Ассини и к северо-западу от лесной зоны — бусы (бота) [584, с. 203].

В XVIII—XIX вв. главными эквивалентами стали золото и раковины каури (седи). В этом же качестве использовались также невольники и орехи кола. Каури наибольшее распространение получили в восточной части Золотого Берега, где было сравнительно мало золота, но в золотодобывающих районах они не были популярны, а в Ашанти вообще запрещены под угрозой сурового наказания [450, с. 203]. Каури ввозили в основном голландцы — до 150 т ежегодно [619, с. 86; 475, с. 428].

Золото имело хождение в трех формах: самородков, слитков и золотого песка, причем в Ашанти золото в других, кроме песка, формах не считалось деньгами. Поэтому самородки и слитки расплавлялись и превращались в песок (в Кумаси более ста человек занимались этим ремеслом). Для взвешивания золотого песка была создана своеобразная система весовых единиц и особые значки для их обозначения, наносившиеся на бронзовые гири геометрической, зооморфной и антропоморфной формы [613, с. 300—320].

Аканская система весовых единиц была разработана в Бонно на базе исламских единиц мискаля и укийя, а впоследствии приспособлена сначала к португальской, а затем к тройской унции. В XIX в. переджуан (основная единица) был равен 2,25 тройской унции [666, с. 6].

В торговле с европейцами часто использовались подделки под золотые слитки — сплав золота с медью и серебром в форме небольших кусочков (какраа) [542, с. 189] или слиток золота с железом или землей внутри [123, с. 173]. За распространение такого сикабоне (плохого золота) наказывали смертью. Описан случай, когда акуропонхене Джамфи Коджо был уличен в этом уже после смерти в 1820-е годы. Его эксгумированное тело доставили в суд, где он был объявлен виновным и обезглавлен. Но в 1867 г. виновному ювелиру всего лишь отрезали уши [666, с. 3—4].

Глава 3

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ АКАНОВ

Традиционная социальная организация аканов рассматривается в данной работе как система социальных институтов. «Социальный институт» — одна из основных категорий этносоциологического исследования, поскольку социальные институты репрезентируют важнейшие черты общественной картины этноса, являясь «организованной формой человеческой деятель-

ности» [611, с. 10] (ср. [202, с. 55]). Однако до сих пор не существует ее общепринятого определения (подробнее см. [373, с. 95—101]). В настоящей работе под социальными институтами понимаются «исторически обусловленные общественные подразделения, характеризующиеся относительным единством регламентированных общественных функций и нормой воспроизводства или преемственности» [88, с. 4].

Представляется необходимым обозначить те критерии, которые служат основанием для выделения каждого конкретного социального института из комплекса общественных отношений. По-видимому, одним из основных условий такого выделения является наличие в языке данного этноса термина для обозначения конкретного общественного подразделения, поскольку термин есть внешнее выражение осознания членами данного коллектива своего группового единства, корпоративности (или на философском уровне: термин — это конструктивация действительности [98, с. 112]). Остальные критерии вытекают из определения социального института: наличие регламентированных функций и механизма воспроизводства (преемственности). Следует сразу же подчеркнуть, что ни один из этих критериев не является достаточным условием. Только в единстве, в совокупности они могут быть объективными, т. е. необходимыми и достаточными для выделения.

Системное исследование социальных организмов предполагает выделение их компонентов (социальных институтов), изучение их иерархии и взаимосвязей, структуры и функций. Рассмотрим основные подразделения традиционной социальной организации аканов, представляющие собой четкие дискретные единицы и обладающие тем единством свойств, которые позволяют считать их социальными институтами.

Поскольку ни один из аканских социальных институтов не описан с необходимой полнотой, в данной главе предпринимается попытка создать некие модели этих институтов, а также дать им историко-типологическую характеристику, основываясь на тех фрагментарных сведениях, которые имеются в литературе, и абстрагируясь от многих деталей, интересных самих по себе, но несущественных для решения поставленных задач (подробнее см. [271; 273; 278; 268; 286; 269]). Следует также отметить, что здесь реконструируются зрелые формы аканских социальных институтов, характерные прежде всего для предколониального периода.

Родовая организация

Если под родом понимать социальный институт, имеющий такие детерминантные параметры, как экзогамия, однолинейный счет родства, общий предок и определенные символы единства, то у аканов зафиксированы три подразделения традиционной социальной организации (абусуапон, абусуа и яфуну), каж-

дое из которых обладает тем единством свойств, которое позволяет соотнести их с теоретическим понятием рода.

Иерархия матрилинейных родовых институтов

Абусуапон представляет собой экзогамное, децентрализованное подразделение, объединяющее кровных родственников, которые ведут свое происхождение от реальной или мифической прародительницы. Слово «абусуа» — синоним «моджа» («кровь»), а у ашантийцев даже есть пословица: «Одна абусуа — одна кровь». Членами абусуапон являлись все кровные родственники по материнской линии, и членство это не могло быть утеряно. Исключения составляли только лица, отлученные от абусуапон. Правило экзогамии соблюдалось очень строго, и брак между членами одной абусуапон считался инцестуальным, а нарушители экзогамии наказывались смертью (ныне ограничиваются отлучением и принесением в жертву овцы).

Каждая абусуапон имеет свое название, девиз и тотем или несколько тотемов. Тотемом обычно служат какое-нибудь животное (леопард, лиса, собака, дикий кот, буйвол и т. д.), птица (гриф, сокол, попугай, ворона), рыба, пресмыкающееся (лягушка, красная змея), растение (плантен, стебель кукурузы) и даже пальмовое масло и красная глина. Эпоним запрещалось убивать и употреблять в пищу, следовало также стараться всячески избегать встречи с ним.

Вопрос о числе абусуапон и их соотношении друг с другом недостаточно изучен. В литературе можно встретить самые различные данные об их количестве, но чаще всего — 7 или 12, хотя упоминается около 50 названий аканских абусуапон, причем эти названия одни и те же у всех аканов и различаются между собой лишь фонетически (см. сводную таблицу в [269, с. 41]). Кроме того, имеются так называемые соответственные абусуапон. Например, Чвидан фантийцев соответствует Беретуо ашантийцев и Абраде ачемцев, Агона = Анона или Ойоко, Асение = Адуана, Ойоко = Асачири и т. д.).

Все абусуапон формально имели одинаковый статус, но в отдельных оманах одна из них могла иметь более важное значение. Например, Беретуо — в ашантийском омане Мампонг, Адуана — в Кумаву и Течимане, Ойоко — у всех ашантийцев, поскольку асантехене избираются только из ее членов, т. е. уже имелась некая иерархия абусуапон и, в частности, произошло выделение династийных родовых групп.

Все члены одной абусуапон, как живые, так и умершие (предки), обладали одинаковыми правами и обязанностями. Они несли коллективную ответственность за преступления и долги своих членов, имели право пользоваться землями, принадлежащими их абусуапон. Они также должны были придерживаться определенных норм поведения. В частности, каждому тотему приписывались символические значения, и членам

абусуапон, имевшей данный тотем, надлежало своими действиями оправдывать его символику. Например, члены Адуана (тотем — собака) должны быть ловкими, Беретуо (леопард) — воинственными, Агона (попугай) — красноречивыми [394, с. 149; 584, с. 30]. Идеологическое единство членов одной абусуапон проявлялось также в некоторых обрядах и в общем культе предков.

Таким образом, основными компонентами абусуапон являются несколько поколений родственников (живых и умерших), связанных между собой экзогамией, матрилинейным счетом родства, одинаковыми правами и обязанностями, общим культом, обрядностью и символикой (имя, тотем, девиз), причем экзогамия и матрилинейность — главные (детерминантные) структурообразующие признаки абусуапон.

Каждая абусуапон состояла из локализованных сегментов — абусуа¹⁰, включавших в себя родственников по материнской линии, которые прослеживали свою генеалогию в среднем на 4—5 поколений к одной прародительнице. Они могут называть себя: «Мы потомки [такой-то] прародительницы», но особых названий у абусуа не было.

Абусуа представляла собой реальный коллектив людей, который имел свою землю, постройки, орудия труда, золото, различные украшения, праздничную и церемониальную одежду и т. д. Все члены абусуа несли коллективную ответственность за поступки друг друга, а отказ в доверии и поддержке одному из членов абусуа считался большим наказанием и применялся как чрезвычайная мера.

Одним из наиболее ярких выражений единства и солидарности членов одной абусуа были похороны умершего члена. В течение этой церемонии они соблюдали траурные табу и поровну оплачивали все расходы. У фантийцев есть даже довольно показательная поговорка: «Члены абусуа — это те, кто делит затраты на похороны» [432, с. 20]. Каждая абусуа имела свое кладбище или особое место на общем кладбище селения.

Во главе абусуа стоял абусуапанин («панин» — старший), которого выбирали на общем собрании всех членов, однако на практике кандидатуру на этот пост подбирали самые старшие члены обоего пола, или же кандидата рекомендовал его предшественник. Избирался абусуапанин пожизненно, но если он переставал удовлетворять своих «подданных», то его могли сместить. Абусуапанин руководил всей хозяйственной и бытовой деятельностью своей абусуа. Он являлся хранителем и распорядителем земель и другой собственности, организатором всех совместных мероприятий (похорон, праздников), арбитром во всех спорах между членами абусуа, а также представлял интересы своей абусуа в совете старейшин деревни. Наконец, как представитель предков, абусуапанин совершал ритуалы, связанные с почитанием предков, которые считаются настоящими.

хозяевами земли и гарантами благосостояния живущих членов рода. Управлял абусуапанин, советуясь со старейшими членами абусуа. Главной его помощницей была обаапанин (как правило, сестра абусуапанина), в функции которой входило руководство делами женской части абусуа (браки, разводы, роды и т. д.).

Традиционная система наследования имущества и статуса у ашантийцев предполагает следующую последовательность выбора наследника умершего мужчины: 1) брат матери (мужской сиблинг матери) умершего; 2) старший брат; 3) следующие по возрасту братья (мужские сиблинги); 4) ортокузен (сын женского сиблинга матери); 5) сын сестры (мужской перекрестный ниблинг) и т. д. Женщине наследовали в следующей последовательности: 1) мать; 2) сестра; 3) следующие по возрасту сестры (женские сиблинги); 4) дочери; 5) дочь сестры (женский параллельный ниблинг) и т. д. Наследника выбирали на общем собрании (т. е. наследование — не автоматическое правило, а комбинация прав по родству и выборов) из общего круга наследников, причем предпочтение отдавалось старшим по возрасту и наиболее подходящим по своим личным качествам (в случае наследования статуса и должности). Если все члены абусуа вымерли, то имущество могло быть отдано невольнику, ведущему происхождение от абусуапанина. Но невольник не мог наследовать статус (подробнее см. [613, с. 43—44; 433, с. 1—2; 269, с. 44—45]).

Итак, абусуа как сегмент абусуапон имеет тот же структурно-компонентный состав, что и абусуапон, хотя детерминантными структурообразующими признаками абусуа являются не только экзогамия и матрилинейность, но и локализованность и потестарность.

Каждая абусуа состояла из нескольких яфуну (букв. «чрево»). Яфуну являлся именно тем сегментом абусуапон, который непосредственно распоряжался землей, принадлежавшей всей абусуапон. Именно в яфуну реализовались все права и обязанности членов абусуа. Яфуну представлял собой группу матрилинейных родственников, прямых потомков (во втором — третьем поколении) одной женщины или группы женских сиблингов. В солидарности группы сиблингов заложена основа существования яфуну.

Краткое рассмотрение структуры и функций абусуапон, абусуа и яфуну показывает, что эти социальные институты представляют собой три ступени в иерархии родовой системы. Единого термина, который бы охватывал все подсистемы, у аканов нет, хотя в принципе таким может служить слово «абусуа», так как сами аканы называют этим термином и собственно абусуа, и абусуапон, но и не отождествляют их полностью (см. примеч. 10 к ч. II).

Какой же из аканских родовых институтов является собственно родом? Ответить на этот вопрос нелегко, поскольку об-

щее определение рода не учитывает структурные и функциональные особенности различных таксономических уровней родовой организации. Однако логика языка (и прежде всего семантика слов, обозначающих отдельные ступени в иерархии родовых институтов) подсказывает следующее решение проблемы: абуса — род, абусапон — надрод, яфуну — подрод (подробнее см. [271; 269, с. 62—66]). К тому же абуса представляет собой локализованный сегмент родовой организации, а ведь именно локализованная ступень, как известно, обладает наибольшей внутренней целостностью и признается большинством исследователей основной ячейкой развитого первобытного общества [60, с. 24], являясь субъектом собственности на основное средство производства — землю. В целом же абуса аканов по своим особенностям очень напоминает ирокезский род [26; 222].

Патрилинейные институты

По традиционным представлениям аканов, каждый человек состоит из двух элементов: моджа и нторо. Моджа — это кровь, получаемая ребенком от матери, она придает человеку его внешний физический облик и передает ему положение члена определенного рода. Нторо (нтон) — это душа, личность человека, его характер. Нторо получают от отца. Словом «нторо» обозначается также мужское семя. Этим же термином ашантийцы называют патрилинейные группирования, которые у фантийцев носят названия «эджабосом» (дух отца).

В XIX в. к одному нторо принадлежали все родственники, происходившие от одного предка-мужчины, а также жены, живущие в домохозяйствах мужей. Р. С. Рэттрей указывал, что все нторо экзогамны [613, с. 46]. Но другие исследователи утверждают, что ограничение браков в пределах нторо было не таким строгим, как в абуса. Потомки одного мужчины в пятом—шестом поколениях могли вступать в брак друг с другом [570, с. 24; 584, с. 116]. Поэтому нет оснований считать институт нторо аналогичным группировкам абуса и отождествлять его с патрилинейным родом, или кланом. Ведь членами нторо являлись не только потомки одного предка-мужчины, но и жены, живущие вместе со своими мужьями. Это не экзогамия, которая полностью исключала возможность того, чтобы супруги принадлежали к одному роду. Нторо, скорее, эктогамное подразделение, т. е. такая система, при которой человек не может вступать в брак с членом своей собственной группы, но его супруг включается в состав этой группы (термин «эктогамия» предложен Ю. И. Семеновым [306, с. 83]).

Никакого хозяйственного значения группировки нторо не имели. Члены одного нторо не владели землями, постройками и т. д. и не имели взаимных обязательств. Их объединяло со-

блюдение определенных табу, общий набор имен, формы этикета и ритуалы, связанные с духом-покровителем определенного нторо.

Число нторо в разных ЭПО варьирует от 4 до 12. К. Р. Харпер, первым обративший внимание на группировки нторо у аканов, отметил 4 главных нторо: Босумору, Босумчви, Босумпра и Нкетна [524, с. 184—185]. Р. С. Рэттрей описал 9 ашантийских нторо [613, с. 47—48], Дж. Б. Данква — 12 [464, с. 242].

Первая часть названий большинства нторо («босом, обосом») переводится как дух, вторая часть составляет имя духа, под покровительством которого находятся члены данного нторо. Причем в большинстве своем имена духов являются названиями рек и иных водоемов: Босомпра — «дух реки Пра», Босоммуру — «дух реки Буру», Босомчви — «дух озера Босомчви», Босомпо — «дух моря» и т. д. Считается, что члены нторо — дети духов воды, от которых они получают свое нторо. Характерны вопросы, задаваемые, например, ашантийцами для того, чтобы выяснить, к какому нторо принадлежит человек: «Какое нторо ты омываешь?», «Какой реке ты поклоняешься?»

Основным ритуалом группировок нторо была церемония афодне, которая представляла собой жертвоприношение (обычно курицы) эпониму данного нторо. Каждое нторо имело также особый ритуальный день омовений, в который совершались различные очистительные обряды (омывание нторо). Кроме того, для каждого нторо табуировались отдельные виды животных, птиц и растений. Например, для Босоммуру табуированы буйвол, питон и собака, для Босомпра — леопард. Их запрещалось убивать и использовать в пищу. В определенные дни необходимо было воздерживаться от употребления пальмового вина. Если эти табу не соблюдались, то человек рисковал заболеть.

У каждого нторо был набор определенных имен, которые в настоящее время часто становятся фамилиями. Эти имена могут служить своего рода индикаторами, по которым можно определить, к какому нторо принадлежит тот или иной человек. Например, у Босоммуру: Осей, Овусу, Опоку, Сафа, Анин, Нти, Аманкваа; у Босомпра: Ачампонг, Боатенг, Боаче, Дуа, Афори; у Босомпо: Адом, Баафи, Дуко. Члены одного нторо также употребляют одинаковые формы ответа на приветствия, и по этим приветствиям тоже можно установить принадлежность человека к тому или иному нторо.

Члены одного нторо находились в дисперсном состоянии и не встречались для ритуальных или каких-либо социальных целей, так же как и члены одной абусуалон. Все свои функции группировки нторо осуществляли в рамках деревенской общины или домохозяйства. В XX в. социальный институт нторо практически исчез, и воспоминание о нем у многих аканов сохранилось только в устной традиции.

Замужние женщины соблюдали табу и ритуалы нторо свое-

го мужа в течение всего времени совместной жизни с ним, сохраняя при этом свою принадлежность к второму своему отцу и не нарушая запретов этого второго. Особенно тщательно жена должна была соблюдать все ритуалы второго своего мужа в период беременности и первые семь дней после родов, когда ребенок еще не имел своего второго имени. Если она нарушала табу или делала что-либо не так, как требовалось, ребенок мог пострадать от гнева второго своего отца.

Отец принимал определенное участие в воспитании своих детей. Наиболее важная его обязанность по отношению к детям состояла в том, что именно он давал (на восьмой день после рождения) второе имя своим детям. Первое имя ребенок получал сразу же после рождения от дня недели, в который он родился (см. ниже с. 164).

Завершая краткое описание социального института второго, следует подчеркнуть, что группировки второго представляют собой несколько поколений родственников и свойственников, связанных между собой патрилинейностью, экзогамией, общей символикой (имя, тотем, приветствия, этикет), обрядностью и культом. Системообразующей детерминантой является патрилинейность.

Филиация аканского общества: специфика эволюции

Современные представления о специфике ранних этапов развития общества не допускают сведения всего процесса перехода от первичной формации ко вторичной формации к смене только иерархии ролей по признаку пола (от матрилинейности к патрилинейности). Происходит переосмысление соотношения основных форм филиации, что обусловлено, в частности, осознанием принципиальной невозможности трансформации одной формы линейности в другую, т. е. матрилинейности в патрилинейность или наоборот. Менялась не форма, а принцип счета родства, т. е. генеалогический принцип пришел на смену групповому. Поэтому есть все основания «перенести акцент на рассмотрение трансформации латеральных систем (где преемственность осуществляется от группы к группе) в системы линейные (где доминирует индивидуальная преемственность)» [512, с. 815].

Конкретные шаги в этом направлении уже сделаны, в том числе разработана принципиально иная историческая типология счета родства (филиации): билатеральность → унилатеральность (в матрилатеральной и патрилатеральной формах) → унилинейность (в матрилинейной и патрилинейной формах) → билинейность [512, 83; 283]. Унилинейность появляется в процессе перехода от первичной формации ко вторичной и в целом характерна для классовых обществ. Билинейность как тенденция проявляется у высокоразвитых социальных организмов вторичной формации.

Аканов — и прежде всего ашантийцев — обычно относят к матрилинейным обществам, поскольку у них и поныне существуют матрилинейные роды (абусуа).

Однако параллельное функционирование институтов абусуа и нторо дало основание Р. С. Рэттрею квалифицировать ашантийцев как общество с двойной филиацией. Эта точка зрения надолго определила характер представлений о счете родства у ашанти в зарубежной этнографии. Но М. Фортес пришел к выводу о несоответствии такого представления реальным фактам, так как нторо не являются корпоративными социальными группировками [498, с. 253, 267]. С этим мнением трудно согласиться, ибо институт нторо характеризует достаточное число корпоративных признаков. Но общий вывод правомерен. Наличие института нторо свидетельствует об определенной значимости патрилатеральных связей, но не о патрилинейной филиации. Поэтому следует считать недостаточно обоснованным включение ашантийцев в список африканских этносов с двойной унилинейностью [407, с. 19; 590, с. 333]. Д. Гуди, разрабатывая классификацию обществ с двойным счетом родства, отнес ашантийцев к тем обществам, у которых наряду с матрилинейными подразделениями параллельно существуют второстепенные агнатные унилинейные группы, имеющие название [518, с. 11]. Такая позиция представляется более правильной, только вместо термина «унилинейный» точнее было бы употребить «унилатеральный». В целом имеется достаточно фактов, чтобы реконструировать процесс трансформации счета родства у ашантийцев и других аканов от билатеральности через стадию унилатеральности к унилинейности в матрилинейной форме (подробнее см. [269, с. 122—128; 283, с. 74—78]).

Следы билатеральности прослеживаются в аканском представлении о полноправном человеке, которым считался только тот, кто знал своих родственников как по отцу, так и по матери. Незаконнорожденным рассматривался тот, кто не знал своих патрилатеральных связей. Обряд передачи титула и статуса вождя также сохранил пережитки билатеральности: вступающий в должность вождя на официальной церемонии обязательно перечислял не только своих матрилинейных, но и патрилинейных предков, хотя власть в XVIII—XIX вв. уже наследовалась только по материнской линии. Ритуальные плачи также начинаются обычно с обращения к предкам с обеих сторон.

Унилатеральность появляется тогда, когда вертикальные связи становятся важнее горизонтальных, т. е. филиация приобретает большее значение, чем брачные связи. При этом происходит одновременное образование патрилатеральных и матрилатеральных группирований. Именно к этому этапу следует отнести генезис социального института нторо, так как связи нторо имели именно патрилатеральный, но не патрилинейный характер. Генеалогии нторо охватывали не более трех поколе-

ний, и все связи, как правило, ограничивались группой сиблингов (братьев и сестер) отца и группой сиблингов эго. На этой же стадии изменяются правила наследования титулов и статусов. Одни из них начинают наследовать только в пределах матрилateralных группировок (абусау, яфуну), другие — в рамках патрилатеральных (нторо, асафо, новые посты при дворах оманхене и асантехене). С появлением правовой значимости матрилateralных институтов возникает передача статуса и имущества перекрестным ниблингам (детям сестер). Предки и потомки воспринимаются уже в авункулатной связи брата матери и племянника (перекрестного ниблинга), и даже рабы стали называть своего хозяина «вофа» (брат матери).

Признаком унилинейности могут служить сравнительно глубокие генеалогии: в начале XX в. взрослые ашантийцы в массе знали свои вертикальные связи вглубь на 4—6 поколений, а некоторые вожди — до 10—14 поколений. Кроме того, члены одного рода стали возводить свое происхождение уже к одной реальной или мифической прародительнице, а не к группе женских сиблингов, как при матрилateralном счете. О выделении биологических родственных связей в качестве системообразующих свидетельствует и трактовка термина «абусау» как синонима слова «кровь». Индикатором унилинейности может служить и возникновение индивидуальных терминов для родителей и описательного способа обозначения относительного возраста в структуре системы терминов родства, что является следствием тенденции к выделению прямой линии родства. Наличие развитого культа предков (подробнее см. гл. 9) также говорит в пользу вывода о возникновении линейного счета.

Таким образом, характеристика аканского общества как матрилинейного или с двойной филиацией является неполной и не отражает специфику развития его счета родства. Факты свидетельствуют, что примерно до середины XVIII в. аканы прошли через стадии билатеральности и унилатеральности в ее двух формах, а в XIX в. происходил переход от латеральных форм к линейной (в матриформе) с сохранением отдельных элементов патрилатеральности (группировки нторо). Только такая трактовка сущности института нторо позволяет понять, почему он утратил социальную значимость в современных условиях, когда есть достаточно стимулов к развитию патрилинейных институтов.

В связи с этим очень трудно согласиться с мнением, что в культе нторо отразились образование патриархальной семьи и переход от матрилинейности к патрилинейности [368, с. 167], хотя в богатых семьях и появилось стремление передать нажитое не матрилинейным наследникам, а собственным детям. Но такая возможность касается только денег и индивидуально нажитого имущества или же новых объектов собственности (плантации какао и т. д.) и с институтом нторо никак не связана.

Общинные институты

«Община» — один из самых полисемантических терминов в общественных науках. «Общиной называют и основную структурную единицу первобытного общества (ср.: „первобытнообщинный строй“), и территориально-административную самоуправляющуюся ячейку в системе государственных связей, античный полис и средневековый город, избирательный округ и объединение, основанное на конфессиональном принципе, и т. д.» [359, с. 3]. Единый критерий для выделения общинных форм социальной организации фактически отсутствует. «В одних случаях под общиной понимают структуру с преобладанием социально-экономических (производственных) связей, в других — с преобладанием социально-территориальных или территориальных связей, но нередко их смешивают воедино» [359, с. 4]. За рубежом под общиной, как правило, понимают любую социальную группу, организованную на локальной основе.

Широкое употребление термина «община» для обозначения самых разных общностей представляется неоправданным, так как лишает его категориальной точности. В то же время пока невозможно выделить какое-либо одно качество, которое можно назвать собственно общинным. Как известно, фундаментальные научные понятия хуже всего поддаются однозначным определениям и чаще всего оказываются сугубо интуитивными.

В специальном историко-этнографическом значении община — это самоуправляющийся производственный и социально-бытовой коллектив, характерный для первобытных и докапиталистических обществ [258, с. 142].

В советской этнографической литературе имеется несколько схем иерархичного соподчинения общинных институтов. Самая распространенная из них предложена Д. А. Ольдерогге: 1) округ (группа деревень); 2) деревенская община; 3) квартал; 4) домашняя (большесемейная община) [242, с. 13—14].

Домашняя (домовая, большесемейная) община, или просто большая семья, — это «группа близких родственников по крови и браку, совместно владеющих или пользующихся средствами производства и другим имуществом и совместно участвующих в производстве и потреблении, интегрированная в более крупный социальный и производственный коллектив» [252, с. 107; 264, с. 185—186, 205].

У аканов зафиксированы практически все ступени общинной иерархии, кроме первой.

Деревенская община

Аканская деревенская община (акура) представляет собой поселение с прилегающими территориями. Поселение бывает двух видов: либо это компактная деревня, либо объединенные одним названием небольшие хутора, вокруг которых распола-

гаются обрабатываемые и залежные земли. Размеры деревень различны, но в среднем в каждой обитало от 500 человек до 1 тыс.

Акура состояла из отдельных кварталов (броно), в которых располагались домохозяйства одной абусуа. Несколько абусуа разных абусуапон составляли население аканской общины. Каждый квартал-броно представлял собой локализацию одной абусуа, в него входили домохозяйства (фие) с постоянным ядром из членов этой абусуа. Абусуапанин одновременно был бронопанином и представлял интересы своей абусуа и своего броно в совете старейшин акуры.

Общественным центром акуры служила площадь, на которой происходили собрания и в определенные дни располагался рынок. Большинство браков заключалось в пределах одной акуры, так что она является по преимуществу эндогамным коллективом.

Каждой абусуа, как уже отмечалось, принадлежат определенные земли. Кроме того, за акурами закреплены их собственные (общинные) земли — нконгуа-сасе [367, с. 21]. Однако, что это за земли, в каком соотношении они находились с родовыми землями и каков был характер пользования ими, не ясно из имеющейся литературы.

Всеми делами акуры ведал совет старейшин (нхиям), состоявший из глав абусуа, представленных в акуре. Возглавлял совет одекуро (глава абусуа-основательницы данной акуры). Первopоселенцы — асасевура (букв. «хозяева земли») — считались истинными владельцами земли и имели особые привилегии. Лидер первopоселенцев практически всегда одновременно занимал пост одекуро и являлся представителем акуры во всех сношениях с внешним миром. Он руководил всеми общественными работами в рамках акуры и считался хранителем земли предков.

В каждой общине, кроме аканов, жили и чужаки — зонгофо. Они имели свои кварталы (зонго), но их лидеры не входили в совет акуры. Им выделялись земли из нконгуа-сасе, за пользование которыми они ежегодно отдавали общине часть урожая.

Завершая описание аканской деревенской общины, укажем на составляющие ее компоненты: 1) поселение, состоящее из кварталов, которые представляют собой совокупность домохозяйств; 2) несколько абусуа, среди которых выделяется абусуа первopоселенцев; 3) совет старейшин во главе с одекуро; 4) территория, прилегающая к поселению и состоящая из земель абусуа-сасе и нконгуа-сасе. Целостность акуры обеспечивалась территориальными, хозяйственными, потестарными и родственными связями.

Большая семья

Аканское домохозяйство («фие») объединяет группу людей — фиефо, совместно проживающих в одном или нескольких до-

мах вокруг общего двора и ведущих общее хозяйство¹⁴. Они совместно пользуются землей, имуществом, готовят и питаются, а также имеют определенные обязанности по отношению друг к другу. Фиефо самостоятельно обеспечивают себя всем необходимым. Это и есть большая семья, или большесемейная община, — основная хозяйственная единица аканского традиционного общества.

Постоянное ядро фиефо составляет минимальный сегмент абусуапон — яфуну. Во главе фиефо стоит фиевура (букв. «хозяин дома»), которым обычно становится самый старший по возрасту или статусу представитель яфуну любого пола [500, с. 66]. Для того чтобы стать фиевурой, претендент должен пользоваться всеобщим уважением и обладать определенными личными качествами. Обязанности и функции фиевуры в целом аналогичны таковым абусуапанина. Наследником должности и имущества фиевуры чаще всего становится его сиблинг или ниблинг [566, с. 51].

Наиболее распространенной формой послебрачной резиденции было поселение супружеской пары в матрилинейной группе мужа (т. е. в броно его абусуа), что все чаще называют вири-матрилокальностью [63, с. 72]. Известна и такая форма брака, при которой в первые два—три года каждый супруг оставался в собственных фиефо и абусуа, а жена только посещала мужа в его доме (так называемый дуолокальный, или гетеролокальный, брак), но затем брак превращался либо в вири-матрилокальный, либо в авункулокальный, когда супруги переселялись в фиефо мужского сиблинга матери мужа [498, с. 262—263].

В случае регулярных вирилокальных браков фиефо могли совпадать по своему составу с нторо (в силу эктогамии). Указанное обстоятельство дает основание И. Ж. Кожановской для отождествления фиефо с минимальным нторо и для трактовки нторо в качестве варианта клановой организации [146а, с. 68—70]. Под кланом она, вслед за М. В. Крюковым, понимает сегментированную совокупность родственных элементарных семей, т. е. примерно то же самое, что М. О. Косвен назвал патронимией. Однако, при всей справедливости большинства ее наблюдений относительно соотношения яфуну, нторо и фиефо, И. Ж. Кожановская не учитывает, что каждый конкретный нторо существовал не сам по себе, а в системе аналогичных группирований. Фиефо могли быть разными по составу, но все они находились в броно конкретной матрилинейной абусуа, и это все определяло, в том числе и отсутствие у нторо хозяйственных функций. К тому же предложенная модель работает лишь при ограниченном наборе вариантов брака и при условии, что жена полностью теряет нторо своего отца. Наконец, сама категория «клан» весьма дискуссионна и пока не получила однозначной трактовки (подробнее см. [269, с. 62—64]).

Итак, основными компонентами аканской большой семьи яв-

ляются: яфуну и их свойственники; совместно ведущееся хозяйство, включая постройки, орудия труда, огороды и т. д. Главные структурообразующие признаки: хозяйственное единство, локализованность и потестарность.

Уровень развития общинной организации

Как известно, первую историческую классификацию общин предложил К. Маркс в своих набросках к письму В. Засулич: 1) кровнородственная; 2) земледельческая; 3) сельская [5, с. 416]. Практически все исторические (стадиально-генетические) систематизации общин советских исследователей восходят именно к этой классификации, причем новые классификации создавались либо путем переименования марксовых названий (например, сельскую общину называли соседской, земледельческой, крестьянской, территориальной), либо путем выделения промежуточных таксономических единиц и возведения их в ранг отдельных стадий наряду со стадиями К. Маркса, либо на основе комбинирования обоих способов.

Наиболее распространенными являются классификации общин, предложенные А. И. Першицем [260], Н. А. Бутиновым [64] и Ю. В. Маретиным [197; 199]. В их основу положен комплекс признаков, включающий уровень экономического развития и характер соотношения родовых и соседских принципов организации:

<i>А. И. Першиц</i>	<i>Н. А. Бутинов</i>	<i>Ю. В. Маретин</i>
—	кровная	раннеродовая
родовая	родовая	родовая
—	—	соседско-родовая
первобытная соседская	семейно-родовая (гетерогенная)	соседско-большесемейная
соседская	сельская (соседская)	соседская

Однако Ю. И. Семенов, не отрицая правомерности выделения в качестве основных родовой и соседской общин и считая их выделение крупным шагом вперед [311, с. 9], вместе с тем справедливо замечает, что в основу различения этих двух типов положено не столько внутреннее содержание, сколько внешняя форма. «Авторы ограничивались лишь самыми общими положениями о родстве и соседстве, не раскрывая их содержания» [311, с. 10]. Поэтому и различие между двумя основными стадиями в развитии общин глубоко не раскрыто. «Остается невыясненным главное — качественные различия между системой связей, образующих базис первобытной общины, и системой отношений, лежащих в основе крестьянской общины» [311, с. 17].

Оттолкнувшись от посылки, что в основе любой целостной системы общественных отношений всегда лежит система экономических связей, Ю. И. Семенов сделал попытку раскрыть

сущность грани, отделяющей крестьянскую общину от первобытной, т. е. «выявить различие между системами экономических связей, образующих фундамент каждого из этих двух социальных образований» [311, с. 17], что совершенно невозможно сделать без совершенствования специальной терминологии. Правда, некоторые термины, предложенные Ю. И. Семеновым, не совсем удачны и, как представляется, вряд ли войдут в категориальный аппарат современной науки (например, «ниждивитель», «помогообмен», «даче-дележные отношения» и др.), но выделяемые им категории заслуживают внимания. Помимо того, хорошо обоснован его вывод о том, что роль родственных отношений сводится лишь к формальной фиксации круга людей, связанных коммуналистическими¹² отношениями в первобытном обществе, что родственные отношения — это формальный способ организации содержательных отношений [311, с. 37]. Весьма продуктивным представляется и вывод о том, что важнейшим моментом процесса перехода доклассового общества в классовое является переход от уравнительного распределения к распределению по труду (в терминах Ю. И. Семенова: превращение дележных отношений в услугуобменные).

Таким образом, оперируя существующими систематизациями общин, следует отдавать себе отчет в том, что они еще не являются сущностными, это в значительной степени формальные классификации, основанные на чисто внешних признаках (ср. [307, с. 79]). Вполне вероятно, что дальнейшая разработка сущностных моментов общинных институтов приведет к пересмотру имеющихся классификаций и к созданию более адекватной явлению сущностной систематизации (исторической типологии). Предложенная Ю. И. Семеновым стадийная типология общин может рассматриваться в качестве первого шага в этом направлении. Он выделяет следующие исторические типы общины: 1) раннепервобытная (в основе — коммуналистические социально-экономические отношения); 2) позднепервобытная (посткоммуналистические отношения с распределением по труду); 3) пракрестьянская (переход к услугуобменным отношениям); 4) соседская крестьянская (услугуобменные отношения) [307, с. 77—90].

Соотношение аканской акуры с имеющимися классификациями и типологиями общинных институтов позволяет прийти к заключению, что акура по своим признакам, несомненно, является одним из вариантов позднепервобытной (первобытной соседской, или семейно-родовой [гетерогенной¹³], или соседско-большесемейной¹⁴) общины, но не соседской общины, как ее определяет С. Л. Милявская [220, с. 93]. Характерными чертами этого исторического типа общин считаются: наличие общей территории, общего имущества и общинное землевладение при частносемейном землепользовании, наличие общинных органов управления, различные формы кооперации и взаимопомощи между общинниками, наличие определенного идеологического

(религиозного) единства общинников, переплетение территориальных связей с кровнородственными [252, с. 104—105]. Главный структурный критерий для выделения этого исторического типа общин состоит в наличии переплетения родовых связей с соседскими [252, с. 105; 260, с. 166; 60, с. 31]. (По мнению Ю. И. Семенова — появление распределения по труду [307, с. 80—82].)

Спорность и незавершенность концепции Ю. И. Семенова, построенной исключительно на базе распределительных отношений, а также отсутствие необходимых материалов об экономических отношениях (и прежде всего об отношениях распределения) в аканской акуре доколониальной эпохи значительно осложняют содержательный анализ и сопоставление акуры с историческими типами общины Ю. И. Семенова. Тем не менее можно утверждать, что в аканской общине еще не появились помогообменные и другие услугообменные отношения, как их понимает Ю. И. Семенов. В то же время четко зафиксировано наличие двух видов собственности — общественной и личной (подробнее см. часть III, гл. 1), что свидетельствует о появлении распределения по труду [307, с. 81]. Наконец, наличие именно родовых (подробнее см. [271]), а не матронимических институтов [603] также свидетельствует в пользу вывода о том, что аканская акура относится к позднепервобытным общинам. Состоят такие общины из больших семей (домохозяйств), ядро которых является частью некогда единых, но затем разросшихся и делокализованных родов (т. е. надродов), а остальные члены большой семьи — пришедшие по браку представители других родов [198, с. 61].

Таким образом, системное рассмотрение аканских социальных институтов акура и фиефо, а также соотнесение их детерминантных признаков с системой социальных категорий и с имеющимися в советской историко-этнографической литературе синхронными и диахронными классификациями и типологиями общин позволяет прийти к заключению, что акура — это позднепервобытная община, а фиефо — большая семья — медиальная ступень в иерархии общинных институтов.

Военная организация

Структура и функции

Основным понятием традиционной военной организации аканов является термин «асафо», который в англоязычной литературе обычно переводится как «сопрапу» (в значении «военный отряд»). «Асафо» — составное слово: «а» — префикс — показатель множественного числа, «оса» — война¹⁵, «фо» — люди. Военные отряды асафо были основой военной организации аканских оманов, которая сама часто определяется как «система асафо», хотя этот термин появился только в середине XVII в.

для обозначения военных отрядов, формировавшихся в фантийских городах. До этого военная организация и вооруженные отряды назывались у фантийцев «акофокум» («ако» — война, «фо» — люди, «екуо» — группа, «му» — в, внутри) [542, с. 131—132].

У ашантийцев наряду с асафо существовали также отряды фекуо, созданные, по преданию, первым асантехене Осеем Туту из потомков аканов, взятых в плен в междоусобных войнах¹⁶. Каждый отряд асафо насчитывал несколько десятков (точных цифр ни один источник не сообщает) физически здоровых людей молодого и зрелого возрастов, проживающих в одной деревенской общине или в одном квартале. Многие акановеды утверждают, что асафо — это отряды молодежи и даже молодежь селения. У фантийцев слова «асафо» и «молодежь» — синонимы. Согласно другим источникам, люди зрелого и даже пожилого возраста тоже входили в состав асафо (их называли «эджаном» — отцы, или «асафопанин») и выполняли функции советников и посредников в случае конфликтов между членами отряда, хотя, действительно, молодые люди играли более активную роль [468, с. 280; 491, с. 266].

В некоторых фантийских оманах в отрядах асафо существовали женские секции — аджива, или асафо-нчеребаа [467, с. 307; 468, с. 280]. Во время боевых действий женщины выполняли чаще всего снабженческие функции, в остальное время — как легковооруженная охрана селения [574, с. 20].

В мирное время военные отряды асафо выполняли роль «полицей», а также использовались на строительстве дорог, рынков, колодцев, на сельскохозяйственных и других общественных работах [467, с. 309]; они принимали активное участие в организации и проведении различных праздников.

Членами асафо обычно становились в возрасте 18—20 лет после несложного обряда передачи ружья отцом, а также клятвы предводителю отряда, в котором состоял отец. После этого юноша считался полноправным членом отряда и получал разрешение жениться. Таким образом, членство в асафо определялось патрилатерально и члены одного асафо фактически принадлежали к одной группировке второго (эджабосом). Характерно, что в Кейп-Косте сформировался особый отряд асафо — Акрампа, — включавший тех, у кого отцы — европейцы [574, с. 43].

Номинальным военачальником у аканов был оманхене, но непосредственно боевыми действиями обычно руководил особый военный вождь: браффо, или туфухене, у фантийцев; осанхене, или кронтихене, — у ашантийцев; манкрадо (оманкрадо), или кронтирехене, — у ачемцев.

Непосредственными руководителями отрядов асафо были асафохене, или супи (букв. «горшок, до краев наполненный водой»), в ведении которого находились оружие, порох, военное снаряжение и снабжение отряда¹⁷. Его главными символами

были хлыст и длинный кинжал. Супи подчинялись младшие асаfoxене, символами которых были хлыст и короткий кинжал. Кроме того, в каждом асафо были барабанщики, трубачи, знаменосцы, палачи, знахари и т. д. Каждый отряд имел свои особые регалии (флаг, эмблему, барабан), приветствия и ответы на них, а также свою мелодию и ритуальные танцы, которые составляли важную часть различных церемоний, в том числе парада, который проводился один раз в год во время праздника ямса у фантийцев и Оджиры у ашантийцев и других лесных аканов [434, с. 85; 467, с. 307—308]. Каждый конкретный отряд асафо входил в определенное формирование боевого порядка общины или омана.

Вооружение, стратегия и тактика

До появления европейцев на Золотом Берегу аканы для боевых действий использовали копья, дротики, мечи, ножи типа мачете, небольшие топоры, кинжалы, а также луки и стрелы. Для защиты применялись деревянные и кожаные щиты круглой формы и шлемы с воротником, закрывающим шею, а также широкие кожаные пояса [410, с. 189, 209, 211; 426, с. 79, 126].

Огнестрельное оружие стало осваиваться в конце XVI в., причем скорее для охоты, чем для военных действий. Появление этого оружия связано с поисками голландцами союзников в попытках нарушить монополию португальцев на торговлю золотом в 1590-е годы. Португальским торговцам и морякам запрещалось торговать оружием с язычниками, а голландцы не только продавали, но и обучали обращению с ним [541, с. 187]. Однако число мушкетов и аркебуз, проданных в конце XVI — начале XVII в., было весьма незначительным, и их распространение ограничивалось узкой полосой побережья. Так, в Фету в 1647 г. было всего 24 воина, вооруженных мушкетами. Впервые же на Золотом Берегу мушкеры были включены в состав войска правителем Асебу в 1620-е годы. И именно с их помощью Асебу удалось в 1629 г. одержать победу над оманом Абрамбо. Это самый первый документально зафиксированный случай применения огнестрельного оружия в боевых действиях между аканами [542, с. 158; 458, с. 74].

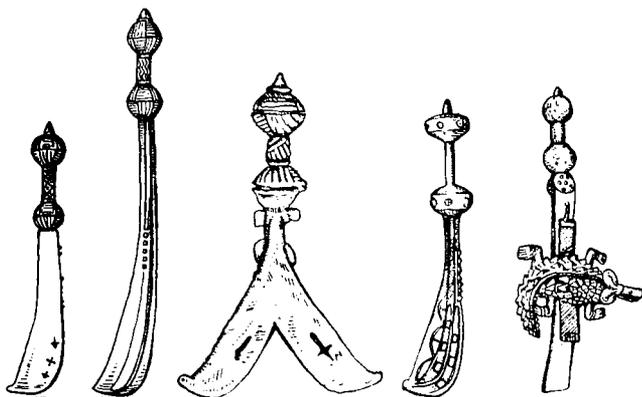
В 1658 г. начался массовый ввоз мушкетов, и они появились в лесной зоне, резко повысив шансы на контроль торговых путей тех оманов, которые завладели огнестрельным оружием. Англо-голландская война 1664—1665 гг. еще больше усилила приток огнестрельного оружия. Одни только голландцы до 1700 г. ежегодно продавали по 20 тыс. т пороха [541, с. 190—191; 620, с. 45].

Все это привело к тому, что мушкет стал вытеснять копья, луки и стрелы, мечи и топоры. И если в 1640-е годы правитель Шамы считал мушкет оружием трусов, «так как порох и пуля

могут убивать, но остаются невидимыми, в отличие от дротиков и стрел» [542, с. 159], то в 1660-е годы правители Фету рассматривали мушкет как самое лучшее и наиболее эффективное оружие [586, с. 126—127].

У прибрежных аканов к 1680 г. лук и стрелы были полностью заменены мушкетом. Лучники превратились в мушкетеров, но дротики сохранили свое значение как вид оружия вплоть до 1710 г. [542, с. 158]. У аканов лесной зоны, наоборот, сразу исчезли копьеносцы, а лучники еще играли определенную тактическую роль и в начале XVIII в. у акваму и ашантийцев [426, с. 186; 541, с. 201, 208].

В 1690-е годы произошла важная замена кремневым мушкетом мушкета с фитильным замком, причем замена произошла удивительно быстро — в течение одного десятилетия на огромной территории. С середины XVIII в. наиболее популярным оружием становится датский длинноствольный мушкет, массовое производство которого наладили англичане и французы [541, с. 199; 620, с. 48]. Английское оружие считалось лучшим

Аканские мечи

в период работорговли, хотя репутация отдельных видов оружия¹⁸ разных европейских стран колебалась по периодам (подробнее о качестве и достоинствах разных видов оружия см. [620, с. 49 и сл.]).

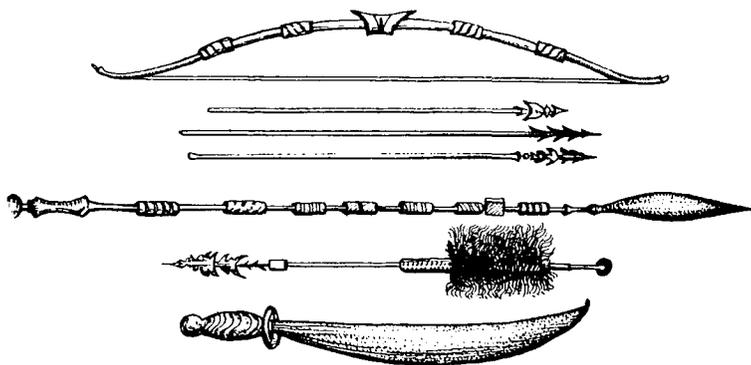
Следует подчеркнуть, что появление в 1740-е годы датского длинноствольного мушкета у ашантийцев резко изменило в их пользу соотношение сил в лесной зоне, так как другие ЭПО еще не имели столь же эффективного оружия [620, с. 48]. Важность этого вида оружия в ашантийской армии подтверждается и созданием особого отряда воинов, вооруженных длинноствольными мушкетами, командир которого — анантахене — од-

новременно был также главой личной охраны асантехене [541, с. 211].

Более эффективному применению огнестрельного оружия способствовало также то, что в XVIII в. кузнецы Ассии научились ремонтировать мушкетные замки [541, с. 205], а к XIX в. уже у всех народов региона были свои специалисты, причем они не только ремонтировали огнестрельное оружие, но и делали новые стволы, замки и ложа. Р. Раск, составивший в начале XIX в. словарь языка га, отметил наличие слова «мушкетный кузнец» (цит. по [541, с. 206]).

Внедрение огнестрельного оружия привело также к существенным изменениям в боевом порядке и тактике ведения военных действий.

До середины XVII в. у фантийцев и других аканов Золотого Берсга основными боевыми категориями были тяжеловооруженная пехота, включавшая копьеносцев, оснащенных защитными средствами, и легковооруженная пехота — лучники без защитных средств.

Ашантийское оружие

Боевой порядок состоял из трех последовательных линий: Чафо — авангард (главные силы), Дентсифо — центр, Нчидом — арьергард, в состав которого входил отряд телохранителей оманхене (Джасифо). Авангард формировался из копьеносцев и представлял собой главную ударную силу. В центре размещались лучники. Арьергард состоял из меченосцев, а также группы воинов, вооруженных топорами, которые занимались добыванием раненых и обезглавливанием убитых врагов после сражения [434, с. 85; 542, с. 149—155; 467, с. 307—308]. Специальных интендантских подразделений не было — пропитание добывалось грабежом населения.

Тактика боя была проста: сначала действовали копьеносцы, затем лучники выпускали стрелы и начиналась рукопашная схватка с применением мечей, ножей и боевых топоров. Такова основная схема заранее подготовленного сражения между армиями противников, насчитывающих по несколько тысяч воинов. Но такие крупные сражения случались сравнительно редко, а основными способами ведения войны были засады, неожиданные нападения на поселения (ночью или на рассвете) и стычки между небольшими отрядами [542, с. 151; 541, с. 208].

В первой половине XVII в. в Акваму был создан новый вариант боевого порядка, включавший помимо трех основных подразделений (Чафо — авангард, Адонтен — главные силы, Чидом — арьергард) еще два боковых крыла, или фланга, состоявших из лучников второй линии, что привело к увеличению числа активных воинов и потере преимуществ тяжеловооруженных воинов противника.

Новый боевой порядок быстро распространился в лесной зоне и наиболее эффективно применялся в армиях Денчиры и Конфедерации Ашанти. Причем в ашантийском войске произошло дальнейшее усложнение этой системы, в частности в конфедеральной армии фланги состояли из двух частей — собственно фланга и полуфланга (полукрыла) — своего рода охраны фланга [614, с. 120—126; 493, с. 47].

Боевой порядок войска Конфедерации Ашанти во второй половине XVIII в. состоял из следующих основных компонентов [614, с. 120—126; 493, с. 47; 433, с. 90; 648, с. 400]:

1. Чафо — авангард, включавший отряд из 4—5 разведчиков.

2. Адонтен — главные силы, включавшие Конти, Джасе (отряд телохранителей) и Анкобеа — отряд троносцев (хранителей Золотого Трона Конфедерации Ашанти), и их охрана.

3. Чидом — арьергард.

4. Бенкум — левый фланг.

5. Бенкум-ноасе — левый полуфланг.

6. Нифа — правый фланг.

7. Нифа-ноасе — правый полуфланг.

Как объяснили А. Ллойдю сами ашантийцы, этот боевой порядок был создан в результате наблюдений за муравьями на марше [561, с. 22]. Многие соседние ЭПО га, адангме, эве, дагомба, гонжа, конкомба, мампруси и другие соседи ашантийцев заимствовали у них основные принципы военной организации, в том числе и их боевой порядок [494, с. 144].

Появление развернутого, или открытого, боевого порядка с широким и протяженным фронтом и небольшой глубиной значительно улучшило тактику ведения военных действий, а замена копьеносцев и лучников мушкетерами привела к резкому увеличению жертв военных операций. Рукопашный бой перестал быть решающим элементом войны. Главным фактором стало огнестрельное оружие.

Обозначение термином «фекуо» (афекуо) одного из видов военных отрядов может свидетельствовать о том, что корни военной организации аканов восходят к возрастным корпоративным группировкам, поскольку семантика этого слова — «группа, коллектив людей одного возраста» (фекуо = афе + екуо; афе — сверстник, товарищ, компаньон; екуо — отряд, коллектив, группа людей [435, с. 120; 661, с. 464]) — довольно ясно указывает не только на возрастную, но и на корпоративный характер тех группирований, которые обозначались термином «фекуо». При соотношении значения этого термина с возрастными терминами «ммеранте», «аберанте», «мпанинфо» и «аберемпонфо», имеющими в своем составе корпоративные форманты «нте» и «фо», по-видимому, возникают основания для того, чтобы поставить вопрос о функционировании в древнеаканском обществе каких-то возрастных корпоративных институтов (подробнее см. [279]).

Как известно, возникновение военной организации на базе возрастных систем довольно типично для истории обществ ПФ. Особенно ярко это проявилось у бантуязычных народов Юго-Восточной Африки, у которых система военных формирований была построена исключительно на возрастном принципе [54, с. 302—303; 289, с. 245—250]. Однако вопрос о функционировании возрастных группирований у аканов даже не ставился; более того, ашантийцы назывались среди тех народов Африки, у которых не обнаружены возрастные группирования [483, с. 106].

Вполне логично предположить, что в древности каждый военный отряд представлял собой возрастную группу возрастного класса¹⁹ юношей-воинов. Во всяком случае, у родственных аканам га и лагунных племен Кот-д'Ивуара, у которых система возрастных классов функционирует и поныне, выделяется особый возрастной класс воинов, состоящий из групп молодых людей 15—30 лет [494, с. 168; 602, с. 209]. А в аканском омане Агона два главных подразделения военной организации формировались и в XIX в. по возрастному принципу: донтсин — старшие, чафо — младшие [600, с. 41].

Деятельность военных формирований у аканов не ограничивалась чисто военными функциями. В связи с этим, видимо, появляется возможность объяснить истоки обществ взаимопомощи «ннобоади», «нобоа», «добоа», «адофо» [464, с. 198], функционирующих и в настоящее время и о которых известно, что они состоят из молодых мужчин и используются для общественных и земледельческих работ. Правда, нельзя не оговориться, что общества взаимопомощи могут представлять еще одну форму реализации половозрастного принципа.

Аканские пословицы «среди знати нет ни одного ребенка» [615, с. 118] и «нельзя преднамеренно родить старейшину»

[465, с. 122] — в контексте уже сказанного могут быть истолкованы как свидетельства некогда существовавшего в аканском обществе порядка, при котором старейшиной и вождем нельзя было стать по наследству. На ранних этапах общественного развития такой порядок мог сформироваться только при возрастной стратификации социального организма. Этимология ряда терминов, обозначающих статусы и титулы аканского общества, дает основания для подтверждения вывода о том, что возраст был в свое время основным критерием при формировании потестарного аппарата (ср. [324, с. 1]). Так, для обозначения понятия «старейшина» в аканских языках используются два слова: «опанин» и «оберемпон». Однако термин «опанин» имеет еще значение «взрослый», «зрелый». Слово «оберемпон», по мнению Р. С. Рэттрея, происходит от «обарима» (взрослый, зрелый мужчина) и «пон» — большой [614, с. 81]. Все члены советов старейшин у аканов — аберемпоны, этим же термином обозначают и мелких охене и оманхене и даже асантехене [648, с. 404; 593, с. 85; 661, с. 727; 393, с. 30, 73; 614, с. 94; 442, с. 137; 655, с. 133; 554, с. 3].

Знатность у аканов и сейчас ассоциируется со старческим возрастом, поэтому даже молодого по возрасту вождя называют при обращении «дедом» («нана»). В то же время для обозначения всех тех, кто не относится к высшему слою общества, используется термин «ммеранте» (молодежь), который в связи с этим часто переводится в англоязычной литературе как «общинники», а М. Фортес даже называет ммеранте «третьим сословием» ашантийского общества [499, с. 148]. Показательно также, что оманхене, который еще не вступил в должность и не дал клятву верности, назывался «нкванквахене» [614, с. 87], т. е. «вождь юношей». Существование этого термина свидетельствует по крайней мере о связи института вождя с возрастными группировками молодежи. Лидеры молодежи у большинства аканов и в XIX в. играли заметную роль в общественной жизни, они были посредниками между молодежью и старейшинами, представляли интересы молодежи в советах старейшин деревенских общин и оманов [554, с. 4; 661, с. XIII, 729; 433, с. 10; 639, с. 108—109].

Есть также основания предполагать, что наряду с мужскими существовали и женские возрастные группы. Их пережитками можно считать женские секции отрядов асафо и женские танцевальные общества [461, с. 307; 592, с. 41—42].

Таким образом, с большей или меньшей вероятностью можно говорить о том, что в древнеаканском обществе функционировала система возрастных групп (фекуо). Но были ли у древних аканов возрастные классы? Ведь далеко не во всех обществах возрастные степени институируются в форме возрастных классов. Думается, что есть основания утвердительно ответить и на этот вопрос, поскольку в функциональном отношении довольно четко прослеживается разграничение возрастных групп

на младших (молодежь) и старших (взрослых и старейшин). Следовательно, может быть выделен возрастной класс молодежи (ммеранте). Что касается старших, то наличие двух терминов для их обозначения, а также использование одного из них (мпанин) для называния определенной возрастной степени — зрелости (мпанин-бере) — наводит на мысль, что возрастные группы, имевшие право и обязанность управлять хозяйственной и общественной жизнью, могли входить в состав не одного, а двух возрастных классов: взрослых (мпанинфо) и старейшин (аберемпонфо). С разрушением системы эти два возрастных класса, по-видимому, слились в одну категорию взрослых/старейшин — руководителей жизни общества.

Древнеаканские возрастные классы могут быть условно обозначены словом «мфефо» (множественное число от «афе»), которым называют сверстников.

Время пребывания возрастных групп в каждом возрастном классе — приблизительно 15 лет (по аналогии с лагунными племенами, у которых весь цикл составлял 64 года с периодами по 15—16 лет) [602, с. 209]. У других народов гвинейской группы, у которых зафиксирована действующая система возрастных классов, возрастной класс молодежи состоял из лиц от 15 до 30 лет [568, с. 153]. Есть также сведения, что жены асантехене подразделялись на три возрастные группы и каждая группа жила в отдельном доме: в возрасте 30—45 лет — во дворце асантехене, моложе 30 лет — в другом доме за дворцом асантехене, старше 50 лет — на другой улице [393, с. 20].

Цикл социальной жизни у древних аканов, по-видимому, составлял 50 лет (от 10 до 60), на что указывает одно из значений термина родства «оба» — лица 10 и 60 лет (современное значение — дитя). Фактически «оба» — это категория лиц, еще не вошедших в систему возрастных классов, и тех, кто уже прошел весь цикл и вышел из него. Другими словами, оба — это группа индивидов, находящихся в социально-пассивном состоянии «предка — потомка». Аналогичные явления наблюдаются, например, у нилогов-нанди, у которых возрастная группа старейшин выходит из активной фазы жизни в системе возрастных классов и вновь появляется в начале цикла как группа «маленьких мальчиков» [129, с. 20]. У галла старейшие члены, выйдя из последней степени системы «гада», объединяются под одним именем «немые» в одну группу с неиницированными детьми [129, с. 21]. Показательно, что слово «оба» придает словам аканских языков значения молодости и старости. Кроме того, ашантийцы термином «аквада» обозначают маленького мальчика, а фантийцы — старика. К тому же большинство аканов называет словом «нана» всех представителей второго восходящего и второго нисходящего поколений эгоцентрической схемы (поколения дедов и внуков).

Возрастная степень ммофра-бере — это период детства (от рождения или младенчества до половой зрелости, т. е. до 14—

16 лет). Однако семантика термина «оба», а также то обстоятельство, что именно в 10 лет у аканов вступает в силу запрет на совместные игры мальчиков и девочек, позволяет разбить этот период на два подпериода: собственно детский (до 10 лет) и подростковый (старше 10 лет). Поскольку среди тех терминов, которыми обозначают детей и подростков, нет ни одного с корпоративными суффиксами, то нет никаких оснований для предположения о возрастном классе подростков у аканов. Тем не менее нельзя не допустить, что подростки 10—15 лет могли составлять некое подготовительное группирование, аналогичное галласкому [129, с. 39].

Таким образом, есть достаточные основания полагать, что социальное развитие аканов в доколониальную эпоху их истории прошло через стадию половозрастной стратификации. Приведенные здесь материалы XIX—XX вв., несмотря на фрагментарность и известную противоречивость (вызванную переплетением с более поздними по происхождению явлениями), свидетельствуют о большой вероятности того, что в прошлом (по-видимому, до XVIII в.) у аканов могла функционировать система возрастных групп (фекуо). Каждая возрастная группа представляла собой корпоративное объединение, осуществлявшее социально и экономически значимые функции, причем эти функции регулярно менялись (через 15 лет) во время перехода из одного возрастного класса в другой и соответствовали специализации каждого мфефо.

Реконструированная методами пережитков и этнографических аналогов система древнеаканских возрастных классов может быть представлена следующим образом: 1) ммеранте — от 14—16 до 30 лет; 2) мпанинфо — от 30 до 45 лет; 3) аберемпонфо — от 45 до 60 лет.

Специфика аканского вождества

Структура омана

Каждый аканский оман состоял из ряда акур, объединенных в своего рода военные округа — подразделения боевого порядка военной организации, принадлежность к которым, как правило, была жестко закреплена и практически не менялась [433, с. 90; 615, с. 45]. В то же время принадлежность к оману определялась членством в абусуа, локализованной в пределах омана [614, с. 80; 554, с. 20]. Чужаки (пленники, невольники, мигранты, супруги и другие свойственники из других оманов) не рассматривались как полноправные члены омана, если они не были адаптированы в какую-либо местную абусуа. Свободные аканы могли быть приняты в состав любой абусуа их собственной абусуапон. Невольники и пленники — только в абусуа их хозяина [554, с. 20—21].

Таким образом, спецификация омана позволяет рассматривать в качестве его системообразующих компонентов социальные институты абусуа, акура и асафо, перекрывавших друг друга, или, иными словами, оман допускает два варианта расчленения — по матрилинейным родам (абусуа), а также по территориально-общинным институтам (акура и асафо). Институт второго следует отнести к системонейтральным компонентам. Целостность омана обеспечивалась единством территориальных, хозяйственных (включая военные), родственных и потестарных детерминантных структурообразующих связей. Властно-управленческий аппарат омана был представлен вождем, его сопрательницей и советом старейшин.

Вождь омана (оманхене) — центральная фигура потестарной системы. Обычно им был глава рода-первопоселенца на данной территории. Поэтому система избрания оманхене была аналогична той, которая действовала в абусуа. Основными функциями оманхене были следующие.

1. *Ритуально-магические.* Оманхене занимал трон предков и считался посредником между предками и ныне живущими. Именно он приносил жертвы предкам для обеспечения благосостояния подданных омана. Поэтому один из его титулов — «вождь-жрец».

Персона оманхене у аканов священна, что подчеркивалось рядом табу, которые должны были соблюдать его подданные и в еще большей степени он сам. Так, он не мог ходить босиком (поэтому специальный человек всегда носил запасные сандалии для оманхене) и вообще каким-либо способом касаться земли (в связи с этим церемония смещения оманхене была очень проста: его сажали три раза на землю, и, оскверненный прикосновением к земле, оманхене не мог уже соответствовать принятому эталону магической чистоты) [493, с. 34]. Никто не мог присутствовать при трапезе оманхене и никто не имел права видеть, как он пьет (нарушивший это табу, даже ненамеренно, прямо на месте умерщвлялся), и т. д. Все это является несомненным следствием сакрализации должности вождя, когда вождь считался олицетворением благосостояния омана и от его здоровья, физического совершенства, мужества, ума, благородства зависела судьба его подданных [433, с. 27; 478, с. 66].

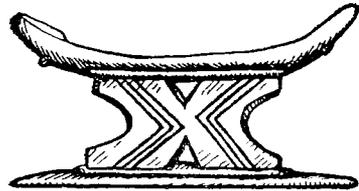
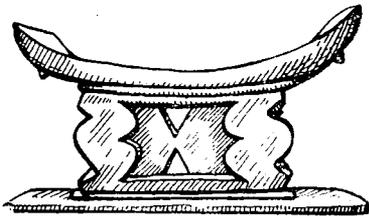
2. *Военно-организаторские.* Оманхене считался военным руководителем, и среди его регалий был небольшой меч — символ обязанностей в военной сфере, хотя реальным руководителем военных операций, как правило, был туфухене (кронтихене, манкрадо) — глава Адонтена (основных сил боевого порядка), причем в Кумаси и в ачемском омане Ачем-Котоку кронтихене стал фактически вторым лицом в омане после оманхене. Вождь и кронтихене не могли одновременно покинуть столицу [493, с. 24]. Объявление и прекращение войны — прерогатива оманхене [459, с. 170].

3. *Хозяйственно-организаторские.* В сферу деятельности оманхене входила внешняя торговля — главный источник получения прибавочного продукта. Оманхене обладал также титулом «асасевура» (букв. «хозяин земли»), хотя и не имел права единолично распоряжаться даже незанятой землей в пределах омана. Фактически он был только хранителем (нхвесофо) земель предков и осуществлял лишь контроль над землепользованием. Ему также подчинялись и все ремесленники (аджумфо).

4. *Судебные,* среди которых ведущее место занимали дела, связанные с землепользованием и торговлей, а также обеспечением порядка в омане.

Совет старейшин омана состоял из вождей (охене и асафохене) и адекуро, которые одновременно были абусуахене первопоселенцев. Старейшины имели реальное влияние и контролировали деятельность оманхене и всех остальных должностных лиц омана. Только совету старейшин принадлежало право выбора и смещения оманхене.

Смещение могло произойти, если оманхене не прислушивался к советам старейшин, нарушал табу, совершал убийство или пытался изменить установившиеся порядки [393, с. 62]. В «наказе» вновь избранному вождю говорилось: «Не домогайся женщин. Не пьянствуй. Когда мы дадим тебе совет, слушай его... Мы не желаем, чтобы ты нас обманывал... мы не желаем,

Ашантийские троны

чтобы ты отвергал советы... мы не потерпим самоуправства... Возьми трон. Мы благословляем трон и даем его тебе. Старейшины объявляют, что они дают тебе трон» [433, с. 12].

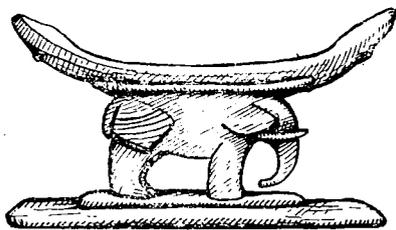
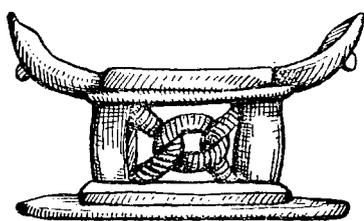
Важная роль в деятельности совета старейшин принадлежала охеме (охема, охеммеа, охенебеа, или обапанин). Термин «охема, оманхема» чаще всего переводится в зарубежной литературе как «королева-мать», хотя она никогда не была реальной породительницей вождя, чаще всего — его сестрой (женским сиблингом) или племянницей (женским перекрестным ниблингом). Слово «охема» представляет собой женский род от «охене». На заседаниях совета она всегда сидела слева от

оманхене. Таким образом, оманхема — соправительница оманхене, и система управления оманом может быть названа соправлением охене и охемы, хотя в предколониальный период вождь, несомненно, выполнял более важные функции. По традиции считается, что охема — «владелец» омана, а оманхене — только функционер, получивший власть от нее [584, с. 27]. И действительно, при выборах нового вождя ведущее слово в совете старейшин принадлежало охеме.

Анализ генеалогий соправителей показывает, что, как правило, охемой становилась дочь, сестра или племянница предыдущей. Охема, так же как и охене, могла быть смещена со своего поста. Зафиксированы случаи и в предколониальный период, когда оманхене добивался смещения оманхеме и совет старейшин выбирал другую [433, с. 19; 570, с. 39].

Оманхема ведала всеми матримониальными делами правящей абусуа и руководила всем женским населением омана (се эмблемой была спираль — знак рождения и материнства [584, с. 27]), она также руководила церемониями, совершаемыми по поводу достижения девочками половой зрелости [487, с. 52]. Кроме того, выполняла функции судьи и контролировала внутреннюю (локальную) торговлю [493, с. 29].

В каждом омане имелись еще должностные лица (очеаме, джасехене, батахене и др.), о функциях которых речь пойдет в разделе о социальной стратификации.

Оман как вариант племени-вождества

Сопоставление детерминантных признаков ашантийского омана с системой этносоциальных категорий позволило в свое время прийти к заключению, что оман представляет собой один из вариантов племенной организации [268]. При этом под племенем (в его социальном аспекте) понимался синтез социальных группирований, в основе которых лежат хозяйственные, территориальные и родственные связи, перекрываемые потестарным институтом во главе с вождем.

Именно эта трактовка понятия «племя», предложенная

Н. М. Гиренко, представляется оптимальной, поскольку она разработана в соответствии с основными принципами системного подхода и в ней преодолен самый серьезный недостаток существующих трактовок племени — абсолютизация какого-то одного необходимого, но еще недостаточного системообразующего компонента. Например, С. А. Токарев основным и первичным признаком племени считает кровнородственную связь между его членами [338, с. 47]. В. Ф. Геннинг рассматривает в качестве определяющей систему организации власти [79, с. 59] и т. д. Аналогичная тенденция имеется и в западной немарксистской литературе, причем там абсолютизируют, как правило, политический (точнее, потестарный) или территориальный аспекты племени [569, с. 12; 631, с. 203]. Однако племя как форму социальной организации «не точно рассматривать только как территориальную, или родственную, или потестарную социальную единицу. Ни один из этих критериев, взятый в отдельности, не может дать необходимой и достаточной характеристики этой исторически обусловленной формы социальной организации» [88, с. 19].

Категория «племя» в трактовке Н. М. Гиренко наиболее адекватна аканскому понятию «оман». В то же время аканский материал заставляет дополнить определение Н. М. Гиренко еще одним компонентом — единой для всего племени военной организацией. Вполне возможно, что развитие и функционирование общей военной организации является необходимым системообразующим фактором племени, вождем (главой потестарного аппарата) которого обычно становится военный предводитель.

Историческая типология племенной организации пока не разработана, хотя существует представление о первоначальных и классических племенах. Первоначальные племена, как предполагают, возникли из двух эпигамных родов, связанных общими чертами культуры, языком и сознанием общего происхождения, но не обладающих едиными органами племенного управления (вождь, совет старейшин и т. п.) [158, с. 184; 264, с. 108]. Классические племена, как считают, появляются только в переходную эпоху от ПФ к ВФ [252, с. 123—124], и целостность этого типа племени в значительной мере обеспечивалась определенными органами власти, которые еще не имели политического характера, т. е. были еще потестарными системами. Таким образом, классическое племя — это в первую очередь социально-потестарный организм [59, с. 15]. Ю. В. Бромлей обозначает первоначальное племя термином «племя-этникос», а классическое — «племя-ЭСО» [59, с. 128].

Есть все основания полагать, что оман является одним из вариантов классического племени, племени-ЭСО. Что же касается этнических качеств омана, то здесь не хотелось бы касаться этого момента, так же как и в целом весьма спорного и плохо разработанного вопроса о племени как этнической общности (см. с. 220—223). Большинство советских этнографов счи-

тает племя одновременно социальным организмом и этнической общностью [353, с. 25], хотя совершенно очевидно, что обозначение одним термином разных по содержанию понятий только создает путаницу и категориальную нечеткость, на что уже обращалось внимание в литературе (см. [80]).

Если ограничиться толкованием классического племени как института организации общественной власти и управления [80, с. 67], т. е. как социально-потестарного организма (что вполне достаточно для наших целей), тогда нельзя не обратить внимание, что понятие «классическое племя» тождественно понятию «вождество» (chiefdom, chefferie, Hauptlingschaft), или, в терминах Л. С. Васильева, «протогосударство-чифдом» [70; 71], которое определяется им как политическая структура, основанная на нормах генеалогического родства, знакомая с социальным и имущественным неравенством, разделением труда и обменом деятельностью. Возглавляет ее сакрализованный лидер, главная функция которого — административно-экономическая [69, с. 40] (ср. [630]).

Типология вождеств пока не разработана, однако три этапа в развитии института племени, выделенные В. Ф. Генингом и Ю. В. Павленко [80, с. 104—105] по признаку специфики органов управления, вполне могут служить предварительным вариантом такой типологии. Аканское вождество можно соотнести с последним этапом этой типологии, непосредственно примыкающим к эпохе формирования государства и классового общества.

Глава 4

НАДПЛЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗМЫ И ОБЪЕДИНЕНИЯ ВОЖДЕСТВ

Известно более ста названий аканских оманов, но в действительности их было гораздо меньше. Часто один и тот же оман получал несколько названий, или же, наоборот, одним именем назывались разные оманы, что отражает динамику процесса появления/исчезновения оманов, слияния и распада их союзов и объединений, а также изменения их границ. По этой причине определение и соотнесение оманов друг с другом, и особенно их границ (учитывая также цикличность традиционного земледелия, из-за которого население медленно, но постоянно перемещалось по территории) возможно только в синхронном плане.

Уже отмечалось, что оман как форму политической организации, а также истоки политической культуры аканов традиция возводит к полубогатырскому Аданси (Адансе), зафиксированному в сообщениях европейцев с середины XVI в. Само слово «оман» подчеркивает политическую общность населения в противоположность географической, которая передается словом «афаму» (страна, регион, территория).

Следует отметить, что модель омана, которая описана в предыдущей главе, характерна прежде всего для аканов лесной зоны конца XVIII — второй половины XIX в. Кроме этого основного варианта можно выделить еще два: береговой и саванный (северный), имеющие определенную специфику, о которой речь пойдет ниже. Есть, очевидно, отличия и у ранних оманов, но информация о них крайне скудная, а про Аданси вообще нет достоверных сведений. Ясно только, что оманы возникли как надобщинные военно-политические институты (военные союзы общин). Об этом свидетельствуют, в частности, материалы о двух древних оманах — Ассине и Ачеме [405; 474; 506; 542].

Ассин располагался севернее слияния рек Пра, Бирим и Офин и доминировал в XVI — середине XVII в. в посреднической торговле золотом и солью. В середине XVII в. ассинцы продавали $\frac{2}{3}$ всего золота, которое европейцы вывозили с Золотого Берега [536, с. 248]. Так называемая Ассинская тропа — главный торговый путь из лесной зоны к европейским фортам на побережье. С середины XVII в. Ассин входил в состав Денчиры, затем — в 1715—1869 гг. — в Конфедерацию Ашанти, в 1869—1873 гг. — Конфедерацию Фанти.

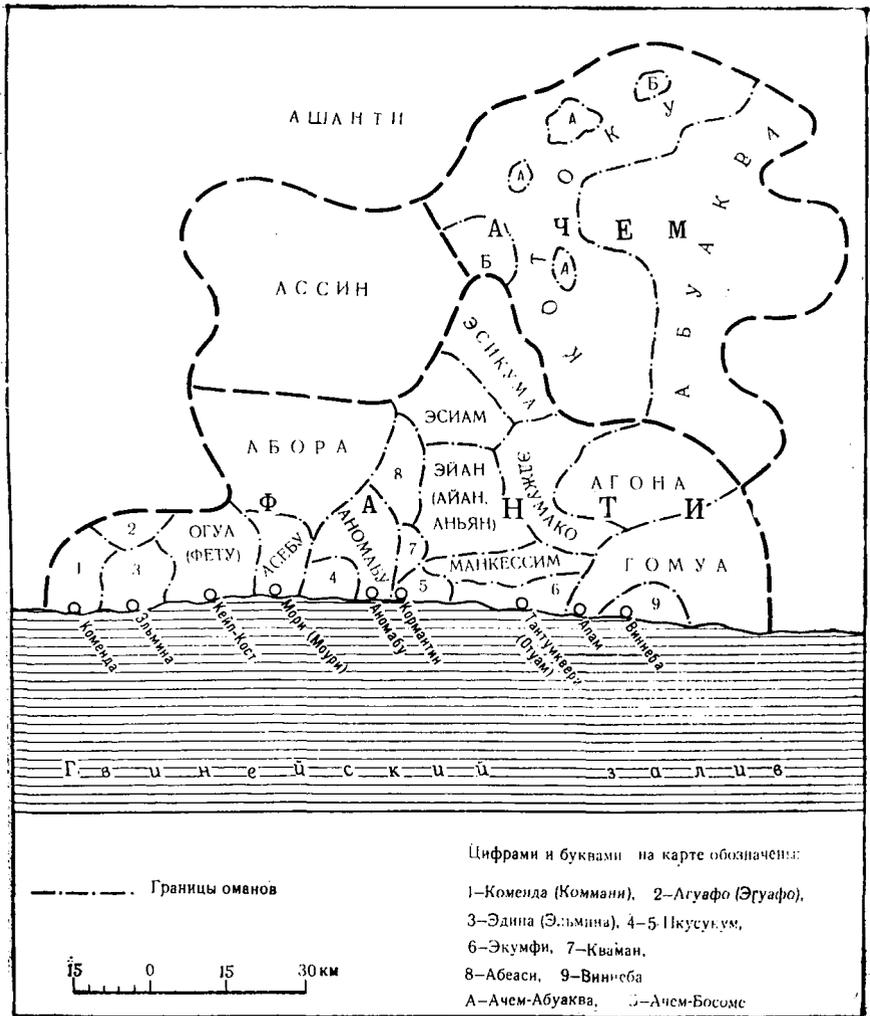
Ачем (*Аким*, *Акем*) возник восточнее Ассина в конце XVI в., но приобрел влияние только во второй половине XVII в., когда наряду с Аквamu и Денчирой стал ведущим поставщиком золота и рабов европейским фортам.

В Ассине и Ачеме была установлена монополия правителей на торговлю с европейцами и на огнестрельное оружие. Только оманхене и советы старейшин занимались организацией торговых караванов и контролировали все торговые операции и передвижения по дорогам.

Особенностью потестарного аппарата этих оманов является наличие трех соправителей-мужчин. В литературе иногда даже приводятся их имена, но родственные отношения между ними не указываются. Только по Ассину есть данные, что там обычно правили два брата и их племянник (перекрестный ниблинг).

Этнополитические организмы аканов Золотого Берега

Уровень развития населения Золотого Берега в XV—XVII вв. был заметно ниже, чем в лесной зоне. Вероятно, связано это и с тем, что до появления европейцев гвинейское побережье было самой дальней периферией в торгово-экономической системе Западного Судана. Однако и здесь уже существовали свои ЭПО. Правда, кроме названия о них, как правило, ничего не известно. Да и сами политонимы в большинстве случаев номинальны и не отражают реальных политических единиц. К тому же очень часто ЭПО отождествляются с населением: вокруг европейских фортов и называются именем форта.

Карта 3. Федерация Фанти и ачемские омаи в начале XVIII в.

В XVII в. в центре Золотого Берега существовало как минимум три ЭПО: Агуафо (Эгуафо), Асебу и Фету (Огуа). На их территории находились старейшие и наиболее важные европейские форты: Эльмина на границе Агуафо и Фету, Комменда — в Агуафо, Кейп-Кост и Фредериксбург в Фету, Мори (Мouri) в Асебу. К западу от этих ЭПО располагались вожества Аанта (Анте, Аханта) с Аксимом, Диксовом, Шамой, Секонди и Такоради (Такорари), Нзима (Аманахиа) с Аполлонией,

Бейнном и Ассини. К востоку — Фанти (Фантин) с Кормантинном и Аномабу.

Из всех этих образований сколько-нибудь подробно известно только Фету, благодаря книге миссионера из Гамбурга В. Мюллера, прожившего 8 лет (с 1661 по 1669 г.) в датском форту Фредериксборг [586]. Фету представлял собой типичный оман с той лишь разницей, что более заметную роль в его структуре играли отряды асафо, а также выборный военный предводитель — браффу, но никаких сведений нет об охеме. Аналогичные данные есть и по фантийским оманам [626; 627], что позволяет сделать вывод о специфике берегового омана: более заметная роль военного предводителя-браффо (который выполнял и функции высшего судьи) и менее значимая — охемы, а также практическое совпадение асафо и большесемейной общины.

Протофантийцы появились на побережье в конце XIII в. Во главе переселенцев из Течимана стояли, согласно легенде, три вождя-жреца из абусуа Асона — Обунумакома (Обуруманкума), Одападжан (Адпаанджан) и Осон (Осун, Эсуон) [436, с. 13; 391, с. 18]. Первым фантийским поселением был Манкессим (букв. «большой оман») в 10 км от побережья. Общая могила трех вождей (Нананом Мпоу) стала священной, а Манкессим — культовым и политическим центром всех фантийцев.

Со второй половины XVII по конец XVIII в. фантийцы в результате переселений и военной активности расселились более широко и контролировали примерно 100 км побережья от р. Сладкой (к востоку от Эльмины) до Бераку, а в глубь континента — до р. Пра. Это был период постоянных войн на побережье, вызванных работоторговлей, т. е. политическое развитие фантийцев было тесно связано с охотой на рабов и торговлей невольниками [531, с. 440]. Военными действиями руководил браффо, который должен был согласиться на отрубание левой руки в знак его абсолютной верности народу [574, с. 4].

В 1707 г. была создана Федерация Фанти (Мфантсиман), объединившая около 20 оманов с центром в Аборе. Верховным вождем (браффо Фантин) стал оманхене Аборы, но свои функции он выполнял только во время военных действий. Интегративная потенция этой федерации была незначительной, поскольку она нужна была только для войн с лесными аканами, и прежде всего с ашантийцами, стремившимися установить прямые торговые связи с европейцами и нарушить монополию фантийцев.

Никакого центрального аппарата Федерация Фанти не имела, оманы были абсолютно независимы во всех делах.

В 1770-е годы эта федерация распалась на две конфедерации: Западную (Борибори, Бороборо, Борбор) с центром в Аборе и Восточную (Экумфи) с центром в Манкессиме, которые просуществовали примерно по 20 лет и представляли собой столь же аморфные военно-политические союзы [656, с. 119].

В начале XIX в. самыми крупными фантийскими вожествами были Абора (Абура), Манкессим, Аномабу и Агона [574, с. 5; 617].

Этнополитические организмы аканов Берега Слоновой Кости

Берег Слоновой Кости — периферия аканской цивилизации, населенная западными аканами, составляющими две группы близкородственных этносов — аньи²⁰ и бауле²¹. Согласно устной традиции, западные аканы переселились в долины рек Комоз и Бандамы относительно поздно — в XVIII в., хотя первые группы аканов появились в хинтерланде Берега Слоновой Кости гораздо раньше — еще в середине XVII в. [658; 657; 472, 637].

Предками бауле этногенетическая легенда называет группу ашантийцев во главе с Аурой Поку, переселившуюся в между-речье Нзи и Бандамы в 1750-е годы. Переселение (или, точнее, побег на запад) было связано с поражением в борьбе за ашантийский трон брата Ауры Поку после смерти асантехене Опоку Варе. Ее брат был убит, а все его сторонники вынуждены были бежать. В другом варианте легенды речь идет о борьбе между двумя племянниками погибшего асантехене Осея Туту — Опоку Варе и Дако, или Дакона (брата Ауры Поку), в которой Дакон был убит, т. е. все произошло на 30 лет раньше [36; 472, с. 163].

Этногенез бауле, разумеется, протекал значительно сложнее, чем предлагает миф об Ауре Поку, учитывая сомнительность датировки и самого факта соперничества, о котором не сохранилось никаких сведений в ашантийских легендах. Переселенцы во главе с Аурой Поку, скорее всего, были одной из последних волн переселенцев, объединивших вожества бауле, а легенда всего лишь обосновывает права на верховную власть, так как она привязывает первую правительницу союза к престижному политическому центру аканов — Ашанти.

Не выдерживает критики и ставшая популярной этимология этнонима бауле, которая содержится в той же легенде об Ауре Поку — она пожертвовала своего сына духу р. Комоз, что спасло беглецов от преследователей. Отсюда бауле = мертвое дитя [469, с. 163]. Но скорее всего, этноним происходит от топонима Бауре (Бакорее), который указывался на всех европейских картах к северу от Берега Кваква задолго до появления здесь аканов [658, с. 507—527]. Обращает на себя внимание также то, что в легендах есть привязка предков бауле к стране аа, которую возможно сблизить с топонимом Аафо (Ахафо) на западе современной Ганы и этнонимом аанта (букв. «народ страны аа»).

Бауле и аньи создали в доколониальную эпоху более 30 вожеств, самыми крупными из которых были Индение, Санви и

Морону (Моруну) у ании, Уаребо, Нанафуэ, Фаафуэ и Айту у бауле, причем Индение и Уаребо были во второй половине XVIII в. центрами объединений вожеств (Уаребо еще и ритуальный центр бауле, так как в нем находится могила Ауры Поку). Однако эти союзы просуществовали недолго. У бауле, в частности, он распался после смерти наследницы Ауры Поку — Акуа Боии в 1790-е годы [469, с. 246].

В целом союзы вожеств бауле и ании весьма похожи на фантийские федерации и представляли собой столь же неустойчивые военно-политические объединения без специализированного центрального аппарата. Особенностью политической структуры Индение является поочередное нахождение у власти представителей двух родов — потомков первых правителей Ано и Эфуи Баи.

Аквamu

Оман Аквamu (столица г. Ньянаоасе), возникший в конце XVI в. в междуречье Бирима—Денсу—Вольты (севернее Аккры), сыграл важную роль в становлении и развитии политической культуры аканов. Во-первых, Аквamu — первый крупный ЭПО аканов. Во-вторых, именно аквамухене в 1660-е годы начал работорговлю в лесной зоне. В-третьих, в этом омане был создан новый боевой порядок. Наконец, именно в Аквamu административно-политическая система впервые была построена на базе военной, что диктовалось необходимостью управления соседними вождествами-данниками.

ЭПО Аквamu состоял из двух частей: собственно Аквamu и нескольких ЭПО-данников (до 10—15 в отдельные периоды), разделенных на две «провинции» (Аккра и Ладок) [643, с. 302; 540, с. 376]. Оман был основан представителями рода Абраде, предки которого восходят к северным аканам²², переселившимся в XV в. в Чифо-Хеман, а затем — через сто лет — в район нынешнего обитания. Аквamu окреп на работорговле и обложил данью соседние общины и вождества аканов²³, гуанов²⁴, га²⁵, адангме²⁶ и эве²⁷, причем особо тесные связи были с правителями Осу (Аккры).

Наибольшего расцвета Аквamu достиг во время правления аквамухене Ансы Сасраку (1680—1700), контролировавшего территорию от Виннебы до Види и все торговые пути из Аккры на север; он был крупнейшим поставщиком невольников в европейские форты восточного Золотого Берега. Анса Сасраку способствовал становлению Конфедерации Ашанти как противоса его традиционным соперникам — Денчире и Ачему.

В 1730—1732 г. Аквamu потерпел поражение в борьбе с Ачем-Абуаквой (с союзными га) и стал его данником. В 1734 г. несколько групп рода Абраде переселилось за Вольту, где возник новый оман Аквamu (в 80 км к северо-востоку от Аккры), который с 1742 по 1826 г. входил в Конфедерацию Ашанти.

Денчира

Оман Денчира²⁸ основан в 1620-е годы в междуречье Тано—Офин—Пра представителями рода Агона, возводящего себя к Боно [583, с. 29]. В середине XVII в. Денчира подчинила себе ряд соседних вожеств (Аданси, Ассин, Чифо, Васса, Сэфви, Аовин) и оманы Квамана, обложив их данью золотом. До начала XVIII в. это был самый крупный и мощный ЭПО лесной зоны Золотого Берега.

Процветание омана было обусловлено тем, что он находился в центре золотодобывающего пояса, а столица Абанкессо (Бансо) стала крупным центром золоторговли [552, с. 34; 643, с. 297]. Правители Денчиры контролировали Ассинскую тропу, а также дорогу в Аксим. Маклеры денчирахене играли заметную роль в Эльмине и Кейп-Косте, в северных торговых портах Бего и Боно-Мансу [643, с. 297]. К Денчире перешла слава торговцев Акана и Ассина как лучших на Золотом Берегу [552, с. 35].

Расцвет Денчиры совпадает с последним этапом торговли золотом и связан с именами двух правителей — Боаду Акафу Бремлонгом (1662—1677) и Боа Амлонсемом (1677—1692). Первый заимствовал у Акваму новый боевой порядок, что способствовало более эффективной военной деятельности. Второму традиция приписывает создание символов верховного правителя (Золотой Трон, Меч), позднее заимствованных всеми ЭПО аканов.

Что касается вклада Денчиры в политическую культуру аканов, то именно здесь произошло формирование центрального аппарата управления из асаfoxене. Кроме того, формирование боевого порядка превратилось в форму территориальной организации населения омана, которое в соответствии с этим подразделялось на три части: Агона Адонтендом (авангард), Акуматире (Нифа) и Черемфен (Бенкум) [541, с. 210].

В социальной структуре важную роль играли жрецы, причем впервые в аканских оманах в Денчире появился официальный жрец омана — окомфо. Первым окомфо стал Черече, женой которого была известная жрица Таноа Мфама. Денчирахене ничего не предпринимал без совета с ними.

Ачемские союзы вожеств

Единый Ачем распался в конце XVII в. на три политических образования: Ачем-Абуаква (восточный Ачем), Ачем-Котоку (западный Ачем) и Ачем-Босоме (Бусуме), или Ачем-Сведру (Соадру), — южный Ачем, во главе которых встали представители абусау Агона, бежавшие из Денчиры после ее поражения от Ашанти. Новые оманхене имели опыт военных действий, что было крайне важным для борьбы с экспансией Ашанти — всего

известно 99 войн ачемцев с ашантийцами [406] (цифра скорее всего легендарна). Ачемские вождества значительно расширили свои границы, особенно Абуаква, под контролем которой оказалась территория в три-четыре раза больше. В то же время наблюдалась чересполосица земель [493, с. 4]. Ачемские ома-ны довольно часто заключали военные союзы между собой, а также с Аквапимом и соседними га и адангме для борьбы с Конфедерацией Ашанти и другими ЭПО лесных аканов.

Ачем-Котоку и Ачем-Босоме представляли собой типичные ома-ны лесной зоны с несколькими данниками, но Ачем-Абуаква была союзом нескольких вождеств и имела более усложненную структуру потестарного аппарата, поскольку кроме оманхене и его соправительницы там имелось три совета старейшин: Совет Кибби (столицы), Совет Амантуммиенса (Совет трех оманту) и Совет Очеман.

Совет Кибби состоял из бронопанин столичных кварталов во главе с оманхене и подразделялся на три секции: Анкобеа (во главе с анкобеахене и джасехене), Апесемака (во главе — абонтендомхене и оманхема), Чидом. Фактически руководители секций Совета Кибби (анкобеахене, джасехене, апесемакахене и чидомхене) вместе с оманхене управляли Ачем-Абуаквой и всеми данниками, представляя собой нечто вроде «кабинета министров». Апесемакахене был главным администратором и непосредственно отвечал за Кибби. Его пост наследовался патрилатерально, как правило, среди сыновей оманхене.

Совет Амантуммиенса состоял из восьми членов — вождей Апапама, Тете и др., апапамхене был председателем Совета.

Совет Очеман (Совет Ачема) состоял из членов двух других советов, а также всех остальных вождей Ачем-Абуаквы. Во главе — оманхене и адонтенхене. Этот совет обсуждал и принимал все решения, касающиеся деятельности ЭПО в целом, а также выполнял функции Высшего суда [464, с. 11—20; 570, с. 45—46].

Расцвет Ачем-Абуаквы приходится на 1734—1742 гг., когда ее данниками стали Аквапим, Прампрам, Шай и Кробо. С 1742 по 1831 г. — в составе Конфедерации Ашанти. Данниками Ачем-Котоку в 1730—1742 гг. были вождества га Аккра, Осу и Лабади [553, с. 162].

Аквапим

Аквапим как самостоятельное вождество появился в 1730-е годы в результате борьбы с Акваму, под контролем которого находилась территория Аквапимских холмов с 1640-х годов. Эти холмы издавна населялись гуанами — черепонами на севере и лате (ларте) на востоке, близкими по языку аканам, но отличными по культуре и уровню развития. У гуанов отсутствовали политические институты. Жили они общинами во главе со жрецами (подробнее о гуанах см. [553, с. 58, 124—136]).

Аквапим обычно переводят как «тысяча невольников» или «тысяча феку», как называли его правители Акваму [553, с. 58; 660, с. 396]. В конце XVII в. в Аквапим переселилось довольно много аквамуцев, занявших всю южную часть холмов. В XVIII в. стали переселяться ачемцы из Абуаквы, которые вскоре восстали против Акваму и одержали победу с помощью войск Абуаквы, а затем создали новое вожество со столицей в Акуропоне (Акропонге). Первым аквапимхене стал Сафори (брат абуаквахене) из рода Асона [667].

Аборигенное население подверглось аканизации, особенно лате, которые восприняли многие черты аканской политической культуры; в частности, произошло разделение политической и жреческой функций. Вместе с тем они сохранили многие традиционные институты: праздник ямса (охум), патрилатеральное наследование статуса и имущества.

Аквапим отличался от других аканских оманов тем, что представлял собой симбиоз двух культур, практически автономных. Он имел военно-территориальную структуру на базе подразделений боевого порядка, формировавшихся по этническому признаку [667, с. 391; 553, с. 159]:

1. Адонтен — иммигранты из Акваму, смешавшиеся с гуанами.
2. Джасе, Анкобеа и Куронти (Кронти) — аканы-ачемцы Акуропона и Аманакрома.
3. Нифа — черепоны (семь общин).
4. Бенкум — лате (семь общин).

В 1742—1826 гг. Аквапим входил в состав Конфедерации Ашанти, но неоднократно в союзе с Акваму и Ачем-Абуаквой восставал против асантехене. Вел также активные войны с вождествами га, эве и другими своими соседями. В XIX в. после запрещения работорговли именно Аквапим становится главным из аканских оманов производителем и поставщиком пальмового масла.

Джаман (Бондуку)

Джаман, или Бондуку (по названию столицы), возник в начале XVIII в. в западных районах современной Ганы и восточных районах Кот-д'Ивуара, севернее расселения ашантийцев и бауле-аньи, на границе лесной зоны и саванны. Основателями выступили переселенцы из Акваму, принадлежавшие к роду Адуана, покинувшие Акваму после смерти Ансы Сасраку, когда обострилась проблема наследования трона [380, с. 36]. До этого здесь имелось небольшое вождество абронов во главе с династией из Дормаа, которая сосуществовала с общинами куланго, сенуфо, нафана и мусульман-диула, а также мандеязычных гуро, дан и лигби [380, с. 38; 639, с. 101—102; 480, с. 60].

В 1740—1874 гг. Джаман входил в состав Конфедерации Ашанти, причем ни разу не восставал против зависимости от асантехене. В 1880-е годы Джаман был захвачен Самори Туре и включен в его «империю» Уасулу. С 1888 г.— под французским протекторатом, а в 1895 г. большая часть Джамана вошла в состав французской колонии Берег Слоновой Кости, восточная часть — в британскую колонию Золотой Берег.

От остальных аканских вожеств Джаман отличался этногетерогенным населением, важной ролью всадников в военном деле и лошади в экономической сфере, а также действием принципа ротации при выборах нового правителя и его соправительницы. Принцип ротации заключался в том, что у власти поочередно находились представители двух сегментов правящего рода (Якасе и Занзан), а в пределах Якасе правители чередовались из ветвей Тангамуру и Аданиа, в Занзане — Херебо и Табагне. Правда, последнее не всегда реализовывалось, в то время как чередование Якасе и Занзана осуществлялось постоянно. За все время было всего одно исключение: когда джаманхене Кофи Фофии из Занзана умер во время войны с Ано в 1820 г., ему наследовал Квеси Йебоа из того же Занзана [640, с. 280].

Ротация, несомненно, способствовала пресечению борьбы за трон, которая характерна для остальных аканских оманов, особенно ашантийских, а в целом очень похожа на систему передачи власти у гонжа и аньи.

В литературе существует мнение, что Якасе по происхождению аброну, в то время как Занзан — аньи, хотя вполне вероятно, что оба сегмента были едины в этническом отношении. Кроме того, в Джамане имелось своеобразное административно-территориальное деление на так называемые провинции и, как пишет Э. Террэ, Джаман представлял собой свободную конфедерацию провинций [639, с. 127]. Всего их было пять: Бондуку, Анкобия, Фумаса, Ачидом и Пенанго. Во всех своих внутренних делах они были автономны.

Анкобия и Фумаса управлялись представителями Якасе, причем анкобияхене всегда был сыном правителя, если правил джаманхене из Якасе. Ачидом и Пенанго — провинции Занзана — и ачидомхене тоже должен был быть сыном правящего джаманхене. Во главе Фумаса и Пенанго стояли саfoxене правителя соответствующего сегмента [640, с. 280—281]. Во всех провинциях было еще по два сегмента, а в Ачидом — четыре, и во всех действовал тот же принцип ротации при выборах правителя провинции.

Названия провинций Анкобия и Ачидом вызывают ассоциации с подразделениями боевого порядка (Анкобеа и Чидом). Но был ли Джаман вожжеством или же конфедерацией вожеств — трудно сказать; скорее конфедерацией, но лучше интегрированной и довольно устойчивой по сравнению с другими надплеменными объединениями аканов.

КОНФЕДЕРАЦИЯ АШАНТИ

Союз вождей Асанте

Конфедерация Ашанти (Асанте Нкабом) была создана как военный союз нескольких оманов во главе с кумасихене для борьбы с Денчирой. Название Асанте происходит от слов «оса» — война, «нте» — для, ради, из-за, и префикса «а» — показателя множественного числа, т. е. асанте — «объединившиеся для войны, военный союз» [433, с. 52]. Первоначально это слово употреблялось только по отношению к «настоящим ашанти» — к тем первым оманам (аманто), которые создали конфедерацию [402, с. 67]. По преданию, так их назвал впервые Нтим Джакари, когда узнал о создании военного союза против Денчиры [554, с. 27]. Возможно также, что термин «асанте» является самоназванием и каким-то образом связан с топонимом Асантемансо, однако эта версия пока никем не разрабатывалась.

Датой основания Конфедерации Ашанти обычно называют 1701 г., когда состоялась решающая битва при Фейясе. Знанию этой даты мы обязаны В. Босману, который первым из европейцев упомянул в своей книге о стране Асанте и рассказал о борьбе Осей Туту («кабосира Заай») с Денчирой, а также Д. Ван Ниендалю — первому голландскому послу в Кумаси [426, с. 370; 668, с. 442].

Однако, как позднее было установлено, у В. Босмана эта дата появилась в связи с тем, что в 1731 г. Осей Туту (Осей Кофи Туту, или Осей Туту Кваме [655, с. 108; 670, с. 319]) погиб в битве с Ачем-Котоку на р. Пра. Осей Туту был первым асантехене и, как считалось, ровно 30 лет возглавлял Асанте Нкабом [610, с. 95]. Но позднее выяснилось, что Осей Туту умер значительно раньше — в 1712 или 1717 г., и если он действительно 30 лет стоял во главе конфедерации, то её создание состоялось раньше [610, с. 95].

А. А. Анти утверждает, что Конфедерация Ашанти возникла в 1688 г., а в 1703 г. после битвы при Фейясе Осей Туту был провозглашен асантехене [393, с. 73]. В то же время Дж. Дюпюи пишет, что уже в 1640 г. существовала небольшая, но мощная монархия Ашанти, которая могла вооружить луками и стрелами и даже мушкетами 60 тыс. воинов, и их имя уже тогда наводило ужас на соседей [481, с. 225]. У. Уорд также считает, что Конфедерация Ашанти сформировалась значительно раньше 1701 г., и заслуга ее создания принадлежит Обири Йебоа — брату матери Осея Туту, а возможно, и самому Оти Акентену, с которого начинаются все генеалогии ашантийских правителей и которому часто приписывают главенствующую роль в переселении из Асантемансо в Кваман [655, с. 107—111]. Тем не менее устная традиция заслугу создания Асанте

Нкабом и все ее успехи в борьбе с соседями приписывает Осею-Туту²⁹ и его сподвижнику Окомфо Аноче.

Существуют также предания, что, когда предки ашантийцев жили в Асантемансо (или Амансе), их возглавляли два вождя-близнеца — Чум и Энчви, имена которых позднее слились и стали почетным титулом первого асантехене [505, с. 2], а эмигрировали они в результате перенаселенности и династических споров под руководством либо Кобиа Аманфи (Квабиа Аменфи, Анвамфи), либо Оти Акентена [618, с. 351; 508, с. 24; 443, с. 73]. Несомненно одно: военно-политическая активность в Квамане началась в 1660—1670-е годы и связана с деятельностью кваманхене Оти Акентена (ок. 1631—1662), а переселение аканских групп в Кваман осуществлялось и в XVI в. [643, с. 302].

Вопрос о дате возникновения Конфедерации Ашанти достаточно дискуссионный. В настоящее время можно лишь утверждать, что она образовалась на рубеже XVII—XVIII вв., а само понятие «ашанти» возникло не ранее второй половины XVII в. в связи с организацией военного союза нескольких оманов Квамана для борьбы с Денчирой. Показательно, что на голландской карте Золотого Берега 1629 г. нет слова «Ашанти»³⁰ [506, с. 3].

Создание ашантийского союза

Оти Акентен и его преемник Обири Йебоа покорили своих северных и юго-западных соседей (Амаком, Каасе, Тафо), а также самого грозного соперника — Дормаа, в войне с которым и был убит Обири Йебоа. Все побежденные вожди вошли в состав омана Кумаси и получили высокие посты: тафохене стал бенкумхене, каасехене — вторым лицом в фекуо Джасе [455, с. 23].

В результате этих войн кумасихене взял под контроль очень важную дорогу на север и северо-запад — в Джаман и Бего и все районы, где выращивали кола [505, с. 2—3; 392, с. 61; 643, с. 303—304]. Успешная военная деятельность Обири Йебоа привлекла внимание других оманхене Квамана, тоже стремившихся к установлению контроля над торговыми путями (прежде всего к побережью). К тому же большинство вождей принадлежало к одному роду Ойоко, и все старались освободиться от даннической зависимости от Денчиры. Указанные причины стимулировали появление крупного военно-политического союза вождеств Квамана³¹, который и был вскоре основан новым кумасихене Осеем Туту.

Согласно легенде, у Обири Йебоа не было ни братьев, ни племянников, а единственная сестра (или племянница?) Ману Котосии была бездетной. Обири Йебоа послал ее к Отуту — фетишу духа войны гуанов в г. Авукуджуа на Аквапимских холмах (в то время — территория Аквamu). В результате родился

мальчик, названный в честь фетиша Осей Туту. Отцом его легенды называют Овусу Панина из Акрочере (Аданси) [387; 425; 505], в другом варианте — правителя Дагомбы [443, с. 73].

Одна из легенд повествует о пребывании Осея Туту при дворе денчирахене Боа Ампонсема, где он выполнял обязанности меченосца³². Несколько лет он провел в Абанкесесо, но был вынужден бежать в Акваму, когда стало известно о его интимной связи с сестрой правителя. В Акваму он подружился с Анса Сасраку и познакомился с Окомфо Аноче — жрецом фетиша Отуту. Когда погиб Обири Йебоа³³, Осей Туту вернулся в Кумаси вместе с Аноче в сопровождении отряда из 30 воинов Акваму [614, с. 272]. Никто из предшественников Осея Туту не был лучше подготовлен к деятельности правителя, ибо ему удалось ознакомиться с достижениями двух самых мощных ЭПО аканов того времени и соединить их в Конфедерации Ашанти. Осей Туту обладал также талантом полководца (одно из его прозвищ — Бедьяко, т. е. Воин), честолюбием и практически умом [402, с. 69; 417, с. 165].

Окомфо Аноче — полulegenдарный персонаж — сын гуана из Авукуджуа, хотя многие аканские оманы считают его своим земляком, его мать — из Денчиры [614, с. 171; 455, с. 25]. Настоящее имя — Кваме Аджей, или Кваме Фримпон. Это был самый популярный жрец среди аканов и гуанов того времени. Вместе с тем ему приписаны все черты фольклорного героя — завязал в узел слоновый бивень, вонзил меч в землю так, что до сих пор никому не удалось его вытащить, и т. д.

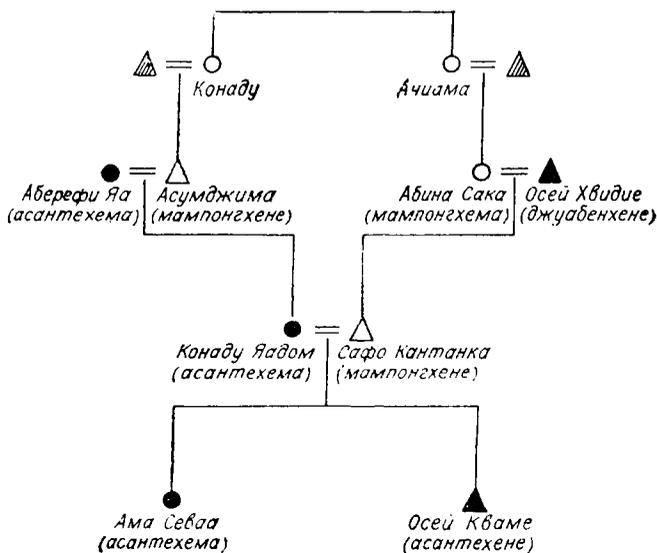
После поражения в битве при Фейясе Денчира была присоединена к Кумаси, а ее вожди получили заметные посты в потестарном аппарате кумасихене. Денчирахене Нтим Джакари (по мифу — сын Осея Туту) был убит.

Таким образом, к началу XVIII в. Асантеман заменил Денчиру в качестве главной политической силы в западных и центральных районах золотобережного хинтерланда, к ашантийцам перешли права на Эльмину, что открыло путь к прямым контактам с европейцами. Голландцы послали своего консула для переговоров о плате за аренду Эльмины [455, с. 34—35].

Аманто

Устная традиция утверждает, что первоначально ашантийский союз вождеств (Асантеман) состоял из пяти оманов [661, с. 729]. Однако в литературе, посвященной созданию Асантемана, называются самые разные цифры и даются несовпадающие списки первых оманов, или аманто. Чаще всего перечисляются Джуабен, Беквай, Кокофу, Нсута и Мампонг. По мнению К. А. Бусии, первыми аманто, создавшими Асантеман, были Кумаси, Мампонг, Асумеджа, Джуабен и Адуабен. Позднее — уже для непосредственной борьбы с Денчирой — в союз вошли Беквай, Кокофу и Нсута, правители которых были свя-

заны близкими родственными отношениями с кумасихене [433, с. 52]. Но Р. С. Рэттрей сообщает, что Беквай, Кокофу и Нсута возвысились и вообще получили статус омана только после победы над Денчирой, так как их правители были племянниками асантехене, а пять великих вождей, которые создали конфедерацию — это оманхене Кумаси, Джуабена, Мампонга, Асумеджи и Адуабена [614, с. 235].

Условные обозначения:

△ ○ — беретуо ▲ ● — ойоко = — брачная связь

Брачные связи между оманхене и оманхемами Кумаси, Джуабена и Мампонга в XIX в.

Сколько и какие именно оманы объединились в союз, получивший название Асанте, установить пока сложно, хотя возможны два подхода к такой реконструкции. Если учитывать только родовую принадлежность правителей к Ойоко, тогда это будут Беквай, Джуабен, Кокофу, Нсута и Кумаси. Если же взять во внимание иерархию оманхене, то к первому рангу относились правители Джуабена, Мампонга и Беквай, ко второму — Кокофу и Нсута.

Таким образом, в первом случае не включается Мампонг, поскольку его правители относились к роду Беретуо³⁴. Во втором — нет Кумаси, и это тоже объяснимо, если предположить,

что кумасихене был всего лишь выборным военным вождем типа фантийского браффо (отсюда, возможно, и прозвище Бедьяко), а Кумаси представлял собой не более чем военный лагерь. Статус омана им был получен только после победы над Денчирой. Но в любом случае основу Асантемана составили оманы, правители которых принадлежали к роду Ойоко, т. е. Кумаси, Джуабен, Беквай, Кокофу и Нсута. Ведущая роль Кумаси в создании конфедерации подчеркивалась еще тем, что именно кумасихене правители Денчиры поручили собирать дань с оманов Квамана.

Следует отметить, что состав аманто не был стабильным и в разные исторические периоды состоял из разных оманов (подробнее см. [661, с. 113—119]). Но, как правило, этот состав расширялся, а не сокращался, причем только за счет небольших ашантийских ЭПО, получавших статус омана (единственное исключение — абронский оман Нкоранза), и только Адуабен исчез.

Возвышение того или иного омана часто зависело (особенно в XIX в.) от личных отношений оманхене с асантехене. Так, при асантехене Кофи Карикари выдвинулся нкоранзахене, что и обусловило включение Нкоранзы в состав аманто [399, с. 7].

На протяжении почти двух столетий число аманто одновременно не превышало 12, а первые восемь были всегда:

1. Кумаси (абусуа Ойоко)	9. Адуабен (Асение)
2. Мампонг (Беретуо)	10. Аданси (Коана)
3. Джуабен (Ойоко)	11. Оффису (Асона)
4. Беквай (Ойоко)	12. Эджису (Асона)
5. Кокофу (Ойоко)	13. Агона (Асение)
6. Нсута (Ойоко-Дако)	14. Нкоранза (Асение)
7. Асумеджа (Адуана)	15. Эджура (Асона)
8. Кумаву (Адуана)	

В то же время нельзя считать все аманто абсолютно равноправными. Во-первых, особое положение занимали те оманы, правители которых были Ойоко. Только они пользовались привилегией сидеть на помосте рядом с асантехене во время официальных церемоний [614, с. 76]. Во-вторых, джуабенхене рассматривался среди Ойоко равным асантехене. Это нашло свое отражение, например, в договоре 1817 г., заключенном Т. Э. Баудичем, который был подписан асантехене Осеем Бонсу и джуабенхене Ботини [580, с. 46], причем они приходились друг другу ортокузенами (сыновьями сестер [427, с. 232]), т. е. входили в одну группу сиблингов. Значимость джуабенхене подчеркивалась и тем, что он был ойокохене — главой всех Ойоко в Конфедерации Ашанти [382, с. 10]. В-третьих, выделялся мампонгхене, который считался вторым лицом в иерархии вождей Асантемана после асантехене и правил во время междоусобиц. Он всегда был главнокомандующим ашантийского войска в отсутствие асантехене и фактически лидером

всех неойоко в аманто [614, с. 277]. В его обязанности также входило посредничество при разногласиях между асантехене и правителями оманов [382, с. 9].

Кумаси

Устная традиция дает несколько вариантов возникновения Кумаси (Кумасе, Окумасе) и его названия:

1. Кумаси основан охотником из Енди как торговый центр для продажи слоновьего мяса [553, с. 131].

2. Возник на базе двух деревень: дагомбской Окуманьинасе и аканской Асафо, основанной переселенцами из Асантемансо [443, с. 72].

3. Оти Акентен основал г. Кваман, который позднее стал называться Кумаси [505, с. 2]. Кваман возник на месте деревни Даребо [392, с. 61].

4. После победы над Тафо Окомфо Аноче посадил побеги дерева кум (кумнини) в трех городах: Квамане, Джуабене и Кумаву (букв. «мертвое дерево кум»). Дерево принялось только в Квамане, и с этих пор он известен как Кумаси (букв. «под деревом кум») [435, с. 644; 655, с. 111]. (Название столицы бауле Уаребо имеет такую же этимологию: «под деревом уаре» [36, с. 239].)

5. Название происходит от слов «кум» (убивать) и «асе» (под), т. е. «под которым убивают» — в центре Кумаси росло огромное дерево, под которым совершались человеческие жертвоприношения [615, с. 156].

Ни одна из версий не имеет сколько-нибудь серьезных подтверждений. Ясно одно: поселение Кумаси стало центром вожества в последней четверти XVII в. Был ли это торговый центр, типичная аканская община или военный лагерь, трудно обосновать, но ряд косвенных фактов позволяет склониться к последнему варианту, особенно если обратить внимание на название деревни переселенцев (Асафо), но главным образом на структуру самого омана Кумаси. Ведь основными его компонентами были не матрилинейные роды абусуа, а военные отряды фекуо. Кумаси — это союз нескольких фекуо, во главе которых — асаfoxене. В связи с этим показательно, что в Кумаси не было так называемых первопоселенцев, которые в аканских общинах занимают главенствующее положение.

Осей Туту создал четыре фекуо: Конти (Кронти), Ойоко, Чидом (Ачемпем) и Аквamu³⁵ (Асафо). Опоку Варе основал Джасе и Анкобеа. Позднее появились Бенкум, Нифа и Адоптен. Десятый и последний по времени создания — Манвере — в правление Квеку Дуа I (1834—1867) [433, с. 91—95, 218—219; 577, с. 207; 592, с. 103; 648, с. 403].

Как видно из названий большинства фекуо, они представляли собой соответствующие подразделения боевого порядка и составляли таковой в омане Кумаси. Каждый фекуо состоял из

ряда атуо (букв. «ружья»), имевших свои названия. Число их постоянно менялось [647, с. 3—4]. Сначала каждый фекуо занимал особый квартал, но со временем они разрослись, и в конце XIX в. в Кумаси было уже 77 кварталов, из которых только два (Адонтен и Анкобеа) соответствовали конкретным фекуо, а в квартале Асафо располагался фекуо Аквamu (см. [558, с. 228]).

Главным среди асафохене Кумаси был контихене (или бантамахене, так как фекуо Конти размещался в квартале Бантама). Он выполнял обязанности главнокомандующего кумасийской армии в отсутствие кумасихене. Контихене всегда был из рода Коана и не мог претендовать на трон кумасихене. Второе лицо — аквамухене. Кроме них особое положение занимал адонтенхене, имевший привилегию не снимать сандалии, приветствуя оманхене, так как его предок пожертвовал собой для достижения победы [399, с. 20]. Все фекуохене вместе с кумасихене-асантехене и его охемой составляли Совет старейшин.

Численность населения Кумаси до XIX в. неизвестна. В первой половине XIX в. — 15—25 тыс. человек; в 1860-е годы — 40 тыс. В целом в омане Кумаси — около 155 тыс. человек [661, с. 93—94, 374, 611].

Асантеман: символы единства и система управления

В битве при Фейясе все участвующие оманы и крупные поселения были распределены следующим образом между подразделениями боевого порядка [614, с. 219]: Мампонг, Амакум и кумасийский Адонтен составили *Адонтен* (главные силы); Асумеджа, Кумаву и Тафо — *Бенкум* (левый фланг); Джуабен, Эджису и Оффинсу — *Нифа* (правый фланг); Кумаси, Беквай, Нсута и Кокофу — *Чидом* (арьергард). Осей Туту возглавлял все войско, а мампонгхене Боаен Анантуо — главные силы.

Приведенное распределение жестко закрепило место большинства оманов почти на сто лет. Но к началу XIX в. военно-административная структура Асантемана выглядела несколько иначе, к тому же были дополнительно созданы полуфланги (ноасе) [614, с. 246—247; 433, с. 90; 615, с. 95—96; 523, с. 45]:

Адонтен (включая *Чафо* — авангард): кумасийские фекуо Адонтен, Конти, Джасе, Анкобеа и Чафо;

Бенкум: Асумеджа, Кумаву, кумасийский Бенкум;

Бенкум-ноасе: Нсута, Домаа (Домина);

Нифа: Мампонг, Эджису, Аданси, Оффинсу, кумасийская Нифа, Нкоранза;

Нифа-ноасе: Джуабен, Кокофу, Беквай;

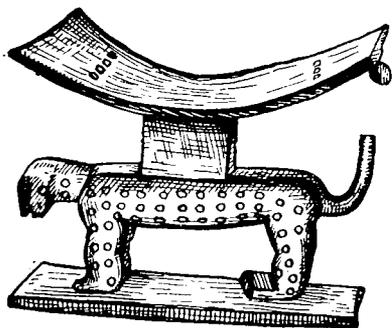
Чидом: кумасийский Чидом, Анкаасе, Домаквай.

Во время крупных боевых действий армию возглавлял мампонгхене (в отсутствие асантехене) или, реже, бантамахене (контихене) [505, с. 12]. Левым флангом всегда командовал асу-

меджахене, правым — мампонгхене или эджисухене [423, с. 75; 455, с. 31]. В небольших кампаниях, в которых оманхене не участвовали, командир избирался из фекуо Джасе или Чидом [505, с. 12].

Все аманто были независимыми в решении своих внутренних проблем, асантехене не имел права вмешиваться в их дела и реальной властью обладал только в своем омане Кумаси. Он был не более чем первым среди равных оманхене. Единственной его прерогативой были функции высшего судьи и рассмотрение дел, связанных с убийствами.

Все дела Асантемана обсуждались и решались на Совете старейшин (Асантеман Нхияму), в состав которого входили все оманхене и асантехема. Сначала Совет собирался нерегулярно, но с середины XVIII в. — ежегодно во время празднования Оджиры (см. описание в гл. 9). Совет обладал и судебными функциями, а также решал вопросы интронизации и детронизации,

Ашантийский трон (джуа)

Главный барабанщик асантехене с барабаном Сика Акукуа

хотя первоначально он представлял собой всего лишь военный совет.

Существовал еще Совет Котоко (букв. «дикобраз» — символ Асантемана), в который помимо асантехене и асантехемы входили несколько оманхене (например, в середине XIX в. — джуа-бенхене, мампонгхене и беквайхене [612, с. 305]) и ряд кумасийских асаfoxене (в различные годы разные, но джасехене, контихене и аквамухене — всегда). Асанте Котоко был административным советом — своего рода кабинетом министров.

Главным символом власти у аканов являлись джуа — небольшие деревянные скамеечки, или троны (stool или tabouret

в зарубежной литературе), украшенные резьбой и аппликациями. Эти троны тесно связаны со скамейками аконнуа, считавшимися вместилищем души человека, которые не использовались для сидения, а хранились в особом помещении, причем всегда опрокинутыми, чтобы на них не мог сесть враждебный дух и завладеть душой данного человека. Когда человек умирал, его скамейку чернили сажей и ставили в иконнуа фиесо — дом скамеек.

Главный символ единства Конфедерации Ашанти — Золотой Трон (Сикаджуа), хранившийся в специальном Тронном Доме, — вместилище души всего народа Асанте. Сохранность Сикаджуа — резной деревянной скамейки с золотыми аппликациями — служила залогом благополучия и безопасности Асантема. Золотой Трон имел политическое значение престола. Носили его всегда под специальным зонтом — Катамансо (покрывало народа), сделанным из верблюжьей шерсти. Сикаджуа рассмат-

*Абусуа Курува —
церемониальный глиняный сосуд*

ривался в качестве «вофа» (букв. «брат матери») по отношению к тронам оманхене, которые, в свою очередь, считались его «вофасе» (букв. «племянник, сын сестры»).

У асантехемы и мампонгхене были серебряные троны.

Второй по значению регалией Конфедерации Ашанти был Меч Асантемана (Асанте Афона), или Меч Босоммуру, подчеркивающий военные функции асантехене. Аналогичные мечи были среди почетных регалий всех оманхене (вступить в должность — значит «взять меч» [455, с. 17]). Кроме Асанте Афона символами власти являлись еще одиннадцать церемониальных мечей.

Короной асантехене служила шапочка из шкуры слона с золотыми украшениями [505, с. 9].

Ашантийская держава

Создание Асанте Нкабом

Опоку Варе — второй асантехене³⁶ и самый воинственный, по прозвищу Катачие (Храбрец) [455, с. 48], — активно вел войны с соседними вожествами и сумел значительно расширить влияние Асантемана, продолжая политику Осея Туту. Главные кампании первой половины XVIII в. представляют собой последовательный захват основных торговых дорог на юг и на север: 1711—1712 гг. — Венчи и Абессин; 1715—1721 — Ассин, Васса, Аовин, Сефви, Чифо, Аманахия; 1722—1723 — Течиман; 1730 — Банда; 1732—1733 — Западная Гонджа; 1740—1746 — Джаман; 1742 — Ачем-Абуakwa, Ачем-Котоку, Аквапим; 1744—1745 — Восточная Гонджа (Салага), Дагомба, Конкомба; 1745 г. — Баса, Кете-Крачи, Федерация Фанти.

В итоге этой военной деятельности Асантеман сумел подчинить и обложить данью более 20 вожеств и ряд торговых центров на севере и северо-востоке (Салага, Атебубу, Енди, Кете-Крачи) и на побережье (Аккра, Лабади, Ада и другие небольшие города на территории адангме и эве). Около десятка оманов добровольно приняли протекторат Асантемана или вступили в союз с Кумаси для борьбы с другими ЭПО. Это прежде всего Акваму, Кваву, Нкоранза, Вам-Паму (Дормаа), а также Абеаси, Берекум, Мо и др. Устойчивые связи установились с Эльминой, которая вместе с Аккрой составила конкуренцию фантийским Аномабо и Кейп-Косту. Следует подчеркнуть, что военная активность ашантийцев в этот период совпала с пиками работорговли на Золотом Берегу.

Многие оманы пытались освободиться от даннической зависимости (например, в 1717—1720 гг. несколько раз восставали Ассин и Аовин), но никому в XVIII в., за исключением Фанти, не удалось сбросить власть Асантемана. Для укрепления своего влияния асантехене часто использовали традиционные способы: династические браки, шуточное родство (например, с нзимахене [402, с. 71]) и т. д.

В 1740-е годы произошла дифференциация зависимых вожеств на две категории (амансин и амантеасе) на основе их политической дистанции от Кумаси, так как увеличение территории и численности населения, которое оказалось под контролем асантехене, потребовало изменить систему управления. Все это создавало предпосылки для превращения военного союза вожеств с данническими территориями в политическое образование нового уровня.

Чифо, Денчира) и юго-востоку (Аквamu, Ачeм-Абуаква, Ачeм-Котоку, Ачeм-Босоме, Аквапим) от аманто; затем аньигворящие оманы Аовин, Нзима, Васса, Сефви (на юго-западе) и ряд абронских вожеств (Абеаси, Берекум, Нкоранза, Дормаа, Венчи, Джаман, Течиман) — к северо-западу; и, наконец, Кваву³⁷ — к востоку от Кумаси. Состав амансин был нестабильным, многие из них, особенно периферийные, были на грани перехода в обыкновенные данники (например, Банда, Мо, Аанта, Нзима и др.).

В литературе оманы категории «амансин», как правило, называют провинциями Асантемана. Такое определение вряд ли подходит. Скорее это протектораты, хотя, в отличие от аманто, амансин были более тесно связаны с Кумаси.

Амансин были полностью независимы от Кумаси в своих внутренних делах, но их оманхене входили в состав Асантеман Нхияму (к концу XVIII в. в этот совет входило около 200 членов [558, с. 32]). Они праздновали ежегодную Оджиру в Кумаси, приносили асантехене клятву верности и участвовали в войнах в составе ашантийского войска, поскольку их оманы, так же как аманто, были включены в определенные подразделения боевого порядка.

В 1935 г., когда Конфедерация Ашанти была восстановлена, некоторые из амансин вошли в ее состав, получив равные права с аманто.

Амантеасе — это категория ЭПО, которые лишь номинально можно включать в состав Асанте Нкабом. Они находились лишь в сфере влияния Конфедерации Ашанти и часто удерживались силой. В их столицах, в отличие от амансин, всегда находились вооруженные отряды ашантийцев и представитель асантехене, в задачу которого входил сбор дани. По сути, они были просто данниками и не были интегрированы в политическую систему Асанте Нкабом, хотя их правители и могли входить в состав Совета старейшин и даже приносить клятву верности асантехене. Решающий критерий в разграничении амансин и амантеасе — последние не участвовали в войнах в составе ашантийского войска.

Состав амантеасе был самым нестабильным, и подавляющее большинство их представляли собой небольшие торговые поселения (Баса, Атебубу, Кете-Крачи и т. д.). К тому же многие из них входили в Конфедерацию Ашанти опосредованно, так как были данниками вожеств-амансин, а не асантехене. Например, Аккра, Лабади и другие города восточной части Золотого Берега платили дань Аквamu, Аквапиму или Ачeм-Абуакве.

Кроме того, к амантеасе относились многие неаканские ЭПО, самыми крупными из которых были Гонджа³⁸, Дагомба³⁹ и Конкомба⁴⁰. До 1745 г. они входили в экономическую и политическую систему Западного Судана. В зависимости от Асантемана — до 1874 г.

Конфедерация Ашанти, созданная Опоку Варе (1720—1750), почти в неизменном составе существовала до 1820-х годов. Все войны велись в целях консолидации и подавления сепаратизма. Третий асантехене Квеси Ободум (1750—1764) был самым мирным из всех правителей Асанте Нкабом.

Его преемник Осей Коджо (1764—1777) — выдающаяся фигура в политической истории аканов. Он был крупным реформатором, сделавшим попытку централизации Ашанти и создания качественно нового аппарата управления. Именно он превратил Асантеман из военного союза вожеств в мощную державу. Прежде всего Осей Коджо активнее своих предшественников стремился усилить прямой и более жесткий контроль над амансин, назначая в их столицы специальных резидентов из числа кумасийских асаfoxене. Их главная функция заключалась в сборе дани и введении ашантийских политических институтов, в частности военной организации, но при этом не затрагивались основы местной традиционной системы власти и управления.

Второе направление в деятельности Осей Коджо — создание так называемой назначаемой бюрократии, т. е. он резко усилил позиции служилой знати как противовеса наследственной родо-племенной. Поскольку выдвигались прежде всего кумасийские вожди, больше всего из фекуо Джасе [392, с. 40] (поэтому они коллективно назывались джасефо), то укреплялись позиции Кумаси как центра державы. Тем более что этот процесс совершенно не затрагивал «настоящих ашанти». Джасе (букв. «домашний очаг», а точнее, «круг вокруг очага», «внутренний двор») — домохозяйство вождя, т. е. джасефо — своего рода дворяне, а их руководитель — джасехене — «мажордом».

Главные критерии при назначении на должность — личные связи и компетентность. Всего в доколониальный период было создано 146 новых постов (тронов) [664, с. 228], среди которых были эсомджуа (троны асомфо — служилой знати) и ммамджуа — троны детей и внуков асантехене. Большинство новых титулов отражали функции их обладателей: санаахене — казначей, аджумfoxене — глава ремесленников, батахене — глава торговцев и т. д.

Преемники Осей Коджо — Осей Кваме (1777—1798) и Осей Туту Кваме, или Осей Бонсу (1800—1823), продолжили и углубили его реформы, что способствовало сохранению и укреплению Асанте Нкабом, и даже вновь обложили данью фангийские оманы (за военные успехи на побережье Осей Туту Кваме и получил прозвище Бонсу, т. е. Кит). Т. Э. Баудич указал 21 ЭПО, которые обеспечивали Кумаси военными отрядами, хотя на его карте показано 26 «провинций» [427, с. 317]. Дж. Дюпюи перечисляет 47 покоренных племен, из которых

29 он относит к данникам [48, с. 236]. Из всех этих 26 и 29 ЭПО поддаются идентификации не менее 22⁴¹. В начале XIX в. Асантеман контролировал примерно 160 тыс. кв. км и 2—3 млн. человек [668, с. 447] (в 1750 г. на этой же территории проживало 1—2 млн. человек [621, с. 162]).

При Осее Бонсу продолжалось усиление асомфо, причем эти «дворяне» стали очень влиятельными в Совете старейшин и взяли на себя многие функции старой знати. Кроме того, Осей Бонсу создал правительство — абан (букв. «каменный дом»⁴²), в связи с чем Золотой Трон стал называться Абанджуа. Абан состоял из трех ведомств: хозяйственного (с джасехене во главе), в состав которого входило финансовое подразделение джасева (букв. «маленькое джасе»), а также все ремесленники [400, с. 48]; политического (во главе с очеаме или аквамухене), в функции которого входили и международные связи; административного (во главе с анкобеахене), в задачу которого входило управление амансин и амантеасе.

Осей Бонсу создал также ассамблею представителей для управления южными амансин из представителей этих оманов. Регулярность проведения не известна. Одна из первых обсуждавшихся проблем в 1822 г. — об изменении характера дани, поскольку раньше дань платили невольниками, а после прекращения работорговли требовалось платить золотом и слоновой костью, которых на побережье не было, и это усиливало сепаратистские настроения [661, с. 164].

Т. Э. Баудич в 1817 г. перечисляет четырех главных вождей Конфедерации Ашанти (Дж. Дюлюи называет их вице-королями), трое из которых были «кураторами» отдельных амансин: контихене Аманкватиа — Ассина, Вассы, Чифо, Сефви; джасехене Опоку Фрефре — Ачема и Акваму; аквамухене Коаче Кофи — Денчиры [427, с. 235—236; 481, с. 99].

Осею Бонсу приписывают и введение нового института адамфо — своего рода посредников, назначаемых асантехене из числа кумасийских асаfoxене (как правило, из членов совета старейшин Кумаси) для официальных связей с правителями оманов. Таким образом, каждый оманхене (а позднее и многие абремпоны) имел своего адамфо (букв. «друг»⁴³) в Кумаси, через которого осуществлялись контакты с асантехене и советами старейшин, а также сообщалась информация о происходящем в данном ЭПО в период между Оджирами [614, гл. 12; 433, с. 100]. Позднее адамфо поручался сбор дани, представительство на похоронах оманхене, урегулирование спорных вопросов наследования [618, с. 59].

В качестве адамфо мампонгхене (второго лица в Асантемане) выступал контихене (второе лицо в Кумаси), у джуабенхене — ойкохене Кумаси, у нсутахене — таfoxене и т. д. [614, гл. 12; 433, с. 100]. К середине XIX в. свои адамфо появились и у амансинхене.

Введение института адамфо, вполне вероятно, преследовало

цель заменить оманхене и абремпонов назначаемыми асафохене, а затем и служилой знатью, что поставило бы аманто вровень с амансин. Поэтому «настоящие ашанти» оказывали мощное противодействие реформам Осея Коджо и Осея Бонсу, чем и объясняется незавершенность и ограниченный характер преобразований.

В зените своего развития Конфедерация Ашанти состояла из следующих основных компонентов:

1. Асантеман, или собственно Ашанти
 - а) Кумаси
 - б) Аманто
2. Амансин
3. Амантеасе.

Следует подчеркнуть, что для Асантемана была характерна децентрализация, а для амансин и амантеасе — централизация. Оба этих процесса способствовали обособлению Кумаса от других аманто.

Предколониальный период: дезинтеграция и англо-ашантийские войны

Весь предколониальный период прошел под знаком противоборства с фантийцами и другими народами побережья за возможность непосредственных связей с европейцами в торговых портах. Это был жизненно важный вопрос для существования Конфедерации Ашанти, так как только с побережья она могла получить огнестрельное оружие, порох и военное снаряжение. Фантийские ЭПО стремились сохранить свою монополию на посредническую торговлю с англичанами.

Деятельность Великобритании способствовала дальнейшему ослаблению конфедерации, которая в первой половине XIX в. практически потеряла всех своих южных, юго-западных и восточных данников, а также Денциру (в 1823 г.), Аквamu, Аквапим, фантийские оманы (в 1826 г.), Ассин, Чифо, Вассу, Нзиму, Сефви и ачемские союзы вожеств (после договора 1831 г. с англичанами). Усилились противоречия между Кумаси и вожествами аманто, правители которых были недовольны возвышением Кумаси и асантехене, выступали против продолжения реформ Осея Бонсу. Особенно активизировались оманхене Джуабена — крупнейшего из ашантийских оманов, усилившегося к середине XIX в. за счет торговли орехами кола (оман Джуабен был главным колапроизводящим районом Асанте Нкабом и всего лесного пояса [419]).

Англичане умело использовали тенденции сепаратизма в конфедерации и заключили особые договоры с рядом оманхене, признав их суверенными правителями. В результате начался распад Асанте Нкабом, а после поражения в шестой англо-ашантийской войне из конфедерации вышли в 1874—1875 гг.

Дагомба, Салага, Кваву, Джаман, а также из аманто — Джуабен, Мампонг, Нсута, Беквай, Кокофу, еще раньше — Аданси. Асантехене Кофи Карикари (1867—1874) был смещен. Правителем стал его младший брат Менса Бонсу (1874—1883).

Менсе Бонсу удалось вернуть в состав Конфедерации Ашанти практически все оманы категории аманто и даже вновь присоединить некоторые амансин, но пресечь центробежные процессы уже было невозможно. Наступили долгие годы междоусобиц, которые Великобритания использовала в своих интересах. Преемникам Менсы Бонсу — Квеку Дуа II (1884—1885) и Премпе I (1885—1895) — не удалось возродить Асанте Нкабом. Ослабленная и раздираемая противоречиями, конфедерация не смогла оказать серьезного сопротивления во время последней англо-ашантийской войны (1895—1896), и независимый Асантеман перестал существовать.

В 1935 г. британские колониальные власти, проводя политику косвенного управления, восстановили Конфедерацию Ашанти, но в ее составе оказались преимущественно те оманы, которые входили в аманто, и лишь несколько из амансин: Кумаси, Мампонг, Джуабен, Беквай, Кокофу, Нсута, Асумеджа, Кумаву, Аданси, Оффинсу, Эджису, Нкоранза, Агона, Банда, Венчи, Мо, Абеаси, Джаман, Течиман, Берекум, Дормаа (Вам-Паму) [433, с. 223].

Глава 6

КОНФЕДЕРАЦИЯ ФАНТИ

Освободившись от даннической зависимости от Конфедерации Ашанти в 1826 г., фантийские вождества переживали трудный период своей истории, поскольку после отмены работорговли они потеряли основу своего существования, а давление ашантийцев продолжалось. После неудачной для фантийцев войны 1863 г. с Асантеманом появились мотивы для нового объединения, необходимость которого также стимулировалась деятельностью британцев на Золотом Берегу (запрет на домашнее рабство, попытка ввести подушный налог, но самое главное — обмен фортами с Голландией в 1867 г.).

В январе 1868 г. был создан Совет Фанти, в который от каждого омана вошли оманхене и семь советников. Совет принял решение о создании Конфедерации Фанти и избрал трех оманхене в качестве «коллективного президента»: манкессимхене Квеси Эду, аборахене Анфу Оту и гомуахене Ортабила. В Конфедерацию Фанти, или Конфедерацию Манкессим (по названию ее центра), вошли помимо фантийских оманов несколько соседних аканских ЭПО Золотого Берега (Ассин, Чифо, Васса, Денчира и др.). Конфедерация должна была решить две главные задачи: помешать европейцам бесконтрольно решать судьбу аборигенов Золотого Берега и объединить воору-

женные силы для борьбы с Конфедерацией Ашанти и Эльминой [379; 560; 543].

24 ноября 1871 г. была принята конституция конфедерации, которую подписали четыре оманхене, представители еще четырех оманхене и 21 вождь⁴⁴. Конституция, состоящая из 47 статей⁴⁵, предусматривала создание Исполнительного совета в составе пяти человек, в том числе вице-президента, секретаря и казначея, избравшихся сроком на три года из членов Представительной ассамблеи, в которую каждый вождь назначал по два представителя: одного охене или старейшину, второго — образованного африканца. Председателем Представительной ассамблеи был вице-президент. Кроме того, существовала Национальная ассамблея из оманхене. Она собиралась один раз в год в октябре, избирала президента конфедерации, заслушивала отчет Представительной ассамблеи, обсуждала планы Конфедерации Фанти на предстоящий год и избирала членов Исполнительного совета.

В преамбуле конституции формулируются основные цели и направления деятельности конфедерации: оборонительный и наступательный союз вождей, стремление обеспечить прогресс (развитие сельского хозяйства, торговли, ремесел, строительство дорог, школ и т. д.). Для получения средств на содержание аппарата управления был введен «избирательный» налог, которым облагались фантийцы, получившие право голоса, а также установлены пошлины на импортные и экспортные товары и дорожный сбор — за проход через территорию конфедерации [537, с. 243—246; 554, с. 36; 609, с. 170]. Было объявлено о создании высшего суда в Манкессиме и конфедеральной армии. Численность войска составила примерно 15 тыс. человек; подразделялась армия на три единицы боевого порядка, причем главные силы (центр) состояли из воинов Манкессима, Аборы, Эджумако и Эйана, левый фланг — Кормантина, Кейп-Коста, Мори и Гомуа, правый фланг — Аномабу, Комменды, Экумфи, Чифо, Вассы и Денчиры [420, с. 249].

Первым президентом Конфедерации Фанти был избран после принятия конституции богатый торговец и видный деятель методистской церкви Квамина Ачемпонг (он же Роберт Джонсон Гарти) — сын вождя из Виннебы и будущий (в 1872—1897 гг.) оманхене Виннебы Гарти IV. 30 июля 1872 г. состоялись выборы нового президента. Им стал манкессимхене Квеси Эду, а аборахене Анфу Оту — второй кандидат в президенты — главнокомандующим армии, хотя в литературе существует версия, что они оба совместно правили в 1871—1872 гг. в качестве сопрезидентов, что отражает традиционное соперничество крупнейших фантийских оманов — Манкессима и Аборы [543, с. 248].

В состав первого Исполнительного совета были избраны только вестернизированные фантийцы: В. Э. Дэвидсон (вице-президент), Дж. Ф. Амисса (секретарь), Ф. К. Грант (казна-

чей), Дж. Г. Брю (зам. секретаря) и Дж. М. Абаду (помощник казначея) [543, с. 249]. В связи с этим необходимо подчеркнуть большую роль в создании Конфедерации Фанти группы аборигенов, принявших христианство (практически все они — методисты) и закончивших миссионерские школы.

К 1870-м годам на Золотом Берегу уже существовала значительная прослойка африканцев-христиан, получивших европейское образование. Следует отметить, что христианизация Золотого Берега началась еще в 1482 г., ибо основание португальского форта в Эльмине началось со строительства часовни и молебна о скорейшем обращении «черных идолопоклонников в истинную веру». Однако после ухода португальцев на Золотом Берегу не осталось никаких следов католицизма. Деятельность различных протестантских миссионеров (англикане, Моравские братья и др.) в XVIII в. тоже не оказала заметного воздействия на мировоззрение аборигенов. Качественно новый этап проникновения и распространения христианства начался во второй четверти XIX в. Наибольшую активность проявляли миссионеры немецко-швейцарского Базельского евангелического миссионерского общества и проповедники британского Веслеянского общества методистов. Первые сначала обосновались в Абури (в 1827 г.), а затем (в 1835 г.) в Акропонге — столице Аквапима, который стал центром их деятельности; вторые открыли свою миссию в Кейп-Косте в 1835 г.

Миссионеры лечили аборигенов, боролись с домашним рабством, но самое главное — создали сеть школ при миссиях. В XVIII в. школы работали нерегулярно (из-за высокой смертности среди учителей-европейцев), но сумели подготовить несколько сотен грамотных африканцев. Некоторые из них смогли получить в Европе среднее и даже высшее образование, а двое стали докторами философии (Я. Капитейн и А. В. Амо). Веслеянцы открыли в 1842 г. в различных фантийских городах 10 школ, из них три — женских. На Золотом Берегу действовали: в 1850 г. — 21 школа, к 1860 г. — 45 школ [522, с. 3—4; 467, с. 229; 470, с. 35; 486, с. 224, 304—306].

В итоге появился новый элитарный слой, состоявший из учителей, священников, врачей, адвокатов, мало связанный с традиционным образом жизни и хорошо подготовленный к восприятию ценностей буржуазного общества.

Создатели Конфедерации Фанти не выступали против Великобритании. Более того, они подчеркивали желание «помогать своим благодетелям на побережье». Но существование такого политического образования не входило в планы англичан. Члены Исполнительного совета были арестованы, и в мае 1873 г. Конфедерация Фанти прекратила свое существование, большинство статей ее конституции так и не были полностью реализованы.

Распаду этой конфедерации способствовало (помимо причин, указанных в гл. I, ч. II) исчезновение внешней угрозы со

стороны Асантемана — исторически единственного мотива для объединения фантийских ЭПО [574, с. 170].

В 1935 г. Конфедерация Фанти была восстановлена в следующем составе: Манкессим, Нкусукум, Абора, Абеаси, Кваман, Аномабо [570, с. 10].

Глава 7

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

Уже в ранних португальских документах отмечалось наличие у аборигенов Золотого Берега бедных и богатых, рабов и рабовладельцев, т. е. социального и имущественного неравенства (подробнее см. [414, с. 134]).

В. Босман выделил пять общественных категорий у населения Золотого Берега конца XVII — начала XVIII в. [426, с. 138]: 1) короли и правители; 2) кабосиры и вожди, следящие за порядком в городах; 3) богачи (в основном торговцы); 4) крестьяне и рыбаки; 5) рабы — военнопленные и продажные в рабство.

Т. Э. Баудич сообщает, что в начале XIX в. в ашантийском обществе выделялись аристократия, средний слой и зависимые [427, с. 233, 323, 262].

Многие исследователи касались проблемы социальной стратификации аканских ЭПО, но главным образом в связи с проблемой работорговли. Систематических исследований до сих пор не появилось, нет и сводок материала по данному вопросу. Единственный автор, уделивший внимание социальной стратификации, — А. Вилкс, но в его книге речь идет только о последней четверти XIX в. К тому же он явно модернизирует ашантийское общество, соотнося его социальные группы с такими категориями, как «буржуазия» и «пролетариат»: 1) асикафо (ед. ч. осикани) — буржуазия (богатые люди); 2) нкванкваа (ед. ч. акванква) — маленькая буржуазия (молодежь, не обладающая титулом и тронем); 3) аммамма — растущая буржуазия; 4) ахиафо (ед. ч. охиани) — пролетариат (все свободное и несвободное население) [661, с. 666 и сл.].

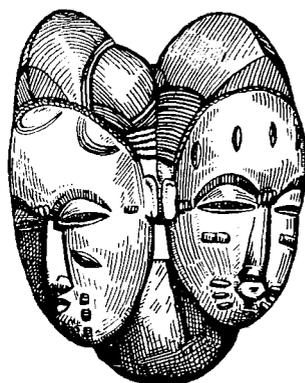
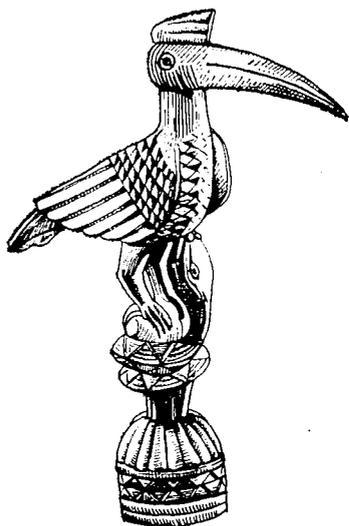
Имеющиеся материалы со всей определенностью позволяют утверждать, что в аканских ЭПО существовали три главные устойчивые группы: знать, свободные общинники и зависимые. Все они отличались и чисто внешними признаками: одеждой, украшениями (только знать имела право на украшения из золота и слоновой кости), размерами жилищ, количеством жен, образом жизни.

Знать

Аканская знать состояла из двух основных категорий: абремпонфо (родо-племенная знать) и асомфо (служилая).

Слово «абремпонфо» может служить и для обозначения родового понятия «знать», хотя существует еще один термин — «одехе», значение которого многие исследователи передают как «тот, кто занимает трон предков» (ср. адехеджуа — трон предков), а также как «аристократ», «дворянин», «член королевской семьи». В то же время другие авторы полагают, что одехе — это все свободнорожденные, не ставшие правителями [399, с. 18], или те, у кого предки были аборигенами и кто может проследить свою связь с ними, что определяет потенциальную возможность занять важный пост, т. е. это основная масса населения [434, с. 82].

Судя по всему, оба толкования адекватны, так как отра-

*Ашанти.
Деревянное навершие зонта*

*Бауле.
Двойная антропоморфная маска*

жают две стадии в развитии явления: первоначально одехе — все свободные общинники, а затем уже — только их привилегированная часть.

Абремпонфо

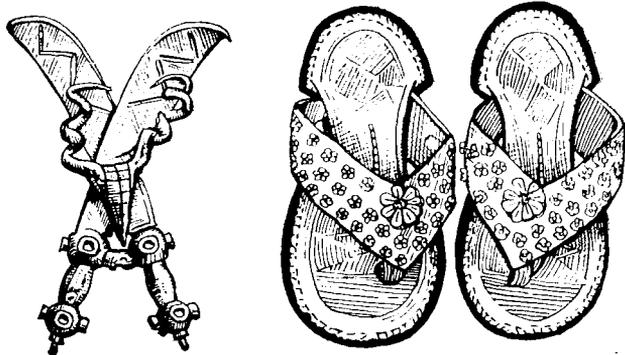
К этой категории знати относятся все вожди (охене), занимающие посты в матрилинейной родовой иерархии (от абусахене и одекуро до асантехене, включая старейшин и асофо).

Ахенфо (ед. ч. *охене*), или нананом, — самая большая и самая заметная категория знати. Отличительным ее признаком

являются обладание треном предков и право на передвижение в паланкине (опакан). Символы статуса ахенфо: зонты, барабаны, щиты, горны, жезлы и посохи, украшенные в зависимости от положения владельца золотом, серебром, слоновой костью.

Все ахенфо одновременно являются асаfoxене. Поэтому иерархия вождей фактически совпадает с иерархией военных руководителей. Ведущее место среди ахенфо принадлежит оманхене и предводителям основных военных подразделений (кроптехене, адонтенхене, пифахене, бенкумхене, джасехене). Следующий ранг имели чаfoxене, анкобахене и чидомхене [493, с. 14]. Функции вождей уже описаны в разделе «Структура омана» (гл. 3, ч. II). Необходимо отметить только, что есть некоторая разница в свободе действий вождей у аканов лесной зоны и побережья — у фантийцев был более сильный контроль за их деятельностью со стороны общинников (асафо).

Асофо — жречество, выполнявшее организационно-идеологические функции [342, с. 292], распалось на окомфо, абосомфо и асуманфо (подробнее см. гл. 9).

*Ашантийская гирька
(церемониальные мечи)*

*Сандалии ашантийского оманхене
(регалии омана Оффинсу)*

Асантехене и асантехема. Асантехене, как уже отмечалось, был первым среди равных оманхене, и функции его мало чем отличались от таковых у оманхене. Но после реформ Осея Коджо асантехене стал постепенно возвышаться и превращаться в верховного правителя — главу и центр политической системы. Тем более что его уже выбирал не Совет старейшин Кумаси, а Совет Асантемана.

Всего достоверно известно 13 асантехене, если не считать двух последних: Премпе II, возглавившего восстановленную англичанами Конфедерацию Ашанти в 1935 г., и современного (с 1970) асантехене Опоку Варе II, а также второго Осея Ту-

ту — наследника основателя Асантемана, как полагают некоторые исследователи.

Даты правления большинства асантехене в XVIII в. с трудом поддаются реконструкции, и данные современных авторов значительно отличаются от тех хронологических таблиц, которые помещены в книгах первых историков XIX в. и акановедов начала XX в. Абсолютно точные даты идут только с 1867 г. (см. табл. в Приложении).

Все асантехене принадлежали к роду Ойоко (так называемая династия Ойоко), и наследниками, как правило, были либо братья (в 6 случаях, из них 5 — единоутробные братья⁴⁶ и один — ортокузен⁴⁷), либо племянники — перекрестные ниблинги, т. е. сыновья сестер (в 5 случаях⁴⁸), либо внучатые племянники⁴⁹ (см. генеалогическую схему в Приложении).

Исследования генеалогии асантехене, проведенные в последние годы прежде всего А. Вилксом, позволяют выделить в династии Ойоко три так называемых дома по признаку принадлежности носителя титула к определенному нторо или подразделению нторо Босоммуру.

I. Дом Осея Туту, или красных Ойоко (нторо Босоммуру-Адуфуде):

1. Осей Туту I (Осей Туту Кваме, Осей Кофи);
2. Осей Коджо (Осей Младший);
3. Осей Бонсу (Осей Эсибе Бонсу, Осей Туту Кваме, Осей Туту Квамина);
4. Осей Яо (Яо Акото);
5. Премпе II (Осей Аджеман, Эдвард Премпе Овусу)

II. Дом Опоку Варе, или черных Ойоко (нторо Босоммуру-Асафоде):

1. Опоку Варе (Опоку I);
2. Опоку Фофие (Опоку II);
3. Опоку Варе II.

III. Дом Квеку Дуа (нторо Босомпра-Абоаде):

1. Квеку Дуа I (Квеку Дуа Старший, Фредуа Аджеман);
2. Кофи Какари (Карикари);
3. Менса Бонсу (Овусу Менса);
4. Квеку Дуа II (Квеку Дуа Младший, Аджеман Кофи);
5. Квеку Дуа III (Аджеман Премпе I).

Квеси (Куси) Ободум принадлежал к нторо Босомчви, а Осей Кваме (Квамина Старший) — к Босоммуру, но вот к какому подразделению этого нторо, пока еще не удалось установить, хотя имя характерно для Адуфуде, в котором, как правило, чередуются имена Осей и Овусу (в Асафоде — Аду и Опоку).

В XVIII в. основными линиями династии были дома Осея Туту и Опоку Варе, что нашло отражение в формуле: «Осей и Опоку Сикаджуа» (подробнее см. [661, с. 328—372; 555]).

Все асантехене правили более 10 лет, а некоторые и больше 20 и даже 30 лет. Исключение составляют только Опоку Фо-

фии (60 дней) и Квеку Дуа II (6 недель). Семь асантехенс были смещены, трое — убиты в боях.

Достоверно известны имена 12 асантехем доколониального периода, но не известны даты их правления, а также самое главное — переизбирались ли они вместе с новым асантехене в XVIII в. или же, как в XIX в., правили пожизненно (или до смещения).

Функции асантехемы практически те же, что и у оманхемы.

Все асантехемы принадлежали к роду Ойоко и были либо сестрами (в 5 случаях, из них одна — ортокузина), либо племянницами — дочерьми сестер (в 6 случаях), но один раз ею была сестра матери асантехене (см. генеалогическую схему в Приложении).

Кроме того, следует отметить, что наследницы приходились своим предшественницам либо дочерьми (четыре случая), либо сестрами или племянницами — параллельными ниблингами (по три раза), один раз — внучкой.

Очередной асантехене приходился предыдущей асантехеме братом (в шести случаях), сыном (в пяти случаях) и братом матери — в одном.

Асантехема имела собственный трон (серебряный), у нее были свои оеаме и старейшины. Она была постоянным членом Советов Асантемана и Кумаси (как кумасийская оманхема).

Асомфо

Служилую знать чаще всего обозначали словом «асомфо» (букв. «слуга») или «ахенкоа, нхенква» («слуга, человек вождей»), что часто переводят как «рабы» [523, с. 60], но такой перевод вряд ли адекватен, скорее — клиенты. Иногда представителей служилой знати низших рангов называли словом «ннипа» («человек»).

Асомфо существовали только в столицах вождеств и в Кумаси при дворах оманхене и асантехене. Состояла эта группировка знати из чужаков (как правило, из аканов-неаборигенов и не членов династийных родов, а также неаканов и, реже, невольников). Например, один из трех самых влиятельных асомфо Кумаси в начале XIX в., Опоку Фрефре (джасеваахене), в детстве был слугой кумасийского ойокохене, а затем прошел все иерархические ступени в фекуо Джаасеваа. Аджей (предположительно эве или адангме по этнической принадлежности) в молодости был носильщиком соли в торговых караванах между Аквуми и Крачи, а потом телохранителем аквамухене Акото и сопровождал его в Кумаси, где состоялся суд над Акото. Аджей вмешался в ход судебного процесса и в течение трех часов оправдывал своего патрона. Пораженный его красноречием, Осей Бонсу взял его в качестве младшего оеаме. Затем Аджей, имевший репутацию «лучшей головы для трудных палав-

ров», занял пост второго, а потом и главного очеаме Конфедерации Ашанти. Мухаммед аль-Гамба (сын имама Гамбаги в Мампруси) стал «куратором» северных амансин и амантеасе. Во второй половине XIX в. в качестве асомфо действовали даже европейцы: француз Бонна возглавлял ашантийскую миссию к эве в 1875 г., а датчанин Нильсен — в Бондуку в 1878 г. (подробнее см. [664, с. 218]).

Как уже отмечалось, асомфо назначались за личные заслуги только на вновь создаваемые посты, а затем уже эти должности передавались по наследству, причем патрилинейно. Однако наследование не было автоматическим, поскольку преемник выбирался верховным вождем из множества реальных претендентов. При этом действовало правило: «Пока братья не кончились — сыновья не назначаются» [664, с. 220]. Сместить асомфо мог только вождь, более того — трон и пост могли быть ликвидированы. Жалования асомфо не получали, поэтому называть их чиновниками, как это часто делают западные авторы, нет оснований. Доход они получали на комиссионной основе — определенную часть распределяемого из казны золотого песка, но чаще всего — в форме даров.

Высший слой асомфо (асомфопанин) составляли руководители главных подразделений потестарного аппарата, а в Кумаси и асаfoxене — джасехене, джаасевахене, очеаме и те адамфо, которые не были одновременно асаfoxене (в Аквапиме функции адамфо выполняли очеаме [553, с. 57]).

У ачемцев и аквапимцев джасевахене был вторым лицом после оманхене в невоенной сфере, ему также подчинялись анкобеахене и чидомхене [553, с. 55; 493, с. 14].

Очеаме первоначально выполняли функции посредников при всех беседах вождей, которым разрешалось говорить только через очеаме (поэтому в англоязычной литературе очеаме называют лингвистом — linguist, spokesman). Очеаме был также «ходячей энциклопедией традиционных знаний и истории трона, которому служил» [434, с. 69]. Иногда очеаме имели большее влияние, чем сам вождь. В то же время, как гласит фантийская пословица, «нет плохих вождей, есть плохие очеаме» [437, с. 234].

Очеаме — одна из самых первых функций потестарного аппарата, отмечена европейцами в XV—XVI вв. (у фегу — фетеро, или фитиро [586, с. 108]). Вероятно, поэтому у разных аканов по-разному этот пост передается: у одних — матрилинейно, у других, как и посты асомфо, — патрилинейно, у ачемцев — вообще не наследуется, а только назначается [493, с. 28], у ашантийцев в разные исторические периоды по-разному, но с тенденцией назначать без наследования.

К младшим асомфо (асомфокума) относилось более двадцати других должностных лиц, связанных с обслуживанием двора, сокровищ ЭПО, его регалий и т. п.⁵⁰. Большинство из них находилось под началом джасехене у ашантийцев, у других ака-

нов часто подчинялись непосредственно оманхене или старшим асомфо. У адамфо в подчинении были представители Кумаси (или оманхене) при дворах даншиков. У очеаме — меченосцы (афонасоафо).

Из некоторых категорий младших асомфо подбирались люди для выполнения особых функций и поручений. Например, в батафо брали из числа барабанщиков, музыкантов, банщиков и гамаконосцев [614, с. 109—111].

К асомфо относились и ммамма — дети и внуки умерших (но не смещенных) и правящих асантехене и оманхене (так называемые дети Золотого Трона в Кумаси). Их статус передавался только патрилинейно, и входили они в состав фекуо Анкобеа [399, с. 7].

Сикафо

Сикафо, асикафо (ед. ч. осикани; «сика» — «золото») или одефо («богатые») — новая (торговая) элита, сформировавшаяся из разбогатевших на посреднической торговле общинников и мелких асаfoxене. Во второй половине XIX в. сикафо оказывали серьезное влияние на политическую жизнь аканских ЭПО, что, в частности, было отражено в конституции Конфедерации Фанти и в структуре ее потестарного аппарата. Из среды сикафо позднее выделилась местная интеллигенция — колониальные чиновники, учителя, священники, юристы, которые подверглись вестернизации, получив европейское образование, приняв христианство и восприняв некоторые элементы европейского образа жизни (например, моногамный брак).

Основой выдвижения сикафо послужило их богатство. Как уже отмечалось, отдельные удачливые торговцы появились на Золотом Берегу уже в XVII в., а как прослойка — в период работорговли. В любом случае к концу XVIII в. на побережье они превратились в одну из категорий местной знати — абремпомма (маленькая знать), фантийцы чаще всего называли их просто абремпонами [397, с. 99; 434, с. 64; 627, с. 11—12].

В Асантемане сикафо появились в первой половине XIX в. и подразделялись на несколько групп в зависимости от размеров богатства, численности невольников и способности давать большие займы. Те из них, кто владел 125 переджуанами золотого песка, получали право (с разрешения асантехене) носить специальную одежду с особыми украшениями [666, с. 12]. Те сикафо, которые могли снабдить 1 тыс. человек военным снаряжением, получали еще право носить в качестве символа хлыст из лошадиного хвоста (его носил специальный носильщик впереди процессии).

Однако самым высшим признанием у сикафо считалось право на хлыст из хвоста слона (мена), т. е. получение статуса абремпона. Правда, в XIX в. из сикафо этот титул получили всего трое: джасевахене Опоку Фрефре (ум. в 1826 г.), анкобеахе-

не Квеку Тавиа (ум. в 1850 г.) и первый манверехене Квеси Брантуо (ум. в 1865 г.) [666, с. 13; 577, с. 198]. Факты свидетельствуют, что из среды сикафо вышли многие ашантийские асомфо.

Получению титула абремпона предшествовала специальная церемония посвящения, которая включала: 1) подношения асантехене и кумасийским абремпонам; 2) паломничество в Тафо — древнейшее поселение региона (в 3—4 км от Кумаси); 3) паломничество к священной пещере в Асантемансо; 4) имитацию облавы на слона; 5) публичную демонстрацию перед абремпонами и асантехене (в течение трех дней) всего накопленного богатства; 6) втыкание копья — символа богатства — в землю на большом рынке Кумаси, что символизирует равенство с теми, кто получил статус абремпона благодаря военным успехам.

У аканов побережья в XVII—XVIII вв., чтобы стать абремпоном, надо было вручить вождю, помимо 8 бенда золотого песка, еще три подарка: собаку, овцу и корову (или быка) — самые дорогие товары на Золотом Берегу, причем корова стоила больше унции золота, т. е. и здесь статус фактически покупался, а многие должности и троны также создавались специально для сикафо [434, с. 64; 542, с. 102—103; 627, с. 11—12]. На третий день церемонии посвящения кандидат в абремпоны демонстрировал перед толпой на центральной площади свое умение обращаться с мечом, дротиком и щитом, т. е. доказывал свое соответствие статусу военного вождя (подробное описание обрядов посвящения см. в [542, с. 102—103]).

Свободные общинники

Для обозначения общинников у аканов существует масса слов, например: нкураафо, или нкурасефо, — крестьяне (букв. «население деревень»); адофо — массы; ахиафо — крестьяне; асафо (у фантийцев) или ммеранте (у ашантийцев) — молодежь; абофра (у фантийцев XVII в.) — дети, т. е. представители младшего поколения; айемфо — простые люди; оканиба — настоящие люди. У фантийцев есть такое определение: анихуманифо бебере — «множество людей без ранга» [542, с. 107]. Пожалуй, самой подходящей может быть названа первая категория — *нкураафо*, поскольку это слово может быть переведено как «общинники».

Нкураафо — социально полноправные члены общества, входящие в социально-родственные коллективы. Их права и обязанности уже описаны в предыдущих главах параметрической части.

Ремесленники также относятся к нкураафо. Различия между ними и земледельцами в образе жизни были весьма несущественными.

Зависимые

У аканов существует пять основных слов для обозначения различных состояний зависимости: *акоа*, *одонко*, *домум*, *ачере* и *авова*, из которых *акоа*, или *аква* (мн. ч. *нкоа*), может служить в качестве родового понятия. Иногда зависимых называют возрастным термином «абофра» (дитя). Главное внешнее отличие зависимых от свободных — им было запрещено носить головные уборы [542, с. 293].

Среди *нкоа* четко выделяются две основные категории — *невольники* (*ннонкофо*) и *кабальники* (*нвовафо*).

Наиболее употребительные слова для обозначения невольника — *одонко* (мн. ч. *ннонкофо*) и *домум* (мн. ч. *ннонум*).

Одонко (у абронов — *дунко*) чаще всего трактуется как невольник-северянин, т. е. представитель вольтийских этносов (*дагомба*, *конкомба*, *гуси* и др.), что связано с заметными антропологическими отличиями северян-вольтийцев и скарификацией (поэтому рубцы на щеках рассматриваются как знак невольничества и такой человек никогда не мог стать *охене* или *абремпоном*).

Вместе с тем встречаются утверждения, что *одонко* — это купленный невольник (у *фантийцев* — *онья*), хотя есть толкования как *полоняника*, а само слово означает *войну* [436, с. 38—39]. Однако для *полоняников* у всех аканов есть специальное слово «*домум*». *Домумами* называли и тех невольников, которых получали в виде дани. Как правило, это были аканы. *Фантийцы* их также называли «*акоба*» (мужчин) и «*афана*, *афанаба*» (женщин).

Последняя категория невольников — *ачере*, они предназначались для жертвоприношений. В эту категорию жертвенных невольников включались и свободные, осужденные на смерть (карательное рабство). В XVIII—XIX вв. существовали даже целые деревни *ачере*, а многих женщин-*одонко* держали при дворах только для того, чтобы они рожали детей-*ачере*.

Основными источниками невольничества были: 1) захват во время войн и специальных рейдов; 2) дани и контрибуции; 3) покупка на невольничьих рынках; 4) естественный прирост; 5) осуждение за преступления.

Невольники могли принадлежать как коллективу (вождеству, общине, роду, большой семье), так и индивиду — вождю или *сикафо*.

Отношение к рабам было человеческим (жестокость проявлялась только по отношению к *ачере*). Невольники рассматривались как члены домохозяйства, хотя имеется поговорка: «*Нкоа* всегда помнит, кто он» [434, с. 82—83]. Они могли иметь семью и даже собственных невольников. Невольник мог жениться на свободной, а рабыня стать женой свободного, причем многие аканы предпочитали брать в жены невольниц, поскольку те принадлежали только мужу, а их дети оставались в домохозяйст-

ве отца, ибо не имели матрилинейных родственников [546, с. 605].

Потомки невольников легко ассимилировались, и в третьем поколении статус невольничества терялся. Но для потомков второго поколения существовала следующая шкала, отражающая процесс ассимиляции: 1) афонаба — дитя двух нкоа-аканов; 2) ннонко миенса мина — дитя двух ннонкофо; 3) канифа — дитя свободного и афана; 4) камфа — дитя одонко и свободного [399, с. 11].

Но чаще всего их называли просто «нкоа», и они имели шанс стать одекуро или занять посты в Джасе, особенно в тех случаях, если их мать-невольница становилась женой вождя или асомфо [399, с. 11]. Как уже отмечалось, невольник мог стать наследником имущества хозяина.

Никто не имел права убить невольника, даже правитель, но суду рабы не подлежали — все решал хозяин. Невольник мог свидетельствовать в суде [614, с. 38].

Кабальничество, или долговое невольничество (*авовасие*), порождено имущественным неравенством и наибольшее развитие получило во второй половине XIX в. У ашантийцев и других лесных аканов кабальник назывался «авова», или «нвова» (мн. ч. нвовафо), а также «ахобани» (мн. ч. ахобафо) [399, с. 18], у фангийцев — отутунафо [438, с. 39].

Кабальником мог стать только соплеменник за неуплату долгов или за долги своих родственников, а также за различные нарушения [614, с. 48]. Освобождение происходило только тогда, когда кабальник уплачивал долг и еще 50% сверх него. Если авова умирал, то его родственники должны были дать другого кабальника (см. [434, с. 83; 492, с. 405; 614, с. 48]).

У авова было больше прав, чем у ннонкофо, поскольку его статус — промежуточный между невольником и свободным. В частности, его запрещалось продавать как товар [545, с. 152].

Данных о соотношении различных категорий зависимых практически нет. А. Б. Эллис сообщает, что $\frac{1}{8}$ населения Конфедерации Ашанти — рабы [485, с. 290]. Сведения сомнительны, но проверить их невозможно. Что касается Золотого Берега, то, по оценке Э. Рейнолдса, в начале XIX в. там 34% невольников составляли полоняники, 30% — невольники, захваченные в результате специальных рейдов, $\frac{1}{3}$ — кабальники и преступники [619, с. 13].

Глава 8

СИСТЕМЫ ТЕРМИНОВ РОДСТВА АКАНОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ УРОВНЯ СТАДИАЛЬНО-ФОРМАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Значение систем терминов родства (СТР) как источника информации для реконструкции процесса развития общества, особенно на ранних этапах, трудно переоценить, так как СТР

относятся к тем категориальным социальным системам, структура которых нагляднее других отражает основные этапы предшествующего и тенденции будущего развития общества и уже в силу этого обладают наибольшим информационным потенциалом. Именно это обстоятельство позволило Л. Г. Моргану обосновать подход к СТР как к историческому источнику и открыть «новый путь для исследования и возможность глубже заглянуть в предысторию человечества» [15, с. 221]. Моргановский подход к терминологии родства как к историческому источнику для изучения социальной истории является сейчас общепризнанным.

В настоящей главе предпринимается попытка рассмотрения тех возможностей, которые предоставляют исследователю СТР аканов для стадияльно-формационной атрибуции.

Системы терминов родства как предмет исследования и источник информации

Литература по системам родства (СР) практически необъятна. Существует масса школ и направлений в изучении СР, представители которых часто стоят на взаимоисключающих позициях в трактовке кардинальных вопросов. Как следствие, почти каждая работа, имеющая отношение к терминологии родства, начинается с уточнения исходных позиций автора. Поэтому и здесь, прежде чем перейти к анализу конкретного материала, представляется необходимым изложить наиболее важные положения, которыми, по мнению автора, следует руководствоваться при изучении СР и СТР (подробнее см. [283, с. 50—53; 269, с. 83—85]).

1. Понятие родства не сводимо к биологическому (генетическому, кровному родству), что нашло свое выражение в термине «социальное родство». Биологические отношения родства одинаковы во всех обществах, но «связывают людей вовсе не родственные отношения сами по себе, а те факторы, которые делают их общественно значимыми для людей» [306, с. 84]. Поэтому, оперируя категорией «родство», необходимо четко различать его биологический и социальный аспекты, учитывать динамику соотношения биологического и социального в родственных отношениях на разных этапах развития человечества, осознавать ее историческую обусловленность.

2. Понятия СР и СТР не тождественны и не синонимичны. СР представляет собой систему отношений социального родства, включая свойственное родство. СТР — это эгоцентрическое выражение отношений социального родства (подробнее см. гл. 1, ч. I).

3. СР образует структуру социального организма родства (СОР) — относительно самостоятельной подсистемы социальных отношений, охватываемой СТР. СОР является одним из основ-

ных компонентов социальной организации и обладает рядом свойств, которые возникают в процессе его функционирования в трех основных плоскостях: экономической, генеалогической и возрастной [86, с. 43].

4. СР составляет план содержания, а СТР — план выражения СОР. СР и СТР имеют собственную структуру и компонентный состав. План выражения СОР реализуется в двух основных формах: референтивной и вокативной. Референтивная СТР представляет собой систему терминов обозначения отношений социального родства. Вокативная СТР — система терминов обращения.

5. Структурно-компонентный состав СР можно познать только через анализ СТР в двух ее основных формах, т. е. исследование должно строиться от плана выражения к плану содержания.

6. Номенклатура родства является частью лексического состава языка, который фиксирует все изменения в понятиях, в том числе и в социологических. В связи с этим одним из основных методов анализа СТР должен стать лингвистический (морфологический и семантический) анализ структуры терминов родства [172, с. 212, 221].

7. Большинство существующих типологий СТР базируется на двух основных принципах, выделенных Л. Г. Морганом: слияние/разграничение прямой и боковых линий родства (принцип линейности); слияние/разграничение линий отца и матери (принцип бифуркации). За основу своих типологий практически все исследователи брали группировки терминов родства для обозначения родственников +1 (первого восходящего, или поколения родителей) и 0 (нулевого, или поколения эго) поколений, в которых реализуются оба эти принципа (см. обзор в [272, с. 43—45]).

В качестве эталона исторической типологии СТР здесь принята четырехчленная типология М. В. Крюкова, но с другими названиями типов (о причинах переименования типов см. гл. 1, ч. I): ирокезский (австралийский) — бифуркативный; гавайский — генерационный; арабский — бифуркативно-линейный; английский — линейный⁵¹.

Сочетание структурных признаков различных типов в смежных поколениях одной СТР дает возможность считать их промежуточными, т. е. рассматривать их в качестве переходных стадий развития от одного типа к другому.

8. Если исходить из известного тезиса о корреляции между типами СР и общественно-экономическими формациями⁵², то в развитии СР представляется возможным выделить две стадии: стадию первичных СР, характерных для обществ первичной формации (ПФ), которые в плане выражения представлены вариантами СТР бифуркативного типа, и стадию вторичных СР, свойственных обществам вторичной формации (ВФ) и являющихся результатом эволюции первичных систем. Причем

развитие вторичных СР проходит через два этапа, первый из которых соответствует начальным (докапиталистическим) формам ВФ. В плане выражения этому этапу соответствует СТР генерационного и бифуркативно-линейного типов, а второму этапу — СТР линейного типа. Обе выделенные стадии (исторические типы) возможно также сопоставить с двумя эпохами, на которые разделил историю развития СР М. В. Крюков. Первая из них характеризуется полностью классификаторскими системами бифуркативного типа, вторая объединяет частично классификаторские системы, к которым относятся остальные три типа СТР [172, с. 270]. Следовательно, тип СТР может служить показателем относительного уровня социально-экономического развития и с известными оговорками позволяет судить о принадлежности данного конкретного общества к ПФ или к ВФ.

Необходимо также представлять себе качественное различие между первичными и вторичными СР. Вторичные системы — индивидуальные, совпадающие в значительной степени с биологическими отношениями родства. Первичные системы — коллективные, групповые и небиологические, так как на ранних этапах развития человечества генетические связи между индивидами не были значимыми, даже если и были известны. Поэтому вторичные СР представляют собой отношения между индивидами и в качестве точки отсчета выступает индивид, в то время как первичные СР отражают отношения между коллективами и в качестве его выступает группа индивидов (подробнее см. [279, с. 70—72]). В этом заключается принципиальное различие между основными историческими типами СР, которые нельзя игнорировать.

9. Одним из самых существенных недостатков в описании номенклатуры родства является описание терминов одной системы в терминах другой. Особенно недопустимы в таких случаях описания СТР первичных СР в терминах вторичных, что распространено чрезвычайно широко. Термины эти неадекватны друг другу, и происходит не только искажение содержания первичных СР, но одновременное приписывание специфики, присущей более развитым обществам. Это ведет к модернизации, которая, естественно, не может не сказаться на конкретных результатах исследования, хотя при таких описаниях часто ставятся кавычки и делаются иногда соответствующие оговорки.

В то же время невозможно описать конкретную СТР без сопоставления ее с известной СТР или с каким-либо эталоном (метаязыком), но при этом нельзя путать эталон описания с описываемым явлением, однако именно это и происходит на практике. С подобным смещением не в последнюю очередь связано такое стойкое недопонимание качественной специфики первичных СР.

В этнографии и лингвистике существуют различные системы записи СТР, позволяющие обойтись без СТР-посредника: цифровые, графические, буквенные и даже алгебраизированные

способы нейтральной записи. Но наиболее логичным и научно обоснованным эталоном является биосоциальная матрица родственных связей. Она представляет собой цепочку цикла рождений и порядок рождений в пределах поколения, а также супружеские связи и отличается максимальной дифференцированностью, т. е. заведомо шире любой конкретной СТР. Элементы биосоциальной матрицы обычно фиксируются с помощью специальных кодов. В советской этнографии имеется и уже довольно широко используется один из вариантов таких кодов, предложенный Ю. И. Левиным [189; 365, с. 13].

Специфика аканских систем терминов родства, систем родства и социальных организмов родства

В распоряжении исследователя имеется довольно обширная информация о СТР нескольких аканских этносов (эфуту, ашантийцев, фантийцев, акваму, бауле — см. список литературы в [283, с. 54]), собранная в разное время (с XVII по XX в.), что позволило дать историко-типологическую характеристику СТР аканов в конце XIX — начале XX в. [282], причем наиболее подробно были рассмотрены СТР ашантийцев, фантийцев и акваму (см. соответствующие таблицы в [282, с. 51—54; 283, с. 54—58]).

В начале XX в. СТР ашантийцев и фантийцев по своим основным характеристикам были идентичны и находились в процессе трансформации от бифуркативной модели к бифуркативно-линейной. Результаты компонентного анализа [277], который, как известно, в наибольшей степени соответствует сути системного подхода и дает возможность рассмотреть эволюцию СТР на уровне дифференциальных переменных, также свидетельствуют в пользу этого вывода. В середине XX в. трансформация бифуркативной СТР фантийцев в бифуркативно-линейный тип сменилась тенденцией к образованию генерационной СТР. В современной СТР фантийцев появились некоторые элементы линейного типа [282, с. 52—53]. СТР акваму начала XX в. типологически относилась к бифуркативному типу и была тождественна протосистеме ашантийцев [282, с. 51].

Результаты историко-типологического анализа СТР ашантийцев, акваму и фантийцев позволяют наметить основные пути развития СТР аканов в XIX — середине XX в.

Не располагая достаточными диахронными данными, но зная историческое соотношение между типами общей типологии СТР, т. е. используя те прогностические возможности, которые заложены в каждой исторической типологии, представляется возможным предположить, что исходная модель (протосистема) СТР аканов относилась к бифуркативному типу. Основными структурообразующими признаками протосистемы аканов, несомненно, являлись генерационный скос типа кроу, нечеткое

противопоставление кровных родственников и свойственников, отсутствие дифференциации по признаку относительного возраста, нерелевантность для многих терминов переменного «пол альтера». Типологически наиболее близкой к гипотетической протосистеме терминов родства аканов является СТР акваму начала XX в.

В процессе эволюции бифуркативная протосистема аканов трансформировалась по двум основным направлениям: у ашантийцев с тенденцией к образованию СТР бифуркативно-линейной модели с постепенным исчезновением особенностей типа кроу, а у фантийцев — с тенденцией к формированию генерационной системы с полным исчезновением генерационного скоса.

Следовательно, развитие СТР ашантийцев и фантийцев в конце XIX — начале XX в. отражает эволюцию СР этих этносов от первичной стадии к первому этапу вторичной и, таким образом, фиксирует переходное состояние ашантийского и фантийского ЭСО от ПФ ко ВФ [282, с. 53, 57].

Проблема исторической типологии СОР разрабатывается в ряде работ Н. М. Гиренко [86; 85]. В частности, им выделяются следующие пять стадий (исторических типов) отношений по родству [88, с. 20] (ср. [221]): 1) половозрастная стратификация; 2) социальная дуальность или секционная эпигамия; 3) билатеральный СОР; 4) унилатеральный СОР; 5) линейный СОР.

Первые четыре стадии — это исторические типы развития первичных СР в рамках ПФ, линейные СОР существуют в обществах ВФ. Периодизация Н. М. Гиренко представляет собой довольно схематичную и обобщенную стадияльную типологию. Фактически это типология принципов, а не конкретных структур СР, и, по-видимому, на данном этапе разработки эта схема и не может быть более детализированной. Но из-за отсутствия четких формулировок параметров исторических типов затрудняется использование этой типологии на практике.

Социальные организмы родства ашантийцев и фантийцев можно определить как переходные от стадии унилатерального СОР к линейному, поскольку к концу доколониальной эпохи у них сформировался генецентризм СР (терминологическое выделение генеалогических линий), существовала преемственность социального положения по материнской линии (см. гл. 3, ч. II), в структуре СТР появился системообразующий переменный «относительный возраст» и т. д.

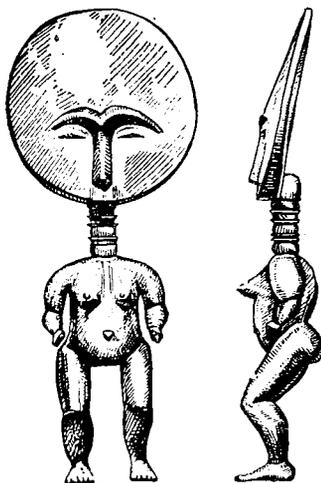
Кроме того, как установлено, при переходе обществ от билатеральной стадии к унилатеральной появляется тенденция к образованию генерационно-скошенных терминологических схем типов кроу и омаха [479, с. 244; 88, с. 20]. Следовательно, наличие структурных черт этих двух киральных типов СТР в конкретном СОР может служить критерием для его отнесения к стадии унилатеральных систем. В СТР ашантийцев наблюдается исчезновение особенностей типа кроу, что проявляется,

во-первых, в отсутствии генерационного скоса при назывании матрилатеральных перекрестных кузенов и, во-вторых, в неустойчивости терминологии для номинации патрилатеральных перекрестных кузенов — они могут обозначаться семью различными терминами.

Итак, историко-типологическая характеристика СОР аканов, их структуры (СР) и плана выражения (СТР) позволяет сделать вывод, что ЭСО аканов к началу колониального периода находились на стадии трансформации от ПФ к ВФ.

Системы терминов родства аканов как этносоциологический источник

Системы терминов родства аканов весьма репрезентативны как источник этносоциологической информации. В плане выра-

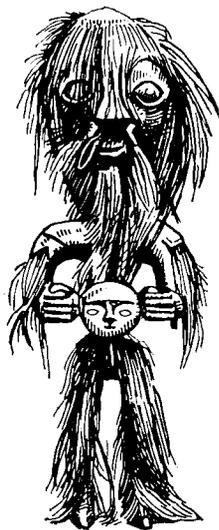
Акуба (фас и профиль)

жения термины родства аканов практически идентичны, но в плане содержания они различаются, причем эти различия имеют стадийный характер. Следовательно, имеются достаточные основания для попытки реконструкции процесса социального развития аканов в доколониальную эпоху с использованием СТР в качестве ведущего источника информации.

Результаты анализа СТР в корреляции с другими стадийно-гетерогенными компонентами социальной организации аканов позволили выделить ряд стадий в их социальном развитии (подробнее см. [283, с. 60—68]). При этом главным методологическим ориентиром для автора послужило положение о том,

что из СТР можно извлечь информацию об общих принципах организации общества и тенденциях его развития, но не всегда конкретные формы реализации этих принципов и тенденций (ср. в гл. 1, ч. I).

Как известно, существуют различные варианты решения проблемы социальной обусловленности СТР первичных СР, которые в целом могут быть сведены к утверждению, что термины родства есть обозначения социальных группировок или статусов (включая пол и возраст), или, точнее, референтивная подсистема бифуркативных СТР является соционимами, а не терминами родства; подлинными терминами родства были термины только вокативной подсистемы. Референтивная терминология менее подвержена инновациям, чем вокативная, поэтому

Сасабонсам

она содержит больше пережиточных черт и потому, как указывал М. В. Крюков [171, с. 50], является более полезной для исторического исследования (в силу стаднальной гетерогенности).

Морфологический и семантический анализ позволяет выделить несколько характерных особенностей СТР аканов:

1. Наличие префикса «а» — показателя множественного числа в составе ряда терминов.

2. Обозначение сиблингов и параллельных кузенов эго одним термином (ДР = ДДмРРм = ДДжРРж).

3. Разграничение патрилатеральных и матрилилатеральных родственников в + I поколении.

4. Применение терминов родства для обозначения внутренних свойственников +1 поколения и терминов свойства для номинации кровных родственников +1 и 0 поколений (ДжРРм=РжС; кросскузены=свойственникам) в СТР ашантийцев и акваму.

5. Слияние альтернативных поколений (0, +2, —2 поколения эгоцентрической схемы). Родственники этих поколений обозначаются одним взаимным термином.

6. Наличие генерационных скосов типа кроу в СТР ашантийцев, акваму и фантийцев (скошенная подсистема).

7. Выделение (если эго — мужчина) перекрестных ниблингов в особую категорию и несомненная семантическая связь терминов для их номинации («вофасе») и для называния мужского сиблинга матери («вофа»).

8. Наличие в СТР ашантийцев и фантийцев составных терминов для обозначения ДмРРм и ДжРРж, причем эти термины образованы с учетом возраста относительно родителей.

Перечисленные особенности СТР аканов позволили разработать гипотезу о функционировании в древнеаканском обществе дуально-эпигамных общностей, а также расширенных групп сиблингов (ануаном) как особого социального института, причем сиблинговая связь была, судя по всему, одним из основных системообразующих принципов СР аканов, а связи между ануаномами, входящими в один СОР, образовывали структуру этого СОР. В связи с этим появилась возможность прояснить истоки института соправления охене и охемы, восходящие к феномену единства группы сиблингов. Институт соправления репрезентирует к тому же солидарность и равноправие разнополых сиблингов. Система управления древнеаканским обществом, очевидно, базировалась на поочередном нахождении у власти наследующих друг другу ануаномов (ср. [177; 441]).

Попытка определить конкретные социальные группирования, которые составляли единую эпигамную общность посредством механизма кросскузенного брака, привела ко вполне вероятному предположению, что термины «абусуа» и «нторо» в прошлом могли эгоцентрически применяться для называния половин дуально-эпигамной общности. Но с разложением билатерального СОР термин «абусуа» закрепился за матрилатеральными группировками, а «нторо» — за патрилатеральными, т. е. хотя термины те же, их содержание изменилось, они приобрели новое качество. Традиция сохранила воспоминания об эпигамных общностях и каком-то отношении к ним институтов нторо иabusуа. Особенности истории аканов способствовали сохранению пережитков дуальной эпигамии, поэтому некоторыеabusуа продолжали поддерживать эпигамные отношения, но уже на качественно ином уровне — между матрилинейными родами.

Имеющийся материал о названиях, соотношении и соподчинении аканских родов позволил реконструировать шесть преимущественно непересекающихся парabusуапон, находившихся

в эпигамных отношениях: Адуана+Нчва; Агона+Тоа; Асокре+Коана; Асона+Двумина; Беретуо (Чвидап)+Тана; Ойоко+Дако (подробнее см. [269, с. 115--119]). Вполне вероятно, что в этногенетической легенде бауле о прародительнице Ауре Поку и неудачной борьбе ее брата Дакона (Дако) с Опоку Варе за ашантийский трон отразился факт реальной борьбы за власть двух эпигамных родов Ойоко и Дако.

В целом же социальное развитие аканов в доколониальную эпоху прошло, по-видимому, через несколько стадий. Детерминантным системообразующим принципом социальной организации на одной из этих стадий был принцип дуальной эпигамии.

Глава 9

ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ АКАНОВ

(стадиально-формационные аспекты)

Традиционное мировоззрение аканов практически не изучалось советскими африканистами, если не считать очень краткой сводки данных по основным формам аканских верований, сделанной Б. И. Шаревской по книгам Р. С. Рэттрея [368, с. 158—167]. В то же время аканский (прежде всего ашантийский) материал весьма активно привлекается советскими этнографами, фольклористами и религиоведами для обоснования (а чаще всего — иллюстрации) ряда концептуальных положений в области мифологистики и истории религии, в частности для аргументации в пользу существования таких ранних форм (или этапов в развитии) религии, как фетишизм, анимизм и культ царей (вождей) [339; 340; 160; 107; 355].

При этом многие элементы традиционных верований и представлений аканов излагаются в искаженном виде, одни и те же цитаты, часто вырванные из контекста, переходят из работы в работу. Ряд авторов [371; 160] имеет склонность некритически пересказывать результаты исследований немарксистских ученых, которые, как правило, стремятся обнаружить сходство традиционных верований с христианством или же впадают в другую крайность — стараются обосновать некую исключительность этих верований. Популярными стали ссылки на труды Дж. Б. Данквы и Е. Л. Р. Мейеровиц, выводы которых плохо подкреплены материалом, а у Е. Л. Р. Мейеровиц есть склонность экстраполировать в прошлое (вплоть до X в.) сведения, полученные от современных информантов (часто с богословским образованием), и приписывать эти данные всем аканам.

Настоящая глава представляет собой попытку дать краткое систематизированное описание и самую общую характеристику основных компонентов традиционного мировоззрения (прежде всего верований) аканов с ориентацией на стадиально-типологическую атрибуцию. Следует отметить, что, хотя традиционные верования разных аканских этносов во многом совпадают,

имеется много общего в их культовой практике и основные категории сверхъестественных существ у них одни и те же, есть тем не менее и заметные различия, которые объясняются скорее всего разным уровнем социально-экономического развития, достигнутого разными ЭСО аканов в доколониальную эпоху. В то же время дать характеристику специфики верований каждого аканского этноса не представляется возможным, так как в распоряжении исследователя есть более или менее репрезентативные данные только по ашантийцам и прибрежным аканам Ганы. В связи с этим автор вынужден ограничиться изложением преимущественно ашантийского и фантийского материала, но с оговорками о специфике верований и представлений других аканов, если эта специфика известна.

Традиционные верования аканов довольно долго определяли как фетишистские. Это связано с тем, что некоторые особенности верований прибрежных аканов, описанные голландским торговцем В. Босманом, послужили в свое время исходным материалом для создания теории фетишизма как особой формы религии первобытных народов. В настоящее время аканские верования чаще всего называют либо анимистическими, либо политеистическими. Применение того или иного термина зависит от перевода аканского понятия «*обосом*»: если как «дух», мы имеем дело с анимизмом, если как «бог», то аканские традиционные верования — один из вариантов политеистической религии. Поэтому возникает проблема типологической атрибуции основной формы аканского традиционного мировоззрения.

Если исходить из того, что анимизм не является формой религии, а представляет собой один из существенных элементов всякой религии [339, с. 16, 27—29], тогда определение веры аканов в *обосомов* как анимистической не может считаться достаточным, поскольку характеризует только одну из сторон традиционного мировоззрения аканов. Но и термин «политеизм» также нельзя считать адекватным для выражения специфики аканских верований, так как аканских *обосомов* явно нельзя отождествить с богами древних политеистических религий Средиземноморья или Передней Азии. И. А. Крывелев предложил обозначать таких сверхъестественных существ, которые еще не приобрели «божественной» специфики, термином «демон», а форму верований, для которой характерно поклонение таким демонам,— полидемонизмом [167, с. 219—221; 166, с. 37—41].

Следует оговориться, что вера аканов в сверхъестественное не отличается последовательностью, для нее характерно неопределенное и туманное представление об объектах поклонения, неясность их соотношения друг с другом, что привело к весьма противоречивым описаниям и трактовкам аканских верований в существующей литературе. В последующем изложении традиционное мировоззрение аканов неизбежно становится более четким и определенным, но одновременно и более упрощенным, чем оно было в действительности.

Полидемонизм

Аканское слово «обосом» (мн. ч. «абосом») употребляется в двух основных случаях: как собирательное название души и духов (демонов) и как обозначение духов (демонов) природных явлений. Природа, по представлению аканов, населена духами, самые главные из которых — демоны воды, растений, скал и долин, и живут эти демоны соответственно в реках, озерах и других водоемах, на деревьях, скалах и т. д. Таким образом, перед нами типичный пример аниматизма. Судя по имеющимся данным, все обосомы мало индивидуализированы, не всегда имеют собственные имена и функции их мало различаются. Они невидимы, но в то же время «материальны». Некоторые исследователи обосомов полагают, что они существа злые и враждебные человеку, если их не умиловить жертвами [485, с. 12]. Однако большинство специалистов отмечают, что аканы рассматривают обосомов в качестве покровителей различных социальных институтов, прежде всего общины и вождества.

Самые главные демоны у всех аканов — водные обосомы. У ашангийцев это Тано, Беа, Апо и Босомчви (Тано и Беа — названия крупных рек, Босомчви — озеро, Апо — от «опо» — море). Для их обозначения и противопоставления остальным обосомам есть термин «атано» (мн. ч. от «Тано»). Однако, чем атано отличаются от других обосомов, не ясно. Можно лишь предположить, что они являются покровителями ряда оманов, а Тано выполняет эту функцию для всего Асантемана.

Поклонение и жертвоприношения обосомам осуществлялись в специальных святилищах — босомдан (босомфие), представляющих собой небольшие хижины на краю деревьев или на пустынном берегу реки. В святилищах устанавливались небольшие деревянные скамеечки-аконнуа, на которые ставились широкие плоские тазы или бронзовые сосуды-кудуо с крышками. Считалось, что это своего рода ковчеги обосомов, их временное местопребывание. Жертвы также бросали в водоемы, в которых «обитают» те или иные обосомы, а глина из таких водоемов использовалась в качестве священного предмета; ею же наносили траурные знаки (полоски, треугольники и т. д.) на лоб и руки во время похоронных обрядов.

К категории обосомов относится также высшее сверхъестественное существо Ньяме (Оньяме), или Ньямие (букв. «сияющий, блестящий» [473, с. X—XXII]). Широко распространены и другие имена или ипостаси Ньяме, которые у некоторых аканов трактуются как разные демоны: Ньянкопон (Оньянкопон) — Великий Ньяме, Одоманкома — вечный, бесконечный, Чеадуампон — надежный, Отумфо — могущественный, Анансе Кокроко — Великий Паук⁵³. Очень часто его называют просто Нана, т. е. «предок, прародитель». В целом образ Ньяме — один из наиболее неясных, расплывчатых и противоречивых в

традиционном мировоззрении аканов. В то же время именно Ньяме посвящено больше всего работ и толкований. В значительной степени это обусловлено тем, что изучением аканских верований занимались в основном теологи и миссионеры, которые, опираясь на идеи прамотеизма, усиленно искали верховного или единого бога, а также аналог Христа. Естественно, что при такой исходной установке они не могли не найти такого бога. Во всяком случае, при переводах Библии и других христианских книг на аканские языки бог обозначается как Ньяме. Нельзя не учитывать и то, что верования аканов стали предметом специального изучения только в XX в., когда аканы испытали заметное влияние христианства и ислама, и это прежде всего отразилось на образе Ньяме.

Ньяме, с одной стороны, воспринимается аканами как олицетворение и персонификация неба, как атмосферное божество (демон), посылающее людям дождь и грозу. С другой стороны, он демиург, творец Вселенной (сплел ее подобно пауку), Солнца, Луны и человека. Кроме того, Ньяме очень часто отождествляется с первопредком всех аканов. Зафиксировано также представление о Ньяме как о женском божестве («Великая Мать»). Большинство аканов представляет себе Ньяме в облике человека, но бауле — в образе барана.

Ньяме отдален от людей и не касается их повседневной жизни. Он создал Вселенную, а затем удалился. Фактически Ньяме — один из вариантов типичного для традиционного мировоззрения первобытных ЭСО бездеятельного, удалившегося «бога»-творца. Правда, бауле считают демиургом не Ньяме, а его отца — Алуруа [243, с. 35]. Удалившись от людей, Ньяме поручил наблюдать за их жизнью своим детям — обосомам, получившим от него свою силу. В другом варианте этого мифа Ньяме послал к людям четверых своих сыновей (Тано, Беа, Апо и Босомчви), а остальные обосомы уже дети этих атано [613, с. 145—146]. Следовательно, можно констатировать некую иерархию обосомов, которая описывается в терминах родства. Особенности социальной организации аканов отражаются и в другом представлении об обосомах как об очеаме между Ньяме и людьми.

Культ Ньяме существовал далеко не у всех аканов, но у ашантийцев почти в каждом домохозяйстве, особенно в фие вождей и старейшин, обязательно было дерево Ньяме — своего рода алтарь, представлявший собой грубо отесанный ствол дерева с тремя обрубленными и очищенными от коры ветвями или деревянный столб с прикрепленной к верхушке развилкой-трезубцем. В развилку ставился таз или горшок для дождевой воды и жертвенной пищи — чаще всего ею служили яйца или курица, кровью которой окроплялось подножие алтаря. Довольно часто в жертвенный сосуд помещали топоры Ньяме — неолитические орудия труда, находимые при обработке полей и воспринимаемые как послания Ньяме людям. Их также ис-

пользуют как амулеты, поскольку считают, что в них есть частица Ньяме [613, с. 142; 36, с. 31; 579, с. 58]. В домохозяйствах оманхене имелись и святилища Ньяме со жрецами, которые носили на груди его символы (золотые или серебряные диски с полумесяцем). Раз в год оманхене совершал в честь Ньяме большое жертвоприношение, после которого он спал в святилище восемь ночей подряд, чтобы заручиться поддержкой Ньяме, а также получить силу и здоровье [613, с. 144].

К категории обосомов относится еще один персонаж — Асасе (Асаасе, Асасие) у восточных аканов или Ассие — у западных. Это хтонический демон, покровитель земледелия. Ашантийцы называют ее «Мать-Земля» или просто «Старая Мать» (Аберева). У большинства аканов она известна как Асасе Яа, поскольку «родилась» в четверг (Яа — традиционное имя женщины, родившейся в четверг). В связи с этим в четверг запрещаются всякие земляные работы, чтобы не побеспокоить Мать-Землю в ее священный день. Перед обработкой почвы на полях земледельцы приносят в жертву Асасе Яа курицу и просят разрешить им работать и обеспечить хороший урожай.

Согласно мифам, Асасе Яа — супруга Ньяме, т. е. налицо широко известное в мифологии других народов мира представление о небесном мужчине и земной женщине-матери — прародителях людей и творцах вселенной. У некоторых аканов хтонический демон Асасе раздвоился на Асасе Яа и Асасе Афуа — дочь Ньяме, «родившуюся» в пятницу (Афуа — традиционное имя женщины, родившейся в пятницу). Функции этих двух ипостасей разграничиваются следующим образом: Асасе Афуа — покровительница плодородия земли и всего того, что растет на земле и содержится в ее недрах; Асасе Яа — хозяйка подземного мира, мать всех умерших и похороненных в земле. Поэтому перед тем, как выкопать могилу, предписывается осушествить возлияние водой или пальмовым вином и испросить разрешения у Асасе Яа на вторжение в ее владения. Культа хтонических демонов не существовало, но в мифологии и фольклоре всех аканов Асасе наряду с Ньяме и пауком Анансе — основной персонаж.

Культ предков

Другим важным объектом поклонения у всех аканов являются предки, или точнее, духи предков (*асаманфо*, или *нана-ном*). В иерархии сверхъестественных существ асаманфо занимают самое последнее место, но они ближе к людям, доступнее и активнее, выполняют функции опеама между людьми и обосомами. Согласно традиционным представлениям, предки постоянно присутствуют среди живых и оказывают воздействие на повседневную жизнь каждого конкретного человека и всего коллектива в целом. Они считаются хранителями земли

и гарантами благосостояния своего рода. Предки «охраняли» родовую землю, «следили» за тем, чтобы она была должным образом обработана. Всякие земледельческие работы начинались с жертвоприношений духам предков (наряду с таковыми в честь Асасе). Считалось также, что в функции предков входят контроль за правильным соблюдением обычаев, обрядов и табу и наказание нарушителей (предки могут наслать болезни, засуху, задержать дождь, сделать женщин бесплодными и т. д.).

Нормы нравственности и морали традиционного общества аканов теснее всего были связаны именно с культом предков, представление о вездесущих предках выполняло регулирующие функции в рамках конкретных ЭСО. Универсальный способ общения с предками заключался в жертвоприношении, которое в зависимости от ситуации носило искупительный, просительный или благодарственный характер и сопровождалось соответствующей молитвой.

Мир духов-предков (асамандо) большинство аканов помещало под землю: асамандо находится там, где солнце заходит. Но многие аканы верили, что мир духов предков располагается на небесах, причем Млечный Путь (Тропа вечности) рассматривался как дорога, ведущая в асамандо. Хотя в мир духов-предков должны были попадать души всех умерших членов матрилинейного рода, по именам помнили только отдельных лиц — тех, кто занимал ключевые посты в социально-потестарной системе и чьи скамеечки-аконнуа хранились после их смерти в специальном доме скамеек (нконнуафисе).

Объектом культа предков фактически были бывшие вожди и старейшины (как мужчины, так и женщины), которые при жизни считались посредниками между живыми и предками и совершали все основные обряды и ритуалы культа предков, совмещая потестарные и жреческие функции. Главным ритуалом культа предков на уровне абусуа и оманов был праздник Адаэ (букв. «место успокоения»), который происходил дважды в течение каждых 42 дней. По воскресеньям, с интервалом в шесть недель, отмечался Большой Адаэ (Адаэ Кесе, Квасндаэ), по средам, с тем же интервалом, праздновался Малый Адаэ (Вукудаэ).

Для подсчета шестинедельного интервала сложилась своеобразная система префиксов, которые прибавлялись к названиям дней недели. Но так как префиксов было только шесть, то происходило регулярное смещение на одну позицию, и каждая неделя начиналась с разных префиксов. Например, если понедельник первой недели ритуального цикла назывался *foɔwo*, то понедельник следующей недели — *nwoɔnɔɔwo*, третьей недели — *pkuɔɔwo*. Но через шесть недель (на 43-й день) происходило совмещение названия среды и специального префикса для среды, поэтому «формула» *pkuɔɔwɔkiwo* служила точкой отсчета и сигналом для начала праздника [433, с. 27—28]:

	Дни недели	Префикс
Понедельник	Dwo	Fo
Вторник	Vena	Nwona
Среда	Wukuo	Nkyi
Четверг	Yao	Kuru
Пятница	Fie	Kwa
Суббота	Mene	Mono
Воскресенье	Kwasi	Fo

Детали в праздновании Адаэ довольно существенно различаются у разных аканских этносов, но основные ритуалы совпадают в главном. Центральным объектом этих ритуалов были черенные скамеечки-аконнуа предков, хранившиеся в иконнуа-фиесо, где и происходил главный ритуал поминания и умилоствления предков. Ритуал носил в целом эзотерический характер, поскольку в нем кроме вождя принимали участие только очеаме и два—три старейшины. Вождь перечислял имена предков своего рода, окроплял пол иконнуафиесо водой (чтобы предки вымыли руки) и «кормил» предков кашей из варных плодов плантена или клубней ямса, раскладывая ее в углубления скамеек, а также «поил» предков, капая пальмовое вино на скамейки. После этого он приносил в жертву овцу или козу, кровью и нутряным жиром которой смазывал аконнуа предков, произнося при этом что-то вроде молитвы, в которой просил от имени рода, чтобы предки обеспечили землю плодородием, чтобы род процветал и увеличивался в численности. Сырое и частично жареное мясо жертвенной овцы, и прежде всего легкие (символ жизни), нарезаются на мелкие кусочки и раскладываются вождем на каждой скамейке. Голову овцы кладут перед аконнуа самого почитаемого предка. Празднование Малого Адаэ на этом завершалось. На Большом Адаэ после совершения обрядов в доме скамеек вождь открывал публичную церемонию, основными элементами которой были ритуальные танцы в сопровождении игры на барабанах [433, с. 27—28; 584, с. 177—180; 570, с. 59—60; 613, с. 92—120; 464, с. 140—142; 628, с. 56—65].

Главной церемонией культа предков на уровне оманов и Конфедерации Ашанти была Оджира (Одвира), или Апафрам («оджира» — букв. «очищение»). У ашантийцев она происходила ежегодно в сентябре, у аквапимцев — в сентябре—октябре, у ачемцев и акваму — декабре—январе, у большинства остальных аканов — с июля по сентябрь и продолжалась в среднем десять дней. Церемония состояла из цикла обрядов, связанных с очищением народа от скверны, почитанием умерших оманхене и асантехене и освящением нового урожая ямса (последний элемент отсутствует в Оджире ачемцев, поскольку отмечается особый праздник ямса⁵⁴). Европейские исследователи часто отождествляют Оджиру с праздником ямса, но это не совсем верно, поскольку главный смысл церемонии заключался в укреплении единства ЭПО и подтверждении сакральной и поте-

старной власти оманхене и асантехене, так как во время Оджиры все «вассалы» давали своего рода клятву или присягу (нтам кесе, или нтанка) на верность⁵⁵ (такой характер празднование Оджиры впервые приобрело в Аквamu). Нарушение клятвы рассматривалось как оскорбление предков. Отказ от участия в Оджире означал бунт против оманхене или асантехене.

Ашантийская Оджира в Кумаси начиналась торжественным выходом правящего асантехене, направлявшегося в пригородное селение Бантама, где находился Барим (или Банму) — мавзолей асантехене, служивший одновременно сокровищницей Конфедерации Ашанти. Впереди процессии несли регалии асантехене и Асанте Нкабом, прежде всего Меч Асанте Афона и Золотой Трон под зонтом Катамансо.

Золотой Трон считался вместилищем души (сунсума) всего ашантийского народа (чтобы «удержать» сунсум ашантийцев в Сикаджуа, к его основанию прикреплялись золотые и железные оковы и колокольчики — «уши»). Сидеть на Сикаджуа никому (даже самому асантехене) не разрешалось. Во время ритуала интронизации асантехене только делал вид, что присаживается на Золотой Трон. По традиционным представлениям этого было достаточно, чтобы души предшественников вошли в нового асантехене, после чего он становился представителем умерших асантехене (предков), а также посредником между ними и народом.

Обрядовые действия во время Оджиры сопровождалась возлиянием пальмового вина на саркофаги вождей и жертвоприношением овец; во многих аканских ЭПО осуществлялись и человеческие жертвы. В ашантийских оманах ритуалы происходили в местах захоронения оманхене. Совершался и торжественный обход селения со скамейками-аконнуа главных предков, чтобы они «увидели», как содержался город в течение года [394; 613, с. 287—293; 427, с. 139, 279; 579, с. 112—121].

Освящение клубней ямса нового урожая происходило в Бариме и святилищах обосомов: их раскладывали на блюдах перед саркофагами асантехене и аконнуа обосомов. Только после этого обряда, когда духи предков и демоны «вкушали» от нового урожая, весь народ мог приступить к еде. Потом начиналось массовое празднество. В один из дней Оджиры оманхене и асантехене совершали ритуальное омовение в реке в очистительных целях — вода и любая другая жидкость (слюна, например) считалась универсальным катаргическим средством [427, с. 279; 616, с. 122—143; 433, с. 29—35; 570, с. 60].

У большинства народов мира, почитающих предков, есть представление о том, что в духа-предка превращаются душа или одна из душ умершего человека. Аналогичное представление зафиксировано у аканов. Однако, как оказалось, не так просто определить, какая же именно из душ и других элементов живого акана превращается после его смерти в духа-пред-

ка. По поводу количества и специфики этих душ в акановедческой литературе имеется масса противоречивых и путаных сведений, что не в последнюю очередь связано и с различиями в мировоззрении разных аканских этносов и даже отдельных племенных и локальных общностей.

По традиционным представлениям ашантийцев, человек состоит из тела (ононам), крови, или души-крови (моджа), характера, или души-личности (нторо), души-дыхания (окра), души-тени (сунсум). Кроме того, имеется понятие «хонхом», которое одни исследователи трактуют как дыхание человека, которое отлетает от тела после смерти и превращается в птицу, другие определяют как высший дух, некую абстрактную субстанцию, которой обладают не только люди, но и демоны, в том числе Ньяме.

В литературе часто отмечается наблюдаемое среди аканов отождествление нторо с сунсумом и рассмотрение этих понятий в качестве синонимов. В то же время зафиксировано представление о том, что сунсум — это дитя нторо, поэтому члены конкретного нторо обладают родственными сунсумами, которые определяют личность человека, его характер и индивидуальность [432, с. 198]. В соответствии с этим представлением, по-видимому, находится вера членов нторо в то, что все они обладают особым складом характера, который имеет символическое выражение и каждый член конкретного нторо обязан своими действиями оправдывать эту символику. Например, члены нторо Босоммуру — «благородные», Босомпра — «стойкие, выносливые», Босомчви — «добрые» и т. д. (см. список в [269, с. 53]). Смешивают нторо и с понятием «окра» — душой-дыханием, или особой жизненной силой, которую человек получает при рождении от Ньяме [432, с. 197]. Современные ачемцы рассматривают окру и нторо в качестве синонимов [493, с. 151], а ашантийцы деревни Асокоре называют социальный институт, аналогичный нторо, термином «группа по омовению окры» [527]. Зафиксировано также отождествление окры и с хонхомом.

Кроме того, аканы различают семь видов окры, каждый из которых ассоциируется с определенным днем недели. Считается, что каждый день недели находится под опекой особой окры, которая покровительствует людям, родившимся в этот день. Это представление, в свою очередь, отражается в первом имени человека (акрадини), которое ребенок получает сразу же после рождения в зависимости от дня рождения (см. табл.), в отличие от второго имени, дававшегося на восьмой день в честь предка. В связи с этим аканы очень часто отождествляют свое имя с душой-окрой, а бауле, полагая, что в имени заключена частица сущности человека, иногда скрывали свои имена из суеверных опасений [36, с. 234], что хорошо изучено и у других первобытных народов. Аканских обосомов тоже принято называть именами-акрадини в зависимости от дня недели, в который они по мифу родились: Асасе Яа, Асасе Афуа, Оньяanko-

пон Кваме и т. д., даже Золотой Трон имеет такое имя — Сикаджуа Кофи.

Т а б л и ц а

Аканские акрадини *

День недели	Мужское имя	Женское имя	Имя окры
Понедельник	Коджо, Квадво	Адуа, Аджо	Аджо, Аво
Вторник	Квабена, Кобина	Абена, Абина, Аби-наба, Араба	Бена, Абена
Среда	Кваку, Квеку	Акуа, Экуа	Вуку, Аку
Четверг	Квао, Яо	Яа, Аба	Аво, Аберао
Пятница	Кофи	Афуа, Эфуа	Афи
Суббота	Кваме	Ама	Амен
Воскресенье	Кваси, Квеси	Акосиа, Эси, Акосиа	Авуси, Айнси

* Составлено по [435, с. 662—663; 465, с. 47; 464, с. 241; 436, с. 83—84].

Что же происходит с душами человека после его смерти? Имеются следующие варианты представлений о посмертном существовании душ:

1. Моджа (душа-кровь) покидает тело и превращается в дух предка (осаман), после чего попадает в мир духов и живет там в ожидании очередной реинкарнации, нового рождения от женщины своей абусуа.

2. Нторо (душа-личность) отделяется с помощью особого обряда от моджа и присоединяется к своей группе нторо или обособому-эпониму данного нторо, но в мир духов не попадает, а ждет своей очередной реинкарнации через мужчину своего нторо, но уже независимо от абусуа, с которой прежде был связан.

3. Окра (душа-дыхание) покидает тело вместе с моджа и сопровождает ее в мир духов, но не остается там, а возвращается к Ньяме. По другой версии, окра превращается в осаман.

4. Сунсум (душа-тень) либо погибает вместе с человеком, либо переселяется в мир духов и становится осаманом.

Кроме того, окра может превратиться в сасу. Слово «саса» употребляется для обозначения души животных и растений, а также неприкаянной, «бездомной» души или духа, который не попал в асамандо из-за необычной, неестественной смерти своего обладателя (смерть на войне, в результате отравления, удара молнии, вдали от родственников, которые не смогли поэтому похоронить с требуемыми ритуалами, и любая другая странная смерть — утопленники, самоубийцы и т. д.). Таких покойников запрещалось хоронить на родовом кладбище, их погребали, как и бесплодных женщин и мужчин или умерших младенцев, не проживших восемь дней, в мусорной куче на окраине селения без всяких обрядов и траура.

Саса враждебна живым людям, старается им навредить, отомстить, погубить и т. д. (у бауле есть представление об окре как о доброй душе умершего человека в противоположность сасе — злой) [243, с. 87]. В сасу может превратиться и душа-сунсум, которая к тому же еще при жизни человека может «покидать» его тело во время сна и «функционировать» как призрак; иногда такие же способности приписываются и окре.

Саса занимает особое место в традиционном мировоззрении аканов, поскольку у них существует представление о некоторых опасных и враждебных человеку животных (саса ммоатя), к которым относятся слон и ряд видов антилоп, и деревьев (саса дуа), самое опасное из которых — дерево одум. Если охотник случайно убьет какого-нибудь саса ммоатя, то он обязан совершить специальные похоронные обряды, кроме того, ему запрещено есть мясо «жертвы». Душу дерева одум, которое необходимо срубить, умиляют жертвами. Зафиксирована также боязнь сасы покойного супруга, в связи с чем вдовы в предохранительных целях применяют специальные растения, из которых сплетают венки и гирлянды, носимые соответственно на голове и крест-накрест на груди, перекинув через плечи, в период траура [616, с. 171—174, 182—186].

Кроме того, у всех аканов существует вера в существование Сасабонсама — монстра, своего рода лешего, живущего в непроходимых джунглях и враждебно относящегося к охотникам и жрецам. Имеется также представление о существовании карликов-ммоатя, напоминающих европейских гномов и эльфов. Живут ммоатя в лесах, рост их составляет от 30 до 60 см, различаются черные, белые и красные ммоатя. Говорить они не умеют, поэтому общаются между собой свистом. Ммоатя — существа злые, агрессивные, сотрудничают с колдунами и ведьмами, хотя у некоторых аканов они, напротив, считаются добрыми духами, причем женского пола (подробнее см. [616, с. 25—30; 471]).

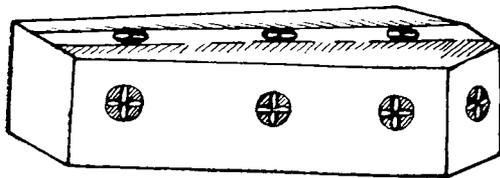
С культом предков тесно связаны похоронные обряды, представляющие собой циклы ритуалов [579, с. 36—38; 616, с. 103—121; 436, с. 67—73; 464, с. 230—238], цель которых состоит в том, чтобы обеспечить душе умершего безопасное путешествие в мир духов и снабдить ее всем необходимым для такого путешествия, но прежде всего помочь душе умершего отделиться от тела (и отделить тем самым умершего от живых) и установить (точнее, возобновить прерванные по достижении зрелости) связи с миром духов.

Конкретные детали похорон заметно отличаются у разных аканов, а также обусловлены полом, возрастом и, главное, социальным статусом умершего (подробнее см. [274; 281]).

Хоронили обычно на третий день после смерти на родовом кладбище (или родовом участке общего кладбища) в шестиугольных деревянных гробах (до появления гробов трупы заворачивали в циновки или делали некое подобие гроба из кор-

ней шерстяного дерева). Глав фиефо и абусуа, а также вождей, как правило, хоронили под полом их спальни, оманхене и асантехене — в мавзолеях. Во время засыпания могилы родственники обращались к умершему с ритуальными плачами и вели разговоры, как будто он отправляется в путешествие. Могилу окропляли пальмовым вином и кровью жертвенной овцы. Похороны вождей и асантехене сопровождалась массовыми человеческими жертвами — каждый аберемпон обязан был доставить на похороны асантехене 100 жертв из числа мужчин-невольников, охене — 10 жертв; на похоронах асантехене Квеку Дуа I было принесено в жертву более 300 человек [561, с. 59; 505, с. 100; 393, с. 71], на могиле фетухене Акросана Й. Мюллер насчитал 85 голов [586, с. 33]. На могилу ашантийцев иногда ставили миниатюрные антропоморфные фигурки из дерева или глины — образ умершего.

Возвращаясь к характеристике аканского культа предков, следует подчеркнуть, что в этом культе напластовались самые разнородные явления: представления о родовых покровителях, душах умерших, поклонение умершим вождям и старейшинам, сакрализация власти оманхене и асантехене, а также контаминация духов предков с духами природы и представления о животных-первопредках, или родоначальниках. В целом культ предков сплачивал людей на основе родственных связей и укреплял авторитет старших как руководителей социальных коллективов.

Ашантийский гроб

Фетишизм и ведовство

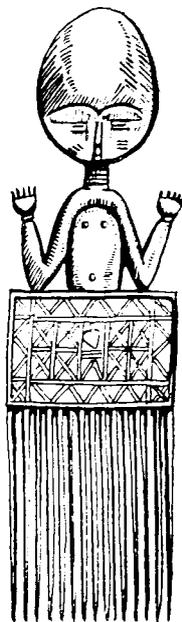
Существенным компонентом традиционного мировоззрения аканов является вера в магию, в частности во вредоносную магию, или ведовство. Кульгово-обрядовая сторона аканских верований, по сути дела, представляет собой разнообразные магические операции, которые имеют лишь различное осмысление. Для защиты от ведовства аканы используют различные обереги и амулеты, которые имеют собирательное название «суман», часто переводимое как «фетиш». Суманы обычно представляют собой наборы самых разнородных предметов: растения, перья,

ногти, когти, зубы, куски железа, ножи или даже тексты мусульманских молитв и магических формул, записанных на клочке бумаги, и т. д. Как правило, все эти предметы обмазаны красящими веществами, яйцами или кровью жертвенных животных.

Суман — это вместилище духа, который выполняет функции личного покровителя и защитника своего обладателя от вредоносного колдовства, спасает от гибели на войне или в случаях

Аньи. Терракотовая погребальная статуэтка

Ашантийский деревянный гребень

нарушения табу. В то же время распространена точка зрения, что сила сумана заложена в нем самом, а не в духе. Но в любом случае культ суманов представляет собой один из вариантов культа личных покровителей (нагуализма, по терминологии С. А. Токарева [339, с. 306—321]). Правда, нельзя не согласиться с Б. И. Шаревской, которая вполне резонно возражала Р. С. Рэттрею, полагавшему, что суманы использовались только в личных целях, ибо у ашантийцев существовал суман, почитавшийся всем народом, — Золотой Трон [368, с. 167], но у других аканов ничего подобного не наблюдалось.

Суману приносили жертвы и одновременно наказывали,

если он «не выполнял» просьбы своего владельца. Рядом с суманом нельзя свистеть (свист — язык ммоатъя), кормить улиток и т. д. Считалось, что силу свою суманы получали от духов растений и деревьев, обосомов, лесных монстров и ммоатъя, а также от ведунов, в отдельных случаях — от сверхъестественного контакта с умершими. Люди получали суманы при посредничестве жрецов, знахарей и т. д.

Что касается упомянутых «служителей культа», т. е. лиц, специализирующихся на выполнении только сакральных функций, то среди них можно выделить знахарей, гадателей, оракулов и жрецов, хотя это выделение условно, так же как условны и неопределенны сами категории сакральных лиц. Тем не менее они довольно четко могут быть отграничены в целом от остальных аканов, так как вполне профессионально занимались своим делом и играли значительную роль в социальной структуре ЭПО практически всех аканов. В то же время кастовости этого социального слоя не возникло, их ремесло по наследству не передавалось, да и друг с другом они мало контактировали, скорее даже находились в отношениях соперничества, за исключением только тех случаев, когда возникала необходимость обучения новичков (обучение осуществлялось индивидуально в лесу в течение трех лет под руководством одного или нескольких «специалистов»⁵⁶).

Собирательным наименованием всех «служителей культа» является слово «асофо», хотя более распространен термин «окомфо» (букв. «оракул»), который постепенно вытеснил все другие названия. Те окомфо, которые обслуживают различные святилища обосомов, называются «обосомфо», что с известными оговорками может быть передано понятием «жрец». Жрецы совершали жертвоприношения, выполняли функции гадателей⁵⁷ и прорицателей, а также общались с духами и демонами в состоянии транса, что позволяет провести некие параллели с шаманством, особенно если ориентироваться на трактовку шаманизма как культовой стороны полидемонизма [166, с. 47]. Но в аканском полидемонизме отсутствует представление о трех космических зонах вселенной (хотя и имеется противопоставление неба, земли и подземного мира) и ряд обязательных атрибутов шаманского камлания (см. определение в [295, с. 62—63, 246]). Поэтому экстатическое состояние жреца во время общения с духами еще недостаточное основание для выводов о тенденции к появлению шаманизма (ср. [218, с. 38]).

Окомфо, будучи своего рода оракулами при обосомах, «узнавали» у них о причинах неудач, болезней, бесплодия и т. д., предсказывали будущее, давали советы. Особую роль играли они и в традиционном судопроизводстве, когда рассматривались дела по обвинению в колдовстве. В таких случаях окомфо осуществлял суд с помощью яда и заболелавший признавался виновным. Обнаруживали колдунов и с помощью обряда фуну соа (букв. «ношение тела»), когда покойник, которого проноси-

ли мимо толпы, толчком «указывал» на колдуна — виновника своей смерти [616, с. 167—170].

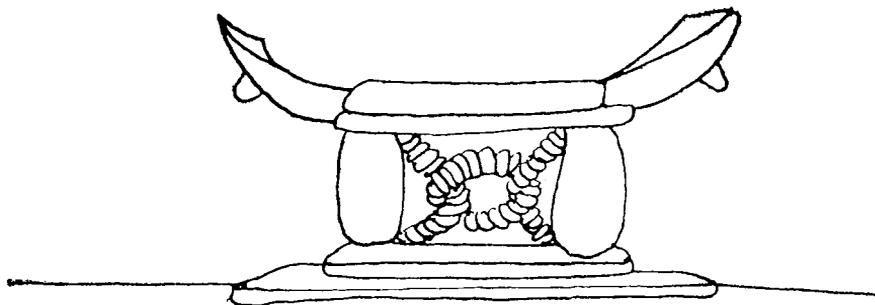
Причинами болезней, согласно архаическим представлениям аканов, были действия разгневанных демонов и духов предков, невыполнение своих обязанностей суманами, неверность жены или вредоносная магия. Окомфо определяли причину, а уже лечением занимались знахари (асуманфо), которые в соответствии со специализацией разделялись на три категории: дунсефо (специалисты по лекарствам), суманквафо (по суманам) и одуйефо (по колдовству).

Колдовство считалось аканами главной причиной всех неприятностей, поэтому обвинение в колдовстве имело самые тяжелые последствия. В качестве колдунов и ведьм обычно рассматривались антисоциальные элементы, нарушители табу, завистливые и нехорошие в других отношениях люди. Такие индивиды считались скрытыми носителями зла, вампирами, пожирателями душ, обладали способностью летать и превращаться в птиц (ворон, грифов, сов, попугаев), слепней, светлячков, гиен, леопардов, слонов и других саса ммоатъя, а также в змей. В колдовстве и ведовстве, как правило, обвиняли женщин, причем ближайших родственниц, членов одного рода, чаще всего матерей и сестер (в классификаторском смысле) [570, с. 60—61]. Побудительные причины для обвинений в ведовстве в целом не выходят за рамки уже известных и описанных у других африканских этносов (см. обзор [218, с. 31—32]).

Описанные верования и представления составляли основу традиционного мировоззрения аканов и заметно воздействовали на все сферы общественной жизни. Реальный и сверхъестественный миры находились в корреляции друг с другом и строились на одних и тех же принципах. Главные мотивы общения с представителями сверхъестественного мира могут быть сведены к двум основным: умиловивлению добрых и защите от злых. Универсальные способы общения и воздействия — жертвоприношения и молитвы.

Необходимо также подчеркнуть, что аканские верования были в постоянном движении и развитии, соотношение между отдельными формами постоянно менялось и границы между ними (несмотря на синкретизм) всегда были очень подвижны. Самым нестабильным был полидемонический пантеон (пандемониум): одни обосомы возвышались, другие забывались. Их престиж часто зависел от личности жреца, его сакральной силы, проповеднической и оракульской потенции.

В целом же традиционное мировоззрение аканов довольно типично для переходной стадии от первичной формации ко вторичной.

Часть третья
АТРИБУЦИОННАЯ

Глава 1

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БАЗИС АКАНСКИХ ОБЩЕСТВ

Производительные силы

Аканские общества находились на той стадии развития производительных сил (ПС), которая часто определяется как экономика самообеспечения, или, в терминах Ю. М. Кобищанова, мелконатуральное производство, сориентированное на производство предметов потребления [144, с. 3—8]. Практически все материальное производство на этой стадии концентрировалось в земледельческих общинах. И именно такие общины создавали большую часть совокупного общественного продукта.

Для позднепервобытной общины характерна нерасчлененность индивидов и главного предмета и средства труда — земли и, следовательно, нерасчлененность живого и овеществленного труда. Другими словами, ПС имели непосредственно социальный характер. Эта гипотеза о существовании в основе экономической организации африканской традиционной общины социального типа ПС, предложенная В. В. Крыловым [169, с. 5—19] и разрабатываемая И. В. Следзевским [321, с. 107] и Г. С. Киселевым [138, с. 65—72], весьма продуктивна, ибо позволяет объяснить, почему главной ПС мелконатурального производства является община. Ведь способ совместной деятельности, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, «сам есть производительная сила» [10, с. 28], а община с ее формами разделения и кооперации труда, с ее организацией индивидуального труда и есть способ реализации совместной коллективной деятельности (ср. [334, с. 49—50]). В рамках общины происходит соединение производителей со средствами и условиями производства, точнее, существует их природное единство.

Как уже отмечалось, инструментальная и технологическая база агротехники в аканском земледелии была довольно примитивной — переложной циклично-залежной (с необходимостью оставлять обширные массивы земли в залежи на длительный период и с короткими сроками непрерывного использования одного поля), с применением простейших орудий труда (главное из которых — мотыга); плуг и колесо отсутствовали, тяловые животные не применялись, и главным источником энергии являлась мускульная сила человека. Поэтому продуктивность ПС была низкой, сбалансированность хозяйства, как правило, на пределе из-за экологических условий. Они же не давали возможности перейти к расширенному воспроизводству и ограничивали получение устойчивого прибавочного продукта, хотя и обеспечивали в целом воспроизводство общины.

Наличие свободной земли не способствовало возникновению потребности в интенсификации производства, а сравнительно легкое обогащение за счет торговли и военных грабежей не стимулировало развитие ПС в земледелии.

Вместе с тем нельзя не отметить, что относительно заметный сдвиг в развитии ПС произошел в конце XVI в. у прибрежных аканов и в середине XVII в. — у лесных. Такой вывод позволяет сделать данные устной традиции и археологические исследования, которые фиксируют значительный рост и увеличение плотности населения в регионе, его более широкое расселение¹ и появление множества новых, причем крупных, поселений, особенно в золотодобывающих районах. Это же подтверждает и сравнение голландской карты Золотого Берега 1629 г. с картой М. д'Анвила 1729 г. [456; 542, с. 12—14; 607, с. 265].

Поскольку никаких изменений в материальном производстве и технологии агрикультуры не наблюдалось, то вполне вероятно, что этот сдвиг был обусловлен появлением стабильного избыточного продукта в результате возделывания американских сельскохозяйственных культур (наряду с активизацией торговли золотом). Интродукция кукурузы, маниока, земляного ореха, помидоров, цитрусовых и других культур резко усилила потенциал местного земледелия. Поэтому их появление часто оценивают как революционное. Прежде всего это относится к кукурузе и маниоке (кассаве), которые потеснили ямс и стали важнейшими продовольственными культурами. Ямс — довольно продуктивная культура, и не случайно в Западной Африке выделяется зона ямса, или так называемая цивилизация иньяма (от р. Бандамы до Камерунских гор), где ямс (иньям) является главной продовольственной культурой и где наблюдается очень высокая плотность населения (подробнее см. [447; 448; 633]). Однако кассава обладает по сравнению с ямсом несомненным преимуществом — она не портится при длительном хранении. Кукуруза же превосходит все другие зерновые культуры Африки по калорийности и содержанию питательных веществ.

Процесс урбанизации стимулировался и дальнейшим разде-

лением труда между земледельцами и ремесленниками, а также развитием торговли, что привело к укреплению и расширению инфраструктуры.

Конкретную динамику роста продуктивности ПС проследить невозможно, поскольку нет данных ни прямых, ни косвенных, которые рекомендует привлекать Ю. В. Качановский [134, с. 240].

Разделение и кооперация труда

Одним из факторов развития ПС является степень функциональной дифференциации общества [361, с. 232, 250], или специализации функций. Для аканов характерно прежде всего естественное, половозрастное разделение/объединение труда, т. е. наличие конкретных мужских и женских видов работ, а также работ, выполняемых только подростками, только молодежью, только стариками и т. д. Как было уже показано, основу древнеаканского общества составляла половозрастная стратификация, конкретной реализацией которой могла быть реконструированная система возрастных групп (см. выше с. 104). В таком случае каждая возрастная группа представляла собой корпоративное объединение, осуществлявшее экономически и социально значимые функции, которые регулярно менялись во время перехода возрастной группы из одного возрастного класса в другой и соответствовали его функциональной специализации.

Однако процесс общественного производства со временем потребовал более высоких форм разделения/объединения труда, чем половозрастное и помимо простой кооперации. Появились новые формы функциональной дифференциации: отделение ремесла и торговли от земледелия и разделение/объединение труда на производственный и управленческий, в том числе выделение функции руководства в военной сфере. Но для этих новых форм характерна неполнота дифференциации, что выражается лишь в тенденции к ней или же в слишком широком объеме функций. Так, появились ремесленники-специалисты (кузнецы, ювелиры, ткачи и т. д.), часть из которых уже не занималась земледелием и создавала обособленные общины². В то же время многие общинники совмещали земледельческий труд с ремесленным. Следовательно, уровень развития ремесла был не очень высоким, к тому же практически не было специализации в рамках одного ремесла. Как известно, любая специализированная деятельность имеет тенденцию к образованию замкнутых корпоративных объединений типа каст. Однако у аканов ни каст, ни протокаст ремесленников не сложилось. В связи с этим нельзя не отметить, что Ю. М. Кобищанов делает слишком смелые выводы о кастах охотников и ювелиров у аканов, опираясь на материалы популярных статей советских журналистов и диссертацию Чумаси Аппиа [144, с. 159].

Разделение труда на производственный и управленческий привело к выделению прослойки организаторов производства и обмена, уже не участвующих непосредственно в процессе производства. Эта прослойка практически монополизировала хозяйственно-организаторские функции (включая военные и идеологические) и социальные связи (обмен деятельностью) между общинами.

На стадии половозрастной стратификации разделение/объединение труда на управленческий и производственный совпало с дифференциацией на старших и младших по возрасту, на позднепервобытной стадии — с социальной стратификацией на знать и свободных общинников с зависимыми.

Землепользование и формы собственности

Вопрос о собственности — самый главный при изучении экономического строя любого общества, поскольку «определить... собственность — это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений» [2, с. 168]. Однако «собственность» — это одна из самых дискуссионных категорий среди фундаментальных понятий общественных наук. Существуют самые разные ее толкования, которые в целом обычно сводятся к двум основным — экономическому и юридическому. В конкретных исследованиях наблюдается или их неразличение, или же подмена одного другим, причем чаще всего собственность понимается как право, а не как отношение между людьми.

В свое время в докапиталистических формациях различали полную и неполную собственность, т. е. владение (или распоряжение) и пользование [147, с. 5—6]. Сейчас разделение собственности на полную и неполную признается устаревшим, но понятия «владение» и «пользование» оказались весьма продуктивными и активно применяются, причем различие между собственностью, владением и использованием проводится прежде всего по отношению к земле.

Что касается аканов, то у них земля была естественным условием производства, неотделимым от общины, т. е. земля еще не выделилась в качестве отдельного компонента ПС. Аканская община позднепервобытного типа была естественным, а не поземельным социальным институтом. Следовательно, не может быть и речи о частной земельной собственности. Утверждения некоторых авторов, что вожди владели землями и получали доход от их обработки, не соответствуют реальному положению, так как земля у аканов считалась принадлежащей предкам и вождь как представитель предков мог только контролировать правильное (в соответствии с традицией) землепользование и справедливое распределение (любой член общины имел право на такое количество земли, какое он в состоянии возделывать), но не имел права распоряжаться землей по своему

усмотрению и тем более продавать ее³. У вождей земли было в пользовании не больше, чем у рядовых общинников. В то же время не было безземельных членов общины. Фактически земля находилась в коллективном владении общины с преимущественным правом пользования у рода-первопоселенца (так называемых хозяев земли) и ограниченными правами чужаков. Другими словами, основу землепользования составляла принадлежность индивида-производителя к конкретному социальному коллективу (роду, общине, большой семье), а основанием для присвоения узурфрукта считалось участие в земледельческих работах. Такая специфика землепользования весьма характерна для Тропической Африки (наряду с сакрализацией земли) [321, с. 87; 412].

Понятия «продажа земли» у аканов в доколониальную эпоху не было, но при определенных условиях и с общего согласия членов общины допускались обмен и уступка отдельных участков другим общинам и большим семьям, а также изъятия у пользователей тех участков, которые длительное время не возделывались, с последующим их перераспределением. Частая смена участков при переложной системе земледелия не способствовала их закреплению за конкретными пользователями, но во второй половине XIX в. у ашантийцев уже началось такое закрепление.

Следует также отметить, что совершенно свободной, никому не принадлежащей земли к середине XIX в. у аканов, особенно прибрежных, уже не было. Считалось, что те земли, которые в данный момент не используются, находятся во владении трона, олицетворявшего предков. Поэтому оманхене и асантехене (как кумасихене) могли эту землю жаловать в кормление своим асомфо и соответственно лишать их пожалованной земли в качестве наказания [614, с. 365; 554, с. 24]. Следовательно здесь мы имеем дело только с землепользованием, а не собственностью и не владением, и вождь выступает лишь как землеустроитель. В этом факте трудно усмотреть даже тенденцию к появлению земельной собственности. Вожди скорее распоряджались людьми, а не землей (ср.: вождь свази, а не свазиленда [308]).

Помимо общественной собственности, субъектами которой были социальные институты в целом, у аканов была и личная собственность (владение) — ахуньяде. Она отличалась от общественной, полученной от предков, способом возникновения, т. е. она должна была создаваться личными усилиями, но могла быть получена в дар. В личном владении могли находиться орудия труда, деревья кола, но чаще всего — предметы повседневного обихода и престижные накопления (сокровища), включая рабов [398, с. 472].

Но после смерти владельца все это автоматически становится коллективной собственностью рода и распределяется среди близких абусуафо. Как говорят ачемцы, право владения

«умирает вместе с владельцем» [464, с. 206]. Прекращение индивидуального владения со смертью объясняет и тот факт, почему у аканов не было института завещания. Вместе с тем владелец мог при жизни передать часть своего имущества в дар (как правило, своим детям), но с согласия своей абусуа [493, с. 114]. Вероятно, это может быть квалифицировано как тенденция к приватизации.

Личная собственность вождей рассматривается как собственность трона, т. е. предков. Поэтому если вождя смещали, то он не мог получить даже то, чем он владел до того, как стал вождем.

Описанный характер личной собственности делает совершенно ясным ее ограниченный характер и неправомерность ее отождествления с частной собственностью, что довольно широко распространено в акановедческой литературе. Ведь частная собственность — это прежде всего собственность на средства производства.

Прибавочный продукт: распределение, перераспределение и потребление

Прибавочный продукт, произведенный общинниками, считался общим достоянием большой семьи и распределялся по равнообеспечивающему принципу. Часть его передавалась в общинный фонд, которым распоряжались одекуро и совет старейшин. Размеры этой части установить невозможно, есть только упоминание, что по традиции каждый член общины (или домохозяйство в целом — ?) отдает корзину зерна или другого продукта [188, с. 211], но эта информация довольно поздняя. Чужаки (ахохофо и зонгофо) отдавали общине $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$ урожая в натуре, правда, не ясно, когда это впервые появилось. Возможно, что только с распространением плантаций какао (см. [493, с. 74]).

Определенную часть общинного фонда одекуро использовал на нужды своего домохозяйства, остальное ($\frac{2}{3}$ у ашантийцев после 1875 г. [558, с. 27]) шло в распоряжение оманхене как хранителя земли предков. Таким образом, оманхене ежегодно получали известную долю прибавочного продукта, произведенного общинами его вождества.

Источники доходов знати

Основными источниками доходов знати были следующие.

1. Согласно традиции только вожди имели право на недра омана и все полезные ископаемые принадлежали им, точнее — трону. Поэтому $\frac{2}{3}$ самородков золота, найденных в ашантийских оманах, получал оманхене [614, гл. III; 433, с. 81; 584, с. 197], в Денчире, Ассине и Аданси — от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ самородков и золото-

го песка [401, с. 284; 542, с. 312; 459, с. 171—172], причем чужаки отдавали больше [480, с. 51]. Кроме того, есть данные, что на рудниках выделялся один или несколько дней, в которые все найденное шло правителю [480, с. 51; 459, с. 172].

2. Оманхене имел право на часть мяса и на шкуры ряда диких животных, добытых на территории омана, а также на часть рыбы, выловленной в реках вождества [478, с. 70]. Так, у ашантийцев и ачемцев вождю принадлежала задняя нога (передняя — асасуре), у бауле — ляжки и челюсти [36, с. 203; 464, с. 222; 614, с. 211]. Охотники на слонов обязаны были отдавать оманхене один бивень и хвост [393, с. 22; 619, с. 9].

3. Поборы с ремесленников. В литературе лишь констатация, но данных о размерах нет. Только Р. Ки утверждает, что ремесленники, как и крестьяне Золотого Берега, отдавали (в его терминах — платили ренту) деньгами и натурой от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{2}$ ежегодной прибыли. Кроме того, он прослеживает следующую динамику роста размеров отчуждаемого продукта у рыбаков: в конце XVI в. — начале XVII в. — $\frac{1}{10}$; в первой половине XVII в. — $\frac{1}{5}$; в 1650—1660-е годы — $\frac{1}{4}$; в конце XVII г. — $\frac{1}{3}$ [542, с. 312].

Есть также информация, что общинники должны были ежегодно отдавать вождю $\frac{1}{3}$ продуктов, полученных с необрабатываемых земель (плоды дикорастущих деревьев и т. д.) [188, с. 211].

4. Судебные вознаграждения и штрафы: аседа — подношение от тех, кого признали невиновными; атитодие — подношение от освобожденных от смертной казни; штрафы за нарушение клятвы. Суммы нефиксированные, атитодие (букв. «цена головы») иногда доходил до 100 переджуанов (800 ф. ст.) [614, с. 111].

5. «Налог» на наследство (авунаде). В соответствии с традиционными представлениями о личной собственности как прижизненном владении все накопленное золото и недвижимое имущество после смерти владельца переходило в общую собственность омана или Асантемана (трона). Оманхене должен был перераспределить эту собственность между абусуафо умершего. Но на практике наследники сразу передавали вождю определенную часть, а тот устраивал похороны на свои средства [554, с. 30; 575, с. 34; 401, с. 284] (прежде всего обеспечивал погребальной одеждой [666, с. 20]). Согласно устной традиции авунаде ввел Опоку Варе, и он взимался до 1880-х годов. Но уже к середине XIX в. окрепшая группа ашантийских сикафо требовала его отмены. В 1860—1870 гг. наблюдались случаи бегства сикафо из Асантемана в британский протекторат, где авунаде был отменен [575, с. 36; 453, с. 381]. Неотвратимость авунаде стимулировала дары детям, наблюдались также попытки утаить золото — его зарывали, чтобы оно попало к детям или другим наследникам. Такие случаи стали учащаться после 1831 г. (подробнее см. [666, с. 22]).

6. Ситуативные поборы и сборы (омантуо): на похороны

вождя, на ведение войны, на организацию праздников и прием гостей, на увеличение числа золотых украшений на регалиях омана, для пополнения сокровищницы вновь избранного вождя, за разрешение увеличить число золотых украшений, за назначение на пост (от асомфо). [614, с. 105—119; 433, с. 81—84; 554, с. 30; 542, с. 325; 400, с. 50; 401, с. 284; 430, с. 185—186].

7. Доход от торговых операций товарами, на которые имела монополия вождей (золото, невольники, слоновая кость, орехи кола и др.), а также от ссуд, дававшихся на организацию торговых караванов.

8. Торговые пошлины и сборы — чаще всего в виде небольшого подарка вождю за покровительство (например, за предоставленный почлег торговец должен был оставить немного соли [619, с. 29]); рыночные сборы; за переправу через реки; на расчистку и обеспечение безопасности дорог⁴; за проход через территорию омана (в Акваму и Асантемане) [553, с. 70].

9. Аданпрантуо — военная контрибуция после ежегодных (в сухой сезон) рейдов, особенно в период работорговли. Например, асантехене получил в 1816 г. 436 рабов от Аквалима и 100 унций золота от Ачема [401, с. 287].

10. Ежегодные дани с зависимых оманов. В ряде случаев дани были фиксированными, но чаще всего нет. Обычно в виде золота, каури, невольников и наиболее характерной продукции региона⁵. Например, Дагомба и Гонджа в начале XIX в. выплачивали асантехене по 500 рабов, 200 буйволов, 400 шт. одежды из хлопка и 200 из шелка; Течиман — то же самое, но в меньших размерах; Джама — все самородки золота и 100 переджуанов золотого песка [427, с. 320—321; 400, с. 45]; Аквапим — 1 тыс. рабов и 300 мешков улиток [661, с. 68].

11. Дани с европейских фортов, которые сами европейцы воспринимали как земельную ренту [401, с. 287; 540, с. 381; 621, с. 171, 195]. Так, правительственный комитет Британии, изучавший в 1806 г. состояние торговли на Золотом Берегу, отмечал в своем докладе: «Мы признаем суверенитет туземцев как хозяев земли и платим им ренту» [573, с. 49]. Англичане в Кейп-Косте ежегодно платили по 48 ф. ст. [574, с. 10]. Аквамухене ежемесячно получал от европейских фортов Аккры по 2 унции золота и подарки на сумму 8 риксдаллеров, а один раз в год — на праздник ямса — подарки на 200 риксдаллеров [553, с. 68—69; 540, с. 376]. Все европейцы брали на себя обязательство защищать аборигенов от нападений [619, с. 6].

Что касается поступлений от аманто в казну Конфедерации Ашанти, то сначала их размеры устанавливались по взаимному соглашению всех оманхене, а в XIX в. определялись самим асантехене.

В целом источники доходов аканской знати можно разделить на внутренние и внешние. Главными среди первых были различные традиционные подношения, поборы и сборы, но веду-

щее место, как отмечают многие исследователи, принадлежало «налогу» на наследство. Из внешних источников главными следует признать дани и доходы от межрегиональной торговли, причем именно внешние источники составляли большую часть всех доходов [540, с. 372—374; 480, с. 59]. Но, к сожалению, нет данных, чтобы более конкретно обосновать этот вывод в сопоставимых единицах. Обращает на себя внимание, что все основные источники доходов — вне традиционной производственной сферы, а торговля никак не связана с продукцией традиционного земледелия.

Все дани, подношения общин и другие ежегодные поступления принимались во время Оджиры. Полюдья как способа сбора дани не было, вожди не кочевали с дружиной по своим владениям, и столица не перемещалась [145; 146, с. 136]. Ю. М. Кобищанов выдвинул предположение, что обряды типа коронации вождей с обходом столицы могут считаться имитацией полюдья [146, с. 148]. В принципе аналогичные моменты есть в ритуалах Оджиры, но являются ли они пережитком полюдья, трудно решить, так как требуется провести специальное исследование, выходящее за рамки данной работы.

Все доходы правителей рассматривались в качестве общественного достояния и поступали в общий фонд (казну) ЭПО. Оманхене и асантехене не имели права полновластно распоряжаться казной, тем более в своих личных интересах. Казна расходовалась только на нужды ЭПО в целом. В Конфедерации Ашанти во главе казначейства стоял джасевахене, трон которого был создан Осеем Коджо. Он контролировал всю финансовую деятельность, в его подчинении находились санаахене («санаа» — «кожаный мешок»), который непосредственно отвечал за поступления в казну и выплаты из нее, и фотосанфохене — глава «кассиров» и весовщиков золотого песка, а также атодже — ответственные за сбор платежей [661, с. 429; 621, с. 162]. Квеку Дуа I создал фекуо Манвере, в обязанности членов которого входили ревизорские и «судебно-исполнительские» функции, связанные с конфискациями, долгами и т. д. [577, с. 196].

Редистрибуция

Казна аканских ЭПО фактически представляла собой фонд редистрибуции, а глава ЭПО — центральную фигуру в механизме перераспределения общественного продукта. Однако, хотя вождь и считался верховным редистрибутором, его действия находились под жестким контролем совета старейшин, а конкретный механизм редистрибуции был так отрегулирован, что почти не зависел от воли вождя. Об эффективности этого механизма говорит тот факт, что в доколониальную эпоху почти не было случаев дестроизации ашантийских вождей за присвоение тронных фондов [433, с. 82], хотя именно эта причина считалась самой серьезной для смещения.

Редистрибуция была одним из основных компонентов Оджиры и Адаэ. Ритуальная и политическая сторона этих праздников описана достаточно информативно, но вот экономическая, к сожалению, практически не известна и до последнего времени не привлекала внимания исследователей, хотя у соседних южнонигерийских ЭПО и в Дагомее такие праздники довольно хорошо изучены как важнейший механизм экономического функционирования ЭПО (см. обзоры в [163, с. 225—233; 446, с. 93]). Во время таких праздников осуществлялись, с одной стороны, сбор даней, даров и подношений, а с другой — немедленная задача значительной части этого богатства, его перераспределение среди знати и простого народа. «Это было средство отчуждения и частичного перераспределения общественного богатства в условиях, когда еще не были развиты органы принуждения и товарное хозяйство» [163, с. 233].

Во время ежегодной Оджиры распределялось военное снаряжение и оружие, а также различные европейские товары [623, с. 26; 446, с. 93]. На Адаэ, проводившихся в Кумаси, асантехене распределял среди вождей золотой песок, иногда до 40 переджуанов (320 ф. ст.) [400, с. 49], с обязательством вернуть столько же через два-три года. На эти средства организовывались торговые караваны [427, с. 295; 434, с. 95—96].

Более конкретной информации, к сожалению, нет. Разве что постоянно подчеркивается, что во время Адаэ и Оджиры происходит обмен дарами, но очень редко указывается конкретно между кем, какими предметами и т. д. Ясно только, что аканская система редистрибуции еще не достигла той стройности и четкости, основанной на тщательно разработанной системе учета и переписей населения, как в Дагомее [604; 461; 383; 526].

Редистрибуция осуществлялась на комиссионной основе в соответствии с известной формулой примитивной экономики: «От каждого по его статусным обязанностям в социальной системе, каждому — по его правам в этой системе» [496, с. 142], т. е. размер доли прибавочного продукта зависел от конкретного статуса и места в должностной иерархии [614, с. 107—113; 449, с. 8]. Например, сборщики даней, пошлин и штрафов имели право на $\frac{1}{5}$ собранного [427, с. 255; 664, с. 227]. Такую же долю получали и правители Джамана, Вассы и Эсикумы, которым поручался сбор дани соответственно среди северных, западных и южных амансин и амантеасе [402, с. 82].

Акваммофо, собиравшие пошлину на содержание дорог, $\frac{1}{3}$ передавали асантехене, остальное шло им и контихене, которому они подчинялись [618, с. 131]. Ашантийский одекуро в конце XIX в. $\frac{2}{3}$ прибавочного продукта своей общины передавал вождю, который половину оставлял себе, а другую — возвращал общине, половину из нее одекуро оставлял себе, а оставшуюся часть использовал на нужды акуры, совета старейшин и т. д. [558, с. 27].

Военная контрибуция обычно делилась на пять равных час-

тей между оманхене, контихене, аквамухене, адонтенхене и чидомхене (вместе с джасехене), причем из доли оманхене половина шла оманхеме [614, с. 113]. Военная добыча делилась на три равные части: правителю, асафохене и воину-добытчику.

Перечисленными фактами ограничивается вся информация о перераспределении общественного продукта в аканских ЭПО в доколониальную эпоху. Для колониального периода данных гораздо больше, но они не всегда репрезентативны для экстраполяции в прошлое, хотя и дают представление о принципах раздела. Например, Р. С. Рэттрей приводит следующую реди-стрибуцию аседы, составившую 4 ф. ст. и 13 шилл.: 13 шилл. получил очеаме, 3 — оманхеме, 2 — женские абусуафо оманхене, 3 — троносцы, 2 — оруженосцы, 4 — казначеи, 2 — дети и внуки оманхене, 2 — охранники, 3 — общинники, присутствовавшие на суде. Остаток был поделен пополам между оманхене и фекуохене, доля которых была еще разделена на три равные части: $\frac{1}{3}$ (в равных частях) — контихене, аквамухене, чафохене и джасехене; $\frac{1}{3}$ (в равных частях) — бенкумхене, чидомхене, анкобеахене; $\frac{1}{3}$ — нифахене. Все фекуохене разделили свою долю со своими фекуофо, при этом очеаме, будучи членом фекуо Джасе, получил от джасехене еще что-то в дополнение к тем 13 шилл. [614, с. 115]. К. А. Бусия дает похожий пример распределения аседы в ашантийском омане Венчи в 1934 г., но в этом случае вождь и старейшины получили гораздо больше — $\frac{2}{3}$ всей суммы [433, с. 81].

Потлачевидные обычаи

На определенной стадии развития общества, когда появилась тенденция превращения личной собственности в частную и когда возникающие отношения частной собственности вступили в противоречие с различными формами общественного уравнительного присвоения (что неизбежно вытекало из коллективной собственности на средства производства), появились специфические ритуалы с имитацией коллективного потребления в форме праздников или пиршеств, с публичной демонстрацией и раздачей имущества, аналогичные потлачу индейцев северо-западного побережья Северной Америки и закрепившиеся под названием потлачевидных [26, с. 104—105; 60, с. 56; 69, с. 26—29].

Потлачевидные формы перераспределения частных богатств имели и другую, не менее важную функцию — утверждения или повышения социального статуса и личного престижа, причем этот момент потлача сохранялся гораздо дольше [26, с. 105]. Щедрость, публичный отказ от своих сокровищ — необходимое условие и наиболее эффективный способ выделения индивида из общей массы на той стадии развития потестарных отношений, когда власть была основана не на собственности или принуждении, а на статусе. И этот статус необходимо было по-

стоянно поддерживать [27, с. 54—55; 69, с. 29]. Важнейшая функция статусной власти — контроль над ресурсами и регулирование их использования. «Должность... была притягательной отнюдь не потому, что она сулила богатство. Притягателем был престиж. Он, и только он, создавал авторитет и приводил к власти. Власть же давала право руководить и распоряжаться достоянием коллектива, т. е. была высшим воплощением общепризнанной шкалы социальных ценностей» [69, с. 29].

У аканов зафиксированы ритуалы и обычаи, в которых вполне просматриваются элементы потлачевидных институтов. Прежде всего обращает на себя внимание публичная демонстрация регалий и сокровищ Конфедерации Ашанти во время празднования Оджиры, причем акцент делался на приращении богатства за истекший год. Если же асантехене показывал свое пренебрежение к увеличению общественного богатства и не заботился об увеличении фонда Асантемана, то появлялся повод для его смещения [399, с. 9]. Самое большое богатство Асанте Нкабом зафиксировано после смерти асантехене Квеку Дуа I в 1867 г.: сокровищница была полной и составляла 400 тыс. унций золотого песка, т. е. 1,5 млн. ф. ст. [577, с. 195].

Аналогичные демонстрации с раздачами подарков делались во время похорон и брачных церемоний асантехене.

Одним из обязательных компонентов ашантийской церемонии посвящения сикафо в абремпоны была публичная выставка (в течение трех дней) золотых вещей, фетишей и других магических предметов, слоновой кости, барабанов и т. д. [666, с. 15]. У фантийцев XVII в. кандидат в абремпоны сидел в центре площади, увешанный драгоценностями и с лошадиным хвостом в руках, а абремпоны совершали вокруг него ритуальный танец [542, с. 102]. Адамфо также должны были продемонстрировать свое богатство в целях обоснования своего права на статус [399, с. 8]. Так, описана публичная демонстрация своих сокровищ ашантийским джасевахене Опоку Фрефре, у которого только золотого песка было 800 бенда, что оценивалось в 6,4 тыс. ф. ст. [664, с. 227].

У фантийцев в XVII в. каждый представитель знати один раз в год устраивал дорогостоящий пир, чтобы отметить «авурайеда» (букв. «день хозяина»). После пиршества среди рядовых общинников распределялось мясо буйвола или коровы, несколько овец или коз и много пальмового вина. К 1720-м годам авурайеда перестали отмечать [542, с. 103, 168]. Указание на то, что такие пиры должен был устраивать каждый представитель знати, наводит на мысль, что в этом обычае реализовался один из основных принципов потлача — обязательность ответной, еще более щедрой акции.

Показательна и эволюция термина «абремпон» у фантийцев. Ведь его этимология — «большой человек», т. е. «бигмен», что вызывает ассоциации с меланезийскими и папуасскими потестарными руководителями [343, с. 28—30]. Нельзя также не отме-

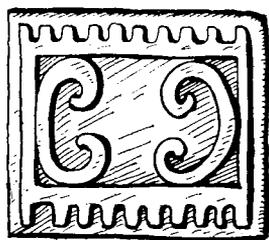
тить, что во время публичных церемоний оманхене при обращении обычно называли «Дасебре» или «Одеефо». Этимология этих титулов — «щедрый», «обильный» [399, с. 10], а Дасебре еще переводится как «благодетель», «жертвователь» [378, с. 18; 600, с. 39].

Основные формы обмена

У аканов в доколониальную эпоху существовали две основные формы обмена: дарообмен и меновая торговля.

1. Дарообмен (адече) — внеэкономическая (внерыночная) форма обмена, представляющая собой одну из форм реализации принципа реципрокности на стадии уравнительного перераспределения. Целью дарообмена прежде всего было поддержание социально-политических связей. Прекращение взаимного дарообмена означало прекращение таких связей. Похоже, что отношения между центром аканских ЭПО и составляющими его компонентами — разновидность дарообмена, но уже на стадии превращения дара в налог.

Наибольшую дарообменную ценность у аканов имели золото и предметы европейского происхождения (так называемые примитивные ценности [460, с. 97—98]), которые не могли быть адекватно освоены и превращались в средство повыше-

Ашантийские гирьки с цифрами

ния престижа или рассматривались в качестве фетишей и магических амулетов, как та подзорная труба, подаренная бенинскому правителю Эхенгбуде и ставшая дополнительным «подтверждением его сверхъестественных способностей» [163, с. 109].

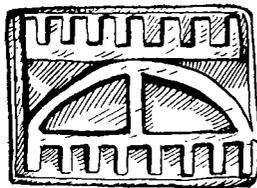
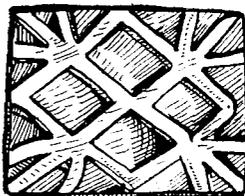
2. Меновая торговля с использованием примитивных эквивалентов, стабильность которых объяснялась монополией постестарного аппарата на торговообменную деятельность. Осей Бонсу так сказал Дж. Дюпию: «Никто, кроме королей и абремпонов, не торгует здесь... только несколько королевских сыновей и братьев и больших военачальников» [481, с. 167]. В Асси-не если кто-то пытался заниматься торговлей, не будучи охене

или абремпоном, то его имущество и золото конфисковывались [542, с. 101].

Специфика торговли у аканов заключалась в абсолютном доминировании торговцев-посредников разных категорий со специализацией конкретных функций (см. выше с. 78). Это было вызвано тем, что европейцы сами не рисковали до середины XIX в. отправляться во внутренние районы, а местные правители создавали определенные сложности для их проникновения за пределы побережья, опасаясь за свою монополию на торговлю с жителями лесной зоны и саванны. Посредническая торговля стала очень престижным занятием, о ее масштабах может свидетельствовать такой факт: в 1881 г. 50 тыс. человек пересекли р. Пра — пограничную между Конфедерацией Ашанти и фангийскими оманами — и столько же обратно, подавляющее большинство из них — торговцы [564, с. VI, 41].

Еще одна существенная особенность торговли у аканов заключается в том, что рынок как таковой существовал практически вне связи с местной социально-политической жизнью. «Это была международная торговая территория, над которой местная власть осуществляла нечто вроде „контроля на расстоянии“, получая положенные сборы» [404, с. 65].

Потребности межрегиональной торговли привели к расширению тех сфер хозяйства, продукты которых (золото, слоновая кость, орехи кола, невольники) предназначались почти исклю-

чительно для обмена. Причем они не только не имели особого значения для укрепления базиса традиционного хозяйства, но и таили опасность для существования самого этого хозяйства и соответствующих форм социальной организации, поскольку торговое обращение способствовало накоплению вне традиционной экономической системы, а деятельность по добыче предметов обмена не вытекала из внутренних потребностей общины. Частично эта угроза нейтрализовалась превращением многих товаров в предметы престижа, обращение которых все еще подчинялось законам традиционного общества и контролировалось родо-племенной знатью.

Выделение и обособление организаторско-управленческой функции неизбежно приводит к ее монополизации родо-племенной знатью, что создает возможность для отчуждения и присвоения прибавочного продукта. У аканов именно этот путь стал основой возникающей эксплуатации.

Под эксплуатацией обычно понимают безвозмездное присвоение одной группой людей доли общественного продукта, созданного другими людьми, охватывая этим понятием также и безвозмездное присвоение одними людьми услуг со стороны других [316, с. 59—60] (если объем этих услуг выходит за рамки обмена деятельности [114, с. 84]).

Следует подчеркнуть, что у аканов монополия на организацию общественного производства принадлежала прежде всего общинно-большесемейной верхушке, в то время как вожди и знать племенного и более высокого уровня монополизировали связи между общинами (так называемый патронаж, или патронажная система), а также военно- и торгово-организаторские функции.

Обычно различают внутреннюю (эндо) и внешнюю (экзо) эксплуатацию [330, с. 135; 264, с. 192]. Анализ источников доходов аканской знати позволяет выделить следующие способы эксплуатации в аканских ЭПО.

1. Экзоэксплуатация: военный грабеж, контрибуции, данничество, посредническая торговля.
2. Эндоэксплуатация: ростовщичество, кабальничество, эксплуатация свободных общинников.
3. Смешанные методы: рабство и эксплуатация общинников-чужаков.

Характерной особенностью, присущей прежде всего экзоэксплуатации и смешанным способам, является преобладание коллективных форм эксплуатации, когда в качестве объектов и субъектов выступают вождества, общины, города, а также большой удельный вес прямого насилия по отношению к соседям — в формах данничества, военных грабежей, контрибуций, рабства и эксплуатации зонгофо.

О формах эксплуатации невольников у аканов существуют довольно противоречивые свидетельства. Одни очевидцы утверждают, что труд невольников использовался только в земледельческих общинах, где они наравне с членами этих общин выполняли различные земледельческие работы, но преимущественно наиболее тяжелые их виды (расчистка целины, мотыжение и т. д.) (см. обзор в [545, с. 151]). Другие сообщают, что невольники работали на специальных полях или «королевских» плантациях [545, с. 153]. Достоверно известно только то, что в XIX в. невольники активно привлекались для сбора орехов кола, но работали они наравне с членами домохозяйства, которому принадлежали [540, с. 375]. Следовательно, подтвержда-

ется первая версия. Однако в одном из сообщений о королевских или государственных плантациях вокруг столицы Аквamu, на которых в начале XVIII в. работали невольники-полоняники, есть одно весьма существенное уточнение: эти плантации не являлись собственностью короля, а находились во владении абремпонов [540, с. 375]. Это уточнение позволяет предположить, что речь идет о пожалованных служилой знати землях, на которых действительно никто, кроме невольников, работать не мог. Поэтому с появлением прослойки асомфо изменился характер эксплуатации невольников, труд которых раньше использовался только в земледельческих общинах, и экономически они не были отделены от других производителей, из-за чего невозможно провести грань, отделявшую труд свободного от зависимого. Невольники фактически были интегрированы в общину как производственный организм.

Служилая знать, будучи оторванной от традиционных родоплеменных институтов, могла эксплуатировать только чужаков, непосредственно от них зависящих. Поэтому асомфо создавали сервильные поселения на пожалованных землях, превращая невольников в эксплуатируемых рабов (ср. [179, с. 107—108]). Кроме того, создавались сервильные поселения возле рудников для добычи золота. Многие европейские путешественники пишут о тысячах рабов на рудниках [459; 643, с. 298; 545, с. 150; 542, с. 199; 516, с. 32], что привело Э. Террэ к обоснованию рабовладельческой версии формационного развития аканов. Однако Р. Э. Дюметт показал, что все эти сообщения сильно преувеличивают численность «шахтеров» и, главное, неправомерно относят их всех к рабам. Данные же о том, что рабы работали под контролем «государственных чиновников», тоже не соответствуют действительности, так как имелись в виду те дни, когда все добытое золото считалось собственностью правителя [480, с. 52]. Это, скорее, барщина⁶, а не рабовладельческий способ производства.

Кроме того, рабский труд активно применялся в солеварении, а также в караванной торговле. Невольники были носильщиками (вьючные животные гибли от укусов мухи цеце) и выполняли работу, где была необходима физическая сила (гребля на каноэ, строительство каменных зданий и т. д.).

Организация производственного процесса (включая наблюдение за оборотом земель, перераспределение земельных участков и прибавочного продукта), контроль за деревенским рынком, взимание различных сборов и пошлин, регулирование семейнобрачных связей и выполнение ритуалов — осуществление всех этих функций общинной и большесемейной верхушкой создает возможности для эксплуатации свободных общинников, причем чаще всего в форме отчуждения прибавочного труда. В этих целях использовался труд молодежи в рамках обществ взаимопомощи, а также различные общественные работы, требовавшие коллективных усилий. Но все эти возможности начали

реализовываться сравнительно поздно, скорее в тенденции, поскольку даже во второй половине XIX в. эксплуатация свободных общинников имела весьма неразвитый характер. В то же время несомненной эксплуатацией (в коллективной форме) следует считать условия, на которых пользовались общинной землей чужаки, отдавая треть или половину урожая.

В целом на побережье до начала XIX в. преобладали методы внешней и смешанной эксплуатации, главными из которых были рабство и посредническая торговля. В первой половине XIX в. усилилась тенденция к внутренней эксплуатации в формах ростовщичества и кабальничества. Во второй половине XIX в. ведущей формой стало кабальничество с тенденцией к эксплуатации свободных (ср. [619, с. 84]).

В Асантемане и других ЭПО лесной зоны до XIX в. также преобладали внешняя и смешанная эксплуатация, но ведущей формой помимо рабства и посреднической торговли было данничество. В XIX в. действовали те же формы и закономерности, что и у прибрежных аканов, но в менее выраженных формах.

Если же говорить об относительном весе каждой из форм эксплуатации, то в лесной зоне преобладало данничество, на побережье — посредническая торговля.

Имущественная дифференциация

До середины XVIII в. на побережье и до начала XIX в. в лесной зоне богатство рассматривалось как необходимый атрибут статуса вождя и абремпона, причем представление о вожде как лично богатом человеке не было известно [614, с. 116]. Смещенный вождь практически ничем не отличался от своих рядовых соплеменников. Поскольку вождь — олицетворение всего социального организма, то богатство вождя рассматривалось как магически необходимое для процветания коллектива. Поэтому легенды о богатстве денчирахене, который никогда не использовал одни и те же золотые регалии дважды [391, с. 128], или прозвища вождей Домины, с которыми воевал Оти Акентен, — Череме Сикафо («Богач») и Кофи Батафо («Торговец») [505, с. 2] — лишь подчеркивают процветание их ЭПО.

В традиционном обществе аканов индивид мог стать богатым только в том случае, если он занимал пост в потестарной системе. Источником обогащения была в основном война, поэтому главным символом богатства выступало копые [666, с. 15]. Кроме того, богатство ассоциировалось с экскрементами, а хвосты слона и лошади стали их символами [575, с. 31]. Отсюда и одаривание хвостом в знак признания богатым. Высшим знаком богатства — золотым хвостом слона (сикамена) — владел только асантехене. Сикамена часто использовался в качестве дара, когда возникала необходимость подчеркнуть равный с асантехене статус. Например, среди подарков, которые

Осей Бонсу передал английскому королю Георгу III после переговоров с Дж. Дюпюи, был хвост слона, сделанный из тонких золотых проволочек [666, с. 19].

Кроме того, объектом накопления и престижа были люди, т. е. количество подданных, зависимых (клинтов, невольников) у вождя, число жен и детей у рядового общинника [556, с. 39; 619, с. 34—35]. Престижно было иметь много золота и европейских товаров — объектов дарообмена, которые накапливались и фактически выполняли функцию сокровищ, лежавших мертвым грузом и не идущих в торговый оборот, ибо они нужны были лишь для демонстрации и повышения статуса.

Одним из фундаментальных принципов традиционного аканского общества было право лишь на прижизненное владение личным богатством, которое рассматривалось в целом как достояние коллектива. Отсюда и потлачевидные ритуалы перераспределения, диалектизм которых заключается в том, что перераспределение таких богатств по принципам коллективного потребления закрепляло социальное неравенство. Утвердилось представление, что обязанность богатых — одаривать, а привилегия «нижестоящих» — пользоваться щедрыми дарами (этот стереотип существует и в современном аканском обществе). Без раздаривания подарков и других подобных акций невозможно сохранить авторитет и власть. Демонстративная щедрость — эталон социального поведения знатного лица и вождя.

Поскольку собственность была коллективной, то существовал жесткий контроль за частным обогащением, одним из главных механизмов которого был авунаде («налог» на наследство). Мировоззрение общинников негативно рассматривало экономическое превосходство отдельных членов общины над остальными. Их могли обвинить в колдовстве — самом серьезном преступлении перед традиционным обществом. Другими словами, социальный организм имел возможность свести на нет любую форму накопления и потребления вне рамок установившегося порядка. В то же время индивид, накопивший богатство и распорядившийся им согласно обычаю, получал общественное признание своих достижений.

Правители Асантемана в XIX в. намеренно сдерживали развитие профессиональной торговли среди своих подданных из опасения, что рост богатства отдельных торговцев может отрицательно сказаться на социально-политическом развитии ЭПО, хотя доход таких торговцев также принадлежал их матрилинейному роду [542, с. 265; 404, с. 10].

Имущественное расслоение стало заметным и выступило на первый план только во второй половине XIX в., причем для прибрежных аканов ключевым периодом стали 1830—1850-е годы, когда наблюдалась активное проникновение европейского торгового капитала. Появилась значительная прослойка богатых торговцев-аборигенов. Начался процесс приватизации.

Но в лесной зоне это случилось еще позднее, причем ника-

кого корпоративного или рангового оформления богатых (сикафо) и бедных (охиафо; на современном чви — «крестьяне») не возникло. По-прежнему действовала статусная модель, и происходил процесс нобилизации сикафо, которые стремились завладеть (фактически купить) титулом абремпона и получить трон. Процесс приватизации и переориентация общественного сознания на признание ценности личного обогащения нашли отражение в аканском фольклоре. В частности, появились пословицы: «Бедность — глупость, бедный — сумасшедший», «Незнатность, а золото делают человека знаменитым», «Одежье стало акао из-за бедности» и т. д. [666, с. 2, 11]. Этика асантехене Квеку Дуа I сводилась к фразе, ставшей афоризмом: «Нет ничего важнее денег» [577, с. 195].

Но процесс приватизации практически не завершился к началу колониального периода. Торговцы побережья в силу действовавшей системы прижизненного владения часто оставляли ни с чем близких родственников после своей смерти. Даже вдова Дж. Баннермана — крупнейшего купца Золотого Берега — обратилась в 1858 г. к британскому правительству с просьбой о пенсии, мотивируя ее тем, что ее покойный муж служил своей деятельностью британскому губернатору [574, с. 130].

Специфика многоукладности и проблема ведущего способа производства

Анализ производительных сил и производственных отношений, специфики отношений распределения, обмена и потребления свидетельствует в пользу уже сделанного на основании историко-типологического исследования основных социальных институтов, социальных организмов рода и традиционного мировоззрения вывода о позднепервобытном характере аканских ЭПО, поскольку в них практически реализовались все основные системообразующие принципы первобытнообщинного способа производства, присущие для его поздней ступени развития, переходной ко вторичной формации (ср. с моделью на с. 39).

Но самое главное заключается в отсутствии частной собственности на землю. «Если в обществе нет частной и государственной собственности на землю, то это — доклассовое общество, ибо отношение всех членов общества к земле как к средству производства одинаковое, никто ею не владеет и, следовательно, здесь нет классов» [152, с. 68]. Другими словами, если землей можно владеть только через общину или иной естественно-социальный коллектив, то это — первобытность. Ведь способ производства (и присвоения прибавочного продукта) в конечном счете определяется характером и способом соединения производителя со средствами производства.

Вместе с тем у аканов уже появилась антагонистическая социальная связь — эксплуатация, но она основывалась не на

владении земель, а на прямом насилии, т. е. являлась логическим следствием отношений личной зависимости и угнетения как одного из аспектов властных отношений. В нерасчлененном единстве с потестарными отношениями находились и отношения присвоения, распределения и перераспределения прибавочного продукта. Возникло и имущественное неравенство, причем не только как вторичное по отношению к социальному, но и в результате обогащения за счет торговли, и обозначилась тенденция к превращению личного владения в частную собственность (в форме индивидуализации владельческих прав). Однако относительную устойчивость эта тенденция к приватизации получила только в самом конце доколониальной эпохи.

Таким образом, относительный уровень развития аканских ЭПО достаточно ясен и вполне однозначно определен. Но какова же формационная ориентированность процесса развития, в сторону какой конкретной формации направлен вектор развития? Оформились ли переходные тенденции в укладные отношения, т. е. имеются ли основания для выводов о многоукладности доколониальных ЭПО аканов?

О тенденциях к феодализму

Процесс феодализации предполагает наличие двух главных компонентов — формирующейся частной земельной собственности и внеэкономического принуждения. Эти признаки являются необходимыми и взаимозависимыми, и если какой-то из них отсутствует, то неправомерно делать выводы о феодализации.

Поскольку у доколониальных аканов частная собственность на землю не обнаруживается, то, вероятно, есть все основания отрицать появление процесса феодализации. Однако не так все просто. Дело в том, что значительное число исследователей полагает, что именно внеэкономическое принуждение составляет основу феодализма (хотя оно характерно для всех докапиталистических формаций). Такой подход позволяет им рассматривать распорядителей земли в условиях общинной собственности в качестве фактических собственников земли: «Традиционное право родо-племенной верхушки распоряжаться землей вносило элемент феодальной зависимости в отношения внутри африканской общины» [29, с. 136].

На этом постулате построена практически вся концепция всеобъемлющего феодализма Ю. М. Кобищанова. Этот тезис активно развивали А. С. Орлова [244; 345] и И. А. Сванидзе [301]. А выдвинут он был И. И. Потехиным на ашантийском материале. В итоге появилась гипотеза о государственно-феодальной собственности в форме государственно-феодального землевладения, главным признаком которого является совпадение ренты с налогом. Но обоснование тезиса о государственно-феодальном землевладении осуществлялось не на базе анализа реальных поземельных отношений, а в результате априорных

рассуждений, которые затем были применены к ашантийскому обществу. Поэтому И. И. Потехин увидел в оманхене персонализацию верховной собственности на землю. Традиционные подношения общинников и участие в общественных работах, трактуемое как трудовая повинность, он рассматривал как материальное выражение этой верховной собственности, как земельную ренту. Таким образом, он нашел у ашантийцев «монополизацию земли в руках аристократической верхушки и характерную для феодализма условность земельных держаний» [290, с. 90]. А взаимоотношения между асантехене, оманхене и охене низших рангов И. И. Потехин рассматривал как типичную для феодального общества иерархию вассалов.

И. И. Потехин, правда, подчеркивал незавершенность монополизации земельной собственности, указывая на сохранение родовых пережитков и на параллельное развитие рабовладельческих отношений. Но, критикуя позицию К. Бусии и его единомышленников, отрицавших феодализм, И. И. Потехин упрекает их в том, что «они за публично-правовой и даже сакральной формой отношений между рядовыми общинниками и аристократической верхушкой не хотели видеть реальное экономическое содержание» [290, с. 91].

В 1970-е годы, прежде всего в работах Н. Б. Кочаковой, была доказана несостоятельность тезиса о монополизации земельной собственности⁷ и самого методологического подхода⁸ к решению проблемы [162, с. 38—42; 138, с. 8—9]. Концепция И. И. Потехина была пересмотрена в пользу другой точки зрения, согласно которой основой феодальных отношений в Африке было не государственно-феодальное землевладение, а специфические формы эксплуатации, вытекавшие из монополизации правящей верхушкой всей совокупности общественных функций [181; 140]. Что касается ашантийцев, то полномочия асасевуры на распоряжение общинной землей свидетельствуют лишь о выделении землеустроительной функции, что, разумеется, создавало потенциальные возможности для присвоения прибавочного продукта, но они стали реализовываться только в колониальный период.

Для вывода о тенденциях к феодальной формации важное значение имеет специфика отчуждаемого потестарным аппаратом прибавочного продукта, т. е. что он собой представлял — ренту, налог или дань? В зарубежной литературе постоянно речь идет о налогах и рентах, что является несомненной модернизацией. В аканских обществах прибавочный продукт не мог принять форму земельной ренты, так же как и не имел сходства с налогами, взимаемыми государством. Ведь какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам присуще то, что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность [8, с. 183]. Поэтому странной кажется исходная установка В. И. Пейтсера-Амета, которую он формулирует как аксиому: «Ведущим и прослеживаю-

щимся через всю (?! — В. П.) историю доколониальной Африки способом эксплуатации... является присвоение ренты» [265, с. 58]. Решение проблемы для него сводится к ответу на вопрос: кто и почему присваивал ренту? [265, с. 60]. А рентой он называет все — и дани, и подати, и другие платежи, и даже подарки [265, с. 66—68], т. е. неправомерно отождествляет качественно различные явления.

У аканов не зафиксировано никаких повинностей и подношений за право обработки земли в общине. Только чужаки отдавали общине часть прибавочного продукта, т. е. если это и рента, то в пользу коллективного собственника земли. Но следует подчеркнуть, институт зонгофо появился только в конце XIX в. и получил распространение уже в колониальное время.

Скорее всего, натуральные поборы с больших семей и общин следует квалифицировать как дань, которая в Конфедерации Ашанти в течение XIX в. постепенно трансформировалась в примитивный налог, когда сам асантехене стал устанавливать ее размеры, причем это был налог не с индивидов, а с коллективов. Точно так же являлись данью и различные поборы с ремесленников, рыбаков, охотников и золотодобытчиков и другие патронажные вознаграждения и дары. А различные отработки — не барщина, а отработочная дань. Поэтому трудно разделить убежденность Ю. М. Иванова, что в Тропической Африке прибавочный продукт отчуждался в виде феодальных отработок и оброков [109, с. 59].

Экономическая сущность дани пока не ясна. По-видимому, не всегда она являлась формой эксплуатации, и поэтому не следует переоценивать ее экономическое значение. Во многих случаях она представляла собой не столько собственно дань, сколько нечто среднее между контрибуцией и данью, что, вероятно, может быть обозначено как откуп. Часто дань носила чисто символический характер — символизировала отношения социально-политической зависимости и представляла собой механизм подчинения, а не эксплуатации, т. е. имела в основном идеологическую нагрузку. Так, небольшие вождества эве посылали в качестве дани в Кумаси в XIX в. всего двух невольников [661, с. 68].

Вместе с тем существует точка зрения, что данничество, представляя собой вполне самостоятельную форму эксплуатации, «по своей экономической функции, а следовательно, и по заложенным в нем тенденциям... ближе к феодализму» [253, с. 11—12], в который по большей части и перерастает в своем дальнейшем развитии [264, с. 192]. Ю. М. Кобищанов рассматривает данничество как неразвитую форму феодализма [143, с. 216, 225]. Если опираться на эти посылы, то развитое данничество аканов может свидетельствовать о тенденции в сторону ФСП. Однако представляется необходимым отметить, что данничество рассматривается и как признак АЗСП, а также АфСП и позднербовитного СП.

В связи с возможными тенденциями развития в сторону ФФ следует рассмотреть еще один момент. Имеется в виду появление новой системы хозяйственных единиц, которыми распоряжались асомфо. За удачные действия в войнах, а также за успешную деятельность в потестарном аппарате асомфо получали в кормление незанятые тронные земли. Поначалу это было вполне логичное деяние в рамках традиционной системы дарообмена. На эти земли «сажались» чужаки, в основном невольники, захваченные в войнах, которые, например, на Золотом Берегу в XVIII в. три дня в неделю работали на хозяина и два — на себя [511, с. 34] (скорее на общину.— В. П.).

Прикрепление непосредственного производителя к земле — один из основных сущностных признаков феодализма, и положение невольников, посаженных на землю, могло приближаться к положению поземельно зависимых земледельцев. Возможную перспективу этого процесса показал Г. С. Киселев: «Не будучи связанными с общинами, последние („царские люди“.— В. П.) создавали на пожалованных им в кормление землях собственные хозяйства, где применялся труд невольников.

Поскольку невольники „сажались“ на землю, т. е. превращались в ее придаток, воссоздавая единство производителя и земли, общины зависимых снова начинали функционировать в системе отношений естественной общности, отношений владения. Однако одно обстоятельство позволяет выделить принципиально новый момент, характерный для отношений владения в рамках обособленных хозяйств знати. С ослаблением позиций старой общинно-родовой знати к „царским людям“ постепенно начинала переходить монополия на власть. Этому, безусловно, способствовала и зависимость от представителей новой знати сервилного населения. Обладание же монополией на принуждение имманентно таило в себе тенденцию возникновения монополии и на средства производства, прежде всего на землю. Дело было только за нуждой в земле. И если у старой знати такой нужды не было, то у новой знати она появилась вследствие стремления компенсировать отсутствие доли в традиционных подношениях.

Таким образом, новая знать фактически начинала распоряжаться, по словам Маркса, „определенными участками земли как исключительными, только им подчиненными сферами их личной воли“ [8, с. 165]. Распоряжаясь землями вне рамок „своей“ общины, знать не участвовала в совокупном труде по воспроизводству своего общества. Но не участвовала она и в воспроизводстве общин-чужаков; зависимость последних выражалась исключительно в организации прибавочного труда: знать стремилась к получению только материального продукта. Это означало уже выделение из отношений угнетения собственно эксплуатации.

Таким образом, в доколониальной Африке наряду с господствовавшими социальными отношениями, характерными для

естественно-социальной общности, развивались и принципиально иные связи, основанные на антагонистическом способе соединения производителей и средств производства. Такое развитие в принципе могло бы привести к появлению крупной земельной собственности. Однако, за исключением государства Сонгай, где в XVI—XVII вв. этот процесс обозначился вполне явно, Тропическая Африка в доколониальное время так и не увидела сложения крупного частного землевладения» [139, с. 73].

Пожалованные земли с сервилльными общинами носили характер условного прижизненного владения, а не собственности, ибо земля по-прежнему принадлежала трону (предкам). И для характеристики такой системы совсем не подходят определения как условного поземельного пожалования типа фьефа/лена, так как эти земли не наследовались.

Важно подчеркнуть, что формационное развитие аканов могло пойти по пути феодализации — для этого были потенциальные возможности, но необходимости в феодальной эксплуатации в аканских ЭПО, как и в большинстве африканских доколониальных обществ, так и не возникло.

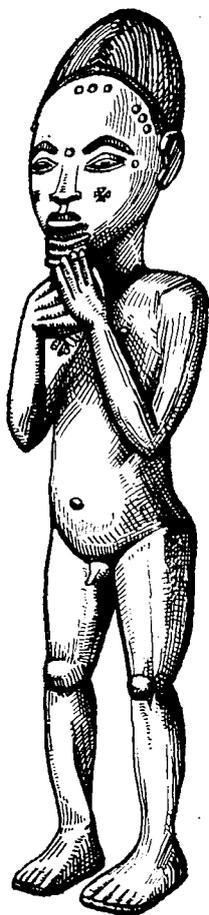
Следовательно, говорить о раннефеодальном укладе в аканских ЭПО нет оснований. В то же время нельзя отрицать мощного развития данничества, которое, несомненно, составляло особый уклад.

Рабовладельческий уклад

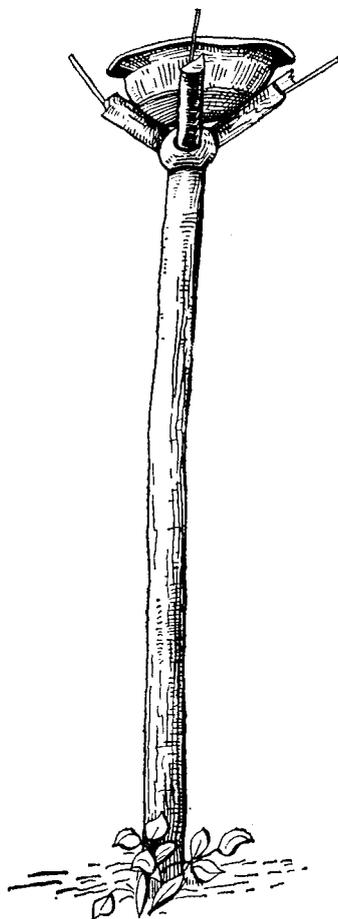
Атрибуцию доколониальных африканских обществ как рабовладельческих производят лишь немногие зарубежные исследователи, в основном африканцы (подробнее см. [350, с. 200—203]).

Практически все африканисты-марксисты, признавая широко и повсеместное распространение домашнего рабства и даже раннерабовладельческого уклада, отрицают существование РСР как ведущего в Тропической Африке⁹. Правда, иногда ссылаются [250, с. 111] на В. Н. Никифорова, который якобы считает африканские традиционные общества рабовладельческими. Между тем В. Н. Никифоров специально не занимался изучением африканских ЭПО, он просто обратил внимание на противоречивость и непоследовательность в оценках специфики общественного строя в работах ряда советских африканистов и на возможность на том же самом материале построить самые разные концепции, в том числе и рабовладельческую¹⁰ [224, с. 254—259].

Одним из внешних признаков формирующегося рабовладельческого общества часто считают массовые человеческие жертвоприношения [224, с. 289], что может быть охарактеризовано как проявление дисбаланса между количеством рабов и еще ограниченными возможностями использования их труда. Согласно модели раннего рабовладения главная его черта заклю-

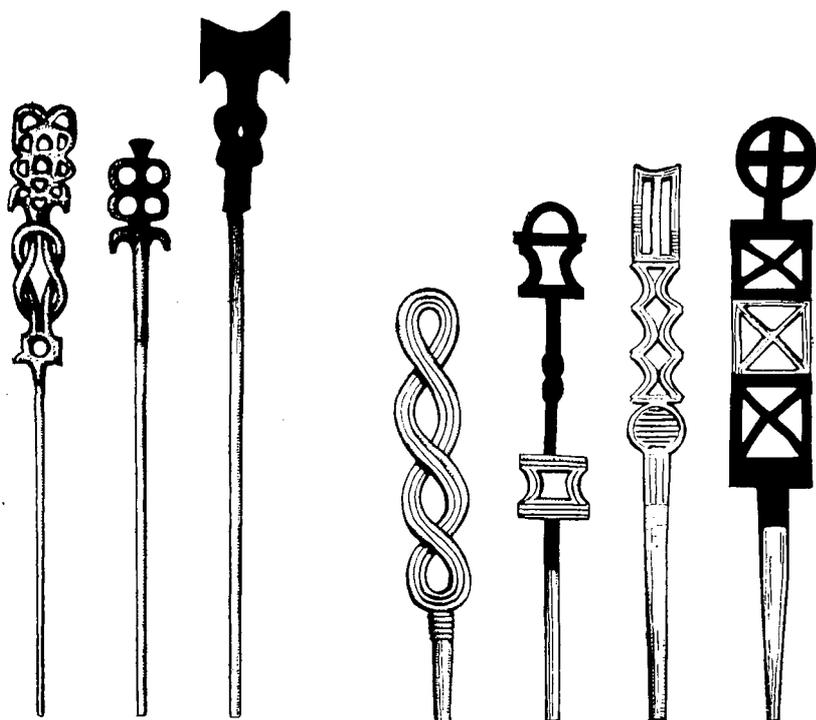
Бауле. Деревянная статуя предка

Дерево Ньяме (Ньямедуа)

чается в том, что непосредственные производители находятся в состоянии латентного порабощения. В такой трактовке количественный подход при формационной атрибуции конкретного общества как рабовладельческого теряет смысл, поскольку дело оказывается не в числе рабов и соотношении невольников с другими категориями населения, а в том, что отношения между свободными и зависимыми становятся определяющими, включая общественное сознание и морально-этические нормы поведения¹¹. Поэтому превратить общество в рабовладельческое может, согласно этой точке зрения, очень небольшое число рабов [112, с. 174] и, как считает И. М. Дьяконов, даже всего один раб.

У аканов, как уже было показано, рабство носило в целом домашний характер. Невольники еще не превратились в настоящих рабов, если учесть степень их бесправия и возможность инкорпорации в общество, а также их бытовое положение. Труд невольников использовался в общинном земледелии, но как

Церемониальные стeki

ПС они ничего не меняли в ПСП и не подрывали экономических устоев общинной организации (ср. [162, с. 29--30, 36--37]). Рабами они становились в Америке, а для аканов они имели прежде всего товарную ценность. Другими словами, рабство у аканов было своеобразной товарной разновидностью рабовладения, когда прибавочный продукт давала не эксплуатация раба, а его продажа.

На рудниках, а также там, где невольники работали в качестве гребцов и носильщиков торговых караванов, в сервильных поселениях знати-асомфо, которые с середины XIX в. на Золотом Берегу стали превращаться в плантационные хозяйства, явно преобладало уже производственное рабство, и есть

все основания говорить о появлении раннерабовладельческого уклада. Об этом же свидетельствует и рост числа должников [619, с. 84] и их превращение в кабальников, т. е. наличие типичная форма развития раннерабовладельческих отношений, стремящихся охватить все общество. Появились у аканов и известные черты «поголовного рабства», тенденция к противопоставлению прежде всего свободных и зависимых. Не случайно также, что среди пяти основных требований, которые предъявляли ашантийцы на переговорах с англичанами в 1900 г., было требование о восстановлении рабства [588, с. 39]. А создатели конституции Конфедерации Фанти подчеркивали необходимость сохранения рабовладельческих отношений.

Однако дальнейшее развитие рабства в РФ возможно только в определенных условиях, когда возникает необходимость в применении физического труда в больших масштабах. У аканов такие предпосылки появились только тогда, когда актуализировалась переориентация с работорговли на торговлю пальмовым маслом — продукцией собственного земледельческого производства. Но этот процесс не принял такого размаха, как в соседней Дагомее [162, с. 37; 445, с. 88—89]. До этого момента потребительский характер земледелия и ограниченные возможности для сбыта его продукции сдерживали развитие раннерабовладельческого СП.

В целом в аканском доколониальном обществе, несомненно, существовал вполне сформировавшийся рабовладельческий уклад.

Типологические параллели с моделями азиатского и африканского способов производства

Гипотеза об АзСП в последние годы вновь привлекла внимание ряда советских африканистов, отрицающих феодальность доколониальных обществ Тропической Африки. Правда, выводы об азиатском характере изучаемых социальных организмов делаются в достаточно осторожной форме. Как, например, в книге Э. С. Годинер, которая пишет о формировании «верховой государственной собственности-суверенитета», а также о том, что «ведущим типом эксплуатации в Буганде стала непосредственная эксплуатация общинников государством» [90, с. 139], но воздерживается от атрибуции бугандийского общества как азиатского. Более определенно обозначил свою позицию Г. С. Киселев, пришедший к выводу о доминировании азиатского пути развития в доколониальной Тропической Африке [139, с. 73—74].

У аканов прослеживаются некоторые типологические параллели с моделью АзСП (см. выше с. 43). Прежде всего это наличие общины, отсутствие частной собственности на землю и довольно четкое разграничение управителей и управляемых — двух основных слоев (классов), которые обычно выдаются за главные признаки АзСП, обуславливающие коллективные фор-

мы зависимости и эксплуатации. Однако политарный тип собственности на землю не обнаруживается. Следовательно, не могло быть и политарной классовой структуры, так же как и не было масштабных общественных работ на уровне всего ЭПО, которые бы требовали отрыва населения на длительное время, если, конечно, не считать войны и рейды за невольниками разнородностями общественных работ. В то же время нельзя не отметить важную экономическую роль надстройки, совпадение системы распределения прибавочного продукта с потестарно-политической иерархией во главе с правителем — главным реди-дистрибутором.

Нетрудно заметить, что многие черты азиатской модели, обнаруженные у аканов, одновременно присущи и модели ПСП. В связи с этим, вероятно, нет достаточных оснований для вывода о существовании в аканском обществе особого уклада, основанного на АзСП¹², тем более что у К. Маркса дефиниция «АзСП» есть не что иное, «как определение общественной формации, основанной на первобытной общине» [357, с. 70].

Что касается АфСП, то у аканов, следует признать, обнаруживаются практически все его признаки (ср. выше с. 46), если не затрагивать проблему государственной формы надстройки. Необходимо еще раз подчеркнуть, что экстравертная меновая торговля достигла у аканов огромного размаха и высокой степени организации, которая явно не соответствовала достигнутому уровню развития производительных сил в традиционной экономике и доминирующему распределению и перераспределению прибавочного продукта в различных внеэкономических формах.

«Вертикальная» многоукладность

Многоукладность аканских ЭПО создавалась динамическим равновесием позднепервобытного уклада с данническим, ранне-рабовладельческим и африканским. Какой же из них был ве-

	Период работорговли	Предколониальный период
1. Наибольшее соответствие достигнутому уровню ПС и потребностям их дальнейшего развития		ПСП и даннический СП
2. Рост более быстрыми темпами	АфСП	РСП и АфСП
3. Командное положение в экономике	на низших уровнях — ПСП на высших уровнях — АфСП и даннический СП	
4. Решающее воздействие на надстройку	АфСП	АфСП

душим формационным укладом? Вывод об этом уже, собственно, был сделан — первобытнообщинный. Вместе с тем если взять критерии, на основании которых прежде всего возможно определение господствующего СП [134, с. 74], то ситуация осложняется. Для наглядности можно конкретно рассмотреть специфику соотношения СП в Конфедерации Ашанти (см. с. 197).

У фантийцев и других аканов побережья соотношение в главных чертах было таким же, только в XIX в. более быстрыми темпами развивался РСП.

Таким образом, в аканских ЭПО наблюдалась своеобразная многоукладность, которая условно может быть названа «вертикальной», поскольку на низших уровнях доминировал ПСП (с элементами домашнего рабства), а на высших — неформационные СП — даннический и африканский, которые, как представляется, можно объединить и обозначить одной категорией «военно-торгово-даннический» (по аналогии с характеристикой специфики способа производства в доколониальной Дагомее [539, с. 193]).

Преобладание военно-торгово-даннического СП (в сочетании с несистемным рабовладельческим укладом) на высших уровнях подчеркивает особую роль надстройки в аканских ЭПО. И действительно, надстройка явно слишком развита для организации производственного процесса в общинах, но необходима для военно-торговой деятельности и взимания дани. Следовательно, окончательный вывод о характере формационного развития аканских этнополитических организмов возможно сделать только после исследования специфики потестарно-политической надстройки.

Глава 2

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ТЕНДЕНЦИИ КЛАССОГЕНЕЗА

Специфика общественного расслоения и основные факторы классовобразования

Определяющего признака классов — различного отношения к средствам производства — в аканских ЭПО не обнаруживается. Отсутствием частной собственности на средства производства объясняется и принципиальное отличие ведущих способов эксплуатации в аканских обществах от развитых докапиталистических, сочетавших внеэкономическое принуждение с частно-собственнической основой эксплуатации.

В то же время аканские ЭПО дифференцировались на три устойчивые социальные группы: знать; свободных и полноправ-

душим формационным укладом? Вывод об этом уже, собственно, был сделан — первобытнообщинный. Вместе с тем если взять критерии, на основании которых прежде всего возможно определение господствующего СП [134, с. 74], то ситуация осложняется. Для наглядности можно конкретно рассмотреть специфику соотношения СП в Конфедерации Ашанти (см. с. 197).

У фантийцев и других аканов побережья соотношение в главных чертах было таким же, только в XIX в. более быстрыми темпами развивался РСП.

Таким образом, в аканских ЭПО наблюдалась своеобразная многоукладность, которая условно может быть названа «вертикальной», поскольку на низших уровнях доминировал ПСП (с элементами домашнего рабства), а на высших — неформационные СП — даннический и африканский, которые, как представляется, можно объединить и обозначить одной категорией «военно-торгово-даннический» (по аналогии с характеристикой специфики способа производства в доколониальной Дагомее [539, с. 193]).

Преобладание военно-торгово-даннического СП (в сочетании с несистемным рабовладельческим укладом) на высших уровнях подчеркивает особую роль надстройки в аканских ЭПО. И действительно, надстройка явно слишком развита для организации производственного процесса в общинах, но необходима для военно-торговой деятельности и взимания дани. Следовательно, окончательный вывод о характере формационного развития аканских этнополитических организмов возможно сделать только после исследования специфики потестарно-политической надстройки.

Глава 2

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ТЕНДЕНЦИИ КЛАССОГЕНЕЗА

Специфика общественного расслоения и основные факторы классовобразования

Определяющего признака классов — различного отношения к средствам производства — в аканских ЭПО не обнаруживается. Отсутствием частной собственности на средства производства объясняется и принципиальное отличие ведущих способов эксплуатации в аканских обществах от развитых докапиталистических, сочетавших внеэкономическое принуждение с частно-собственнической основой эксплуатации.

В то же время аканские ЭПО дифференцировались на три устойчивые социальные группы: знать; свободных и полноправ-

ных общинников; зависимых и неполноправных невольников и кабальников. Такая социальная стратификация, основанная на принципах знатности и инфериорности, весьма характерна для обществ переходной стадии от ПФ к ВФ. Однако соотнести выделенные социальные группы с протоклассами [408, с. 157] или с сословиями [201] нет достаточных оснований, так как еще не возникло право индивидов по рождению занимать какое-либо положение или должность, хотя и появилась некая иерархия статусов, получаемых по наследству (прежде всего это относится к прямым потомкам верховных правителей — ммамма). Категории знатных, свободных и зависимых у аканов — это, скорее всего, социальные слои [366, с. 116]. Процесс классообразования, протекавший у аканов, еще не достиг второго этапа — по периодизации А. М. Хазанова, — на котором формируются неравноправные архаические сословия.

Основной экономической предпосылкой, сделавшей возможным разложение первобытного эгалитаризма и обособление отдельных социальных слоев и групп, стало появление регулярного прибавочного продукта. Однако ограниченные возможности производства и реализации прибавочного продукта, производимого в традиционной земледелии, с одной стороны, и появление возможностей получения стабильного прибавочного продукта в результате военных грабежей и торговых контактов с европейцами — с другой, привели к выделению высшего руководящего слоя, в руках которого оказался контроль не столько над производством, сколько над распределением и обменом, что давало конкретные социальные и имущественные привилегии.

Таким образом, в аканских ЭПО, как и в большинстве других доколониальных обществ Тропической Африки, возможность монополизации конкретных организаторских функций, связанных прежде всего с военной и торговой сферами, появилась раньше, чем возможность монополизации средств производства. Другими словами, базой социального возвышения управляющего слоя служила не собственность, а право redistribution, сформировавшееся в процессе общественного разделения труда и обмена деятельностью. С монополизацией права на redistribution власть вождей приобретает политико-экономические функции.

Управляющий слой знати у аканов имел достаточно высокую степень иерархизации, причем социально-политическая иерархия практически совпадала с военной. В то же время этот слой был достаточно открытым и весьма гетерогенным по своему составу: наряду с традиционной родо-племенной знатью сформировалась прослойка служилой знати из чужаков, а также прослойка разбогатевших на торговле общинников (сикафо). Следовательно, основными факторами мобилизации у аканов стали личные качества и степень богатства. Именно они открывали дорогу к назначению на должность или же ее покупке.

Причем на высших перархических уровнях, прежде всего у ашантийцев, уже к началу XIX в. доминировали представители служилой знати.

Вполне закономерно, что в аканских ЭПО, как и практически во всех раннеполитических обществах, обострялись противоречия между традиционной и служилой знатью. «Объективные законы производства и общества в принципе предрешают неизбежность победы последней. Но объективная неизбежность такой победы вовсе не означает, что она легко достижима, поскольку старая знать... тесно связана с традиционными религиозными представлениями и располагает немалыми материальными возможностями. Именно это делает ход борьбы очень негладким и затягивает ее на многие десятилетия, а то и на века» [180, с. 262]. У ашантийцев этот процесс происходил более 100 лет, но так и не завершился заменой родо-племенной знати, как это произошло, например, в Буганде.

Открытый характер управляющего слоя и социальная мобильность подчеркиваются и традиционным определением статуса свободного общинника по негативной формуле, отражающей промежуточность состояния: «Тот, кто не является невольником и не обладает рангом (троном)». В зависимости от конкретных обстоятельств, нкурасефо-ммеранте мог превратиться в кабальника или, наоборот, оказаться наследником высокого статуса и должности, поскольку и знать и рядовые общинники были еще организованы в одни и те же социально-родственные институты, имевшие корпоративную природу.

К концу доколониальной эпохи более четким становится разделение на свободных и зависимых.

Таким образом, основное социальное противоречие между общественными группами развивалось в сторону отношений господства/угнетения и прошло не менее трех последовательных стадий, на которых противоречия наблюдались преимущественно между: 1) старшими и младшими (на стадии половозрастной стратификации); 2) управляющими и управляемыми (на стадии вожеств); 3) свободными и зависимыми (с появлением данничества и невольничества). Признаки двух последних стадий в чистом виде не встречались, сочетаясь в различных формах.

Особенностью аканского классогенеза является и то, что классовобразующие факторы появились или, точнее, усилились в результате контактов с европейцами, когда возникла необходимость в обособлении особой административно-организаторской прослойки для осуществления этих торговых связей. Важнейшими ускоряющими факторами, несомненно, были военный и торговый. Именно они интенсифицировали процессы социального и имущественного расслоения, преодолевая замедляющее воздействие природно-экологических моментов, обусловивших существование низкопродуктивного экстенсивного земледелия.

Динамика принципов социального расслоения

Процессы приватизации и классовообразования нашли свое отражение и в смене принципов целостности конкретных форм социальной организации. Полной замены, разумеется, не могло произойти, но переходность состояния прослеживается весьма отчетливо, особенно на надобцинных иерархических уровнях.

Статус по-прежнему определялся прежде всего членством и занимаемым положением в социально-родственных институтах (абусау, нторо, асафо), но принцип родства, как и пол и возраст, начинает терять свою актуальность, уступая место новым принципам (сервильности, богатству, соседству, личным качествам и др.), причем первоначально все новые отношения оформляются с помощью старых категорий. Например, сервильность выражается в половозрастных терминах, отражающих инфериорность половозрастной стратификации: *абофра* (дитя), *абасимма* и *абаава* (молодая женщина) и т. д. Вожди и представители знати ассоциируются с лицами старческого возраста (*нана*), а незнатный человек — с молодежью (*ммеранте*).

Но большинство новых связей строилось по модели родственных и обозначалось терминами родства, поскольку традиционное мировоззрение аканов было сориентировано на родственные связи, и само общество воспринималось как СОР, что отражает слабую расчлененность отдельных видов деятельности. При этом наблюдается перенос прежде всего сиблинговых и ниблинговых отношений на политические. Например, главы аманто рассматривались в качестве сиблингов друг для друга и ниблингов для асантехене. Упоминание соответствующих терминов родства наряду с титулами было обязательным при обращении к лицам старшего поколения и более высокого социального положения [499, с. 192; 639, с. 131].

Вполне естественно, что группа клиентов (нкоа) различного происхождения получала общее наименование, которое воспринималось как родовое имя, а сама такая группа (например, кумасийские фекуо) воспринималась (и, видимо, воспринимала сама себя) как родственная (ср. с аналогичным явлением «братства по кораблю», когда невольники, перевезенные в Америку на одном корабле, считали себя братьями [100]). Показательно, что европейские купцы, постоянно проживавшие в торговых портах—данниках Акваму, рассматривались как группа чужаков со статусом жен аквамухене, т. е., с точки зрения аборигенов, они занимали полуавтономное и подчиненное положение, но одновременно были партнерами. Поэтому на отношения с ними переносились традиционные отношения со свойственниками.

Тенденция к антагонистическим социальным связям привела к наибольшему развитию нового принципа сервильной зависимости, главный признак которой — ограниченность экономической и социальной мобильности. Начальные этапы этого про-

цесса имеют свою специфику, находящую объяснение в родственной ориентированности общественного сознания. Ведь невольники и клненты были чужаками, не имевшими корней в данном аканском СОР и потерявшими связь со своими социально-родственными коллективами. Поэтому сначала они воспринимались лишь как неродственники, у которых нет и не может быть прав и обязанностей члена их социально-родственного коллектива. И вполне правомерно А. Вилкс называет рабов у ашантийцев «пролетариатом, не имеющим абусуа» [661, с. 706] (если не придираться к отождествлению рабов с пролетариатом).

Вполне естественно, что включение в социальный организм происходило в форме адаптации в СОР. Да и сам этноним «акан», как уже было показано (см. выше с. 57), непосредственно отражает это противопоставление своих и чужих.

К концу доколониальной эпохи биполярность «хозяин—зависимый (вур—нкоа)» наложила отпечаток на многие социальные и политические отношения, что связано с тенденцией к размыванию грани между свободными и несвободными и распространением рабства на своих сородичей. Ниблинги (племянники) и их дети уже стали считаться рабами дяди, члены абусуа — абусуахене, вожди-охене — оманхене и т. д. Иногда даже все свободные общинники рассматривались как нкоа управляющего слоя [577, с. 192]. Поэтому низший по статусу должен был демонстрировать свою зависимость определенными жестами, а в случае отказа от такой демонстрации — платить штраф «мпата» [399, с. 10].

Глава 3

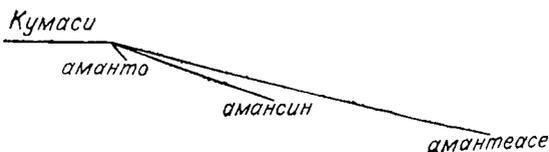
ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ПОТЕСТАРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ И СПЕЦИФИКА ПОЛИТОГЕНЕЗА

Большинство ЭПО аканов в доколониальную эпоху представляли собой вождества или конфедерации вождеств, являвшихся довольно непрочными военно-политическими союзами без специализированного аппарата управления.

Отдельные ЭПО (Акваму, Аквапим, Денчира) достигли стадии мощного централизованного вождества с рядом зависимых ЭПО (данников). Параллельно развивался процесс создания сравнительно небольших союзов вождеств типа Джамана и Ачем-Абуаквы с тенденцией к военно-территориальной организации внутренней структуры и централизованным механизмом по управлению ЭПО-данниками.

В принципе те же стадии до середины XVIII в. прошел и ЭПО ашантийцев. Вначале это был временный военный союз пяти вождеств, созданный для решения довольно ограниченной задачи. В середине XVIII в. Асантеман уже представлял собой

сравнительно стабильную конфедерацию с единой военно-территориальной организацией и большим числом ЭПО-данников. Наконец, во второй половине XVIII — начале XIX в. происходило становление Ашантийской державы, состоявшей из конфедерации собственно ашантийских вожеств (аманто), протекторов (амансин), данников (амантеасе) и Кумаси, уже не столько одного из вожеств-аманто, сколько особого политического организма — центра мощной державы, более связанного централизованным управлением с амансин и амантеасе, чем с аманто. Процесс возвышения Кумаси продолжался и в XIX в., а соотношение между отдельными компонентами Конфедерации Ашанти может быть представлено в виде следующей ступенчатой схемы:

Следует подчеркнуть, что и аманто, и амансин, и даже амантеасе могли иметь (и в отдельные периоды имели) своих собственных данников.

Что же представляла собой Конфедерация Ашанти предколониального периода? В советской и зарубежной литературе Конфедерация Ашанти безоговорочно определяется как государство (или как вариант — королевство). Разной наблюдается только в определении формы — в плане унитарности/федеральности. И если П. Ллойд пишет об Ашанти как о редком примере африканской федерации [562, с. 82], а Я. Вансина даже считает Асанте Нкабом единственным ясным примером федерации в Тропической Африке [651, с. 257], то А. Саутхолл относит Асантеман к сегментарным государствам [632, с. 255].

С этим мнением трудно согласиться, поскольку сегментарность предполагает самостоятельность отдельных сегментов, где целое равно сумме сегментов. Но Конфедерация Ашанти, несомненно, была более сложной. Это была система, т. е. целое, которое больше суммы составляющих ее компонентов. Другими словами, она обладает новым качеством, не свойственным отдельным ее компонентам (в силу закона аддитивности). Судя по имеющимся материалам, ашанские оманто тоже нельзя отождествить с сегментарными структурами. Признаки сегментарности прослеживаются только на низших иерархических уровнях: акура—броно—фиефо; абусуапон—абусуа—яфуну.

Ш. Айзенштадт определяет Асанте Нкабом как федерацию централизованных вожеств [484, с. 211]. Близкую позицию обосновывал и автор этих строк, определяя Конфедерацию

Ашанти как «союз племен, аналогичный Лиге прокезов, Конфедерации криков, Союзу гурунов и т. п. надплеменным образованиям, характерным для второго этапа эпохи классовообразования и становления государства» [269, с. 144]. При этом подчеркивалось наличие некоего синдрома государства, однако специального исследования специфики максимального ЭПО ашантийцев не проводилось. Сопоставим структуру и функции Конфедерации Ашанти предколониального периода с понятием «государство».

1. Административно-территориального деления как такового в Конфедерации Ашанти еще не было, но уже наблюдались сдвиги в сторону зарождения территориально-политического де-

Абан

ления, так как вождества объединялись в своего рода военные округа — единицы боевого порядка. Но эти «округа» еще не перекраивали традиционных границ.

Аналогичное толкование можно дать фактам создания при Осее Бонсу специального ведомства по административно-территориальному управлению данниками во главе с анкобеахене и раздела всех амансин на несколько зон, а также появления института адамфо (прообраза территориальных вождей), введенного поначалу для контроля выполнения даннических обязательств в противовес традиционному контролю со стороны совета старейшин.

2. Тенденции к централизации власти в руках асентехене и к бюрократизации потестарного аппарата Асантемана реализовались в реформах Осея Коджо: создание Совета Котоко (своего рода кабинета министров), специализация ряда управленческих функций, попытка ввести прямое управление данниками через резидентов.

Асантехене Осей Бонсу пошел еще дальше, создав «правительство» (абан), состоявшее из трех основных ведомств, и укрепив связи с амансин посредством института «кураторов» из числа кумасийских фекуохене, а также с помощью адамфо. Амантохене вынуждены были общаться с асантехене и советами Конфедерации Ашанти через адамфо, и это показывает, что

Оманхене и его свита

кумасихене уже перестал быть первым среди равных, а возвысился в качестве верховного правителя.

Но самым серьезным моментом следует признать появление прослойки служилой знати и тенденцию к замене ею родо-племенной верхушки. Передача власти назначаемым вождям, несомненно, должна была способствовать укреплению целостности ЭПО. Наследственный же характер родо-племенной знати, препятствующий замене оманхене верховным правителем по своему усмотрению, ослаблял зависимость отдельных оманов от асантехене и способствовал сепаратистским тенденциям. Не случайно, что во многих обществах Тропической Африки новая

знать формировалась на иной — и прежде всего на внеродовой — основе, так как верховные правители стремились выйти из-под контроля традиционных институтов, опираясь на лично зависимых клиентов, но, пожалуй, только в Буганде XIX в. все посты оказались назначаемыми.

Однако и новая знать стремилась утвердиться в праве наследственной передачи статуса и трона, что привело к воспроизводству родственных связей, но уже на другой основе — на базе патрилатерального принципа счета родства. Следовательно, назначение осуществлялось только на вновь создаваемые посты и троны, а затем они уже наследовались, точнее, наследники выбирались из нескольких претендентов — патрилатеральных родственников.

В целом попытки заменить или только потеснить традиционную знать аманто не увенчались успехом. Монополия на власть не перешла к новой знати, и реформы не были доведены до конца, хотя на уровне конфедерации потестарно-политический аппарат состоял преимущественно из представителей асомфо. В понятиях системного подхода это была попытка целого повлиять (в интересах интеграции) на составляющие его компоненты, однако компоненты оказали на целое большее влияние.

3. Налогообложения с заранее установленными размерами и сроками поступления не было. Центральный потестарный аппарат получал средства к существованию за счет даней, патронажных вознаграждений и других традиционных сборов и поборов, а также от торговли и военных грабежей. В то же время дани постепенно превращались в ежегодный примитивный налог с оманов, о чем свидетельствует и специфика Оджиры, и появление специализированного аппарата для сбора и учета даней, который постепенно трансформировался и мог стать основой налоговой системы. Уже одно то, что произошла специализация именно этой функции, свидетельствует в пользу становления регулярного налогообложения (ср. [183, с. 7]).

4. Специализированные институты принуждения еще не сложились, а ведь именно самостоятельность функции принуждения является самым объективным показателем наличия государственности. Вместе с тем, хотя принуждение как особая функция руководства и управления еще не выделилось и среди должностных лиц Конфедерации Ашанти никто не специализировался на отправлении только этой функции, тенденция к появлению принудительного аппарата уже была. Реализовывалась она в деятельности фекуо Анкобеа (телохранителей), глава которого выполнял в абане обязанности своего рода министра внутренних дел и контролировал положение в амансин и амантеасе, в том числе подавлял попытки отделения и восстания данников. Здесь наблюдается явная корреляция с методами эксплуатации, когда центральный аппарат фактически уже выступал в роли машины угнетения, но только по отношению к объектам внешней эксплуатации.

Для внутренних целей необходимость в принуждении еще не возникла — для гарантированного процесса редистрибуции достаточно было идеологической власти. Поэтому, вероятно, и суда как особого органа, и других потестарно-нормативных институтов не было (но уже появились тюрьмы и палачи), их функции выполнялись вождями и советами старейшин всех уровней, т. е. наблюдалась нерасчлененность властно-управленческой и судебно-полицейской функций.

Не было еще и законодательства как кодифицированного права, вся общественно-политическая жизнь регулировалась обычным правом и морально-этическими принципами, т. е. налицо преобладание первобытной мононормативности. Вместе с тем обычное право было довольно развитым к началу колониального периода (см. обзор [320]), что позволяет определить его как предправо, так как уже были неперсонифицированные и обязательные нормы поведения, закрепляющие социальные роли, определены и градуированы санкции за нарушение этих норм (в том числе принудительные) [362].

Армии как таковой тоже не было. Ашантийское войско состояло из отрядов асафо и фекуо, т. е. воинами были рядовые общинники. Но уже появились отряды телохранителей — своего рода дружины при асантехене и оманхене, для которых война стала основным и даже единственным занятием, так же как и для ряда кумасийских фекуо, названия которых совпадают с названиями подразделений боевого порядка.

5. В условиях отсутствия принуждения силой основным механизмом укрепления власти и авторитета верховного правителя являлась сакрализация, причем не самой конкретной персоны, а должности и функции. Сакрализация закрепляла представление об асантехене как обладателе особой магической силы и других сверхъестественных способностей, которые позволяют ему активно воздействовать на все процессы в природе и обществе и тем самым гарантировать процветание всего ЭПО. Такой стереотип закреплялся в общественном сознании и мировоззрении с помощью ритуализации основных общеашантийских действий (прежде всего Оджиры), символики общеашантийского единства (Золотой Трон, Зонт, клятвы) и атрибутов власти асантехене (меч, жезл, его богатство), культа предков асантехене (как тенденции к созданию культа самого правителя). В результате сам асантехене превратился в главный сакральный¹³ символ политического единства (ср. [183, с. 9—10]).

В совокупности все это оказывало достаточно эффективное психологическое воздействие на поведение подданных асантехене и по своему характеру и сути приближалось в целом к принуждению, поскольку формировало такое сильное эмоциональное чувство, как страх, т. е. использовалось психологическое принуждение [56, с. 5].

6. Идеологическая надстройка довольно слабо отразила динамику политогенетических процессов. Преобладали элементы

мировоззрения развитой первобытности (культ предков, ведовство, фетишизм, магия), которые дальше полидемонизма не пошли. Сказывался, разумеется, общий консерватизм мировоззренческой сферы, которая с опозданием реагирует на изменения в обществе. В то же время можно отметить определенные сдвиги в качестве реакции на устойчивые изменения в постарно-политической сфере.

Во-первых, предками уже считались только умершие вожди и старейшины. Наблюдалась также иерархизация сверхъестественных образов (обосомов прежде всего) как отражение процесса расслоения в реальном обществе. Однако обосомы и даже Ньяме еще не превратились в великих богов, правящих миром подобно земным владыкам. Нет еще и покровителей отдельных социальных слоев и профессий, хотя появились покровители конкретных социальных организмов и ЭПО, и они уже антропоморфизировались, как и многие мифологические образы.

Во-вторых, что касается собственно мифологии, которая, как известно, выполняет нормативно-информационные функции [73, с. 30], то у аканов она достигла достаточно развитых форм, поскольку наряду с мифами о происхождении человека складывались циклы теогонических и космогонических сказаний. Появление отдельных жанров фольклора может служить стадийно-формационным индикатором [159, с. 163] (например, героический эпос характерен для раннеклассовых обществ [159, с. 163; 224, с. 292]). Но у аканов образа человека—героя и богатыря нет.

В-третьих, появились жрецы, хотя, следует подчеркнуть, жреческая прослойка была сравнительно слабой и многие функции сакральных посредников по-прежнему выполнялись вождями.

Таким образом, специфика потестарно-политического развития аканов заключалась в превращении военного вождя в верховного правителя, а его ближайшего окружения из военных предводителей — в привилегированную правящую прослойку, т. е. политогенез развивался по военному пути с элементами аристократического.

К началу XIX в. в Конфедерации Ашанти сложилась единая военно-политическая организация, единая система обмена и единый механизм редистрибуции, а также сформировался центральный аппарат управления. По мере отчуждения функций управления и концентрации их у специальных должностных лиц, составлявших особую прослойку знати, происходил процесс перерождения потестарной системы в политическую, когда отношения руководства/подчинения получили тенденцию к превращению в отношения господства/угнетения. И хотя управленческий аппарат еще не превратился окончательно в машину угнетения, поскольку репрессивно-карательная функция

была направлена только вовне, потенциально она уже была подготовлена к применению силы и в отношении собственно ашантийцев.

Следовательно, вполне подтверждается уже сделанный вывод о наличии синдрома государства, но отмеченные особенности Конфедерации Ашанти (прежде всего отсутствие классов) не позволяют полностью отождествить максимальный ЭПО аканов с государством в марксистском понимании этой категории.

Кроме того, смущает и явное несоответствие политической надстройки Асанта Нкабом экономическому базису — она слишком развита для выполнения хозяйственно-организационных задач в традиционном земледелии и сориентирована в основном на выполнение организационных, координационных и регулирующих функций в военной и торговой сферах. Другими словами, наблюдались обособление хозяйственно-организаторских функций от собственно производственных задач и опережение темпов специализации в материальном производстве, в котором даже ремесло не окончательно отделилось от земледелия и существовали весьма зачаточные формы обмена продуктов традиционного хозяйства.

Глава 4

ВТОРИЧНЫЙ ХАРАКТЕР ПОЛИТОГЕНЕЗА У АКАНОВ

Политогенетическая контроверза и возможности ее решения

Опережающее развитие высших иерархических уровней социально-политического управления приводит в итоге к гетеростадиальности различных уровней ЭПО, т. е. возможно появление феномена государственности без антагонистических классов, требующего своего обоснования и объяснения.

Следует подчеркнуть, что тезис о возможности появления государства до возникновение классового расслоения и частной собственности довольно широко распространен среди советских востоковедов [111]. Так, С. А. Маретина довольно определенно говорит о том, что возникновение государства предшествовало становлению классов у горных народов Северо-Восточной Индии [201, с. 39]. Что касается Тропической Африки, то Л. Е. Куббель также отмечает появление зачаточных форм государственно-политической организации в средневековом Западном Судане задолго до завершения процесса сложения общественных классов [178, с. 171—172]. Э. С. Годинер рассматривает Буганду как государство без частной собственности и классов и очень четко формулирует возможность асинхронности классогенеза.

и политогенеза: «Государство... законный продукт общественного разделения труда и отношений эксплуатации — способно появиться и существовать в своих первых элементарных формах без частнособственнической основы» [90, с. 36].

Приведенные суждения фактически опровергают или, как минимум, подвергают сомнению постулат о невозможности неклассового государства и о синхронности классов- и политогенеза («нигде государство не возникло раньше появления частной собственности и классов» [224, с. 259]). Другими словами, налицо политогенетическая контроверза, суть которой можно передать вопросом, удачно сформулированным Г. С. Киселевым: «Как, опираясь на методологические принципы марксистского исторического знания, объяснить положение, при котором государственная (в принципе) организация существует при отсутствии частной собственности на средства производства (прежде всего на землю)? При этом, если следовать привычному ходу рассуждений, придется признать и отсутствие общественных классов» [138, с. 66].

Решение политогенетической контроверзы, как представляется, вполне возможно в рамках концепции вторичного государства и вторичного формационного развития (см. выше с. 31, 51—52).

Вторичный (стимулированный) политогенез, в отличие от первичного (спонтанного), судя по всему, опережает классогенез и стимулирует его завершение. Иными словами, эта коррелирующая пара процессов меняется местами: если для первичного государствообразования определяющим фактором был классогенез, то для вторичного — наоборот¹⁴.

Но тогда возникает закономерный вопрос о правомерности обозначения таких переходных по своему характеру политических организмов термином «государство». Думается, что такие ЭПО нуждаются в описании (и воспроизведении их сущности) с помощью системы специальных категорий. Проблема эта уже обсуждается в литературе, в том числе африканистской. В частности, подвергнут критике расплывчатый термин «государственное образование» и его еще более неопределенный вариант — «раннегосударственное образование» [241, с. 6; 341, с. 282]. Однако предложенный термин «варварское королевство» также не совсем отвечает требованиям терминологической точности, так как невольно вызывает вполне определенные ассоциации с европейским материалом (см. справедливую критику в [90, с. 35]).

Как представляется, формирующиеся вторичные ЭПО могут быть названы парapolитейными¹⁵ (парагосударственными) в противоположность политейным организмам, имеющим сложившуюся государственность. Конкретные формы реализации парapolитейности могут называться парapolисами (парагосударствами). Следует подчеркнуть, что категория «парapolис» особенно предпочтительна для тех синполитейных обществ, в ко-

торых политогенез так и не завершился возникновением государства (подробнее см. [606]).

Конфедерация Ашанти может рассматриваться в качестве одного из вариантов парапалитейных обществ, поскольку в ее надстройке наблюдалось появление элементов государственности при отсутствии классов и частной собственности на средства производства.

Военно-торговый парapoлис как вариант становления вторичного государства

В процессе потестарно-политической эволюции ашантийский оман Кумаси приобрел многие специфические черты, несвойственные другим вождествам категории аманто, и по сути превратился в парapoлис, господствующий (в симбиозе с аманто) над данниками и протекторатами.

Обращает на себя внимание, что структура Кумаси, имитировавшая родовую организацию в рамках военных отрядов фекуо, напоминает структуру так называемых работорговых городов-государств дельты Нигера (Варри, Брохеми, Бонни, Брасс, или Нембе, Новый Калабар, Овome, Акасса, Окрика и др.) [385; 477, 531; 533; 536]. Эти своеобразные ЭПО иджо, эфик и итсекири представляли собой относительно крупные поселения. Состояли они из кварталов, в каждом из которых локализовался хаус, или варри (букв. «дом, домохозяйство» на языке иджо), — своеобразная форма социальной организации, возникшая на базе большой семьи и имитировавшая большесемейные родственные отношения, ибо не все члены хауса были связаны реальным родством. Структура хаусов свидетельствует о том, что ее целостность в значительной степени обеспечивалась фиктивным родством, поскольку все социальные отношения строились по модели родственных, и все чужаки, чтобы стать полноправными, должны были включиться в эту систему псевдородственных отношений.

Каждый хаус насчитывал от 300 до нескольких тысяч человек и выполнял одновременно функции торгового дома и военного отряда (в некоторых городах иджо возникла особая система каноз-хаусов). Во главе городов стояли советы из глав хаусов и верховный правитель, которому принадлежала монополия на торговые связи с европейцами. Социальная стратификация была аналогичной аканской, т. е. выделилась знать, а невольники использовались, как правило, лишь в качестве товара, а не объекта эксплуатации. Надстройка была явно парapoлитейной, поскольку специализированных институтов принуждения не существовало.

Аналогичную структуру и специфику политической организации можно обнаружить и в ряде других «городов-государств» гвинейского побережья. Например, в Ардре (Алладе), Виде,

а также на Золотом Берегу в некоторых фантийских ЭПО (Эльмина, Аномабу, Асебу, Виннеба и др.), где кварталы городов представляли собой локализацию военных отрядов асафо, или же в непосредственной близости от побережья, например в Ибадане [162, с. 59—61].

Таким образом, имеются достаточные основания для вывода о том, что на гвинейском побережье и в его хинтерланде в период работорговли сформировался особый военно-торговый вариант парапюлиса.

Появление такой формы парапюлиса вполне закономерно и исторически неизбежно в условиях работорговли, ибо ее возникновение было вызвано не внутренними факторами развития, а потребностями трансатлантической торговли. Эти парапюлитейные общества не имели необходимых материальных ресурсов для дальнейшего саморазвития и регулярный прибавочный продукт стали получать только с активизацией торговых связей с европейцами, и особенно в период работорговли, в которой они участвовали в качестве посредников¹⁶. Это обусловило ярко выраженный экспансионистский характер функционирования парапюлисов. Охота на рабов (и обложение соседних ЭПО данью в виде рабов), борьба за контроль над торговыми путями от побережья во внутренние районы стимулировали постоянные войны. Поэтому война стала способом существования и превратилась в настоящий промысел, так как преобладали войны-грабежи, а не завоевания¹⁷.

Поскольку война и торговля стали основными источниками получения прибавочного продукта и социального престижа, то в социально-экономическом отношении рассматриваемые парапюлисы фактически превратились в паразитарные¹⁸ военно-торговые организмы.

Парапюлитейные общества Западной Африки развивались под мощным воздействием экзогенного фактора, который способствовал ускорению процесса классообразования через монополизацию организаторских функций в военной и торговой сферах. Но эта монополия не переросла в монополию на средства производства, как произошло, например, в Западном Судане, где парапюлитейное общество Древней Ганы превратилось в итоге в раннефеодальную Сонгайскую державу [181]. После запрещения работорговли исчезла основа существования военно-торговых парапюлисов дельты Нигера, большинство из которых не смогло переориентироваться на торговлю другими товарами. Как стереотипно пишут многие исследователи, эти ЭПО распались или вернулись к исходному первобытному состоянию¹⁹. На наш взгляд, они скорее трансформировались в нечто третье, качественно иное²⁰. Однако этот вариант практически не изучался, и проблема в таком ракурсе даже не ставилась.

Фантийские парапюлисы тоже не смогли переориентироваться, что привело к упадку и неспособности противостоять втор-

жениям ашантийцев, которые к тому же обладали монополией на торговлю золотом и слоновой костью с европейцами. В итоге это усилило зависимость параполисов Золотого Берега от англичан.

Этот процесс деградации в значительной степени был обусловлен спецификой товара, торговлей которым они занимались. Невольники как товар не являлись продуктом общественного производства, их получали в виде дани, в результате военного захвата или просто покупали. Поэтому работорговля не только, точнее, не столько стимулировала развитие производительных сил, сколько вела в тупик, укрепляя тенденцию к застойности экономики и к неустойчивости и нежизнеспособности политических институтов.

И только Кумаси удалось переориентироваться на торговлю орехами кола, а мощная военная организация Асантемана сыграла свою роль в борьбе с британскими колонизаторами. Однако и ашантийский вариант параполиса не привел к созданию государства²¹ — помешала колонизация.

Очевидная специфика военно-торговых ЭПО Тропической Африки доколониальной эпохи вполне закономерно привела к обоснованию гипотезы о существовании особого АфСП. Однако, как представляется, нет оснований возводить указанную специфику в ранг особого способа производства. Фактически это один из возможных путей вторичного развития политогенеза у синполитейных первобытных обществ в условиях специфического воздействия развитых классовых обществ в форме торговых контактов. Вторичность такого развития обусловлена уже тем, что оно возможно только в условиях регулярных торговых связей с более развитыми обществами, и экономическое развитие определяется не потребностями самого общества, а спросом на внешнем рынке, т. е. импульс получают извне. Другими словами, торговля с европейцами выступает как базовый параметр развития, основной признак африканского параполитейного общества.

Такой вариант развития, когда менее развитое общество переходит («перетаскивается») на более высокую ступень лишь отдельными элементами своей структуры (при сохранении абсолютно преобладающих предшествующих форм), уже получил название деформированного [43, с. 72; 106, с. 135]. Оно, как правило, ведет к ускоренному формированию параполитейной надстройки, уже не соответствующей экономическому базису и вступающей с ним в противоречивые отношения. Поэтому в данном случае не работает важное методологическое положение о возможности осуществления реконструкций экономических основ конкретного общества на базе надстроечных элементов [98, с. 332], поскольку сдвиги в социально-политической сфере не обусловлены внутренней базисной эволюцией.

Вместе с тем деформированный вариант развития вполне отвечает другому постулату исторического материализма о воз-

возможности временного несоответствия (вплоть до острого противоречия) и автономизации надстройки от базиса, а затем и обратного воздействия на базис — как ускоряющего, так и тормозящего, в зависимости от конкретно-исторической ситуации.

В условиях вторичного формационного развития надстройка, судя по всему, всегда выступает в роли главного системообразующего фактора. Однако в паразитарных обществах она оказывала минимальное воздействие (если вообще как-то влияла) на первобытнообщинный базис, поскольку в таком влиянии просто не было необходимости.

Вторичность процессов этатизации и классовообразования и перехода от позднепервобытного общества к раннеклассовому весьма типична для Тропической Африки (как, вероятно, и для мировой истории в целом), большинство доколониальных обществ которой (особенно в прибрежных районах) развивалось в условиях прямого, но чаще опосредованного воздействия более прогрессивных, классовых обществ. И если для познания общих закономерностей перехода от первичной формации к вторичной, генезиса государства и классового общества важно опираться на материалы тех социальных организмов, которые не были (а если были, то в минимальной степени) затронуты внешним влиянием более развитых соседей (следует заметить, что часто для реконструкции процесса становления первичного государства привлекаются материалы вторичных государств), то для понимания этносоциальных и исторических процессов в предколониальной Африке необходимо сосредоточить внимание на исследовании именно тех ЭПО, которые испытали серьезное воздействие европейских капиталистических обществ и особенно форсированно развивались в период работорговли.

Среди наиболее назревших задач — разработка типологии вторичных раннеполитических образований. Военно-торговые парapoлисы — одна из возможных таксономических единиц будущей типологии. В качестве конкретной реализации еще одного таксона может служить Конфедерация Фанти.

Конфедерация Фанти — предколониальный вариант становления вторичного государства

Конфедерация Фанти, возникшая в результате совместной деятельности традиционной знати и вестернизированных аборигенов, представляет собой качественно иное по сравнению с военно-торговыми парapoлисами раннеполитическое образование, ибо ее создатели попытались объединить в рамках одного ЭПО традиционные институты власти фантийцев с надстроечными институтами буржуазного общества. Так, по европейской модели были созданы правительство, конфедеральная армия и суд, введено налогообложение населения, но самое главное — выработана конституция, вобравшая многие элементы европей-

ского парламентаризма того времени (выборный президент, ассамблея депутатов — представителей оманов — в качестве законодательного органа и др.).

Среди задач Конфедерации Фанти несколько раз в конституции упоминается «усовершенствование», т. е. социальные реформы: строительство дорог, создание школ, развитие ремесел и введение новых культурных растений, «которые впоследствии смогут стать источником прибыльной торговли» [580, с. 363].

Все эти нововведения должны были способствовать укреплению конфедерации, в том числе эффективной борьбе с Асанте Нкабом — основным экономическим и политическим конкурентом. Вестернизированные фантийцы надеялись, что конфедерация будет способствовать экономическому развитию страны и в конечном счете приведет к укреплению их позиций. Поэтому трудно полностью согласиться с мнением, что Конфедерация Фанти — результат протонационалистического движения за независимость [543; 560, с. 13]. Если национализм и протест и присутствовали, то только в качестве побочных факторов и не были изначальными мотивами государственнообразовательной деятельности.

Однако прямое заимствование государственных институтов весьма развитого классового общества вряд ли могло привести к успеху, так как существовал огромный разрыв в уровнях социально-экономического развития. И если представители местной образованной элиты были уже вполне подготовлены к восприятию ценностей европейской культуры и институтов буржуазного общества, то подавляющее большинство фантийцев, включая традиционных правителей, явно к этому не были готовы²², что в значительной степени и обусловило неэффективность созданного политического механизма. К тому же новации затронули преимущественно конфедеральный уровень, в большинстве же оманов все оставалось по-прежнему.

Конфедерация Фанти — это предколониальный вариант становления вторичного государства, разновидность деформированного развития под воздействием европейских держав (опосредованно через местную вестернизированную элиту).

Аналогичные раннеполитические образования, появившиеся в этот же исторический период у соседних га (Конфедерация, или Республика, Аккра) и у эмба (Объединенный совет по управлению, действовавший в Абеокуте в 1865—1872 гг.), также оказались весьма искусственными [453, с. 377]. Производность таких парapoлисов обусловила их изначально зависимый характер.

Механизм появления предколониальных вторичных государств демонстрирует общность основных тенденций этого процесса с генезисом современных постколониальных государств Тропической Африки. Суть этой общности передает следующее высказывание Ан. А. Громыко: «Ввиду незавершенности процесса классообразования во многих странах Африки

государственно-политическая надстройка здесь обладает особо высокой степенью самостоятельности... Состояние общества, в котором основные формационные процессы не получили своего завершения, самым непосредственным образом сказывается на государственно-политической надстройке» (цит. по [325, с. 107]).

Глава 5

СТАДИАЛЬНО-ФОРМАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ АКАНОВ В УСЛОВИЯХ МЕЖФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В доколониальную эпоху аканы контактировали не только с европейцами, они интенсивно взаимодействовали с другими африканскими этнокультурными общностями, а также с арабо-мусульманским миром. Однако если учесть, что при воздействии на менее развитое общество двух и более обществ, принадлежащих к различным формационным типам, преимущественное влияние оказывает исторически более прогрессивное общество [43, с. 51], то становится понятным, почему влияние *арабо-мусульманской культуры не идет ни в какое сравнение с воздействием европейцев.*

Мусульмане (нкрамо) жили практически во всех столицах аканских вожеств и других ЭПО. В Кумаси, например, в середине XVIII — начале XIX в. их насчитывалось до 100 человек одновременно (в основном это были мандинги, хаусанцы, мампруси, дагомба и гонжа) и они занимали особый квартал [552, с. 38]. Мусульмане были главным образом купцами-посредниками, число которых стало увеличиваться в первой половине XIX в. в связи с расширением торговли орехами кола с севером, что привело к политике ограничения численности мусульман в Асантемане, в частности, асантехене Квеку Дуа I закрыл Кумаси для мусульман до 1874 г. и не разрешал им продвигаться в Асанте Нкабом южнее Салаги [662, с. 135; 670, с. 327].

В конце XVIII — начале XIX в. несколько грамотных мусульман было в составе ашантийского фекуо Джасе в качестве писцов [621, с. 162; 656, с. 120] (у большинства аканов своей письменности так и не появилось — дальше зачаточных пиктографических форм дело не пошло, если не считать фантийскую письменность на базе латинского алфавита, которая практически не использовалась). В целом, кроме абронов, мусульманская община не оказала существенного влияния на образ жизни и мировоззрение аканов²³. Календарь и система весовых единиц — вот, пожалуй, и все, что осталось от взаимодействия с мусульманами в аканской культуре. Асантехене Осей Кваме был смещен в том числе и за попытку ввести некоторые элементы мусульманского права и религии [599, с. 41—43].

Европейцы же оказали решающее по своим последствиям воздействие на формационное развитие аканов. За 300 лет пребывания европейцев на Золотом Берегу их форты и замки стали «атрибутом привычного ландшафта» [574, с. 42]. Что же конкретно они изменили в образе жизни и политической культуре аканов и других аборигенов Золотого Берега, который в доколониальную эпоху представлял собой синполитическую периферию по отношению к капиталистическим обществам Западной Европы?

Специфика контактов между европейцами и аканами заключается в разностадильности взаимодействующих сторон, причем понятие «взаимодействие» может использоваться только условно, так как оно не совсем адекватно происходившему процессу. Взаимодействие предполагает участие в процессе как минимум двух сторон, в то время как культурное воздействие аканов и вообще африканцев на европейцев было крайне незначительным (асимметричным), а о синтезе культур не может быть и речи. Так что об обратном воздействии африканской культуры говорить не приходится — мешал огромный разрыв в уровне социально-экономического и культурного развития.

Что же касается конкретных форм воздействия европейцев, то до начала XIX в. оно осуществлялось преимущественно в виде торговых связей, а в XIX в. дополнилось военно-политическими отношениями.

Кратко сформулируем основные итоги взаимодействия аканов с европейскими державами.

1. С середины XVI по начало XIX в. в регионе расселения аканов происходил активный процесс возникновения, консолидации и трансформации множества раннеполитических образований — от оманов и других форм племенной организации до различных надплеменных ЭПО и военно-торговых парapoлисов. Причем в районах, вовлеченных в наиболее интенсивные торговые связи с европейцами, наблюдались наиболее развитые формы политической организации (достаточно сравнить конфедерации Ашанти и Фанти с вожествами бауле).

2. Торговля с европейцами способствовала расширению межрегионального обмена. Произошла окончательная переориентация торговых связей с севера на юг, и Золотой Берег из дальней периферии транссахарской торговли превратился в центр трансатлантической. Небольшие поселки и рыбацкие деревушки превратились в рейдовые порты и торговые города со смешанным населением. Стала разветвленнее сеть дорог, создано множество новых и расширено старых рынков, увеличилось число селений с ежедневным рынком, появились особые эквиваленты обмена, возникла система посреднической торговли с узкой специализацией местных торговцев и специального аппарата по обслуживанию торговой деятельности (содержание в порядке дорог и рынков, устройство переправ через реки и караван-сараев на дорогах, сбор торговых пошлин

и т. д.). Немаловажный момент социального воздействия европейцев — появление прослойки образованных африканцев.

3. Необходимо оценить последствия работорговли (и сопутствующего ей ввоза оружия), которую часто рассматривают только лишь в плане моральных и материальных потерь, понесенных народами Африки. Причем чаще всего подчеркивается и подсчитывается ущерб в людских ресурсах, т. е. доминирует в целом негативная оценка этого явления (см. например, [245, с. 19—22]), основанная, как представляется, на слишком упрощенном и даже эмоциональном его восприятии (так называемый комплекс дяди Тома). Другая крайность — характеристика работорговли только как позитивного явления [491]. Между тем воздействие работорговли на африканские этнополитические организмы гораздо сложнее и противоречивее (см. обзор [163, с. 195—197]).

Будучи необходимой составляющей процесса экономического и социально-политического развития африканских обществ предколониального периода, работорговля, с одной стороны, оказала, несомненно, тормозящее и сдерживающее воздействие, особенно и прежде всего на экономический базис африканских обществ, подрывая развитие его производительных сил (сокращение населения и даже обезлюдение многих районов со всеми демографическими последствиями, массовое отвлечение рабочей силы для участия в военных действиях, что приводило к упадку земледелия и ремесел, и т. д.) (ср. [457, с. 139; 497, с. 59]). Естественно, что прогресса в развитии производительных сил в таких условиях быть не могло.

Но, с другой стороны, работорговля действовала и ускоряюще, прежде всего на надстройку африканских обществ, стимулируя процесс усложнения социальной и политической структуры, а также социального и имущественного расслоения. Как известно, торговые связи с более развитыми социальными организмами всегда были катализатором для этих процессов и служили укреплению тенденции к классообразованию. Работорговля способствовала преимущественному развитию военно- и торгово-организаторских функций и монополизации их в руках правителей и знати. Необходимой предпосылкой этого процесса было традиционное право вождей на преимущественное присвоение золота и слоновой кости. Невольники также считались собственностью вождя, так как до начала работорговли рабами могли стать только полоняники, а прерогативой объявления войны и перераспределения пленников обладали только вожди и старейшины. Этот фактор монополии (или привилегии) на владение самыми главными предметами обмена привел к усилению власти правителей и к аккумуляции в их руках значительных богатств в форме сокровищ. Поскольку участие в работорговле требовало постоянной военной активности, то это стимулировало развитие и совершенствование военной организации и ее специализации, что также усиливало власть

правителей и знати, поскольку военная структура одновременно стала формой административно-территориальной организации ЭПО.

Если попытаться сформулировать самый важный результат воздействия работорговли и в целом торговых отношений с европейцами, то это, скорее всего, искажающее и деформирующее влияние на спонтанное развитие первобытных народов. Работорговля создавала обстановку политической неустойчивости, вся энергия ЭПО уходила на борьбу, а не на стабилизацию политической структуры [457, с. 137]. Особенно наглядно это проявилось в деятельности военно-торговых парapolисов, а также в изменении системы ценностей, ее адаптации к условиям работорговли, когда обозначилась тенденция на захват и продажу невольников, а не на развитие земледелия и его интенсификацию. Это извратило суть внешней торговли как стимула для трансформации натурального хозяйства в товарное, в результате произошла трехсотлетняя задержка в развитии производства товаров на экспорт [497, с. 59].

Таким образом, прямые и опосредованные торговые связи с европейцами весьма существенно повлияли на экономическую и социально-политическую жизнь населения Золотого Берега и его внутренних районов. Торговля с европейцами привела к созданию и развитию новых направлений экономической жизни — добыча золота, слоновой кости, охота на рабов стали важной чертой экономики большинства аканских ЭПО. Появились новые занятия и ремесла, вызванные к жизни контактами с европейцами (гребля на каноэ в рейдовых портах, строительство каменных зданий, плотническое дело и т. д.). В контексте сказанного отнюдь не кажется большим преувеличением следующее высказывание английского историка: «Во всей истории не было ничего сравнимого с эффектом, произведенным фортами Западной Африки, нигде еще маленькие и временные поселения торговцев не изменяли так жизнь чужого населения, которое обитало рядом с ними и в обширных областях по соседству» [557, с. 29].

Что же касается прямого заимствования технических достижений европейской цивилизации, то они, за редким исключением, не могли быть адекватно освоены и превращались в престижные предметы — объекты дарообмена или в магические амулеты и фетиши²⁴. Как известно, восприимчивая способность зависит от уровней развития контактирующих обществ, и чем дальше они друг от друга в стадийном отношении, тем менее эффективно внешнее воздействие, т. е. периферийные общества заимствовали прежде всего то, к восприятию и усвоению чего они уже внутренне подготовлены.

По-видимому, именно такая уже сформировавшаяся потребность способствовала заимствованию паруса и американских сельскохозяйственных культур. Активное освоение огнестрельного оружия и военного снаряжения европейцев также соот-

ветствовало тенденциям внутреннего развития аканских ЭПО, особенно в период работорговли.

Результатом межформационного взаимодействия могут быть три основных варианта развития [41, с. 281]: 1) арханческое общество разлагается и переходит на следующую ступень развития; 2) арханческое общество консервируется и стагнирует в своих первоначальных формах; 3) арханческое общество «перепрыгивает» через одну или несколько ступеней развития. Есть все основания полагать, что развитие аканов в доколониальную эпоху пошло по первому пути, хотя и были (на низших иерархических уровнях) элементы второго.

Глава 6

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

К концу доколониальной эпохи, несомненно, сформировалось несколько самостоятельных аканских этносов, самыми крупными из которых были ашантийцы, фангийцы и ачемцы.

В то же время особого слова для обозначения понятия этнической общности у аканов так и не появилось. В этих целях использовалось слово «оман», а этнонимами служили составные слова, первая часть которых была названием омана или какого-нибудь другого ЭПО, а вторая часть — «фо» (люди). Например: асантефо, ачемфо, аквапимфо и т. д. Практически все без исключения аканские этнонимы производны от топонимов²⁵ и совпадают с названиями политических образований, которые, в свою очередь, в подавляющем большинстве представляют собой топонимы и чаще всего совпадают с названием столицы.

Таким образом, отдельные этнические общности аканов формировались исключительно в рамках ЭПО (а ашантийцы как этнос сформировались на базе населения вождеств-аманто), что вполне согласуется с выявленными закономерностями появления этнических общностей на позднепервобытной и раннеклассовой стадиях общественного развития (подробнее см. [58; 59; 184]).

Если под этносом понимать осознанную культурно-языковую общность [360], то совершенно очевидно, что до начала XIX в. ашантийцев, фангийцев и т. д. не существовало как этносов, т. е. асантефо и фантефо — это всего лишь население соответствующих политических организмов, или номинальные этносы. Другими словами, до начала предколониального периода аканы представляли собой единый этникос или лингвокультурную общность, для которой была характерна так называемая этнолингвистическая непрерывность, когда различия между соседними ЭСО едва уловимы, но отчетливо заметны между крайними компонентами этникоса. В аканском вариан-

те наиболее контрастно отличались прибрежные и саванные акапы, а наибольшая гомогенность была характерна для акапов лесной зоны.

Этногенетические процессы у аканов, судя по всему, развивались следующим образом. Некие протоаканы, переселившиеся в XII—XIV вв. из Течимана в лесную зону и на побережье Гвинейского залива, стали наряду с совершенно неизвестными аборигенами основным антропологическим, языковым и этническим субстратом для формирования аканской лингвокультурной общности. В течение XIV—XVIII вв. происходили многочисленные микромиграции, или, в терминах В. П. Алексеева [32, с. 155], преобладал модус расселения (в форме пульсации и отпочковывания отдельных социальных групп), сопряженный с модусом этнической (этнолингвистической) непрерывности. Это и привело к появлению аканского ареала (с центром в лесной зоне Золотого Берега), который вплоть до настоящего времени практически не изменился в основных своих очертаниях, т. е. на протяжении последних 200 лет уже доминировал модус автохтонности.

Модус расселения нашел свое отражение, в частности, в том, что повсеместно генеалогии правящих родов аканских ЭПО начинаются с прихода рода-первопоселенца, основатели которого возводят себя к другим регионам и ЭПО.

С середины XVIII в. в течение примерно столетия происходило формирование отдельных аканских этнических общностей в рамках ЭПО, т. е. наблюдалась сопряженность этногенетических и социально-политических процессов, когда единый этникос аканов, существовавший в виде многочисленных ЭПО, распался в результате дивергенции этих ЭПО на ряд новых этнических общностей. Этот процесс, вероятно, может быть назван потестарно-политическим модусом.

Известная размытость этнических границ объясняется сохраняющейся лингвокультурной непрерывностью субстрата, а также тем, что аканские оманы представляли собой демосоциальные организмы (в трактовке Ю. И. Семенова), поскольку их границей была граница не занимаемой территории, а того круга людей, который и составлял оман, причем принадлежность к конкретному оману регулировалась нормами СОР. Таким образом, если оман — совокупность людей, организованных по принципам СОР, значит, новые этнические общности аканов интегрировались на базе представлений об общности происхождения, социальном родстве.

Как известно, в раннеполитических обществах ведущая роль в интеграции членов ЭСО принадлежит потестарно-политическим институтам, причем они явно преобладают над связями экономическими. Другими словами, потестарно-политическая структура, и прежде всего единая система власти и управления, способствует укреплению внутренней целостности ЭСО, так как обеспечивает интенсивные контакты и информационные связи

внутри ЭПО. Следовательно, она выполняет этностабилизирующие функции, создавая определенные предпосылки для этнической консолидации. Аканский материал полностью подтверждает эти обобщения.

Более того, по отношению к аканскому ареалу вполне возможно применить понятие потестарно/политическо-культурного региона [184, с. 138—139], поскольку традиции потестарно-политической культуры аканов были характерны не только для всех аканских ЭСО, но и для большинства их непосредственных соседей (га, адангме, гонжа, дагомба и др.).

Этноэволюционные процессы в рамках разных ЭПО привели к появлению различий в культурно-бытовой сфере населения этих ЭПО и постепенному формированию обособленного этнического самосознания. Оно, в частности, довольно ярко проявилось у ашантийцев и других лесных аканов Золотого Берега в середине XIX в., когда они отказались обучать своих детей аквапимскому произношению, которое, по мнению европейских миссионеров, следовало рассматривать в качестве нормативного для всех чвиговорящих аканов.

Произошли сдвиги и в характере этнического самосознания — на смену представлениям об общности происхождения и генетическом родстве (миф о единой матери Акан) пришло осознание единства (близости) языка и культуры. Кроме того, появилась иерархичность самосознания, состоявшая по крайней мере из трех основных уровней этничности: общеаканского (т. е. аканский этникос приобрел черты метаэтнической общности), регионального (субметаэтнические общности, совпадающие с делением аканов по экологическим зонам и языковым подгруппам, т. е. чвиговорящие, аньигворящие и т. д.) и уровня ЭСО, сопряженного с конкретным (или конкретными) ЭПО, поскольку осознание своей этнокультурной общности рассматривалось как выражение прежде всего единства и гомогенности потестарно-политической общности, что и нашло свое отражение в этнонимике, все еще совпадающей с политонимикой, и в обозначении понятия «этнос» словом «оман».

Каковы же были предпосылки и условия возникновения аканского этникоса? Вероятно, к ним следует отнести общность территории, экологической среды и системы хозяйства, а также единство антропологического типа и языка.

Указанные этнообразующие факторы привели к появлению собственно этнических признаков, выделяющих и отличающих аканов в целом. Это прежде всего особенности социальной организации и потестарно-политической культуры, включающие матрилинейность (преимущественную) наследования статуса и имущества, институт соправления оманхене и оманхемы, институты очеаме и адамфо, административно-территориальное деление ЭПО на базе формирований боевого порядка и военизированный характер потестарного аппарата и социальной структуры²⁶, а также специфика атрибутивно-символической сторо-

ны потестарно-политической культуры (скамесчки-тропы, зонты мечи и т. д.).

Специфичны также 40-дневный календарь и семидневная неделя²⁷, список первых личных имен, соответствующих определенным дням недели, набор персонажей и сюжетов фольклора и вся сакрально-ритуальная сторона духовной культуры.

Из объектов материальной культуры следует указать на специфику аканской одежды (кенте и адинкра), своеобразие гирек для взвешивания золотого песка, пищевые табу, а также отступные скарификации, татуировки и обрезания.

В то же время не ясно, имелось ли какое-либо общее самоназвание при несомненном наличии общесаканского самосознания, поскольку существовало представление об общем происхождении и даже был термин для обозначения чужаков в этническом плане — апотофо (от «апото» — «грязный, мутный»).

Если же попытаться сформулировать те признаки, которые отличают, например, ашантийцев от фангийцев и других аканских этносов, то сделать это совсем непросто. Объединяет их гораздо больше моментов, чем разделяет. Наиболее очевидные различия связаны с языком и речевым поведением. Разделяют их также некоторые особенности хозяйственно-культурного типа, конкретные детали сакрально-ритуальной и атрибутивно-символической сфер, но все же главное отличие — в самосознании, которое так или иначе восходит к политической обособленности в рамках ЭПО, что особенно заметно у ашантийцев: Конфедерация Ашанти и ее атрибутика превратились в главные этнические символы и этноспецифические параметры.

Кроме того, на этнической культуре акваимцев и джаманцев отразилась этногетерогенность населения Аквапима и Джамана, а аканы саванны (прежде всего аброны) испытали на себе определенное влияние арабо-мусульманской культуры.

В колониальный период, особенно после восстановления Конфедерации Ашанти, Конфедерации Фанти и других аканских ЭПО, усилились этнотрансформационные процессы, в частности, все большая дифференциация крупных этносов, которая в настоящее время сочетается с тенденцией называть свою этническую общность одним этнонимом — «акан», а свой язык — «чви». Следовательно, наряду с панаканскими процессами, укрепляется тенденция к консолидации по крайней мере двух крупных аканских этнических общностей современной Ганы — ашантийцев и фангийцев (подробнее см. [288]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные результаты настоящего исследования стадияльно-формационного развития ЭПО аканов в XVI—XIX вв. могут быть сформулированы в виде следующих выводов.

1. Феодалная и рабовладельческая версии формационного развития аканов несостоятельны. В то же время у большинства аканов, и прежде всего у ашантийцев, появились некоторые предпосылки для феодализации, однако необходимости в феодальной эксплуатации в доколониальную эпоху так и не возникло. Сравнительно устойчивая тенденция к сложению ранне-рабовладельческого общества не смогла реализоваться в XIX в. в условиях воздействия со стороны европейских капиталистических держав Европы. Вместе с тем аканский материал подкрепляет обоснованность выделения комплекса признаков так называемого африканского (военно-торгового) способа производства, характерного для тех вторичных ЭПО, которые взаимодействовали с более развитыми, классовыми обществами прежде всего в форме торговых связей. Вторичность такого развития обусловлена уже тем, что оно возможно только в результате контактов с более развитыми обществами, т. е. экономическое развитие вторичных ЭПО определяется не потребностями самого общества, а спросом на внешнем рынке.

2. ЭПО аканов к концу доколониальной эпохи представляли собой многоукладные общества, переходные от первичной формации к вторичной. Специфика многоукладности экономического базиса аканских ЭПО состоит в ее «вертикальном» характере, когда на высших иерархических уровнях доминировал военно-торгово-даннический способ производства (в сочетании с раннерабовладельческим укладом), а на низших — позднепервобытнообщинный (с элементами домашнего рабства). Характерной особенностью аканских обществ является преобладание коллективных форм эксплуатации, а также большой удельный вес прямого насилия.

3. Решение политогенетической контрверзы возможно, как представляется, в рамках концепции вторичного формационного развития, при котором политогенез, как правило, опережает процессы классовобразования и стимулирует их завершение в виде появления антагонистической классовой структуры. Основной путь возникновения вторичных политических образований и вторичного классогенеза лежит через монополизацию организационно-хозяйственных функций.

4. Доколониальные ЭПО аканов дают возможность рассмотреть процесс политогенеза и эволюцию от небольших изолированных общин к вождествам и их союзам, включая и такие крупные объединения, как конфедерации Ашанти и Фанти. Конфедерация Ашанти и Конфедерация Фанти не являются государствами в марксистском понимании этой категории, но мо-

гут быть соотнесены с паразитическими обществами, причем Кумаси представляет собой военно-торговый параполис, а Конфедерация Фанти — предколониальный вариант паразитических ЭСО. Другими словами, это две конкретные модели становления вторичного государства как результат опосредованного влияния (Асантемап) и прямого заимствования (Конфедерация Фанти).

5. В XVIII—XIX вв. происходило формирование самостоятельных аканских этносов в рамках отдельных ЭПО, т. е. наблюдалась сопряженность этногенетических и социально-политических процессов, когда единый этникос аканов, существовавший в виде многочисленных ЭПО, распался в результате дивергенции этих ЭПО на ряд новых этнических общностей, самыми крупными из которых стали ашантийцы, фантийцы и ачемцы. Главное различие между ними — в самосознании этнофоров своей этнокультурной специфики как выражения единства и гомогенности постэтарно-политической общности.

6. Аканские ЭПО весьма репрезентативны для исследования закономерностей развития синполитейной периферии в условиях опосредованного воздействия классовых обществ в новое время. В связи с этим ашантийцы и другие аканы не могут быть этнографическими аналогами для реконструкций истории первобытного общества в классическом, аполитейном варианте.

7. Доколониальным ЭПО аканов в целом присущ застойный и туиковый характер эволюции, обусловленный экологическими факторами и отсутствием необходимых и достаточных возможностей для саморазвития, а также паразитарностью функционирования в период работорговли. Если учитывать основное содержание и вектор развития всемирной истории в XVIII—XIX вв., то реальной перспективой формационного развития аканских ЭПО могли стать только колониальный синтез и формирование колониального общества.

8. Аканский, и прежде всего фантийский, материал позволяет выделить предколониальный период в качестве особого этапа в развитии обществ Тропической Африки и, соответственно, предколониальное общество. Разумеется, мысль о возможном существовании особого предколониального общества нуждается в серьезном обосновании. И такое обоснование в первую очередь, как представляется, должно стать предметом будущих изысканий.

Введение

¹ Самое первое описание фетишизма как явления и первое в литературе употребление самого термина «фетиш» принадлежат голландскому путешественнику В. Босману, описавшему верования прибрежных аканов, родственных ашантийцам [426; 337, с. 105].

² Т. Э. Баудичу — первому британскому консулу в Конфедерации Ашанти и первому исследователю ашантийцев — принадлежит приоритет описания тотемических названий родов. Он первым обнаружил явление, получившее впоследствии название тотемизма [427; 156, с. 65; 340, с. 166—167].

³ Критический разбор теоретических положений работ Э. Террэ см. в рецензии Ю. И. Семенова [303].

Часть первая

¹ О других названиях см. [126; 214; 363; 377].

² Здесь нет необходимости уточнять виды пережитков, в частности таких, как дериваты, релитуты, реликты. Подробнее см. [204, с. 64; 323, с. 100; 121, с. 40—42].

³ Ср.: «Индоевропейский язык, восстанавливаемый учеными, лишен какой бы то ни было конкретной реальности... Самое большее, что мы знаем об этом языке, сводится к принципам его грамматического строя... А это основное, так как эти грамматические сведения дают нам возможность языковыми средствами восстановить исторические связи, соединяющие языки друг с другом» [67, с. 275].

⁴ Ср.: «Обильный и ценнейший сибирский этнографический материал часто применяется не по назначению — его неоправданно стремятся подогнать под жесткую схему материнско-родового строя» [64, с. 141].

⁵ Хороший пример этому есть в книге Н. В. Бикбулатова при разборе корреляции между «скользящим» счетом поколений и браками лиц разных поколений (подробнее см. [46, с. 63—66]).

⁶ См., например, весьма убедительное опровержение гипотезы Р. Карнейро о войне как главном факторе возникновения государства и обоснование корреляционного характера связей между войнами и процессами классобразования и политогенеза [358, с. 137—140].

⁷ Объективную критику работ Ю. И. Семенова см. в статье В. Р. Кабо [125, с. 64—66].

⁸ Для написания этого раздела использовались следующие работы [105; 106; 114; 113; 117; 223; 134; 192; 344; 235; 293; 55; 116; 110; 207; 208; 224; 239; 330].

⁹ Для наших целей нет необходимости углубляться в сложный и достаточно специальный вопрос о разграничении технологического СП и общественного СП. Ясно, однако, что формационная атрибуция должна ориентироваться прежде всего на общественный СП (подробнее см. [193; 114; 207, разд. 3, гл. 2]).

¹⁰ Разделение труда иногда рассматривается в качестве относительно самостоятельного компонента СП, не сводимого к ПС и ПО.

¹¹ Продуктивность — величина совокупного общественного продукта в расчете на душу населения (возрастание величины означает увеличение продуктивности). Понятие продуктивности ПС, или продуктивности общественного производства, предложено Ю. И. Семеновым [309].

¹² Последовательная смена формаций объясняется антагонистическими противоречиями между новыми ПС и устаревшими ПО, которые на определенной ступени превращаются из форм развития в оковы ПС. Ни одна формация не погибает раньше, чем разовьются все ПС, для которых она создаст достаточные возможности, а новые более высокие ПО никогда не появляются.

ся раньше, чем в недрах старого общества созревают материальные условия их существования. Переход от одной формации к другой осуществляется в форме социальной революции, которая разрешает антагонистические противоречия между ПС и ПО, между базисом и надстройкой.

¹³ И. М. Дьяконов предпочитает называть этот СП древним, В. Н. Никифоров — общинно-рабовладельческим.

¹⁴ См. весьма показательные претензии Ю. И. Семенова к В. Н. Никифорову [330, с. 158].

¹⁵ Излагается по [333; 232; 233; 68].

¹⁶ Ю. В. Качановский обнаружил лишь несколько фраз относительно специфики ПС [134, с. 111].

¹⁷ Политаризм — способ производства и эксплуатации, политократия — класс эксплуататоров в целом, политаристы — эксплуататоры, политарх — правитель [308, с. 115, 119]. Ранее Ю. И. Семенов называл АзСП кабальной формацией [312].

¹⁸ Л. С. Васильев отрицает частнособственнические начала при АзСП (государственном СП, в его терминах) и разрабатывает концепцию собственности как структурообразующей основы данного СП [69, с. 40—57].

¹⁹ Так как его выдвинули и разрабатывают в основном французские ученые [224, с. 25].

²⁰ Кабальный способ эксплуатации, по определению Ю. И. Семенова, представляет собой сочетание, или, точнее, недифференцированное единство элементов рабства и наемного труда [312].

²¹ См. критику всех направлений в книге В. Н. Никифорова [224, ч. 1] и статьях Р. М. Нуреева [232; 233].

²² О методологических подходах немарксистских исследователей см. [176; 137; 136].

²³ В немарксистском обществоведении политическими называют любые властно-управленческие отношения на любой стадии развития общества.

Часть вторая

¹ «Аканы — лучшие торговцы и у них самое чистое золото» (высказывание одного английского капитана в 1694 г., цит. по [542, с. 249]).

² См. специальный выпуск журнала «The Ghanaian» (1965, № 9) о происхождении аканов.

³ Золотым Берегом (Берегом Мина) была названа часть побережья Гвинейского залива от устья р. Анкобры (перед мысом Три-Пойнтс) до устья р. Вольты, хотя позднее его границы часто расширялись.

⁴ Существует гипотеза, что до Эльмины португальцы построили небольшую факторию Аргин в 1445 г., а французы еще в 1393—1394 гг. посетили Золотой Берег и построили свой форт на месте будущей Эльмины [619, с. 6; 434, с. 135].

⁵ В 1872 г. Эльмина перешла к Великобритании, но разрушена во время шестой англо-ашантийской войны. Как порт потеряла значение в 1921 г. В независимой Гане замок Эльмины превращен в музей.

⁶ Кормантин (Коромантайн, Коромантин) — первый британский форт на Золотом Берегу. В 1636 г. захвачен голландцами (форт Амстердам). Позднее неоднократно переходил от Голландии к Дании и Великобритании, окончательно утвердившей свою власть в 1867 г. Название форта — центра работорговли — широко использовалось европейцами в качестве собирательного названия рабов, захваченных или купленных на Золотом Берегу.

⁷ Кристиансбург в XVII—XIX вв. неоднократно переходил от Дании к Великобритании и разрушался соседними аканами и га. В 1862 г. пострадал от землетрясения. С 1900 г. — резиденция генерал-губернатора Золотого Берега, с 1957 г. — премьер-министра, с 1960 г. — президента Республики Гана. В 1688—1747 гг. выпускал собственную монету (датский дукат) с изображением форта [530].

⁸ В 1810—1880 гг. с Золотого Берега было вывезено золота на 50 тыс. ф. ст., из которых $\frac{4}{5}$ приходилось на золото из Ашанти [480, с. 69].

⁹ Орех кола («бесе» — на чви; «весе, восс» — на аны) — один из основных предметов обмена в Западной Африке в течение многих веков (как минимум с XIII в. в регионе манде). Слово «кола» — из языка темне. Орехи кола жуют во время тяжелых физических работ, при длительных переходах, часто используют в ритуальных целях. Они освежают рот, оказывают тошнизолирующее воздействие на организм, поскольку содержат кофеин, тсобротин, колатин и глюкозу. Существует более 120 видов кола, но наиболее распространены 4 съедобных вида, в том числе кола блестящая (нигида), с двумя семязлоями, которая растет и в регионе расселения аканов (на границе саванны и тропического леса от Комоз до Вольты). Торговлю орехом кола аканы начали в XV в. со странами хауса, что отражено в хрониках Као (подробнее см. [564; 462]).

¹⁰ Формант «пон», или «бан», имеющийся в слове «абусуапон», означает: куча, набор вещей, большое дерево и т. д. Он добавляется, как правило, только тогда, когда необходимо противопоставить абусуапон ее сегменту — абусуа. Иногда вместо «пон» прибавляется слово «кесс» — старший.

¹¹ «Фие» — все дома и двор, принадлежащие одной группе людей, в отличие от «одан», или «абан», — дома как отдельного здания. «Фо» — люди, группа людей.

¹² Также неудачно употребление термина, поскольку коммуналистически в зарубежной литературе принято называть отношения между религиозными общинами.

¹³ Критику названия «гетерогенный» см. в [242, с. 12].

¹⁴ Критику этого названия см. в [66, с. 126].

¹⁵ В аканских языках существует несколько слов для обозначения войны: ако, акоди, дом, донкоэ. От этих корней образованы слова: «кокофо» — воин, «доммарима» (дом + обарима — мужчина) — воин, Адонтен (а + дом + тен) — главные военные силы. Слово «оса» первоначально означало узкую тропу в густом лесу или буше [615, с. 83].

¹⁶ П. Ломбард утверждает, что эти отряды составлялись из «королевских» охотников [563, с. 87].

¹⁷ Посты туфухене и супи наследовались по материнской стороне [468, с. 281; 493, с. 18].

¹⁸ Кроме различных видов мушкетов на Золотой Берег поставлялись и распространялись в XVII—XIX вв. следующие основные виды огнестрельного оружия: мушкетон (короткоствольное ружье с раструбом), охотничье ружье, различные типы карабинов, букаиры, пистолы, небольшие («торговые») пушки (подробнее см. [541, с. 196—201]).

¹⁹ При изучении возрастных явлений необходимо различать по крайней мере четыре основные категории: 1) возрастная степень — культурно-нормативная стадия жизненного цикла; 2) возрастная класс — институтированная возрастная степень (или подразделение одной степени, или объединение нескольких степеней); 3) возрастная группа — корпоративная группа совместно инициированных индивидов (т. е. обладающих одним социальным возрастом), которая, двигаясь по возрастным степеням, регулярно переходит из одного возрастного класса в другой, меняя свой статус и социальные роли; 4) возрастная сет — совокупность всех возрастных групп, которые одновременно переходят из одного возрастного класса в другой. В идеальном варианте индивид в течение своей жизни принадлежит только к одной возрастной группе, но последовательно — к разным возрастным классам. В то же время для социального организма возрастные классы представляют собой статические (абсолютные) формы социальной организации в отличие от возрастных групп — динамических (относительных). Поэтому возрастные классы образуются далеко не во всех обществах, т. е. не всегда возрастные степени (все или некоторые) институтируются в форме возрастных классов (подробнее см. [280, с. 75—76]).

У разных этносов существуют различные представления о числе стадий жизненного цикла или возрастных степенях, но аканы различают не менее четырех основных: 1) ммофра-бере — детство; 2) ммеранте-бере — молодость; 3) мпанин-бере — зрелость; 4) нквакора-бере (или ммерева-бере у женщин) — старость. Возможно, выделяется еще возрастная степень отете-бере — глубоко-

кая старость (сенильность). Возрастная степень молодости подразделяется на отрочество (ммабуну-бере) у мужчин и женщин, юность (нкванква-бере) у мужчин и девичью (ммаба-бере) у женщин. Несколькими подразделениями выделяется и в возрастной степени детства (акокоа, абофра, абасрива и др.). Подробнее см. [279, с. 90—91].

²⁰ В состав ании включают иденье (инденис), санви (афема), бетье, дьябе (дадье, асыкасо, асуамара), моро (моруну), леписа, эвалуэ (ассайе), аанта (анта, аханта), нзима (нзема, аманья, аманахия, аполлония), аовин, ануфо (бруса, брисса, буресья), частью которых являются чокози, живущие в Того среди конкомба.

²¹ В состав бауле входят уаребо, фаафуэ, нанафуэ, сафуэ, нзипри, агба, нгба, абэ, кодэ, сана, бру (бро), айоло (саттикана), юрэ, айяу, аитуту (ату, атуту) и др.

²² Существует гипотеза, согласно которой название Акваму восходит к Кумбу: Акваму = Акуамбо = Кумбу [570, с. 14].

²³ Аканские вождества Кваву, Агона и Камана.

²⁴ Общины Абури, Буну, Экуа, Атеби, Акраде.

²⁵ Га в доколониальную эпоху создали шесть вождеств (ман): Аккра, Осу, Лабанди, Тема, Теши, Нунгва.

²⁶ У адангме существовало несколько крупных вождеств (Ада, Шай, Кробо, Осудуку) и Конфедерация Прампрам, состоявшая из вождеств Прампрам, Кпоне и Нинго.

²⁷ Небольшие городские общины Попо, Аило, Крепи, Кета, Агаве.

²⁸ На европейских картах XVII и XVIII вв. обозначалась как Tap Grasse, Dan Grasse, Denkages, Dinkira, Dinquira, L'Inquira и т. д. [552, с. 33].

²⁹ Вполне вероятно, что на р. Пра в 1717 г. погиб другой Осей, правивший после Осей Туту, умершего в 1712 г. Имя наследника Осей Туту могло стать «кунорокосем», т. е. табуированным, поскольку он утонул и не был похоронен в соответствии с обычаем [610, с. 96].

³⁰ «Асанте» превратилось в «Ашанти» из-за того, что у Т. Э. Баудича был переводчик из народа га, в языке которого звук «s» произносится более мягко [615, с. 108].

³¹ Вместе с тем в литературе существует мнение, что этот союз был создан для войны с Дормаа [392, с. 64].

³² Денчрахене установили порядок, согласно которому племянники (перекрестные ниблинги) правителей-данников отправлялись в Абанкессо в качестве заложников и служили меченосцами, познавая науку управления [455, с. 19]. Такая же система позднее практиковалась и в Конфедерации Ашанти.

³³ Обири Иебоа при обращении называли Оди Ахенкан (первый среди вождей). Он был первым правителем, которого похоронили в Бантаме — мавзолее асантехене.

³⁴ Точнее, сначала к роду Тана, и только при асантехене Опоку Варетрон перешел к Беретуо, с которым род Тана был в эпигамных отношениях.

³⁵ Фекуо Акваму получил свое название в память о помощи аквамусцев в борьбе с Денчирой. Создан на базе отряда, который сопровождал Осей Туту из Акваму в Кваман.

³⁶ Внучатый племянник Осей Туту, нашедший поддержку у абремпонов в противовес Окукуадани — племяннику Осей Туту (см. [505, с. 25]).

³⁷ Кваву (Квау, Окваву, Оква'у, Акваву, Кваву) — аканский оман, население которого рассматривается как отдельный этнос, язык — ближе к абронскому, чем к чви. Основан в конце XVII в. переселенцами из Денчиры (правящий род — Беретуо). Тесные связи с Асантеманом подчеркиваются пословицей: «Асанте Котоко не Кваву» (Ашанти и Кваву) [388, с. 45].

³⁸ Гонджа (Гонжа, Нгбанья) — раннеполитическое образование, существовавшее в XVI—XIX вв. на территории современной Ганы в междуречье Черной Вольты и Даки и в нижнем течении р. Белая Вольта. Создание Гонджи устная традиция приписывает Набаге — предводителю завоевателей-манде, вторгшихся в середине XVI в. с северо-запада и подчинивших местное земледельческое население, говорившее на языке гуан (нгбаньято) и управлявшиеся жрецами культа земли (гиндаана, или касавулевура). Гонджа представляла собой федерацию нескольких вождеств (Тулуве, Боле, Гбуинле, Кембе, Да-

бойи и т. д.), структура которых напоминала аканские омань. Возглавляли федерацию ябумбура — вождь столичного вожества Ягбум — и совет старейшин. В конце XVI — начале XVII в. Гонджа была самым крупным (наряду с Дагомбой) ЭПО к северу от Асантемана и находилась в постоянном соперничестве с Дагомбой за контроль над торговыми путями из лесной зоны Золотого Берега в страны хауса и манде. Расцвет Гонджи приходится на середину XVII в., когда у власти находился ябумбура Джакпа Ланта, внук Набаги, имевший титул «ндевура» (букв. «копьеносец»). Джакпа захватил у Дагомбы содспроизводящий и торговый центр Дабойа и основал Салагу. С начала XVIII в. в социально-политической жизни Гонджи значительную роль играли мусульмане (карамо) и их лидеры (лиммам). С 1744 по 1874 г. Гонджа была данником Конфедерации Ашанти, а в 1901 г. в составе Северных территорий вошла в британскую колонию Золотой Берег [520; 571; 617].

³⁹ Дагомба (Дагбон) — самое южное из вольтийских ЭПО (так называемого комплекса Моси—Мампруси—Дагомба), созданных, по данным устной традиции, примерно в XV в. потомками Гбевы (Бавы) — предводителя завоевателей-всадников, вторгшихся с северо-востока (возможно, из стран хауса). Дагомба (столица — г. Енди) занимала территорию между речья Белой Вольты и Оти. Завоеватели подчинили аборигенов-земледельцев, не имевших политических образований и управлявшихся тиндамба (букв. «хранители земли») — жрецами культа земли. Во главе Дагомбы стояли яна (выборный верховный вождь) и совет старейшин из вождей деревенских общин. Существовало деление на три «провинции»: Карага, Мион и Савелугу. В конце XVI — начале XVIII в. Дагомба находилась в состоянии постоянного соперничества с Гонджей за контроль над торговыми путями из лесной зоны Золотого Берега в страны хауса и манде. В первой половине XVIII в. значительная часть населения Дагомбы приняла ислам. С 1745 по 1874 г. Дагомба входила в состав амантеаса Конфедерации Ашанти. В 1770-е годы в политической структуре Дагомбы появились военные отряды камбонсе, обученные ашантийцами, усилилось влияние аканской культуры (аканское кенте в качестве праздничной одежды, скамеечки-джуа как символ власти, личные имена, названия должностей и т. д.). В 1896 г. в Дагомбу вторглись британские и германские колонизаторы. В 1901 г. большая часть Дагомбы в составе Северных территорий вошла в британскую колонию Золотой Берег, меньшая часть — отошла к германской колонии Того [571; 617; 634; 636, с. 194—195; 661, с. 248].

⁴⁰ Конкомба — одно из вольтийских ЭПО, существовавшее в XVII—XIX вв. в верхнем течении р. Оти. По структуре и управлению Конкомба напоминала Дагомбу, в зависимости от которой она находилась в XVIII—XIX вв. С 1745 по 1874 г. — данник Конфедерации Ашанти. В этот период значительную роль в политической структуре Конкомбы играли военные отряды камбонси, созданные ашантийцами. В 1901 г. западная часть Конкомбы вошла в состав Золотого Берега, а восточная — германской колонии Того [571; 617; 636].

⁴¹ Список ЭПО, входивших в состав Конфедерации Ашанти в начале XIX в. (по данным Т. Э. Баудича [427] и Дж. Дюпон [481]):

Южные: Аанта, Адангме, Акваму, Аквампи, Аккра, Аманахиа, Аовин, Асин, Ачем, Денчира, Васса, Сефви, Чифо, Фанти.

Северные: Банда, Брон (Бурум), Гонджа (Нта, т. е. «север» на языке чви), Дагомба, Джаман, Нкоранза, Нсоко (букв. «манде, мандинги» на всех аканских языках) и Течиман, Кваву.

⁴² Название связано с тем, что в начале XIX в. в Кумаси было только одно каменное здание (точная копия европейского замка с башнями) — дворец асантехене, идея строительства которого принадлежала Осею Коджо (см. рис. на с. 204).

⁴³ А. Вилкс переводит как «патрон», но это неверно, поскольку понятие «патрон» передается словом «вура». Своего подопечного адамфо называл «м'абарима» (мой человек).

⁴⁴ Список оманов и городских общин, главы которых подписали конституцию Конфедерации Фанти:

Омань: Манкессим (оманхене Квеси Эду), Абора (оманхене Анфу Оту), Эйан, Эджумако, Комменда, Нкусукум, Ассин (два оманхене).

Общины: Манкессим, Доминасси, Донаси, Джуарко, Абагрампа, Бейин, Кваман, Абсаджи, Бохен, Дунква, Импессидарди, Букан, Одуман, Ампинафун, Аббанкром, Акрофом, Арнун, Ахироз, Чафо, Солт-Понд (два вождя).

⁴⁵ Полный текст конституции см. в [434, с. 327—344], сокращенный — в [580, с. 341—342].

⁴⁶ Опоку Фофие, Осей Бонсу, Осей Яо — братья (мужские сиблинги) Осей Кваме, Менса Бонсу (Овусу Менса) — брат Кофи Карикари, Квеку Дуа II (Аджеман Премпе I) — брат Квеку Дуа II.

⁴⁷ Квеси Ободум — ортокузен Опоку Варе.

⁴⁸ Осей Коджо, Квеку Дуа I, Квеку Дуа II, Осей Аджеман (Премпе II) и Опоку Варе II — перекрестные ниблинги своих предшественников.

⁴⁹ Опоку Варе, Осей Кваме и Кофи Карикари.

⁵⁰ Младшие асомфо: аконнуасоафо — троносцы, ачиничимфо — зонтоносцы, афонасоафо — меченосцы, атумтуфо — оруженосцы, ачемфо — щитоносцы, ахопрафо — менаносцы (хлыстов из хвоста слона), асоамфо — гамаконосцы, папафоафо — веероносцы, асоквафо — барабанщики, трубачи, баримфо — хранители мавзолея, нсениефо — глашатаи, кваджумфо — гриоты, абрафо — палачи, аковвафо — полотеры, аджарейефо — банщики, акраджафо — омыватели души вождя, содофо — повара, адабра — свнухи, санахене — казначей, афотуосанфо — помощники казначея.

⁵¹ Критику названий исторических типов СТР М. В. Крюкова и обоснование предложенных названий см. в [272, с. 43—45].

⁵² Л. Г. Морган совершенно определенно связывал возникновение тураганованской СТР с родовой организацией, а арийской — с появлением частной собственности [222, с. 219] (подробнее см. [272, с. 52—53]).

⁵³ Анансе (Ананси) — паук, символ мудрости, один из основных персонажей аканских мифов и фольклора, причем наиболее популярным фольклорным жанром является Ананссем — цикл рассказов об Анансе. В некоторых мифах фигурирует как культурный герой (часто — трикстер), с Анансе связывают появление солнца, человека, происхождение сказок и т. д.

⁵⁴ Особые праздники ямса есть также у фантийцев (Ахуба, васса и аанта (Кунту).

⁵⁵ Здесь вряд ли возможно провести типологические параллели с западноевропейским оммажем, поскольку отсутствовала взаимность в действиях «сюзерена» и «вассала» (ср. [93, с. 153; 90, с. 101]).

⁵⁶ О подготовке окомфо и обосомфо см. [616, с. 38—47].

⁵⁷ Гадание осуществлялось на кожаных ремнях, по результатам метания раковин-каури, по особенностям агонии жертвенного цыпленка и положению, в котором заставляла его смерть, по масляным пятнам на земле, по движениям на поверхности воды, по внутренностям жертвенных животных, при помощи мышей. Последних пускали в сосуд с соломинками и зерном, и они, съев зерно, изменяли положение соломинки, что служило основанием для предсказаний, и т. д. [36, с. 236; 243, с. 163—164; 432, с. 194; 613, с. 194].

Часть третья

¹ А. Вилкс объясняет этот феномен переориентацией традиционной системы хозяйства с охоты и собирательства на земледелие в XV—XVI вв. [671, с. 234—235].

² В частности, у фантийцев и других аканов Золотого Берега с начала XVII в. осуществлялась специализация прибрежных поселений: Бераку, Такоради и Малая Комменда — кузнечество; Бутри, Кормантин, Виннеба, Комменда, Экон — изготовление каноэ; Аксим и Такоради — изготовление крупных транспортных каноэ, Эльмина — изготовление бус; Такоради и Сега — солеварение; Бераку, Лабади и Виннеба — рынок скота и птицы [542, с. 58; 458, с. 103; 475, с. 420—424]. У ашантийцев в XVIII в. появились деревенские общины ремесленников-чужаков. Например, в омане Кумаси — Бонвире (ткачество), Нтонсо (крашение тканей), Панкромно (гончарство), Ахиа (деревообработка), Бреман и Адум (кузнечество) [398, с. 473].

³ Ср.: «Для ашанти... она (земля.— В. П.) уподобляется божеству, обла-

дающему своей собственной силой, благотельной, если с ней считаются, и пагубной, если ею пренебрегают... Земля — собственность предков, которые ей покровительствуют и следят за использованием. Урожай — это их послание живым: плохой урожай означает, что предки недовольны... У вождя... нет права собственности на землю, он — ее хранитель и обязан защищать ее „законом и оружием“. Земля принадлежит Трону, т. е. предкам» [62, с. 133—134].

⁴ Обычная плата в Конфедерации Ашанти в XIX в. — 1 домафа, т. е. $1/12$ унции золота [661, с. 36].

⁵ Асантехене в качестве дани часто требовали ремесленников. Например, из Денчиры — чаще всего резчиков по дереву, из Банда и Бего — кузнецов, из Боно — ювелиров, из других северных аманси и амантеасе — обувщиков (изготовителей сандалий) [400, с. 45].

⁶ Например, в Денчире и Вассе в XVII в. один день в неделю золото добывалось в пользу «короля» [459, с. 171; 480, с. 52].

⁷ Как удачно сформулировала О. С. Томановская, определять право собственности на землю через право взимания ренты — это значит определять явление через самого себя [342, с. 186].

⁸ Своего крайнего предела этот подход достиг в работах Ю. М. Иванова, который подгоняет под государственно-феодалную модель (с ориентацией на Западную Европу) практически все традиционные отношения в африканских обществах (см., например, [108]).

⁹ «Африка никогда не знала абсолютных форм рабства, свойственных Средиземноморью в классической древности» [328, с. 122—123]. Или: «Нигде в Тропической Африке не сложилась рабовладельческая формация, хотя рабство было хорошо известно и сохранялось у многих народов вплоть до установления колониального режима» [175, с. 5].

¹⁰ Рабовладельческая версия формационного развития доколониальных ЭПО Тропической Африки поддержана недавно В. Б. Туркиным [345].

¹¹ Хотя грань, отделявшая рабов от свободных, имела тенденцию к полному стиранию, формирование общества типа античного, в котором основной антагонизм существовал уже не между свободными и рабами, а между рабами и рабовладельцами, наблюдалось очень редко.

¹² В данной работе автор не ставит перед собой задачу уточнения места АзСП, т. е. является ли он самостоятельной ступенью или представляет собой стадии развития других формаций.

¹³ Сакрализация правителя и взаимосвязь правителя с богатством (плодо-родием) считаются наиболее специфическими признаками (наряду с высоким положением королевы-матери) африканского раннего государства [438, с. 147].

¹⁴ Р. Ф. Итс обнаружил у ляншаньских иэзу отставание развития государственных форм от классовобразования, однако такая форма асинхронности вполне укладывается в рамки первичного политогенеза [124, с. 9].

¹⁵ От древнегреческих слов «пара» (возле, рядом, мимо) и «полития» (государство). Ср. с категориями «синполитейность» и «аполитейность».

¹⁶ Разумеется, в торговле прибавочный продукт не создается, но через нее он перераспределяется.

¹⁷ Ср. высказывания двух асантехене XIX в.: «Мой бизнес — война» (Кофи Карикари) и «Ашанти — военная страна» (Осей Бонсу). Цит. по [481, с. 163; 561, с. 58].

¹⁸ Паразитизм рассматриваемых ЭПО заключался и в том, что расцвет искусств и ремесел обеспечивался чужими руками — захваченными в плен умельцами из соседних ЭПО.

¹⁹ Наиболее доказательно этот процесс деградации показан О. С. Томановской на примере ЭПО Берега Лоанго [342, гл. IV].

²⁰ Этот трансформационный процесс вызывает ассоциации с пиджинизацией языков.

²¹ Г. Классен фактически выделил основные факторы превращения параполиса в государство (см. [439]).

²² Наблюдая процесс распространения европейского образования на Золотом Берегу, большинство аборигенов полагало, что «школы — очень хорошая вещь для белых людей, но не для черных» [450, с. 67].

²³ Если не считать, что предметы, так или иначе связанные с мусульман-

ской религией, рассматривались как самые престижные амулеты и обереги, обладающие самыми сильными магическими свойствами.

²⁴ Существует гипотеза, что прототипом для создания аканских церемониальных сосудов-кудуо послужил кувшин с личным знаком английского короля Ричарда II Плантагенета (1377—1399), оказавшийся на Золотом Берегу в конце XIV в. [489, с. 51] (см. также [45, с. 58—59]).

²⁵ По поводу этимологии этнонимов «ашанти (асантефо)» и «фанти (фантефо)» существуют несколько версий. Самая распространенная из них утверждает, что термин «асантефо» возник из слов «сан» (название растения), «тев» (есть) и «фо» (люди), т. е. асантефо — это люди, которые едят растение сан. Аналогично: фантефо — люди, которые едят растение фан [367, с. 7; 450, с. 45—46; 485, с. 334]. Совершенно очевидно, что перед нами так называемая народная этимология.

²⁶ Об этом свидетельствует и семантика слова «асанте» («объединившиеся для войны»), и то, что северные соседи аканов (гонжа, дагомба, гурунси и др.) называют ашантийцев и в целом аканов словом «камбон (камбонсе, камбонси, камбенза)», т. е. «мушкетеры».

²⁷ Явный результат влияния мусульманской культуры, так как у соседних немусульманских ЭСО еженедельные циклы составляют 3, 4, 5 и 6 дней с ротацией местных рынков. Судя по косвенным данным, традиционная аканская неделя состояла из 6 дней.

ПРИЛОЖЕНИЕ

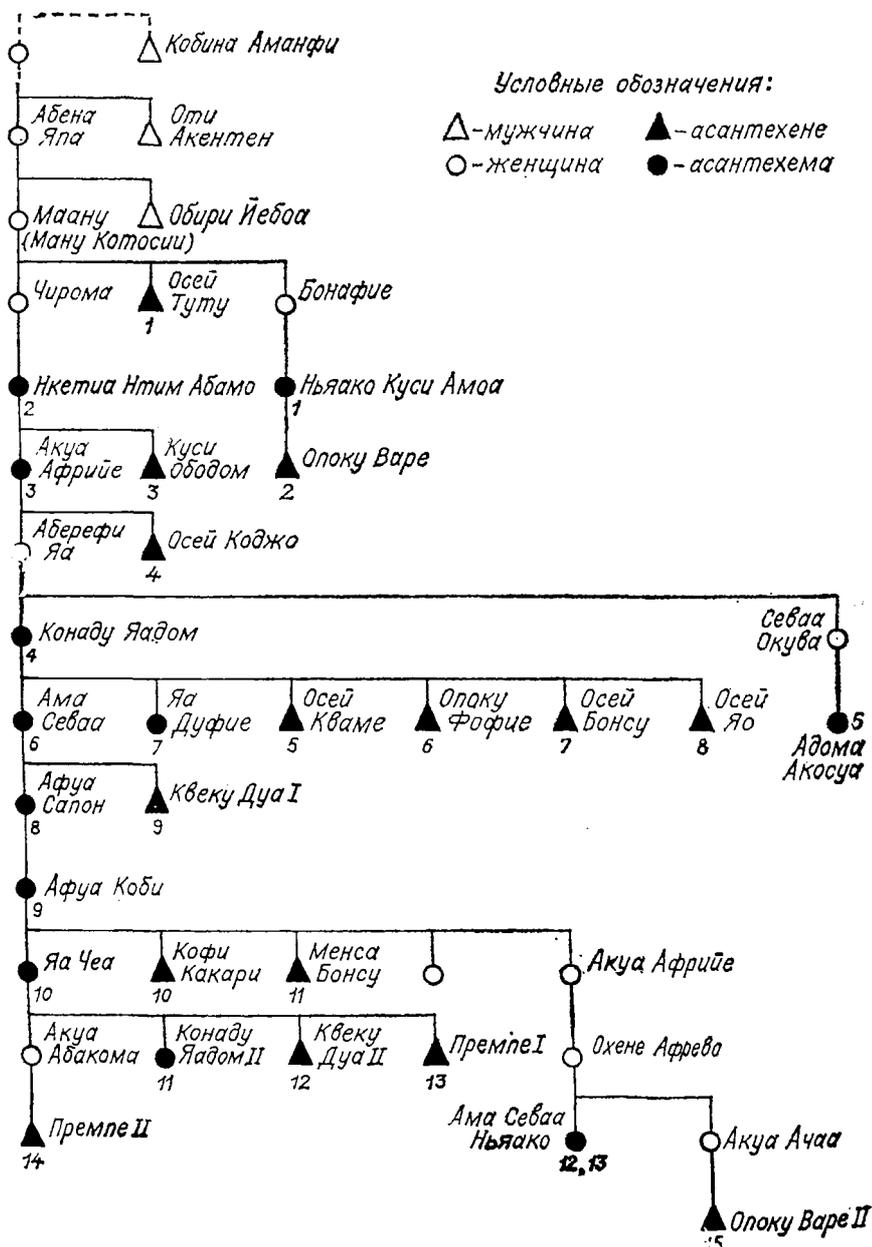
Правители Конфедерации Ашанти (асантехене)

Правители	Г ды правления (по данным разных исследователей)*				
	А. Вилкс (1975)	У. Уорд (1949)	У. Торд-ф (1965)	А. Анти (1974)	Т. Маккаски (1980)
Легендарные кумасихене					
1. Кобиа Аманфи (Анвамфи, Квабена Аменфи)	—	—	—	—	—
2. Оти Акентен	—	1630—1660	—	—	—
3. Обири Йебоа	—	1660—1697	—	—	—
Асантехене					
1. Осей Туту I (Осей Кофи, Осей Туту Кваме)	?—1712(17)	1693(97)—1731	—	1688—1717	—
[Осей Туту II — ?]	1712—1717	—	—	—	—
2. Опоку Варе (Опоку I)	1720—1750	1731—1742	—	1731—1741	1720—1750
3. Квеси Ободум (Куси Ободом, Боадум)	1750—1764	1742—1752	—	1741—1753	—
4. Осей Коджо (Осей Куджо, Осей Младший)	1764—1777	1752—1781	—	1753—1785	—
5. Осей Кваме (Квамина Старший, Квамена)	1777—1798	1781—1797	1777—1801	1785—1799	1777—1803

6. Опоку Фофие (Опоку II)	1798—1799	1797—1799	1801	1799	—
7. Осей Бонсу (Осей Эсибе Бонсу, Осей Тугу Кваме, Осей Тугу Квамина)	1800—1823	1800—1824	1801—1824	1800—1824	1804—1823
8. Осей Яо (Яо Акого, Окогу)	1823—1833	1824—1838	1824—1834	1824—1838	1823—1834
9. Квеку Дуа I (Квеку Дуа Старший, Фре- дуа Аджеман)	1834—1867	1838—1867	1834—1867	1838—1867	—
10. Кофи Какари (Карикари)	1867—1874	1867—1874	1867—1874	1867—1874	1867—1874
11. Менса Бонсу (Овусу Менса)	1874—1883	1874—1883	1874—1883	1874—1883	1874—1883
12. Квеку Дуа II (Квеку Дуа Младший, Аджеман Кофи)	1884 (6 недель)	1884	1884	—	—
13. Премпе I (Аджеман Премпе I, Квеку Дуа III)	1884—1895	1884—1896	1888—1931	—	—
14. Премпе II (Осей Аджеман, Эдвард Премпе Овусу)	1931—1970	1931—	1931—	—	—
15. Опоку Варе II	1970—н/вр.				

* Годы приводятся по данным А. Вилкса [661], У. Уорда [655], У. Тордоффа [647], А. Анти [393] и Т. Маккаски [577].

Генеалогия асантехене и асантехем *

* Цифры на схеме соответствуют цифрам в таблице на с. 234—235.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ

- АЭС — Africana. Африканский этнографический сборник. М.— Л., Л.
 БСЭ — Большая Советская Энциклопедия. М., изд. 3-е.
 ВАН — Вестник АН СССР. М.
 ВДИ — Вестник древней истории. М.
 ВИ — Вопросы истории. М.
 ВЛГУ — Вестник Ленинградского государственного университета
 ВМГУ — Вестник Московского государственного университета
 ВФ — Вопросы философии. М.
 ИИА — Изучение истории Африки. Проблемы и достижения. М., 1985
 ИМ — Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М., 1972.
 ИОЭ — Исследования по общей этнографии. М., 1979
 КСД — Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР (Ленинградская часть)
 НАА — Народы Азии и Африки. М.
 ОДОР — От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987
 ООИВ — Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966
 ОПА — Основные проблемы африканистики. М., 1973
 ОЭФ — Общественно-экономические формации. Проблемы теории. М., 1978
 ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М., 1968
 ПСЭФ — Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975
 ПТЭ — Проблемы типологии в этнографии. М., 1979
 СКГ — Становление классов и государства. М., 1976
 СНВ — Страны и народы Востока. М.— Л., Л.
 СОНА — Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975
 ССДА — Социальные структуры доколониальной Африки. М., 1970
 ССД — Смена стадий общественного развития. М., 1982
 СЭ — Советская этнография. М.
 СЭПТ — Свод этнографических понятий и терминов: социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986
 ТИЭ — Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М.— Л., Л.
 ФН — Философские науки. М.
 ЭДРО — Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982
 ЭИА — Этническая история Африки. М., 1977
 ЭИР — Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979
 ЭН — Экономические науки. М.
 ЭЭ — Экономическая энциклопедия. М.
 Af. — Africa. L.
 AA — American Anthropologist. Wash.
 ALRA — The Anthropological and Linguistic Reconstruction of African History. L., 1982
 ASKM — African Systems of Kinship and Marriage. L., 1950
 CA — Current Anthropology. Chicago
 CEA — Cahiers d'Etude Africaines. P.
 CH — Cultural in History. N Y., 1960
 DIT — The Development of Indigenous Trade and Markets in West Africa. Oxf., 1971
 ESS — The Evolution of Social System. Pittsburgh, 1978
 GNQ — Ghana Notes and Queries. Accra
 HTA — The Historian in Tropical Africa. L., 1969
 HWA — History of West Africa. N. Y., 1976
 ICAES — International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences
 ISA — The Ideology of Slavery in Africa. L., 1981
 JAH — Journal of African History. L.

- JAS — *Journal of the African Society*. L.
JRAI — *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. L.
MAAH — *The Middle Age of African History*. Oxf., 1967
MC — *Men and Cultures*. Philadelphia, 1956.
OS — *Origins of the State*. Philadelphia, 1978
REA — *Research in Economic Anthropology*. Greenwich (Conn.)
THSG — *Transactions of the Historical Society of Ghana*. Accra
WACD — *West African Culture Dynamics*. The Hague — New York, 1980
WAK — *West African Kingdoms in the XIX Century*. Oxf., 1975.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА*

1. *Маркс К.* Морализирующая критика и критицизирующая мораль.— Т. 4.
2. *Маркс К.* Нищета философии.— Т. 4.
3. *Маркс К.* Британское владычество в Индии.— Т. 9.
4. *Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие.— Т. 13.
5. *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. Засулич.— Т. 19.
6. *Маркс К.* Капитал. Т. I.— Т. 23.
7. *Маркс К.* Капитал. Т. III.— Т. 25. Ч. 1.
8. *Маркс К.* Капитал. Т. III.— Т. 25. Ч. 2.
9. *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству.— Т. 46. Ч. 1.
10. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Немецкая идеология.— Т. 3.
11. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Наемный труд и капитал.— Т. 6.
12. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Переписка (январь 1852—декабрь 1855).— Т. 28.
13. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг.— Т. 20.
14. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Т. 21.
15. *Энгельс Ф.* К истории первобытной семьи (Бахофен, Мак-Леннан, Морган).— Т. 22.
16. *Энгельс Ф.* Письмо Конраду Шмидту, 12 марта 1895 г.— Т. 39.
17. *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?— Т. 1.
18. *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России.— Т. 3.
19. *Ленин В. И.* Отношение к буржуазным партиям.— Т. 15.
20. *Ленин В. И.* К вопросу о диалектике.— Т. 29.
21. *Ленин В. И.* Речь об отношении к Временному правительству 4 (17) июня 1917 г.— Т. 32.
22. *Ленин В. И.* Великий почин.— Т. 39.
23. *Ленин В. И.* О государстве.— Т. 39.
24. *Ленин В. И.* Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина.— Т. 42.

25. *Абрамова С. Ю.* Африка: четыре столетия работорговли. М., 1978.
26. *Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки. М., 1974.
27. *Аверкиева Ю. П.* О путях распада родового строя.— ОПА.
28. *Аверьянов А. Н.* Системное познание мира. М., 1985.
29. Аграрный вопрос и крестьянство в Тропической Африке. М., 1964.
30. *Алаев Л. Б.* Формационные черты феодализма и Восток.— НАА. 1987, № 3.
31. *Алексеев В. П.* Становление человеческого общества. М., 1984.
32. *Алексеев В. П.* Этногенез. М., 1986.
33. *Андреев И. Л.* Пережитки азиатского способа производства в современном африканском обществе.— ООИВ.
34. *Андреев И. Л.* Тенденции и стадии генезиса эксплуатации. М., 1973.
35. *Андрианов Б. В.* Население Африки. М., 1964.
36. *Аура Поку.* М., 1960.
37. *Афанасьев В. Г.* Общество: системность, познание и управление. М., 1981.
38. *Афанасьев В. Г.* О системном подходе в социальном познании.— ВФ, 1973, № 6.
39. *Афанасьев В. Г.* Системность и общество. М., 1980.
40. *Барг М. А.* О некоторых методах типологизации исторических явлений в трудах В. И. Ленина.— История СССР. 1973, № 2.
41. *Барг М. А.* Учение об общественно-экономических формациях и конкрет-

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по 2-му изданию Сочинений, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

- ный анализ исторического процесса.— Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970.
42. Барг М. А., Никифоров В. И. Феодализм.— БСЭ. Т. 27.
 43. Барг М. А., Черняк Е. Б. Структура и развитие классово-антагонистических формаций.— ВФ. 1967, № 6.
 44. Барг М. А., Черняк Е. Б. Регион как категория внутренней типологии классово-антагонистических формаций.— ПСЭФ.
 45. Берзина С. Я. Археологические памятники как источник по истории Африки.— Источниковедение африканской истории. М., 1977.
 46. Бикбулатов Н. В. Башкирская система родства. М., 1981.
 47. Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход к современной науке.— Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.
 48. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Понятие целостности и его роль в научном познании. М., 1972.
 49. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Системный подход в социальном познании.— ИМ.
 50. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973.
 51. Блок М. Апология истории. М., 1973.
 52. Блохин Л. Ф. Берег Слоновой Кости. М., 1967.
 53. Блохин Л. Ф. Влияние залежной системы земледелия на размещение сельского населения Западной Африки.— СНВ. Вып. 7. М., 1969.
 54. Боатенг Е. А. География Ганы. М., 1961.
 55. Бородай Ю. М., Келле В. Ж., Плимак Е. Г. Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М., 1974.
 56. Бочаров В. В. Роль запрета в организации отношений властвования в доколониальных восточноафриканских обществах.— КСД. 1985.
 57. Брайтант А. Т. Зулуцкий народ до прихода европейцев. М., 1953.
 58. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.
 59. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.
 60. Бромлей Ю. В., Першиц А. И. Ф. Энгельс и современные проблемы первобытной истории.— ВФ. 1984, № 4.
 61. Брук С. И. Африка. Этнический состав населения.— Народы мира. М., 1988.
 62. Буайон Ж. Гана. М., 1960.
 63. Бутинов Н. А. Локальность брака.— ОПА.
 64. Бутинов Н. А. Первобытнообщинный строй.— ПИДО.
 65. Бутинов Н. А. Половозрастная организация.— СЭ. 1982, № 1.
 66. Бутинов Н. А., Ревуненкова Е. В. Общинная организация народов Азии и Африки.— НАА. 1977, № 5.
 67. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937.
 68. Варга Е. С. Очерки по проблемам политэкономии капитализма. М., 1964.
 69. Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983.
 70. Васильев Л. С. Протогосударство-чифдом как политическая структура.— НАА. 1981, № 6.
 71. Васильев Л. С. Становление политической администрации.— НАА. 1980, № 1.
 72. Васильев Л. С., Стучевский И. А. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ.— ВИ. 1966, № 5.
 73. Венгеров А. Б. Значение археологии и этнографии для юридической науки.— Советское государство и право. 1983, № 3.
 74. Венгеров А. Б., Куббель Л. Е., Першиц А. И. Этнография и науки о государстве и праве.— ВАН. 1984, № 10.
 75. Виткин М. А. Восток в философско-исторической концепции К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1972.
 76. Власов К. О некоторых проблемах политической экономики первобытнообщинного способа производства.— ЭН. 1970, № 3.
 77. Всемирная история. Т. 1. М., 1965.
 78. Гана.— БСЭ. Т. 6.
 79. Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970.

80. *Генинг В. Ф., Павленко Ю. В.* Институт племени как орган зарождающейся политической надстройки.— Ф. Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984.
81. *Гиренко Н. М.* Динамика культурных изменений и Восточная Африка в XIX—XX вв.— Африканский сборник: история и этнография. М., 1983.
82. *Гиренко Н. М.* Дуальная организация и турано-ганованские системы.— АЭС. Вып. 12. Л., 1980.
83. *Гиренко Н. М.* К вопросу об эволюции систем родства у некоторых народов Тропической Африки.— АЭС. Вып. 11. 1978.
84. *Гиренко Н. М.* Некоторые замечания в связи с проблемой половозрастной стратификации.— СЭ. 1981, № 6.
85. *Гиренко Н. М.* О соотношении билатерального и унилатерального социальных организмов родства.— КСД. 1974.
86. *Гиренко Н. М.* Система терминов родства и система социальных категорий.— СЭ. 1974, № 6.
87. *Гиренко Н. М.* Тенденции этнического развития Уньямвези XIX в.— ЭИА.
88. *Гиренко Н. М.* Традиционная социальная организация ньямвези. Л., 1975 (автореф. канд. дис.).
89. *Годелье М.* Понятие азиатского способа производства и марксистская схема развития общества.— НАА. 1965, № 1.
90. *Годинер Э. С.* Возникновение и эволюция государства в Буганде. М., 1982.
91. *Горнунг М. Б., Липец Ю. Г., Олейников И. И.* История открытия и исследования Африки. М., 1973.
92. *Грушин Б. А.* Очерки логики исторического исследования. М., 1961.
93. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.
94. *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
95. *Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков. М., 1985.
96. *Гутнова Е. В., Удальцова Э. В.* К вопросу о типологии развитого феодализма в Западной Европе.— ПСЭФ.
97. *Данилова Л. В.* Переходные и производные общественные формы на докапиталистических стадиях развития.— ССОР.
98. Диалектика научного познания. М., 1978.
99. *Доватур А. И.* Рабство в Аттике VI—V вв. до н. э. Л., 1980.
100. *Дридзо А. Д.* Братство по кораблю.— СЭ. 1977, № 2.
101. *Дьяконов И. М.* Основные черты экономики в монархиях древней Западной Азии.— НАА. 1966, № 1.
102. *Дятел Е. Г.* К вопросу о производственных отношениях первобытного общества.— ЭН. 1974, № 11.
103. *Жуков Е. М.* Методологические проблемы теории общественно-экономических формаций.— ОЭФ.
104. *Жуков Е. М.* Некоторые вопросы теории социально-экономической формации.— ПСЭФ.
105. *Жуков Е. М.* Очерки методологии истории. М., 1980.
106. *Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И.* Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979.
107. *Зыбковец В. Ф.* Дорелигиозная эпоха. М., 1959.
108. *Иванов Ю. М.* Аграрный вопрос и формирование армии наемного труда в Тропической Африке. М., 1974.
109. *Иванов Ю. М.* Проблемы феодальных отношений в доколониальной Тропической Африке.— НАА. 1973, № 3.
110. *Израитель В. Я.* Проблемы формационного анализа общественного развития. Горький, 1975.
111. *Илларионов Н. С.* Соотношение социально-философского и конкретно-социологического подходов к проблемам востоковедения.— Исследования социологических проблем развивающихся стран. М., 1978.
112. *Ильин Г. Ф.* Единство исторического процесса.— ООИВ.
113. *Илюшечкин В. П.* О двух системах одноименных категорий в теории общественных формаций.— Философские проблемы исторической науки. Тарту, 1982.

114. *Илюшечкин В. П.* Проблемы формационной характеристики сословно-классовых обществ. М., 1986.
115. *Илюшечкин В. П.* Рентный способ эксплуатации в добуржуазных обществах древности, средневековья и нового времени. М., 1971.
116. *Илюшечкин В. П.* Сословно-классовое общество в истории Китая. М., 1986.
117. *Илюшечкин В. П.* Теоретико-методологические проблемы общественного развития.— НАА. 1983, № 2.
118. *Илюшечкин В. П.* Эволюция и революция в истории общества.— Теоретико-методологические проблемы общественного развития. М., 1986.
119. *Исмаилова Р. Н.* Этнические проблемы современной Тропической Африки. М., 1973.
120. История Ганы в новое и новейшее время. М., 1985.
121. История первобытного общества. Общие вопросы. М., 1983.
122. История первобытного общества. Эпоха родовой общины. М., 1985.
123. История Тропической Африки. М., 1984.
124. *Итс Р. Ф.* К проблеме соотношения классов и государства. М., 1964.
125. *Кабо В. Р.* История первобытного общества и этнография.— Охотники, собиратели, рыболовы. М., 1972.
126. *Каган М. С.* Классификация и систематизация.— Типы в культуре. Л., 1979.
127. *Каган М. С.* О системном подходе к системному подходу.— ФН. 1973, № 6.
128. *Каган М. С.* Системность и историзм.— ФН. 1977, № 5.
129. *Калиновская К. П.* Возрастные группы народов Восточной Африки. М., 1976.
130. *Кара-Мурза А. А.* К проблеме культа предков у африканских народов.— Религия мира. М., 1986.
131. *Каск Л. И.* Функции и структура государства. Л., 1969.
132. *Качановский Ю. В.* Взаимосвязь базиса и надстройки в докапиталистических формациях.— ОЭФ.
133. *Качановский Ю. В.* Проблемы истории Востока и сравнительно-исторический анализ.— НАА. 1976, № 4.
134. *Качановский Ю. В.* Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства. М., 1971.
135. *Кедров Б. М.* Классификация наук. Т. 1. М., 1961.
136. *Кейзеров И. М.* Власть и авторитет. М., 1973.
137. *Кейзеров И. М., Мальцев Г. В.* Современные буржуазные теории происхождения власти.— СЭ. 1974, № 6.
138. *Киселев Г. С.* Доколониальная Африка. Формирование классового общества. М., 1985.
139. *Киселев Г. С.* О формационной природе доколониальных обществ Тропической Африки.— НАА. 1986, № 2.
140. *Киселев Г. С.* Хауса. М., 1981.
141. *Клейн Л. С.* Понятие типа в современной археологии.— Типы в культуре. Л., 1979.
142. *Клейн Л. С.* Структура археологической теории.— ВФ. 1980, № 3.
143. *Кобищанов Ю. М.* Африканские феодальные общества.— Африка: возникновение отсталости и пути развития. М., 1974.
144. *Кобищанов Ю. М.* Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки. М., 1982.
145. *Кобищанов Ю. М.* Полюдь в Тропической Африке.— НАА. 1972, № 4.
146. *Кобищанов Ю. М.* Полюдь и его трансформация при переходе от раннего к развитому феодальному государству.— ОДОР.
- 146а. *Кожановская И. Ж.* Иерархические черты социальной структуры традиционных полинезийских обществ. М., 1987 (рукопись канд. дис.).
147. *Колганов М. В.* Собственность. М., 1962.
148. *Колесницкий Н. Ф.* Некоторые итоги дискуссии по проблемам раннеклассовых обществ. Типология феодализма.— Вопросы истории феодализма. М., 1969.
149. *Колесницкий Н. Ф.* О некоторых чертах раннефеодального государства.—

- Социально-экономические проблемы истории древнего мира и средних веков. М., 1974.
150. *Кон И. С.* К проблеме возрастного символизма.— СЭ. 1981, № 6.
 151. *Конрад Н. И.* О рабовладельческой формации.— Избранные труды. История. М., 1974.
 152. *Коростовцев М. А.* Некоторые теоретические аспекты становления классового общества.— НАА. 1971, № 4.
 153. *Коростовцев М. А.* Опыт применения системного анализа в исследовании раннеклассовых обществ.— НАА. 1973, № 6.
 154. *Коростовцев М. А.* Рабовладельческий строй.— БСЭ. Т. 21.
 155. *Коростовцев М. А.* Рабовладельческая формация в свете исторического материализма.— ПСЭФ.
 156. *Косвен М. О.* Матриархат. История проблемы. М., 1948.
 157. *Косвен М. О.* Матриархат в Западной Африке.— СЭ. 1934, № 1—2.
 158. *Косвен М. О.* Об историческом соотношении рода и племени.— СЭ. 1951, № 2.
 159. *Косвен М. О.* Очерки истории первобытной культуры. М., 1957.
 160. *Котляр Е. С.* Ашанти мифология.— Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980.
 161. *Кочакова Н. Б.* Города-государства йорубов. М., 1968.
 162. *Кочакова Н. Б.* Особенности производства и присвоения прибавочного продукта в странах Бенинского залива.— ССДА.
 163. *Кочакова Н. Б.* Рождение африканской цивилизации (Ифе, Ойо, Бенин, Дагомей). М., 1986.
 164. *Кошеленко Г. А.* О некоторых проблемах становления и развития государственности в Древней Греции.— ОДОР.
 165. *Крупник И. И., Членов М. А.* Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов.— СЭ. 1979, № 2.
 166. *Кривелев И. А.* История религий. Т. 1. М., 1975.
 167. *Кривелев И. А.* К вопросу о типологии религиозных верований.— ПТЭ.
 168. *Крылов В. В.* Азиатский способ производства как особая форма рабства или феодализма.— ООИВ.
 169. *Крылов В. В.* Закономерности и особенности аграрной эволюции стран Африки.— Аграрные преобразования в странах Африки на современном этапе. М., 1982.
 170. *Крылов В. В.* Основные тенденции развития аграрных отношений в Тропической Африке.— НАА. 1965, № 4.
 171. *Крюков М. В.* К методике сбора полевого материала по системам родства.— СЭ. 1972, № 4.
 172. *Крюков М. В.* Система родства китайцев. М., 1972.
 173. *Крюков М. В.* Этнографические факты как источник изучения первобытности: проблема критериев стадийной глубины.— ЭИР.
 174. *Крюков М. В., Кузнецов А. И.* Введение.— Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.
 175. *Куббель Л. Е.* Введение.— ССДА.
 176. *Куббель Л. Е.* Доколониальные политические структуры Африки в западноевропейской этнографии.— СЭ. 1977, № 4.
 177. *Куббель Л. Е.* Древнейшее сообщение об обычае соправления брата и сестры у африканских народов.— СЭ. 1961, № 1.
 178. *Куббель Л. Е.* К истории общественных отношений в Западном Судане в VIII—XVI вв.— Африка в советских исследованиях. М., 1968.
 179. *Куббель Л. Е.* Об особенностях классовобразования в средневековых обществах Западного и Центрального Судана — СКГ.
 180. *Куббель Л. Е.* Потестарная и политическая этнография.— ИОЭ.
 181. *Куббель Л. Е.* Сонгайская держава. М., 1974.
 182. *Куббель Л. Е.* Формирование отношений зависимости и эксплуатации в доколониальной Африке.— НАА. 1986, № 3.
 183. *Куббель Л. Е.* «Формы, предшествующие капиталистическому производству» К. Маркса и некоторые аспекты возникновения политической организации.— СЭ. 1987, № 3.
 184. *Куббель Л. Е.* Этнические общности и потестарно-политические структуры.— ЭДРО.

185. Кузицин В. И. Понятие общественно-экономической формации и периодизация истории рабовладельческого общества.— ВДИ. 1974, № 3.
186. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976.
187. Куприянов П. И. Сельское хозяйство Ганы. М., 1972.
188. Куприянов П. И. Социальная структура ганской деревни.— Социально-экономические последствия аграрных реформ и социальная структура деревни в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1966.
189. Левин Ю. И. Об описании системы терминов родства.— СЭ. 1970, № 4.
190. Лооне Э. Н. Переходные состояния с пропуском формаций.— ССОР.
191. Львова Э. С. Этнография Африки. М., 1984.
192. Лысманкин Е. Н. Марксистско-ленинская теория общественно-экономической формации.— ФН. 1973, № 1.
193. Любинин А. К. Маркс о содержании категории «способ производства».— ЭН. 1986, № 5.
194. Любичев А. А. Проблемы систематики.— Проблемы эволюции. Вып. 1. Новосибирск, 1973.
195. Маглыш В. Н. Проблема формационной природы и типологии доколониальных обществ восточноафриканского Межозерья XVIII—XIX вв. М., 1981 (автореф. канд. дис.).
196. Манов Г. Н. Государство и политическая организация общества. М., 1974.
197. Маретин Ю. В. Община и ее типы в Индонезии.— ПИДО.
198. Маретин Ю. В. Община соседско-большесемейного типа у минангкабау.— СОНА.
199. Маретин Ю. В. Социальная стратификация в общинах соседско-родового и соседско-большесемейного типов.— Возникновение раннеклассового общества. М., 1973.
200. Маретина С. А. Проблема матрилинейности в зарубежной этнографии.— Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979.
201. Маретина С. А. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М., 1985 (автореф. докт. дис.).
202. Маркарян Э. С. Вопросы системного исследования общества. М., 1972.
203. Маркарян Э. С. Вопросы системного рассмотрения культуры и человеческой деятельности.— ИМ.
204. Марков Г. Е. Обычай избегания и проблема пережитков.— СЭ. 1979, № 1.
205. Марксистско-ленинская теория государства и права. Вып. 1. М., 1970.
206. Марксистско-ленинская теория государства и права. Вып. 4. М., 1971.
207. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. М., 1981.
208. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени. М., 1983.
209. Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
210. Матвеев В. В. Развитие этносоциального сознания у народов Судана в доколониальный период.— ЭИА.
211. Матвеев В. В. Традиция и фикция.— АЭС. 1978, № 11.
212. Медведев Е. М. Генезис феодальной формации в Индии.— Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973.
213. Медведев Е. М. Феодальные отношения в древней и средневековой Индии.— НАА. № 1970, № 3.
214. Мейен С. В., Шрейдер Ю. А. Методологические аспекты теории классификации.— ВФ. 1976, № 12.
215. Меликишвили Г. А. К вопросу о характере древнейших классовых обществ.— ВИ, 1966, № 11.
216. Меликишвили Г. А. Некоторые аспекты вопроса о социально-экономическом строе древних ближневосточных обществ.— ВДИ. 1975, № 2.
217. Меликишвили Г. А. Характер социально-экономического строя на Древнем Востоке.— НАА. 1972, № 4.
218. Мелик-Симонян К. А. Африканские традиционные религии. М., 1978.

219. *Меновщиков Г. А.* О пережиточных явлениях родовой организации у азиатских эскимосов.— СЭ. 1962, № 6.
220. *Милявская С. Л.* Категории зависимого населения в государстве Ашанти.— НАА. 1964, № 5.
221. *Мисюгин В. М.* Об отношении австралийских брачных классов к тураноганованской системе терминов родства.— ОПА.
222. *Морган Л. Г.* Древнее общество. Л., 1934.
223. Население Земного шара. М., 1965.
224. *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1975.
225. *Никифоров В. Н.* О проблемах докапиталистических формаций в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса.— ОЭФ.
226. *Никифоров В. Н.* [Рец. на:] Теория общественно-экономической формации. М., 1981.— ВП. 1984, № 8.
227. *Никифоров В. Н.* Феодализм на Востоке или «восточный феодализм»? — НАА. 1984, № 1.
228. *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Шапов Я. Н.* Назревшие проблемы типологии древнейших государств нашей страны.— ПСЭФ.
229. *Нуреев Р. М.* Генезис многоукладности в развивающихся странах.— Развивающиеся страны: проблемы воспроизводства в условиях многоукладной экономики. М., 1976.
230. *Нуреев Р. М.* Признаки основного производственного отношения и дискуссия об азиатском способе производства.— Механизм функционирования производственных отношений в условиях развитого социализма. М., 1976.
231. *Нуреев Р. М.* Принципы изучения основного производственного отношения в докапиталистических формациях (в связи с дискуссией об «азиатском способе производства»). М., 1977 (автореф. канд. дис.).
232. *Нуреев Р. М.* Проблема «азиатского способа производства» в советской историко-экономической литературе.— ВМГУ. Серия «Экономика». 1979, № 5.
233. *Нуреев Р. М.* Проблема «азиатского способа производства» в советской литературе.— Развитие политической экономики в СССР и ее актуальные задачи на современном этапе. М., 1981.
234. *Нуреев Р. М.* Рабовладельческий строй.— ЭЭ. Т. 3.
235. *Нуреев Р. М.* Теоретические предпосылки анализа докапиталистических способов производства.— ВМГУ. Серия «Экономика». 1977, № 5.
236. *Нуреев Р. М.* Феодализм.— ЭЭ. Т. 4.
237. *Нуреев Р. М.* Экономическая роль государства на Древнем Востоке (на примере Египта).— Экономическая роль государства в условиях антагонистических способов производства. М., 1979.
238. О сборнике ПИДО.— НАА. 1971, № 4.
239. Общественно-экономические формации. Проблемы теории. М., 1978.
240. *Огурцов А. П., Юдин Э. Г.* Типология.— БСЭ. Т. 25.
241. *Ольдерогге Д. А. В. И.* Ленин и проблемы возникновения государства. По африканским материалам.— КСД. 1970.
242. *Ольдерогге Д. А.* Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин.— СОИА.
243. *Оля Б.* Боги Тропической Африки. М., 1976.
244. *Орлова А. С.* История государства Конго. М., 1968.
245. *Орлова А. С., Львова Э. С.* Страницы истории великой саванны. М., 1977.
246. *Островитянов К. В.* Политическая экономия досоциалистических формаций.— Избранные произведения. Т. 1. М., 1972.
247. *Павлов В. И.* К стадийно-формационной характеристике восточных обществ в новое время (ответ).— НАА. 1982, № 1.
248. *Павлов В. И.* Социально-экономическая структура промышленности Индии. М., 1973.
249. *Павловская А. И.* По поводу дискуссии об азиатском способе производства на страницах журналов «Ирэн» и «Пансе».— ВДИ. 1965, № 3.
250. *Пегушев А. М.* Изучение истории Тропической и Южной Африки в СССР.— ИИА.

251. Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий. М., 1978.
252. Первобытное общество. М., 1975.
253. *Перицц А. И.* Данничество. М., 1973.
254. *Перицц А. И.* К проблеме сравнительно-исторического синтеза.— НАА. 1980, № 4.
255. *Перицц А. И.* Начальные формы эксплуатации и проблема их генетической типологии.— ПТЭ.
256. *Перицц А. И.* Периодизация первобытной истории.— ВП. 1980, № 3.
257. *Перицц А. И.* Проблемы нормативной этнографии.— ИОЭ.
258. *Перицц А. И.* Проблема типологизации общины в дореволюционной русской и советской этнографии.— ТИЭ. Т. 107, 1978.
259. *Перицц А. И.* Рабство.— СЭПТ.
260. *Перицц А. И.* Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории.— ТИЭ. Т. 54, 1960.
261. *Перицц А. И.* Социально-экономическая терминология в понятийном аппарате этнографии.— СЭ. 1983, № 5.
262. *Перицц А. И.* Традиции и культурно-исторический процесс.— НАА. 1981, № 4.
263. *Перицц А. И.* Этнография как источник первобытно-исторических реконструкций.— ЭИР.
264. *Перицц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества. М., 1974.
265. *Пфетиев-Амет В. И.* Рента в доколониальной Африке.— НАА. 1981, № 4.
266. *Пименов В. В.* Системный подход к этносу (к постановке проблемы).— Расы и народы. Вып. 16. М., 1986.
267. *Покровский В. С.* К вопросу о социально-экономической характеристике государств Западного Судана в XIX в.— НАА. 1963, № 2.
268. *Попов В. А.* Ашантийский оман как вариант племенной организации.— Африка. История, историография. М., 1980.
269. *Попов В. А.* Ашантийцы в XIX в. Опыт этносоциологического исследования. М., 1982.
270. *Попов В. А.* Ашантийцы в этнографии и этнография ашантийцев: фатальная несовместимость? — СЭ. 1989, № 5.
271. *Попов В. А.* Иерархия родовых институтов у аканов.— Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1980.
272. *Попов В. А.* К исторической типологии систем терминов родства: типы кроу и омаха.— СЭ. 1977, № 2.
273. *Попов В. А.* К характеристике ашантийского института второ.— СНВ. 1980, № 21.
274. *Попов В. А.* К характеристике традиционного мировоззрения аканов.— ТИЭ. Т. 113. Л., 1984.
275. *Попов В. А.* Методологическое и практическое значение категорий «колониальное общество» и «традиционное общество» для изучения специфики развития освободившихся стран.— Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982—1983 гг. Ч. 2. Черновцы, 1984.
276. *Попов В. А.* Некоторые проблемы типологических исследований в этнографии.— Проблемы этнографии и этнической антропологии. М., 1978.
277. *Попов В. А.* Опыт компонентного анализа систем терминов родства ашанти и фанти.— Этнокультурные процессы в современном и традиционном обществах. М., 1979.
278. *Попов В. А.* Общинные институты ашантийцев предколониального периода.— НАА. 1981, № 3.
279. *Попов В. А.* Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности (вместо ответа оппонентам).— СЭ. 1982, № 1.
280. *Попов В. А.* Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества (к постановке проблемы).— СЭ. 1981, № 6.
281. *Попов В. А.* Религии акан (Гана, Берег Слоновой Кости).— Традиционные и синкретические религии Африки. М., 1986.

282. *Попов В. А.* Системы терминов родства народов акан. Опыт историко-типологического анализа.— СЭ. 1977, № 6.
283. *Попов В. А.* Системы терминов родства аканов как этносоциологический источник.— АЭС. Вып. 13. 1982.
284. *Попов В. А.* Структурообразующий принцип и форма его проявления. (К методологии этносоциологических реконструкций первичной формации).— Взаимосвязь социальных и этнических факторов в современной и традиционной культуре. М., 1983.
285. *Попов В. А.* Традиционная социальная организация ашанти в предколониальный период: 1806—1874 (к проблеме типологической квалиметрии). Л., 1977 (автореф. канд. дис.).
286. *Попов В. А.* Филиация у аканов XIX в. Опыт историко-типологического исследования.— Этнокультурные процессы: методы исторического и синхронного изучения. М., 1982.
287. *Попов В. А.* Этнографическая наука в Гане.— Этнографическая наука в странах Африки. М., 1988.
288. *Попов В. А.* Язык чви (тви) в современной Гане.— НАА. 1983, № 6.
289. *Потехин И. И.* Военная демократия матабеле.— ТИЭ. Т. 14. 1951.
290. *Потехин И. И.* О феодализме у ашанти.— СЭ. 1960, № 6.
291. *Потехин И. И.* Поземельные отношения в странах Африки.— НАА. 1962, № 3.
292. *Потехин И. И.* Становление новой Ганы. М., 1964.
293. Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975.
294. Развивающиеся страны в современном мире: единство и многообразие. М., 1983.
295. *Ревуенкова Е. В.* Народы Малайзии и Западной Индонезии (некоторые аспекты духовной культуры). М., 1980.
296. *Рейснер Л. И.* Страны Востока: проблема исторического синтеза традиционности и современности.— ВАН. 1984, № 7.
297. *Розова С. С.* Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986.
298. *Румянцев А. М.* Возникновение и развитие первобытного способа производства. Присваивающее хозяйство. М., 1981.
299. *Румянцев А. М.* Возникновение и развитие первобытного способа производства. Первобытное воспроизводящее хозяйство. М., 1985.
300. *Садовский В. Н.* Основания общей теории систем. М., 1974.
301. *Сванидзе И. А.* Королевство Бенин.— Некоторые вопросы истории стран Африки. М., 1968.
302. *Сванидзе И. А.* Сельское хозяйство Тропической Африки. М., 1972.
303. *Семенов Ю. И.* Марксизм и первобытность.— СЭ. 1975, № 4.
304. *Семенов Ю. И.* Марксистско-ленинская теория общественно-экономических формаций и исторический процесс.— ФН. 1973, № 5.
305. *Семенов Ю. И.* О методике реконструкции развития первобытного общества по данным этнографии.— ЭИР.
306. *Семенов Ю. И.* О некоторых теоретических проблемах истории первобытности.— СЭ. 1968, № 4.
307. *Семенов Ю. И.* О стадийной типологии общин.— ПТЭ.
308. *Семенов Ю. И.* Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения.— Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980.
309. *Семенов Ю. И.* Об особенностях развития производительных сил докапиталистических классовых обществ.— ФН. 1985, № 1.
310. *Семенов Ю. И.* Основные этапы эволюции первобытной экономики.— НАА. 1984, № 1.
311. *Семенов Ю. И.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община.— СКГ.
312. *Семенов Ю. И.* Проблема социально-экономического строя древнего Востока.— НАА. 1965, № 4.
313. *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. М., 1974.

314. Семенов Ю. И. Теоретические проблемы «экономической антропологии». — Этнологические исследования за рубежом. М., 1973.
315. Семенов Ю. И. Теория общественно-экономических формаций и всемирная история. — ОЭФ.
316. Семенов Ю. И. Типология ранних форм эксплуатации. — НАА. 1985, № 4.
317. Сергеев Д. А. Пережитки отцовского рода у азиатских эскимосов. — СЭ. 1962, № 6.
318. Сетров М. И. Общие принципы организации систем и их методологическое значение. Л., 1971.
319. Симония Н. А. Вопросы формационного перехода в антагонистических обществах Востока в современную эпоху. — НАА. 1983, № 2.
320. Синицына И. Е. Традиционные институты в работах африканских ученых. — ИИА.
321. Следзевский И. В. Земледельческая община в Западной Африке: хозяйственная и социальная структура. — Община в Африке: проблемы типологии. М., 1977.
322. Смена стадий общественного развития. М., 1982.
323. Смирнова Я. С., Перещиц А. И. Еще раз о формационном и релятивистском подходах к оценке культурных явлений. — СЭ. 1979, № 5.
324. Снесарев Г. П. О реликтах мужских союзов в истории Средней Азии. М., 1974.
325. Старушенко Г. Б. Общее и особенное в развитии стран Африки. — НАА. 1980, № 2.
326. Страны и народы. Западная и Центральная Африка. М., 1979.
327. Струве В. В. Понятие «азиатский способ производства». — НАА. 1965, № 1.
328. Стюэ-Каналь Ж. Африка Западная и Центральная. География. Цивилизация. История. М., 1961.
329. Стюэ-Каналь Ж. Традиционные общества Тропической Африки и марксистская концепция «азиатского способа производства». — НАА. 1965, № 1.
330. Теория общественно-экономической формации. М., 1982.
331. Тер-Акопян Н. Б. Азиатский способ производства. — ЭЭ. Т. 1.
332. Тер-Акопян Н. Б. Взгляды К. Маркса на историю первобытного общества и понятие общественно-экономической формации. — СЭ. 1983, № 4.
333. Тер-Акопян Н. Б. Маркс и Энгельс об азиатском способе производства и земледельческой общине. — Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1973.
334. Тёкеи Ф. К теории общественных формаций. М., 1975.
335. Тёкеи Ф. Марксизм и некоторые проблемы ориенталистики. — ВФ. 1975, № 9.
336. Типология и классификация в социологических исследованиях. М., 1982.
337. Токарев С. А. Истоки этнографической науки. М., 1978.
338. Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей. — ВФ. 1964, № 11.
339. Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1964.
340. Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1965.
341. Томановская О. С. Изучение проблемы генезиса государства на африканском материале. — ОПА.
342. Томановская О. С. Лоанго, Каконго и Нгойо. М., 1980.
343. Трайде Д. Бигмен. — СЭПТ.
344. Трифионов Д. К. Категории и законы политической экономии. Л., 1973.
345. Тюркин В. Б. Единство исторического процесса и некоторые проблемы истории Тропической Африки. — Общее и особенное в историческом процессе. М., 1984.
346. Тюхтин В. С. Отражение, системы, кибернетика. М., 1972.
347. Удальцова З. В. Проблемы типологии феодализма в Византии. — ПСЭФ.
348. Уёмов А. И. Основные формы и правила выводов по аналогии. — Проблемы логики научного познания. М., 1964.
349. Ульяновский Р. А. Некоторые вопросы марксистско-ленинского учения о формациях и проблемы современного аграрного строя в странах Востока. — ООИВ.

350. *Урсу Д. П.* Современная историография Тропической Африки (1960—1980) М., 1982.
351. *Файнберг Л. А.* О возможных этнографических аналогах первобытного общества охотников и собирателей.— СЭ. 1981, № 6.
352. *Файнберг Л. А.* Общественный строй эскимосов и алеутов. М., 1964.
353. *Файнберг Л. А.* Племя.— БСЭ. Т. 20.
354. *Фалин Л. Н.* Логическая структура классификации.— ФН. 1971, № 3.
355. *Францов Г. П.* Научный атеизм. М., 1972.
356. *Французова Н. П.* Исторический метод в научном познании. М., 1972.
357. *Фува Т.* Марксова теория развития и азиатский способ производства.— НАА. 1988, № 1.
358. *Хазанов А. М.* Классообразование: факторы и механизмы.— ИОЭ.
359. *Хазанов А. М.* Община в разлагающихся первобытных обществах и ее исторические судьбы.— ВДИ. 1975, № 4.
360. *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культуры. М., 1971.
361. *Черных Е. Н.* От доклассовых обществ к раннеклассовым.— ОДОР.
362. *Черных Е. Н., Венгеров А. Б.* Структура нормативной системы в древних обществах.— ОДОР.
363. *Чеснов Я. В.* О принципах типологии традиционно-бытовой культуры.— ПТЭ.
364. *Членов М. А.* К характеристике социальной организации азиатских эскимосов. М., 1973.
365. *Членов М. А.* Опыт исследования малайской системы родства.— Малайско-индонезийские исследования. М., 1977.
366. *Чулочников В. С.* О понятиях «социальный слой» и «социальная группа».— ВЛГУ. 1973, № 23, вып. 4.
367. *Чумаси Аппа.* Некоторые аспекты материальной культуры, социальной организации и обычного права акан (Гана). Л., 1971 (автореф. канд. дис.).
368. *Шаревская Б. И.* Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. М., 1964.
369. *Шевченко В. Н.* К характеристике диалектики общественного развития.— ФН. 1978, № 4.
370. *Шинни М.* Древние африканские государства. М., 1982.
371. *Шпажников Г. А.* Религии стран Африки. М., 1983.
372. *Штаерман Е. М.* Античное общество.— ПИДО.
373. *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. М., 1969.
374. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.
375. *Юдин Э. Г.* Систематика.— БСЭ. Т. 24.
376. *Юдин Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности. М., 1978.
377. *Якушкин В. В.* Классификация.— БСЭ. Т. 12.
378. *Adu A. L.* The Role of Chiefs in the Akan Social Structure. Accra, 1949.
379. *Agbodeka F.* African Politics and British Policy in the Gold Coast, 1868—1900. L., 1971.
380. *Agyeman E. A.* A Note on the Foundation of the Kingdom of Gyaman.— GNQ. 1966, № 9.
381. *Agyeman F.* Ghana and Nigeria Relations.— Ghana Digest. 1973, № 1.
382. *Agyeman-Duah J.* The Ceremony of Enstoolment of the Asantehene.— GNQ. 1965, № 7.
383. *Akinjogbin J.* Dahomey and Its Neighbours, 1708—1818. Camb., 1967.
384. *Akwabi-Ameyaw K.* Ashanti Social Organization: Some Ethnographic Clarifications.— Ethnology. 1982, vol. 21, № 4.
385. *Alagoa E. J.* The Small Brave City-State. Ibadan, 1964.
386. *Allott A. N.* The Ashanti Law of Property.— Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft. 1966. Bd. 68, Hft. 2.
387. *Amegboh J.* Ossei Toutou, fondateur de la Confédération Ashanti. P., 1976.
388. *Ameyaw K.* Kwahu — an Early Forest State.— GNQ. 1966, № 9.
389. *Amin S.* Unequal Development. An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism. N. Y., 1976.

390. *Anderson J. D.* West Africa and East Africa in the XIXth and XXth Centuries. L., a. o., 1972.
391. *Anquandah J.* Rediscovering Ghana's Past. L., 1982.
392. *Anti A. A.* Akwamu—Denkyira—Akuapem and Ashanti in the Lives of Osei Tutu and Okomfo Anokye. Tema, 1973.
393. *Anti A. A.* The Ancient Asante King. Accra, 1974.
394. *Antubam K.* Ghana's Heritage of Culture. Lpz., 1963.
395. *Anyane S. L.* Ghana Agriculture. L.—Accra, 1963.
396. *Arhin K.* Aspects of the Ashanti Northern Trade in XIX Century.—Af. 1970, vol. 40, № 4.
397. *Arhin K.* Gold-Mining and Trading among the Ashanti of Ghana.—Journal des Africanistes. 1978, vol. 48, № 1.
398. *Arhin K.* Peasants in 19-th Century Asante.—CA. 1983, vol. 24, № 4.
399. *Arhin K.* Rank and Class Among the Asante and Fante in the Nineteenth Century.—Af. 1983, vol. 53, № 1.
400. *Arhin K.* State Intervention in the Akan Economy.—Universitas. 1974, vol. 3, № 3.
401. *Arhin K.* The Financing of the Ashanti Expansion (1700—1800).—Af. 1967, vol. 37, № 3.
402. *Arhin K.* The Structure of Greater Ashanti (1700—1824).—JAH. 1967, vol. 8, № 1.
403. *Arhin K.* Transit Market in the Asante Hinterland in the Late Nineteenth Century.—Odu. 1974, № 9.
404. *Arhin K.* West African Traders in Ghana in the Nineteenth and Twentieth Centuries. L., 1979.
405. *Atkinson R. R.* Old Akyem and the Origins of Akyems Abuakwa and Kotoku, 1675—1775.—WACD.
406. *Attobrah K.* The Kings of Akyem Abuakwa and the Nineteen Nine Wars. Against Asante. Tema, 1976.
407. *Augé M.* Les domaines de la parenté. P., 1975.
408. *Balandier G.* Political Anthropology. L., 1970.
409. *Balmer W. T.* A History of the Akan Peoples of the Gold Coast. N. Y., 1969.
410. *Barbot J.* A Description of the Coasts of the North and South Guinea.—Churchill A. and J. A Collection of Voyages and Travels. Vol. 9. L., 1746.
411. *Beecham G. R.* Ashantee and the Gold Coast. L., 1968.
412. *Biebuyk D.* Introduction.—African Agrarian Systems. L., 1963.
413. *Birmingham D.* A Note on the Kingdom of Fetu.—GNQ. 1966, № 9.
414. *Blake J. W.* Europeans of West Africa, 1450—1560. L., 1942, vol. 1.
415. *Bleeker S.* The Ashanti of Ghana. N. Y., 1966.
416. *Boahen A. A.* Arcany, or Accany, or Arcania, and the Accanists of the XVIIth and XVIIth Centuries European Records.—THSG. 1973, № 14.
417. *Boahen A. A.* Asante and Fante A. D. 1000—1800.—A Thousand Years of West African History. Ibadan, 1965.
418. *Boahen A. A.* Asante, Fante and the British, 1800—1880.—A Thousand Years of West African History. Ibadan, 1965.
419. *Boahen A. A.* Juaben and Kumasi Relations in the XIX Century.—Ashanti Research Project. Legon, 1964.
420. *Boahen A. A.* Politics in Ghana, 1800—1874.—HWA. Vol. 2., 1974.
421. *Boahen A. A.* The Origins of the Akan.—GNQ. 1966, № 9.
422. *Boahen A. A.* The Rise of the Akan.—MAAH.
423. *Boahen A. A.* Topics in West African History. L., 1968.
424. *Boahen A. A.* Two Faces of Ashanti.—THSG. 1962, № 6.
425. *Bonsu Kyeretwie K. O.* Ashanti Heroes. Oxf., 1964.
426. *Bosman W.* A New and Accurate Description of the Coast of Guinea.—A General Collections of the Best and Most Interesting Voyages and Travels in All Parts of the World. Vol. 16. L., 1814.
427. *Bowdich T. E.* Mission from Cape Coast Castle to Ashantee. L., 1819.
428. *Brackenbury H.* Narrative of Ashanti Wars. L., 1874.

429. *Braumann R. A.* The State Sword, a Pre-Ashanti Tradition.—GNQ. 1968, № 10.
430. *Brown E. J. P.* The Gold Coast and Asianti Reader. L., 1929, vol. 1.
431. *Brown G. N.* Asante and Fante in the Nineteenth Century.—Africa in the XIX and XX Centuries. Ibadan, 1966.
432. *Busia K. A.* The Ashanti of the Gold Coast.—African Worlds. Oxf., 1955.
433. *Busia K. A.* The Position of the Chief in the Modern Political System of Ashanti. Oxf., 1951.
434. *Casely Hayford J.* Gold Coast Native Institutions. L., 1903.
435. *Chrastaller J. G.* A Dictionary of the Asante and Fante Languages, Called Tshi (Chwee, Twi). Basel, 1881.
436. *Christensen J. B.* Double Descent Among the Fanti. New Haven, 1954.
437. *Christensen J. B.* The Role of Proverbs in Fante Culture.—Af. 1958, vol. 28, № 3.
438. *Claessen H. J. M.* The Early State in Africa.—Xth ICAES (Abstracts). New Delhi, 1978, vol. 1.
439. *Claessen H. J. M.* The Internal Dynamics of the Early State.—CA. 1984, vol. 25, № 4.
440. *Claridge W. W.* A History of the Gold Coast and Ashanti. Vol. 1. L., 1915.
441. *Cohen R.* Oedipus Rex and Regina: The Queen-Mother in Africa.—Af. 1977, vol. 47, № 1.
442. *Connoly R. M.* Social Life in Fanti-Land.—JRAI. 1897, vol. 26.
443. *Conton W. F.* West Africa in History. L., 1961, vol. 1.
444. *Coquery-Vidrovitch K.* Recherches sur une mode production africain.—La Pensée. 1969, № 144.
445. *Coquery-Vidrovitch K.* Research on an African Mode of Production.—African Social Studies: a Radical Reader. N. Y., 1977.
446. *Coquery-Vidrovitch C.* The Political Economy of the African Peasantry and Modes of Production.—Political Economy of Contemporary Africa. Beverly Hill—L., 1976.
447. *Coursey D. G.* The Origins and Domestication of Yams in Africa.—WACD.
448. *Coursey D. G.* Yams. L., 1967.
449. *Crook R.* Colonial Rule and Political Culture in Modern Ashanti.—Journal of Commonwealth Studies. 1973, vol. II, № 1.
450. *Cruickshank B.* Eighteen Years on the Gold Coast of Africa, L., 1966, vol. 2.
451. Cultural Policy in Ghana. Accra, 1961.
452. *Curtin P.* The Atlantic Slave Trade. Madison, 1969.
453. *Curtin P., Feierman S., Thompson L., Vansina Y.* African History. Boston—Toronto, 1978.
454. *Daaku K. Y.* A Note on the Fall of Ahwene Koko.—GNQ. 1968, № 10.
455. *Daaku K. Y.* Osei Tutu of Asante. L., a. o., 1976.
456. *Daaku K. Y.* Pre-Ashanti States.—GNQ. 1964, № 6.
457. *Daaku K. Y.* Slave Trade and African Society.—Emerging Themes of African History. L., 1968.
458. *Daaku K. Y.* Trade and Politics on the Gold Coast, 1600—1720. Oxf., 1970.
459. *Daaku K. Y.* Trade and Trading Patterns of the Akan in the 17th and 18th Centuries.—DIT.
460. *Dalton G.* Karl Polanyi's Analysis of Long-Distance Trade and His Wider Paradigm.—Ancient Civilization and Trade. Albuquerque, 1975.
461. *Dalziel A.* History of Dahomey. L., 1967.
462. *Dalziel J. M.* The Useful Plants of Western Tropical Africa. L., 1937.
463. *Damman E.* Les religions de l'Afrique. P., 1964.
464. *Danquah J. B.* Gold Coast: Akan Law and Customs and the Akim Abuakwa Constitution. L., 1928.
465. *Danquah J. B.* The Akan Doctrine of God. L., 1968.
466. *Dantzig van A.* The State Sword—a Pre-Ashanti Tradition.—GNQ. 1970, № 11.
467. *Datta A.* The Fante Asafo: a Re-Examination.—Af. 1972, vol. 42, № 4.

468. *Datta A., Porter R.* The Asafo System in Historical Perspective.—JAH. 1971, vol. 12, № 2.
469. *Davidson B.* The Growth of African Civilization. A History of West Africa, 1000—1800. L., 1967.
470. *Debrunner H. W.* A History of Christianity in Ghana. Accra, 1967.
471. *Debrunner H. W.* Witchcraft in Ghana. Accra, 1961.
472. *Delafosse M.* Coutumes indigènes des Agnis du Baoule.—Les coutumes indigènes de la Côte-d'Ivoire. P., 1902.
473. *Dickson K. B.* Introduction to the Second Edition.—*Danquah J. B.* The Akan Doctrine of God. L., 1968.
474. *Dickson K. B.* A Historical Geography of Ghana. Camb., 1969.
475. *Dickson K. B.* Trade Patterns in Ghana at the Beginning of the 18th Century.—Geographical Review. N. Y., 1966, vol. 56, № 3.
476. *Diggs E. I.* Black Chronology from 4000 B. C. to the Abolition of the Slave Trade. Hall, 1983.
477. *Dike K. O.* Trade and Politics in the Niger Delta, 1830—1885. L., 1982.
478. *Dodoo R.* Ashanti Cultural Resource Elements and their Relevance to the Perception and Utilizations of Resources.—African Studies Review. 1971, vol. 14, № 1.
479. *Dole G.* The Development of Patterns of Kinship Nomenclature. Ann Arbor, 1957.
480. *Dumett R. E.* Precolonial Gold Mining and the State in the Akan Region: with a Critique of the Terray Hypothesis.—REA. 1979, vol. 2.
481. *Dupuis J.* Journal of a Residence in Ashantee. L., 1824.
482. *Einzig P.* Primitive Money. L., 1949.
483. *Eisenstadt S. N.* African Age-Groups.—Af. 1954, vol. 24, № 2.
484. *Eisenstadt S. N.* Primitive Political Systems: a Preliminary Comparative Analysis.—AA. 1959, vol. 61, № 2.
485. *Ellis A. B.* The Tshi-Speaking Peoples of the Gold Coast of West Africa. L., 1887.
486. *Encyclopaedia Africana.* Vol. 1.
487. *Fage J. D.* A History of West Africa. Camb., 1969.
488. *Fage J. D.* Slavery and the Slave Trade in the Context of West African History.—JAH. 1969, vol. 10, № 3.
489. *Fagg W.* Divine Kingship. L., 1970.
490. *Feudalism in History.* Princeton, 1956.
491. *Fjoulkes A.* The Company System in Cape Coast Castle.—JAS. 1907, vol. 7, № 25.
492. *Fjoulkes A.* The Fanti Family System.—JAS. 1907, vol. 7, № 25.
493. *Field M. J.* Akim-Kotoku. An Oman of the Gold Coast. Westport, 1970.
494. *Field M. J.* Social Organization of the Ga People. L., 1940.
495. *Finley M. J.* Ancient Slavery and Modern Ideology. L., 1980.
496. *Firth R.* The Elements of Social Organization. L., 1951.
497. *Forced Migration.* The Impact of the Export Slave Trade on African Society. L., 1982.
498. *Fortes M.* Kinship and Marriage Among the Ashanti.—ASKM.
499. *Fortes M.* Kinship and Social Order. L., 1970.
500. *Fortes M.* Time and Social Structure.—Social Structure. Oxf., 1949.
501. *Freeman T. B.* Journal of Visits to Ashanti. L., 1877.
502. *Fried M. H.* On the Evolution of Social Stratification and the State.—CH.
503. *Fried M. H.* The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology. N. Y., 1967.
504. *Fried M. H.* The State, the Chicken, and the Egg, or What Come First?—OS.
505. *Fuller F. A.* A Vanished Dynasty: Ashanti. L., 1921.
506. *Fynn J. K.* Asante and its Neighbours, 1700—1807. L., 1971.
507. *Fynn J. K.* The Reign and Times of Kusi Obodom.—THSG. 1965, № 8.
508. *Fynn J. K.* The Rise of Ashanti.—GNQ. 1966, № 9.
509. *Fynn J. K.* The Structure of Greater Ashanti: Another View.—THSG. 1974, vol. 15, № 1.
510. *Ganshof F. L.* Qu'est-ce que la feodalisme?. Bruxelles, 1957.

511. *Gibson A. E. M.* Slavery in Western Africa.— JAS. 1903, vol. 3, № 9.
512. *Girenko N. M.* More on the Marxism and Matriarchate.— CA. 1979, vol. 20, № 4.
513. *Goody J.* Economy and Feudalism in Africa.— The Economic History Review. 1969, vol. 22, № 3.
514. *Goody J.* Ethnohistory and the Akan of Ghana.— Af. 1959, vol. 29, № 1.
515. *Goody J.* Feudalism in Africa.— JAH. 1963, vol. 4, № 1.
516. *Goody J.* Slavery in Time and Space.— Asian and African Systems of Slavery. Berkeley and Los Angeles, 1980.
517. *Goody J.* Technology, Tradition and the State in Africa. Oxf., 1971.
518. *Goody J.* The Classification of Double Descent Systems.— CA. 1961, vol. 2, № 1.
519. *Goody J.* The Mande and the Akan Hinterland.— HTA.
520. *Goody J.* The Over-Kingdom of Gonja.— WAK.
521. *Graft Jonson de J. W.* Akanland Tenure.— THSG. 1955, vol. I, pt 4.
522. *Graham C. K.* The History of Education in Ghana. Tema, 1975.
523. *Hagan G. P.* Ashanti Bureaucracy.— THSG. 1971, vol. 12.
524. *Harper C. H.* Notes on the Totemizm of the Gold Coast.— JRAI. 1906, vol. 36.
525. *Henige D.* Akan Stool Succession Under Colonial Rule — Continuity or Change? — JAH. 1975, vol. 16, № 2.
526. *Herskovitz M. J.* Dahomey, an Ancient West African Kingdoms. Vol. 2: N. Y., 1938.
527. *Herskovitz M. J.* The Ashanti Ntoro: a Re-Examination.— JRAI. 1937, vol. 67.
528. *Hertslet E.* The Map of Africa by Treaty. L., 1909.
529. *Hindess B., Hirst P. Q.* Pre-Capitalist Modes of Production. L., 1977.
530. Historic Christiansborg. Accra, 1961.
531. History of West Africa. Vol. 1. N. Y., 1976.
532. *Hymer S. H.* Economics Forms in Pre-Colonial Ghana.— Journal of Economic History. 1970, vol. 30, № 1.
533. *Ikime O.* Merchant Prince of the Niger Delta. L., 1968.
534. *Irvine G.* The Origins of the Akan and of Akan Culture.— Universitas. 1961, vol. 4, № 5.
535. *Johnson M.* Ashanti East of the Volta.— THSG. 1966, vol. 8.
536. *Jones G. J.* The Trading States of the Oil Rivers. L., 1963.
537. *July R. W.* A History of the African People. L., 1970.
538. *Junner N. R.* Gold on the Gold Coast. Colchester, 1935.
539. *Katz N.* Model of Production and the Process of Domination: the Classical Kingdom of Dahomey.— Xth ICAES (Abstracts). New Delhi, 1978, vol. 1.
540. *Kea R. A.* Administration and Trade in the Akwamu Empire, 1681—1730.— WAK.
541. *Kea R. A.* Firearms and Warfare on the Gold and Slave Coast from 16th to the 19th Century.— JAH. 1971, vol. 12, № 2.
542. *Kea R. A.* Settlements, Trade, and Politics in the 17th-Century Gold Coast. Baltimore and London, 1982.
543. *Kimble D.* A Political History of Ghana. The Rise of Gold Coast Nationalism, 1850—1928. Oxf., 1963.
544. *Kiyaga-Mulindwa D.* The «Akan» Problem.— CA. 1980, vol. 21, № 4.
545. *Klein A. N.* The Two Asantes: Competing Interpretations of «Slavery» in Akan-Asante Culture and Society.— ISA.
546. *Klein M. A.* The Study of Slavery in Africa.— JAH. 1978, vol. 19, № 4.
547. *Kluckhohn C.* The Use of Typology in Anthropological Theory.— MC.
548. *Krader L.* Formation of the State. N. Y., 1968.
549. *Krieger A. D.* Archeological Typology in Theory and Practice.— MC.
550. *Kroeber A. L.* Kinship and History.— AA. 1936, vol. 38, № 2.
551. *Kropp Dakubu M. E.* The Peopling of Southern Ghana: a Linguistic View-point.— ALRA.
552. *Kumah J. K.* The Rise and Fall of the Kingdom of Denkyira.— GNQ. 1966, № 9.

553. *Kwamenah-Poh M. A.* Government and Politics in the Akuapem State, 1730—1850. L., 1973.
554. *Kyerematen A.* Inter-State Boundary Litigation in Ashanti. L., 1971.
555. *Kyerematen A.* The Royal Stools of Ashanti.—Af. 1969, vol. 39, № 1.
556. *Law R.* Slaves, Trade, and Taxes: the Material Basis of Political Power in Precolonial West Africa.—REA. 1978.
557. *Lawrence A. W.* Trade Castles and Forts of West Africa. L., 1963.
558. *Lewin Th. J.* Asante Before the British. The Prempean Years, 1875—1900. Lawrence, 1978.
559. *Lewis H. S.* The Origins of African Kingdoms.—SEA. 1966, vol. 6, № 3.
560. *Limberg L.* The Fanti Confederation, 1868—1872. Göteborg, 1974.
561. *Lloyd A.* The Drums of Kumasi. The Story of the Ashanti Wars. L., 1965.
562. *Lloyd P. C.* The Political Structure of African Kingdoms: an Exploratory Model.—Political Systems and the Distribution of Power. L., 1968.
563. *Lombard P.* The Kingdom of Dahomey.—WAK.
564. *Lovejoy P. E.* Kola in the History of West Africa.—CEA. 1980, vol. 20, № 1/2 (t. 77—78).
565. *Lovejoy P. E.* Slavery in the Context of Ideology.—ISA.
566. *Lystad R. A.* The Ashanti: a Proud People. New Brunswick, 1958.
567. *MacDonald G.* The Gold Coast Past and Present. L., 1898.
568. *Mair L.* African Societies. Cambridge, 1974.
569. *Mair L.* An Introduction to Social Anthropology. L., 1969.
570. *Manoukian M.* Akan and Ga-Adangme Peoples of the Gold Coast. Oxf., 1950.
571. *Manoukian M.* Tribes of North Territories of the Gold Coast. L., 1951.
572. *Manshard W.* Agrarische Organisationsformen für den Binnenmarkt Bestimmter Kulturen in Waldgürtel.—Erdkunde. 1957, vol. 11, № 3.
573. *Martin E. C.* The British West African Settlements, 1750—1821. L., 1927.
574. *McCarthy M.* Social Change and the Growth of British Power in the Gold Coast. The Fante States, 1807—1874. L., 1983.
575. *McCaskie T. C.* Accumulation, Wealth and Belief in Asante History.—Af. 1983, vol. 53, № 1.
576. *McCaskie T. C.* Ahyiamu — «A Place of Meeting». An Essay on Process and Event in the History of Asante State.—JAH. 1984, vol. 25, № 2.
577. *McCaskie T. C.* Office, Land and Subjects in the History of the Manwere Fekuo of Kumase.—JAH. 1980, vol. 21, № 2.
578. *McKinney J. C.* Constructive Typology and Social Theory. N. Y., 1966.
579. *McLeod M. D.* The Asante. L., 1981.
580. *Metcalfe G. E.* Great Britain and Ghana. Documents of Ghana History (1807—1957). L., 1964.
581. *Meyerowitz E.* The Akan and Ghana.—Man. 1957, vol. 57, № 99.
582. *Meyerowitz E.* The Akan of Ghana. Their Ancient Beliefs. L., 1958.
583. *Meyerowitz E.* Akan Traditions of Origin. L., 1950.
584. *Meyerowitz E.* The Sacred State of the Akan. L., 1951.
585. *Migeod W. H.* The Gold Coast: its Physical Features, Flora, Fauna and Ethnology.—JAS. 1914, vol. 13.
586. *Müller W. J.* Die Afrikanische Landschaft Fetu. Hamburg. 1673.
587. *Murphy E. J.* History of African Civilization. N. Y., 1972.
588. *Myatt F.* The Golden Stool. An Account of the Ashanti War of 1900. L., 1966.
589. *Nadel S. F.* A Black Byzantium. The Kingdom of Nupe in Nigeria. L.—N. Y.—Toronto, 1942.
590. *Nadel S. F.* Double Descent in the Nuba Hills.—ASKM.
591. *Niangoran-Bouah G.* Symboles institutionnels chez les Akan.—l'Homme. 1973, vol. 13, № 1—2.
592. *Nketia J. H.* Drumming in Akan Communities of Ghana. L., 1963.
593. *Nketia J. H.* Funeral Dirges of the Akan Peoples. N. Y., 1969.
594. *Nketia J. H.* Traditional Festivals in Ghana and Community Life.—Cultures. P., 1976, vol. 3, № 2.
595. *Oliver R., Atmore A.* Africa Since 1800. Cambridge, 1972.
596. *Ollennu N. A.* Principles of Customary Land Law in Ghana. L., 1962.

597. *Ollennu N. A.* The Law of Testate and Intestate Succession in Ghana. L., 1966.
598. Origins of the State. The Anthropology of Political Evolution. Philadelphia, 1978.
599. *Oroge E. A. A.* The Rise and Fall of the Asante.—Tarikh. 1974, vol. 5, № 1.
600. *Owusu M.* Uses and Abuses of Political Power. A Case Study of Continuity and Change in the Politics of Ghana. L.—Chicago, 1970.
601. *Pacheco Pereira D.* Esmeraldo de Situ Orbis. L., 1937, 2-nd ser. № 79.
602. *Paulme D.* Les classes d'age dans le sud-est de la Côte-d'Ivoire.—Classe d'age en Afrique de l'Ouest. P., 1973.
603. *Pershitz A.* Neighbourhood and Kinship in Local Community.—Soviet Studies in Ethnography. M., 1978.
604. *Polanyi K.* Dahomey and the Slave Trade. Seattle—L., 1966.
605. *Polanyi K.* Ports of Trade in Early Societies.—Journal of Economic History. 1963, vol. 23, № 1.
606. *Popov V. A.* Secondary Forms of Political Organization in the Ethnosocial History of Sub-Saharan Africa. M., 1988.
607. *Posnansky M.* Archaeological and Linguistic Reconstruction in Ghana.—ALRA.
608. *Posnansky M.* Archaeology and the Origins of the Akan Society in Ghana.—Problems in Economic and Social Archaeology. L., 1976.
609. *Price B. J.* Secondary State Formation: an Explanatory Model.—OS.
610. *Priestly M., Wilks J.* The Ashanti Kings in the 18th Century: a Revised Chronology.—JAH. 1960, vol. 1, № 1.
611. *Radcliffe-Brown A. R.* Structure and Function in Primitive Society. L., 1959.
612. *Ramseyer F., Kühne J.* Four Years in Ashantee. L., 1875.
613. *Rattray R. S.* Ashanti. Oxf., 1923.
614. *Rattray R. S.* Ashanti Law and Constitution. Oxf., 1929.
615. *Rattray R. S.* Ashanti Proverbs. Oxf., 1916.
616. *Rattray R. S.* Religion and Art in Ashanti. Oxf., 1927.
617. *Rattray R. S.* The Tribes of the Ashanti Hinterland. Oxf., 1932.
618. *Reindorf C. C.* History of Gold Coast and Ashanti. L., 1895.
619. *Reynolds E.* Trade and Economic Change on the Gold Coast, 1807—1874. L., 1974.
620. *Richards W. A.* The Import of Firearms into West Africa in the Eighteenth Century.—JAH. 1980, vol. 21, № 1.
621. *Robinson D., Smith D.* Sources of the African Past. N. Y., 1979.
622. *Rodney W.* African Slavery and Other Forms of Social Oppression on the Upper Guinea Coast in the Context of the Atlantic Slave Trade.—JAH. 1966, vol. 7, № 3.
623. *Rodney W.* Gold and Slaves on the Gold Coast.—THSG. 1969, № 10.
624. *Rodney W.* The Impact of the Atlantic Slave Trade on West Africa.—MAAH.
625. *Ryder A. F. C.* Materials for West African History in Portuguese Archives. L., 1965.
626. *Sarbah J. M.* Fanti Customary Law. L., 1904.
627. *Sarbah J. M.* Fanti National Constitution. L., 1968.
628. *Sarpong P. K.* The Sacred Stools of the Akan. Tema, 1971.
629. *Service E. R.* Origins of the State and Civilization. N. Y., 1975.
630. *Service E. R.* Primitive Social Organization. N. Y., 1962.
631. *Shaper A. I.* Government and Politics in Tribal Societies. L., 1956.
632. *Southall A.* Alur Society. Cambridge, 1953.
633. *Sowunmi M. A.* The Beginnings of Agriculture in West Africa: Botanical Evidence.—CA. 1985, vol. 26, № 1.
634. *Staniland M.* The Lions of Dagbon: Political Change in Northern Ghana. Cambridge, 1975.
635. *Stewart J. M.* Niger-Congo, Kwa.—Current Trends in Linguistics. 1971, vol. 7.
636. *Tait D.* The Konkomba of Northern Ghana. Oxf., 1961.

637. *Tauxier L.* Religion, Moeurs et Coutumes des Agnis de la Côte-d'Ivoire. P., 1932.
638. *Tenkorang S.* The Importance of Firearms in the Struggle between Ashanti and the Coastal States.—THSG. 1968, № 9.
639. *Terray E.* Classes and Class Consciousness in the Abron Kingdom of Gyaman.—Marxist Analyses and Social Anthropology. L., 1975.
640. *Terray E.* Event, Structure and History: the Formation of the Abron Kingdom of Gyaman (1700—1780).—ESS.
641. *Terray E.* Long-Distance Exchange and the Formation of the State: the Case of the Abron Kingdom of Gyaman.—Economy and Society. 1974, vol. 3, № 3.
642. *Terray E.* Marxism and «Primitive» Societies. N. Y., 1972.
643. The Cambridge History of Africa. Vol. 4. Cambridge, 1976.
644. The Cambridge History of Africa. Vol. 5. Cambridge, 1975.
645. The Early State. The Hague—P.—N. Y., 1978.
646. The Study of the State. The Hague—P.—N. Y., 1981.
647. *Tordoff W.* Ashanti Under Prempeh (1888—1935). L., 1965.
648. *Tordoff W.* The Ashanti Confederacy.—JAH. 1962, vol. 3, № 3.
649. *Trutenau H. M. J.* Introduction.—Languages of the Akan Area. Basel, 1976.
650. *Twumasi Appiah G.* Some Aspects of Material Culture, Social Organization and Customary Law of the Akan of Ghana. Leningrad, 1971 (пункт канд. дис.).
651. *Vansina J.* A Comparison of African Kingdoms.—Cultural and Social Anthropology. N. Y.—L., 1964.
652. *Vansina J.* The Oral Tradition. L., 1969.
653. *Vansina J.* The Use of Oral Tradition in African Cultural History.—Reconstructing African Culture History. Boston, 1967.
654. View of the Gold and Coinage of England. L., 1763.
655. *Ward W. E. F.* A History of Gold Coast. L., 1949.
656. *Webster J. B., Boahen A. A.* History of West Africa. The Revolutionary Years—1815 to Independence. N. Y.—Wash., 1970.
657. *Weiskel T. C.* L'Histoire socio-économique des peuples baule: problèmes et perspectives de recherche.—CEA. 1976, vol. 16, № 1—2 (t. 61—62).
658. *Weiskel T. C.* The Precolonial Baule: a Reconstruction.—CEA. 1980, vol. 18, № 4, (t. 72).
659. *Wild R. P.* Iron Disc Currency From Ashanti.—Man. 1936, № 99.
660. *Wilks I.* Akwamu and Otublohum: an Eighteenth Century Akan Marriage Arrangement.—JRAI. 1959, vol. 29.
661. *Wilks I.* Asante in the Nineteenth Century. The Structure and Evolution of a Political Order. Cambridge, 1975.
662. *Wilks I.* Asante Policy Towards the Hausa Trade in the 19th Century.—DIT.
663. *Wilks I.* Ashanti Government.—WAK.
664. *Wilks I.* Aspects of Bureaucratization in Ashanti in the Nineteenth Century.—JAH. 1966, vol. 7, № 2.
665. *Wilks I.* Land, Labour, Capital and the Forest Kingdom of Asante: a Model of Early Change.—ESS.
666. *Wilks I.* The Golden Stool and the Elephant Tail: an Essay on Wealth in Asante.—REA. 1979, vol. 2.
667. *Wilks I.* The Growth of the Akwapim State: a Study in the Control of Evidence.—HTA.
668. *Wilks I.* The Mossi and Akan States to 1800.—History of West Africa. Vol. 1. N. Y., 1976.
669. *Wilks I.* The Northern Factor in Ashanti History. Accra, 1961.
670. *Wilks I.* The Position of Muslims in Metropolitan Ashanti in the Early 19th Century.—Islam in Tropical Africa. Oxf., 1966.
671. *Wilks I.* The State of the Akan and the Akan States: A Discursion.—CEA. 1982, vol. 22, № 3—4.

672. *Wilks I.* Wangara, Akan and Portuguese in the 15th and 16th Centuries.—
JAH. 1982, vol. 23.
673. *Wrigley C. C.* Historicism in Africa: Slavery and State Formation.—
African Affairs. 1971, vol. 70, № 279.
674. *Zahan D.* The Mossi Kingdoms.— WAK.

ГЛОССАРИЙ

- Абан (букв. «каменный дом», «дворец») — правительство (в Конфедерации Ашанти); первоначально — «дом как отдельное строение», затем «каменное здание» и т. д.
- Абанджуа — Золотой Трон, см. Абан. Джуа и Сикаджуа
- Абосомфо — жрецы при святилищах абосомов
- Абофра (мн. ч. ммофра) — дитя, младший, зависимый (ммофра-бере — детство)
- Абремпон, абремпонфо (ед. ч. обремпон) — родо-племенная знать, старейшины
- Абусуа — матрилинейный род
- <п>Абусуапанин — глава абусуа
- Абусуапон — надрод (совокупность нескольких абусуа, имеющих общее имя и другие символы единства)
- Абусуафо — члены одной абусуа (или абусуапон)
- Авова см. Нвовафо
- Авовасие — кабальничество (долговое невольничество)
- Авунаде — «налог» на наследство
- Адамфо — официальный посредник, обеспечивающий связи оманхене и абремпонов с асантехене (букв. «друг»)
- Адаз (букв. «место успокоения») — традиционный праздник, главный ритуал культа предков; отмечался через каждые три недели
- Адече — дарообмен
- Аджумфо — ремесленники
- Адинкра — традиционная одежда (праздничное кенте с тисненным специальными штампами орнаментом)
- Адонтен — 1) главные силы боевого порядка; 2) один из кумасийских фекуо
- Аквamuхене — 1) правитель омана Аквamu; 2) глава кумасийского фекуо Аквamu
- Акоа см. Нкоа
- Аконнуа (мн. ч. нконнуа) — скамеечка из дерева — вместилище души человека
- Акрадини — первое имя человека, получаемое сразу после рождения в зависимости от дня рождения в отличие от второго имени, дававшегося на восьмой день в честь предка
- Акура — деревенская община
- Амансин — ЭПО-протектораты, входившие в состав Конфедерации Ашанти
- Амантеасе — ЭПО-данники Асантемана, номинально входившие в состав Конфедерации Ашанти
- Аманто — первые оманы, составившие военный союз Асанте; собственно ашантийские оманы.
- Анкобеа — 1) единица боевого порядка (отряд троносцев и их охрана); 2) один из кумасийских фекуо (телохранителей)
- Асаманфо (ед. ч. осаман) — духи предков
- Асанте — военный союз нескольких оманов Квамана (см. Аманто), ашантийцы
- Асанте Нкабом — Конфедерация Ашанти, включая Асантеман, амансин и амантеасе
- Асантеман — ашантийский союз вождеств, включая аманто и Кумаси.
- Асантеман Нхияму — Совет старейшин Конфедерации Ашанти
- Асантехене — верховный правитель Асантемана
- Асасекура (букв. «хозяин земли») — первопоселенцы
- Асафо (букв. «люди войны») — 1) военный отряд; 2) молодежь; 3) общинники (у фантийцев)
- Асаfoxене — командир отряда асафо, военный вождь
- Аседа — судебное вознаграждение (подношение от тех, кого признали невиновными)
- Асикафо см. Сикафо
- Асомфо (или нхенква, ахенкоа) — служилая знать
- Асофо — жречество см. Абосомфо, Окомфо и Асуманфо

- Асуманфо — знахари
 Афонасоафо — меченосцы
 Ахенкоа см. Асомфо
 Ахенфо (ед. ч. охене), или нананом (ед. ч. нана), — вожди, правители
 Ахиафо (ед. ч. охиани) — бедняки, нсимущие (в современном языке чви — «крестьяне»)
 Ахохофо — чужаки-аканы, ср. Зонгофо
 Ахуньяде — личная собственность (личное владение и пользование)
 Ачере — невольники, предназначенные для жертвоприношений.
 Бангама — пригород Кумаси, в котором находился Барим — мавзолеем асантехене
 Барим (Банму) — мавзолеем асантехене, служивший одновременно сокровищницей Конфедерации Ашанти
 Батафо — торговцы
 Батахене — глава торговцев омана
 Бенкум — 1) левый фланг войска (единица боевого порядка); 2) один из кумасийских фекуо
 Босом см. Обосом
 Браффо (браффу) — 1) выборный военный предводитель у фантийцев и фету; 2) верховный вождь у фантийцев XVIII в.
 Броню — квартал
 Бронюпанни — глава броню
 Вари — популярная игра у аканов
 Вура — хозяин, патрон
 Джасе (букв. «домашний очаг», «внутренний двор») — 1) домохозяйство вождя; 2) отряд телохранителей — единица боевого порядка; 3) один из кумасийских фекуо, ставший главным экономическим (хозяйственным) ведомством Конфедерации Ашанти
 Джасевахене — глава казначейства Конфедерации Ашанти.
 Джасефо — собирательное название служилой знати («дворянство»)
 Джуа (gua) — рынок, базар
 Джуа (dwa) — деревянная скамеечка-трон — символ власти вождя, ср. Аконнуа
 Джуади — локальная торговля (женское занятие)
 Домум (мн. ч. ннонум) — невольник-полоняник
 Зонго — квартал чужаков
 Зонгофо — чужаки-неаканы, ср. Ахохофо
 Кенте — традиционная многоцветная одежда типа римской тоги
 Конти — 1) одно из формирований главных сил боевого порядка; 2) один из кумасийских фекуо
 Контихене (кронтихене, кронтирехене, контирехене и т. п.) — главнокомандующий войском омана, второе должностное лицо в омане
 Манкрадо (оманкрадо) — военный предводитель у ачемцев (аналог контихене)
 Ммамма (аммамма) — дети и внуки правящих или умерших (но не смещенных) асантехене и оманхене; их статус передавался только патрилинейно
 Ммеранте — 1) молодежь (ммеранте-бере — молодость); 2) общинники.
 Мпанни см. Опанни
 Нана см. Ахенфо
 Нвовафо (ед. ч. авова, нвова) — кабальники (долговые невольники).
 Нифа — 1) правый фланг войска (единица боевого порядка); 2) один из кумасийских фекуо
 Нкоа (ед. ч. акоа) — клиенты, зависимые, невольники
 Нконнуафисо — дом скамеек (святлище)
 Нкураафо (нкураасфо) — общинники, крестьяне
 Ннонкофо (ед. ч. одонко) — невольники (рабы), чаще всего — невольники-серваряне, т. е. представители вольтийских этносов
 Нсоко — манде, мандинги
 Нхенква см. Асомфо
 Нторо (эджабосом) — 1) патрилатеральный и экзогамный социальный институт; 2) душа-личность
 Нхиям — совет старейшин

- Обосом — дух (демон)
 Одекуро — глава деревенской общины
 Одехье — знать
 Оджира (букв. «очищение») — ежегодный праздник, включал цикл обрядов очищения народа от скверны, почитания умерших оманхене и асантехене и освящения нового урожая ямса
 Одонко см. Нионкофо
 Окомфо (букв. «оракул») — жрец
 Окра — душа-дыхание, особая жизненная сила; каждый из семи видов окры ассоциируется с определенным днем недели и покровительствует людям, родившимся в этот день
 Оман — вождество (племя-вождество)
 Оманхема — соправительница оманхене
 Оманхене — глава вождества
 Опанин (опаньин, мн ч. мпанинфо) — старший (букв. «взрослый», «зрелый») Осахене — военный вождь
 Охема (ж. р. от «охене») — соправительница вождя
 Охене — вождь, правитель, глава, начальник см. Ахенфо
 Очсаме (очуаате) — должностное лицо, посредник при общении вождей с их подданными
 Панин см. Опанин
 Переджуан — мера веса золотого песка; 1 переджуан соответствовал 2,25 тройской унции в XIX в.
 Санаахене — казначей
 Сафохене см. Асафохене
 Сика — золото
 Сикаджуа — Золотой Трон
 Сикамена — золотой хвост слона — высший знак богатства, символ статуса асантехене
 Сикафо, асикафо (ед. ч. осикани, или одефо (букв. «богатые люди»), — богачи, торговая элита, сформировавшаяся из разбогатевших на посреднической торговле общинников и мелких асафохене
 Суман — фетиш, амулет, оберег
 Сунсум — душа-тень
 Туфухене — военный предводитель
 Фекуо (букв. «группа сверстников») — 1) возрастная группа; 2) военный отряд; 3) социальный институт, возникший в Кумаси на базе военных отрядов и составивший основу системы управления Конфедерации Ашанти
 Фие — домохозяйство
 Фиевура — глава большесемейной общины
 Фиефо — большая семья
 Фо — 1) люди, группа людей; 2) формант для образования мн. числа.
 Хене см. Охене
 Чафо — 1) авангард — единица боевого порядка; 2) один из кумасийских фекуо
 Чидом — 1) арьергард — единица боевого порядка; 2) один из кумасийских фекуо
 Эджабосом см. Нторо
 Яфуну — подрод (линидж)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рисунки

- с. 64—65 Замок Эльмины в XVI, XVIII и XIX вв.
с. 78—79 Ашантийские гирьки с цифрами
с. 98 Аканские мечи
с. 99 Ашантийское оружие
с. 106—107 Ашантийские троны
с. 126 Ашантийский трон (джуа)
с. 126 Главный барабанщик асантехене с барабаном Сика Акукуа
с. 127 Абусуа Курува — церемониальный глиняный сосуд
с. 138 Ашанти. Деревянное навершие зонты
с. 138 Бауле. Двойная антропоморфная маска
с. 139 Ашантийская гирька (церемониальные мечи)
с. 139 Сандалии ашантийского оманхене (регалии омана Оффинсу)
с. 152 Акуаба (фас и профиль)
с. 153 Сасабонсам
с. 166 Ашантийский гроб
с. 167 Аньи. Терракотовая погребальная статуэтка
с. 167 Ашантийский деревянный гребень
с. 182—183 Ашантийские гирьки с цифрами
с. 194 Бауле. Деревянная статуя предка
с. 194 Дерево Ньяме (Ньямедуа)
с. 195 Церемониальные стеки
с. 204 Абан
с. 205 Оманхене и его свита

Таблицы и схемы

- с. 122 Брачные связи между оманхене и оманхемами Кумаси, Джуабена и Мампонга в XIX в.
с. 164 Аканские акрадини
с. 234—235 Правители Конфедерации Ашанти (асантехене)
с. 236 Генеалогия асантехене и асантехем

Фотографии (между с. 144 и 145)

Акуаба. Дерево
Ашантийская гирька для взвешивания золотого песка (охотник с леопардом).
Бронза
Ашантийская золотая маска
Спальни во дворце асантехене. На переднем плане — игроки в вари (с рисунка Т. Э. Баудича)
Ашантийские воины
Ашантиец с жезлом очеаме
Ашантийский жрец (окомфо)
Деревянная фигурка оракула бауле
Серебряный трон асантехемы
Золотые украшения кумавахене
Ашантийское святилище (босомдан) обосома Тано. XIX в.
Замок Кристиансбург

СПИСОК КАРТ

- с. 61 Карта 1. Денчира и Ачем в конце XVII в.
с. 62 Карта 2. Берег Слоновой Кости и Золотой Берег в XVIII в.
с. 111 Карта 3. Федерация Фанти и ачемские омаи в начале XVIII в.
с. 129 Карта 4. Конфедерация Ашанти в середине XVIII в. (при Опоку
 Варе)
форзац 1 Карта. Золотой Берег и его хинтерланд в XVIII—XIX вв.
форзац 2 Карта. Конфедерация Ашанти в начале XIX в.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аа 113
 Аанта (Анте, Аханта) 61—63, 78, 111, 128—130, 230
 Аафо (Ахафо) 54, 62, 113
 Абанкессо (Бансо) 115, 121, 229
 Абаси 111, 128—130, 134, 137
 Абеокута 215
 Абиджан 54
 Абора 111—113, 135, 137, 230
 Абрамбо 97
 Абури 129, 136, 229
 Авукуджуа 120, 121
 Авуна 129
 Агаве 229
 Агона 62, 63, 111, 113, 115, 123, 134, 229
 Агуафо (Эгуафо) 63, 111
 Ада 62, 128, 229
 Аданси 57, 59—61, 75, 109, 115, 123, 125, 129, 134, 175
 Адуабен 121—123
 Аило 229
 Айту 114
 Акан 57, 75, 115
 Акасса 211
 Акваму 60, 62, 78, 100, 110, 114, 116, 117, 120, 121, 125, 128—130, 132, 133, 141, 162, 177, 184, 185, 201, 202, 229, 230, 258
 Акваним 60, 62, 116, 117, 128, 129, 133, 136, 177, 202, 223, 229, 230
 Акванимские холмы 75, 116, 120
 Аккад 58
 Аккра 58, 62, 64, 65, 70, 76, 78, 114, 116, 128—130, 177, 229
 Аккра Конфедерация 70, 215
 Акомодан 79
 Акраде 229
 Акрочере 121
 Аксим 61, 62, 64, 65, 68, 71, 77, 111, 115, 231
 Акуропон (Акропонг) 117, 129
 Амакон (Амаком) 63, 120
 Аманахна (Аманахия) 63, 111, 128, 230
 Амансе 59, 61
 Америка 40, 67, 180, 195, 201, 219
 Амстердам, форт 65, 227
 Амоку 62, 65
 Англия 5, 6, 18, 22, 25, 64—70, 79, 97, 98, 118, 133, 134, 136, 176, 177, 188, 227
 Анкобна 118
 Анкобра, р. 62, 71, 75, 227
 Аномабо (Аномабу) 61, 62, 64, 76—78, 111—113, 128, 135, 137, 212
 Анум 71
 Аовин 61, 62, 75, 115, 128—130, 229, 230
 Апам 62, 65, 111
 Апапам 116
 Аполлония (Беньин) 61, 62, 65, 76, 111, 128
 Аргин 227
 Ардра 67, 211
 Асаитмансо 60, 61, 63, 119, 120, 124, 177
 Асафо 63, 124, 125
 Асебу 63, 97, 111, 212
 Асини 62, 65, 112
 Ассин 57, 60—63, 70, 80, 99, 110, 111, 115, 128, 129, 133, 134, 175, 182, 229, 230
 Ассинская тропа 110, 115
 Асумеджа 121—123, 125, 128, 129, 134
 Атеби 229
 Атебубу 77, 128, 129, 130
 Афины 36
 Афрам, р. 129
 Африка 3, 4, 6, 7—10, 22, 45, 46, 51, 58, 65, 67, 78, 101, 171, 190—193, 214, 232
 Западная 64, 65, 76, 79, 171, 212, 218, 228
 Северная 58, 66
 Тропическая 3, 5, 10, 46, 47, 58, 60, 64, 72, 77, 80, 174, 191, 193, 196, 199, 205, 209, 213, 214, 225, 232
 Юго-Восточная 79, 101
 Ахафо, см. Аафо, Бронг-Ахафо
 Ачем 55, 60—63, 76, 110, 111, 114, 115, 129, 132, 177, 229
 Абуаква 56, 57, 111, 114—117, 128, 130, 202
 Котоку 57, 105, 111, 115, 116, 119, 128, 130
 Сведру (Босоме) 111, 115, 116, 130
 Ачидом 118
 Ашанти 54, 60, 63, 69, 75, 80, 111, 115, 119, 120, 122, 131, 133, 203, 205, 207, 213, 227, 229
 Ашанти Конфедерация 5, 6, 8, 9, 11, 63, 69, 70, 77, 100, 110, 114, 116—121, 123, 127, 130, 131, 133—135, 139, 142, 146, 161, 177, 178, 181, 183, 191, 198, 202—206, 208, 209, 211, 215—217, 223—226, 229, 230, 232, 258, 260
 Банда 76, 128—130, 134, 230, 232
 Бандама, р. 54, 62, 71, 75, 113, 171
 Бантама 162, 229, 259
 Баса 128, 130

- Бваке 54
 Бего (Бигу, Бигу, Бе'о) 59, 75, 77, 115, 120, 129, 232
 Бейши (Беньши) 112, 129, 231
 Беквай 60, 121—123, 125, 129, 134
 Бешш 67, 129, 182
 Бешшский зал 59
 Бенуэ, р. 58
 Берег Людей Кваква 62, 65, 113
 Берег Слоновой Кости 62, 65, 66, 113, 118
 Берскум 128—130, 134
 Бераку 62, 112, 231
 Биа, р. 71, 157
 Бирим, р. 57, 60, 71, 110, 114
 Болс 229
 Бондуку 54, 76, 117, 118, 129, 142
 Боши 211
 Бою 59, 80, 115, 231, 232
 Бою-Мансу 59, 115
 Бороборо 63, 112
 Босомчви, оз. 60, 61, 71, 86, 157
 Бразилия 67
 Бранденбург 65
 Брасс 211
 Бронг-Ахафо 54, 113
 Брехеми 211
 Буганда 196, 200, 206, 209
 Буцу 229
 Бутри 62, 68, 231
 Буру 86
- Барри 211
 Васса 61—63, 70, 75, 76, 115, 128—130, 133—135, 179, 229, 230, 232
 Великобритания, см. Англия
 Венчи 71, 128—130, 134, 180
 Вида 67, 114, 211
 Вишеба 59, 62, 64, 76, 111, 114, 129, 135, 212, 231
 Вольга, р. 54, 59, 62, 70, 71, 114, 129, 227, 228
 Бслая 77, 229, 230
 Черная 77, 129, 229, 230
 Восток 3, 34, 40, 41, 44, 45
- Гамбага 142
 Гана Древняя (Лукар) 58, 212
 Гана Республика 4, 6—8, 10, 11, 54, 56, 58, 63, 70, 76, 113, 117, 156, 223, 227, 229
 Гбуине 76, 229
 Гвинейский зал 59, 61, 63, 64, 71, 76, 77, 221, 227
 Германия 229, 230
 Голландия 66—70, 97, 134, 171, 227
 Гомуа 111, 135
 Гонджа 75, 77, 128—130, 177, 229—230
 Греция Древняя 58
 Гросс-Фридрихсбург 65
- Дабойа 75, 76, 229
 Дагомба 128, 130, 134, 177, 229, 230
 Дагомея 63, 179, 196, 198
 Дака, р. 54, 229
 Дания 65, 66, 68, 98, 227
 Денсу, р. 114
 Денцира 55, 59—63, 70, 75, 100, 110, 114, 115, 119, 121—123, 130, 132—135, 175, 202, 229, 230, 232
 Джаман 8, 76, 117, 118, 120, 128—130, 134, 177, 179, 202, 223, 229, 230
 Джеймс, форт 64
 Женне 77
 Джуабен 55, 76, 121, 122—125, 129, 133, 134
 Диксков 64, 111
 Домаа (Домниа) 63, 125, 128
 Домаквай 125
 Донкро-Нкванта 79
 Дормаа (Вам-Паму) 117, 120, 129, 130, 134, 229
- Европа 6, 8, 34, 64, 66—69, 136, 177, 183, 217, 218, 224
 Западная 34, 217, 231, 232
 Египет 58
 Енди 76, 77, 124, 128, 230
- Запад 44, 45, 50
 Западнофранкское королевство 18
 Золотой Берег, географ. 6, 8, 56, 58, 60, 62, 64—69, 72, 75, 78, 80, 97, 99, 110, 114, 115, 120, 128, 130, 134, 136, 137, 143, 144, 146, 171, 176, 177, 192, 195, 212, 213, 217, 219, 221, 227—229, 231
 колония 6, 58, 69—70, 118, 134, 136, 137, 188, 227, 230, 232
- Ибадан 212
 Иерусалимское королевство 18
 Иль-де-Франс 33
 Индеец 62, 113
 Индия Северо-Восточная 209
 Инсоко 59
 Италия 18
- Каасе 63, 120
 Кабо-Корса, см. Кейп-Кост
 Камана 229
 Камерунские горы 171
 Кано 79, 228
 Карага 230
 Каву 128—130, 134, 229, 230
 Квамаи 60, 61, 63, 111, 115, 119, 120, 123, 124, 137, 229, 231, 258
 Кваху, плато 71
 Кейп-Кост 59, 62, 64, 70, 76, 77, 78, 96, 111, 115, 128, 129, 135, 136, 177
 Кета 62, 229
 Кете-Крачи 128—130, 141

- Кибби 116, 129
 Кинтапо 77, 129
 Кокофу 121, 125, 129, 134
 Коммеда (Коммани) 62, 65, 77, 78, 111, 129, 135, 230, 231
 Комоз, р. 54, 58, 62, 71, 75, 113, 228
 Конго 67
 Конкомба 128, 130, 229
 Кононго 75
 Копрадсбург 65
 Кормантин (Кормантайн) 62, 64, 77, 111, 112, 135, 227
 Кот-д'Ивуар 54, 58, 60, 76, 101, 117
 Кисембе 229
 Клоие 229
 Крижабо 62
 Крени 129, 229
 Кристиансбург 62, 64—66, 129, 227
 Кробо 116, 129, 229
 Кумаву 82, 123—125, 129, 134
 Кумаси 59, 62, 66, 69, 71, 72, 76, 77, 80, 105, 119—125, 128—141, 143, 144, 162, 179, 191, 203, 211, 213, 216, 225, 230, 258—260
 Кумбу 59, 229
 Кусе 79
- Лабади 229, 231
 Ладоку 114
 Лау (Б. Лау и М. Лау) 62, 65, 76
 Либерия 63
 Лоанго 232
- Мампонг 71, 73, 82, 121—123, 125, 129, 134
 Мампруси 100, 142, 229
 Манкессим 70, 111—113, 129, 134, 135, 137, 230
 Мансо Нкваита 75
 Мероз 58
 Месопотамия 58
 Мнон 230
 Мо 128—130, 134
 Мори (Мури) 62, 65, 111, 135
 Морону 62, 114
- Напафуэ 114
 Нассау 65
 Нембе 211
 Нзи, р. 62, 71, 113
 Нзима 61—63, 111, 130, 133
 Нигер, р. 64, 77, 212
 Нигерия 179
 Нил, р. 58
 Нинго, вожество 229
 Нинго (Фреденсбург), форт 62, 64
 Нкоранза 123, 125, 128—130, 134, 229
 Нкусукум 111, 137, 230
 Новый Калабар 211
 Нормандия 218
 Нсоатре 129
- Нсута 121—123, 125, 129, 134
 Нунгва 229
 Ньянаоасе 114
- Обуасе 75
 Одумасе 129
 Овоме 211
 Окрика 211
 Окуманьянасе 124
 Осу 65, 114, 116, 229
 Осудуку 229
 Оти, р. 55, 129, 230
 Офин, р. 57, 59, 60—62, 70, 75, 110, 115, 129
 Оффинсу 123, 125, 129, 134
- Пенанго 118
 Передняя Азия 156
 Поно 67, 229
 Португалия 66, 80
 Пра, р. 57, 59—62, 70, 71, 75, 86, 110, 112, 115, 119, 129, 183, 229
 Прампрам 62, 64, 116, 229
 Прамирам Конфедерация 229
 Принсенстаун 62, 65
- Рим Древний 58, 259
- Савелугу 230
 Салага 76—78, 128, 129, 134, 216, 230
 Савни 62, 113
 Сантросо 63
 Сант-Яго, форт 64, 65
 Сахара 45, 58
 Ссга (Чинка) 75, 231
 Сегу 77
 Секонди 62, 65, 68, 71, 111
 Сефви 61, 75, 76, 115, 128—130, 133
 Сечере 61
 Сибирь 23, 226
 Скандинавия 34
 Сладкая, р. 112
 Солтпонд 62, 231
 Сонгайская держава 193, 212
 Средиземноморье 156, 232
 Судан Западный 58, 59, 63, 66, 75—77, 79, 110, 130, 212
- Такоради 62, 65, 75, 111, 231
 Тано, р. 59, 62, 70, 71, 75, 115, 129, 157
 Тарква 75
 Тафо 61, 63, 120, 124, 125, 144
 Тема 62, 64, 229
 Тете 116
 Течнман 58, 59, 82, 112, 128—130, 134, 177, 221, 230
 Теши 62, 229
 Тимбукту 77, 79
 Того 54, 76, 230
 Три-Пойнтс, мыс 227

Тулуге 229

Уаребо 114, 124

Уасулу 118

Фаафуэ 114

Фанги (Фангин) 61—63, 112, 128,
129, 212, 229

Конфедерация 70, 110, 134—137,
142, 196, 214—215, 217, 223,
224, 225, 230

Федерация 63, 112, 114, 128

Фейясе 119, 121, 125, 129

Фету (Афуту, Эфуту, Огуа) 62, 63,
97, 98, 111, 112, 142

Финикия 58

Фомена 129

Франция 43, 65, 66, 68, 118

Фредериксборг 111—112

Фумаса 118

Хеман 129

Хо 129

Чад, оз. 58

Чифо 57, 61, 70, 114, 115, 128—130,
133—135, 230

Шай 116, 229

Шама 62, 64, 68, 97, 111

Швеция 65

Эджису 123, 125, 129, 134

Эджумако 111, 230

Эджура 79, 123, 129

Эйан 111, 230

Экуа 229

Экумфи 63, 111, 112, 135

Эльмина 61, 62, 64—66, 68, 69, 71,
76, 77, 111, 112, 115, 121, 128, 135,
136, 212, 227, 231

Эснам 111

Эсикума 111

Эфиопия 58

Ягбум 230

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНОСОВ И ЯЗЫКОВ

- Аанта** (анта, аханта) 55, 113, 129, 229—231
аброн, яз. 59, 130, 229
аброны (бронги) 8, 11, 55, 57, 59, 63, 74, 118, 123, 216, 223
абуре, яз. 55
абэ 229
агба 229
адагме 59, 62, 76, 100, 116, 128, 141, 222, 229
ануту (ату, ауту) 229
айоло 229
айя 229
акан, яз. 55—57, 59, 102, 116, 228—230
аканы 5, 7—11, 13, 54—58, 60, 63, 70, 72—82, 84, 85, 87—92, 94—97, 99, 101—104, 108, 109, 114, 117, 118, 120, 121, 124, 137, 144, 145, 150—152, 155—159, 161—166, 169, 170, 172—175, 177, 178, 180—182, 184, 187—189, 191, 193, 195—202, 208, 216, 220—225, 227—233, 259
 лесные 58—60, 76, 79, 97, 98, 110, 112, 116, 129, 139, 146, 171, 186, 222
 прибрежные 8, 58, 59, 98, 144, 156, 171, 186, 198, 226
 саванные 59, 110, 223
 северные 110, 114
 западные 55, 113
 восточные 55, 56
акваму 11, 55, 98, 150, 151, 154, 161
аквапим, яз. 56, 222
аквапимцы 11, 54, 55, 142, 161, 220, 222
аманахия 229
аманья 229
англичане 64, 66, 68, 69, 98, 133, 134, 136, 177, 196, 219, 226, 227, 229, 230
ануфо 55, 229
ань 11, 54, 55, 113, 117, 118, 130, 167, 222, 228, 229
аовины 55, 229
апотокан, яз. 57
апотофо 223
аполлонна 229
асанте, см. ашантийцы
асикасо 229
ассайе 55, 229
ассинцы 55
асуамара 229
ату, ауту 229
афема 55, 229
африканцы 88, 135, 136, 193
 мусульмане (нкрамо) 79, 158, 216, 222, 229, 230, 233
 христиане 136, 158, 215
ачем, яз. 56
ачемцы 11, 54, 55, 57, 82, 96, 115, 117, 133, 142, 161, 163, 174, 176, 220, 225, 259
ашанти (асанте), яз. 56, 76
ашантийцы 5, 6, 9—11, 54, 55, 60, 63, 69, 72—74, 76, 77, 79, 84—86, 88—89, 96—100, 103, 106, 107, 112, 113, 115, 117, 119, 120, 123, 126, 130, 133, 137, 138, 142, 144, 146, 150, 151, 154—156, 158, 159, 161—163, 166, 172, 174—176, 178—181, 189, 190, 196, 200, 202, 213, 220—226, 229—233, 258—260
банту, яз. 101
бауле 11, 54, 55, 60, 62, 113, 114, 117, 138, 150, 158, 163, 176, 194, 217, 229
бетибс, яз. 55
бетье 229
биа, яз. группа 55
брисса 229
бронги, см. аброны
бру (бро) 229
бруса 229
васса 231
вольта-комоз, яз. группа 55
вольтийская (гур) яз. группа 57, 145
вольтийцы 145, 259
га 59, 62, 99—101, 114, 116, 117, 129, 215, 222, 229
галла 103
голландцы 64—66, 68, 80, 97, 119—121, 156, 226
гонжа 55, 100, 216, 222, 233
гуан, яз. 55, 229
гуаны 59, 60, 116, 117, 120, 121
гуро 177
гуроны 204
дагомба 100, 124, 145, 216, 222, 233
дадь 229
дан 117
датчане 64, 65, 68, 142
денчира 55, 59
диула 77, 117
дормаа 63
дьябе 229
иджо 211
индейцы 180, 204
инденне (нденье) 229
индоевропейский яз. 226

прокэзы 5, 28, 148, 204
итсекири 211

ква, яз. группа 55
кваву 11, 55, 57, 229
кодэ 229
коккомба 100, 145, 229, 230
крики 204
куланго 117

лагунные племена 62, 101, 103
лате (ларте) 116, 117
лигби 117

мамприси 100, 216, 229, 230
манде 58, 59, 75—77, 79, 228—230,
259
манде, яз. 58, 66, 75, 117, 259
мандинги 77, 79, 216, 230, 259
марокканцы 64
меланезийцы 181
моро (моруну) 229
моси 59, 76, 77, 229, 230

нанафуэ 229
нанди 103
нафана 117
нгба 229
нденье (индение) 229
нзима 11, 55, 56, 59, 76, 229
нзипри 229
нилоты 103
икрамо, см. африканцы мусульмане
норвежцы 18

оно, яз. группа 55

папуасы 181
пегиса 229
португальцы 64, 65, 97, 136, 227

сана 229
санви 229
саттикана 229
сафуэ 229
сенуфо 117
сефви 55

тано, яз. группа 55
тви (тши), яз. см. чви
темне, яз. 228

уаребо 229

фаафуэ 229
фанги, яз. 55, 56, 59, 216
фангийцы 8, 11, 54, 55, 59, 69, 74—
76, 82, 83, 85, 96, 97, 99, 103, 112,
133, 134, 139, 143—146, 150, 151,
154, 156, 181, 198, 214—215, 220,
223, 225, 231, 233, 258, 259
фету 112, 259
французы 65, 68, 98, 142, 227

хаусанцы 76, 77, 79, 216, 228—230

чви, яз. 55—57, 59, 189, 222, 223,
228—230, 259
черепоны 55, 116, 117
чокоси 54, 55, 229

эвалуэ 229
эве 57, 60, 62, 76, 100, 117, 128, 141,
142, 191
эгба 215
эскимосы азиатские 23
эфик 211
эфугу 150

юрэ 229

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаду Дж. М. 136
 Аберефи Яа 122, 236
 Агбодека Ф. 11
 Аджей 121, 141
 Айзенштадт Ш. 203
 Акото 141
 Акросан 78, 160
 Акуа Бони 114
 Алаев Л. Б. 45
 Алексеев В. П. 55, 221
 Аллотт А. Н. 7
 Аль-Гамба М. 142
 Ама Севаа 122, 236
 Аманкватиа 132
 Амин С. 8
 Амисса Дж. Ф. 135
 д'Анвиль М. 171
 Андреев И. Л. 41
 Ано 114, 118
 Аноче (Окомфо Аноче) 120, 121, 124
 Анса Сасраку 114, 117, 121
 Анти А. А. 11, 119, 234—235
 Анфу Оту 134, 135, 230
 Архин К. 11
 Асомани 78
 Аура Поку 61, 113, 114, 155
 Афанасьев В. Г. 14
- Балмер У. Т. 11
 Баннерман Дж. 188
 Барбо Ж. 6
 Бартер Э. 78
 Баудич Т. Э. 6, 123, 131, 132, 137, 226, 229, 230
 Бикбулатов Н. В. 226
 Бичам Дж. 6
 Блок М. 31, 58
 Боа Ампонсем 115, 121
 Боаду Акафу Бремпонг 115
 Боаен А. А. 11
 Боаен Анантуо 125
 Бонна 142
 Босман В. 6, 119, 137, 156, 226
 Ботини 123
 Бромлей Ю. В. 108
 Брэнкенбери П. 6
 Брю Дж. Г. 136
 Бусня К. А. 6, 7, 121, 180, 190
 Бутинов Н. А. 24, 93
 Бюхер К. 31
- Вансина Я. 61, 203
 Васильев Л. С. 42, 109, 227
 Вестерманн Д. 56
 Вилкс А. 9, 11, 63, 137, 140, 202, 230, 231, 234—235
 Виноградов П. Г. 31
 Власов К. 38
- Гартн IV 135
 Гбева (Бава) 230
 Генинг В. Ф. 108, 109
 Георг III 187
 Гизо Ф. 31
 Гиренко Н. М. 63, 107, 108, 151
 Годелье М. 40, 42
 Годинер Э. С. 10, 196, 209
 Грант Ф. К. 135
 Графт Джонсон де, Дж. 6
 Гринберг Дж. 55
 Громыко Ан. А. 215
 Грушин Б. А. 16
 Гуди Д. 11, 88
 Гуревич А. Я. 31
- Дааку К. И. 11, 67, 78
 Дакон 113, 155
 Данилова Л. В. 38
 Данква Дж. Б. 6, 86, 155
 Датта А. К. 11
 Джакпа Ланта 230
 Джамфи Коджо 80
 Диксон К. Б. 11
 Дьяконов И. М. 194, 227
 Дэвидсон Б. Э. 135
 Дюметт Р. Э. 8, 185
 Дюпон Дж. 6, 78, 119, 131, 182, 187, 230
- Засулич В. 93
- Иванов Ю. М. 191, 232
 Израитель В. Я. 44
 Илющечкин В. П. 44
 Итс Р. Ф. 232
- Кабо В. Р. 23, 226
 Каган М. С. 14
 Капитейн Я. 56, 136
 Карнкари (Кофи Какари) 123, 134, 231, 232, 235, 236
 Карнейро Р. 226
 Качаповский Ю. В. 172, 227
 Квеку Дуа I 124, 140, 178, 181, 188, 216, 231, 235, 236
 Квеку Дуа II 134, 140, 141, 231, 235, 236
 Квеку Тавиа 144
 Квеси Брантуо 144
 Квеси Йебоа 118
 Квеси Ободум 131, 140, 231, 234, 236
 Квеси Эду 134, 135, 230
 Ки Р. 8, 11, 176
 Кимбл Д. 11
 Киселев Г. С. 170, 192, 196, 210
 Кларидж У. 6
 Классен Г. 52, 232

- Коаче Кофи 132
 Кобна Анвамфи (Квабиа Аменфи) 120, 234, 236
 Кобишанов Ю. М. 10, 44, 170, 172, 178, 189, 191
 Ковалевский М. М. 31
 Кожановская И. Ж. 92
 Кокри-Видрович К. 8, 45, 46
 Колесницкий Н. Ф. 34
 Конаду Яалом 122, 236
 Кон И. С. 24
 Конни Дж. 78
 Коростовцев М. А. 37
 Косвен М. О. 9, 92
 Кофи Батафо 186
 Кофи Фофие 118
 Кочакова Н. Б. 190
 Крёбер А. Л. 25
 Кристаллер И. Г. 57
 Кристенсен Дж. Б. 11
 Круикшанк Б. Дж. 6
 Крывелёв И. А. 156
 Крылов В. В. 170
 Крэйер Л. 50
 Крюков М. В. 22, 92, 148, 149, 153, 231
 Куббсль Л. Е. 209
 Кузьмин В. П. 14
 Куранче Дж. 78
 Кэйбс Дж. 78
 Кюне И. 6
- Лампрехт К. 31
 Левни М. Г. 55, 150
 Ленин В. И. 4, 13, 19, 31, 40, 47, 48
 Листад Р. 11
 Ллойд А. 100
 Ллойд П. 203
 Ломбард П. 228
 Льюис Г. С. 52
- Макдональд Б. Дж. 6
 Маккаски Т. 11, 234—235
 Маклеод М. Д. 11
 Ману Котосии 120, 236
 Манукян М. 11
 Маретин Ю. В. 93
 Маретина С. А. 209
 Маркс К. 8, 14, 18, 31, 39, 40, 41, 43, 46, 93, 170, 192, 197
 Медведев Е. М. 44
 Мейен С. В. 17
 Мейеровиц Е. Л. Р. 11, 155
 Менса Бонсу 134, 231, 235, 236
 Милявская С. Л. 10, 94
 Монтестье Ш. 30
 Морган Л. Г. 24, 39, 147, 148, 231
 Мюллер В. 112, 166
- Набага 229, 230
 Неусыхин А. И. 30
 Ниендаль В. 119
- Никифоров В. Н. 43, 193, 227
 Нильсен 142
 Нкетия Дж. 11
 Нкрума К. 4
 Нтим Джакари 119, 121
 Нуреев Р. М. 32, 41, 43, 227
- Обирн Гебоа 119, 120, 121, 229, 234, 236
 Обунумакома (Обурумманкума) 112
 Овусу М. 140
 Овусу Панин 11, 121
 Одаладжан (Адпанджан) 112
 Окукуадани 229
 Оллену Н. А. 7, 11
 Ольдерогге Д. А. 55, 90
 Опоку Варе 113, 124, 128, 131, 140, 155, 176, 229, 231, 234, 236
 Опоку Варе II 139, 140, 235, 236
 Опоку Фофие (Опоку II) 140, 141, 231, 234, 236
 Опоку Фрефре 132, 141, 143, 181
 Орлова А. С. 189
 Ортабил 134
 Осей Бонсу 123, 131—133, 140, 141, 182, 187, 204, 205, 231, 232, 234, 236
 Осей Кваме 122, 131, 140, 216, 231, 234, 236
 Осей Коджо 131, 133, 139, 140, 178, 205, 230, 231, 234, 236
 Осей Туту 96, 113, 119—121, 124, 125, 128, 139—140, 229, 234, 236
 Осей Яо (Акото) 140, 231, 235, 236
 Осон (Осун, Эсуон) 112
 Островитянов К. В. 38
 Оти Акентен 119, 120, 124, 186, 234, 236
- Павленко Ю. В. 109
 Пайк К. Л. 17
 Пассоп П. 78
 Пашеку Перейра Д. 56
 Першиц А. И. 25, 49, 93
 Петрушевский Д. М. 31
 Пефтиев-Амет В. И. 190
 Полянн К. 77
 Потехин И. И. 10, 189, 190
 Прайс В. 52
 Премпе I (Квеку Дуа III) 134, 140, 231, 235, 236
 Премпе II (Осей Аджеман) 139, 140, 231, 235, 236
 Проттен К. Я. 56
- Рамсейер Ф. 6
 Раск Р. 99
 Рейндорф К. 6
 Рейнолдс Э. 146
 Ричард II Плантагенет 66, 233
 Рогинский Я. Я. 55
 Роджерс Т. 31

Румянцев А. М. 37, 38
Рэттрей Р. С. 6, 85, 86, 88, 102, 122,
155, 167, 180

Самори Туре 118
Сарба Дж. М. 6, 63
Сарпонг П. К. 11
Саутхолл А. 203
Сафори 117
Сванидзе И. А. 189
Семёнов Ю. И. 21, 23—25, 37, 38, 41,
85, 93—95, 221, 226, 227
Сервис Э. Р. 51
Скальник П. 52
Следзевский И. В. 170
Струве В. В. 40
Сюре-Каналь Ж. 40, 45

Таноа Мфама 115
Тер-Акопян Н. Б. 41
Террэ Э. 8, 9, 118, 185, 226
Тёкен Ф. 41
Токарев С. А. 108, 167
Томановская О. С. 232
Тордофф У. 11, 234—235
Тюркин В. Б. 232
Уорд У. 119, 234—235

Филд М. Дж. 11
Финн Дж. К. 11
Фортес М. 11, 88, 102
Фрид М. 50, 52
Фримен Т. Б. 6
Фуллер А. 6
Фюстель де Куланж 31

Хазанов А. М. 199
Харпер К. Р. 86
Хёрст П. 41
Хиндесс Б. 41

Черематен А. 11
Череме Сикафо 186
Черече 115
Чум 120
Чумаси Аппиа Дж. 172

Шаревская Б. И. 155, 167
Шмидт К. 18
Шрейдер Ю. А. 17

Эллис А. Б. 6, 146
Энгельс Ф. 18, 39—41, 47, 50, 170
Энчви 120
Эфун Бая 114
Эхенгбуда 182

SUMMARY

Vladimir Popov. *An Ethnosocial History of the Akans in the 16th-19th Centuries. Problems of Genesis and Formational Development of Ethnopolitical Organisms*. The book constitutes a generalizing study of formational development of ethnopolitical organisms of the Akans in precolonial times, as exemplified by the Ashanti Confederation, the Fanli Confederation, the Denkyira, the Akwapim, the Akyem-Abuakwa, the Akyem-Kotoku, and the Gyaman.

The Introduction explains the reasons for the choice of the subject, outlines the problem area, and surveys past and present studies of the Akan's formational development.

Part One, setting out methodological guidelines, presents the major rationales of the study, including the principles of system approach and historical typologization of ethnosocial developments, the methodological postulates of historical reconstructions (Chapter One), the general foundations of the Marxist theory of social formations and formational patterns of feudal, slave-owning, and primitive societies, along with the main principles of hypotheses of the Asiatic and African modes of production (Chapter Two). Further surveyed is current study of the political and class genesis (Chapter Three).

Part Two contains parametric data, with the opening chapter generally describing the Akans and their ethnic, social, and political history. Chapter Two deals with the traditional economy, particularly ecology, cultivation, and trade. Chapter Three is concerned with the major social institutions, clan-tribal and communal, their hierarchy, structural composition, and basic functions, as well as their historical types. Virtually all these social institutes are characterized by features typical of the late primitive societies. Chapter Four delves into the structure of authority in supratribal organisms which emerged in the 16th-17th centuries—unions of chiefdoms of the Akyems, Anyis, Baule, and the Fanti federations, the Akwamu, Denkyira, Akwapim, and Gyaman. Chapter Five investigates the Ashanti Confederation, the prerequisites for its emergence and the events surrounding the development of the Ashanti union of chiefdoms. Chapter Six looks at the creation of the Fanti Confederation (1868-73), including the rationale behind the alliance of the Fanti chiefdoms, the aims and actions of Confederation founders, and the reasons for its fall. The social stratification of the Akans is considered in Chapter Seven, which specifies three basic social groups—the nobility, free commoners, and the bonded. The author shows relationship between the hereditary and service nobles and the status and hierarchy of the chiefs, as well as the way commoners who had become rich through trade joined the nobility. The chapter also deals with the basic forms of servitude, slavery and bondage. Chapter Eight considers the scope offered by the Akan's system of kinship terms for formational attribution. It also reconstructs particular stages of the social history of the Akans on the basis of this system as the main source of information. Chapter Nine gives a general outline of their world outlook, dominated by late primitive beliefs like polydemonology, ancestors' cult, fetishism, magic, and sorcery.

Part Three deals with formational attribution of these ethnopolitical organisms. Chapter One to Four examine their economic basis, like the level of productive forces, forms of the division of labour, land tenure and types of ownership, the basic kinds of exchange, among them potlach-like customs, the methods of exploitation, differentiation of wealth, and multistructural modes of production; the evolution of social relations and emergence of classes, as well as the nature of the potestal-political superstructure. Further on, reasons are set out for the secondary nature of the Akans' politogenesis. A case is next made for the concept of parapolitness, and the parapolis as a specific form of early political organization is revealed. Chapters Five and Six regard the Akans' formational development in the conditions of interaction between different formations, and historical dynamics of their ethnogenetic and ethnosocial processes.

The Conclusion recapitulates the study's major findings:

(1) The contention that the Akans were a feudal and slaveowning people

has no basis. At the same time, they, chiefly the Ashanti, had some preconditions for feudalism, but the need for feudal exploitation among them never arose. Their relatively sustained trend for becoming a slaveowning society was terminated by influences from capitalist Europe. Still the available data supports the existence there at the time of a so-called African (martial-commercial) mode of production typical of the marginal societies which kept in touch with the more developed ones, mostly through trade, and whose economic development was conditioned by outside demand rather than their own needs;

(2) By the precolonial epoch the Akans had multistructural societies in transition from the primary to secondary formation. The multistructural basis of economies was 'vertical', with the most developed dominated by a martial-commercial-tributary mode of production combined with early slaveowning system, and the least developed having late primitive mode of production complemented by instances of domestic slavery;

(3) Settling the politogenetic controversy, or the rise of state in pre-class society, is possible with the concept of secondary formational development, whereby politogenesis overtakes the genesis of classes and stimulates their emergence. Monopoly of organizing and economic functions is the chief way for secondary political entities and secondary class genesis to come about;

(4) The author suggests calling the shaping secondary political entities parapolitical, in contrast with political ones with a developed state system. The Akans' precolonial ethnopolitical organisms makes it possible to study their politogenesis and evolution from small isolated communities to chiefdoms and their unions, including such big ones as the confederations of the Ashanti and the Fanti. These were no states in the Marxist sense of the term, but could be related to parapolitical societies, the Kumasi being a martial-commercial parapolis and the Fanti a late precolonial one. In other words, they are two concrete models of an emerging secondary state through mediating influences, in the case of the Ashanti Confederation, and direct borrowing, as in that of the Fanti Confederation;

(5) The 18th and 19th centuries set the scene for the development of original Akan ethnoses in the framework of individual ethnopolitical organisms, that is to say, the ethnogenetic and socio-political processes there unfolded in common;

(6) The Akan ethnopolitical organisms are representative enough for studying the laws of evolution of the synpolitical periphery under mediating influences from class societies in modern times. For this reason the Akans are no valid ethnographic analogues in reconstructing the history of primitive society in its classic, apopolitical sense;

(7) The Akans' precolonial ethnopolitical organisms were stagnant and had no historical promise owing to ecological factors, a lacking evolutionary capacity as well as their parasitic nature during the slave trade period. They could only evolve in a colonial synthesis as ultimately colonial society;

(8) The data on the Akans, above all the Fanti, justifies identifying the late precolonial period as a specific stage in the evolution of societies in Sub-Saharan Africa, and, by the same token, of late precolonial society.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Постановка проблемы	3
Современное состояние проблемы стадияльно-формационного развития аканов	6
Список сокращений в тексте	12
Часть первая	13
МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ	
Глава 1	
Исходные методологические посылки	13
Системный подход и историческая типологизация как первый уровень абстракции	13
Стадияльно-формационная атрибуция как высший уровень абстракции	18
Историческая реконструкция как метод познания	19
Постулаты исторической реконструкции	21
Глава 2	
Формационные модели	26
Общие основания формационной теории	26
Модели феодализма	31
Модели рабовладения	35
Специфика первичной формации	37
Проблема азиатского способа производства	39
Гипотеза об африканском способе производства	45
Глава 3	
Современное состояние проблемы политогенеза	46
Глава 4	
Аксиоматика исследования	52
Часть вторая	54
ПАРАМЕТРИЧЕСКАЯ	
Глава 1	
Введение в этническую и социально-политическую историю аканов	54
Аканы: этнолингвистическая и социокультурная общность	54
Этногенез и ранняя этносоциальная история	58
Золотой Берег и европейские державы	64
Основные моменты исторического развития в предколониальный период	69
Глава 2	
Традиционное хозяйство аканов	70
Экология региона	70
Земледелие	72
Охота, рыболовство, собирательство	73
Ремесла, золотодобыча, солеварение	74
Торговля	76

Глава 3	
Общественный строй аканов	80
Родовая организация	81
Иерархия матрилинейных родовых институтов	82
Патрилинейные институты	85
Филиация аканского общества: специфика эволюции	87
Общинные институты	90
Деревенская община	90
Большая семья	91
Уровень развития общинной организации	93
Военная организация	95
Структура и функции	95
Вооружение, стратегия и тактика	97
Истоки традиционной военной организации	101
Специфика аканского вождества	104
Структура омана	104
Оман как вариант племени-вождества	107
Глава 4	
Надплеменные политические организмы и объединения вождеств	109
Этнополитические организмы аканов Золотого Берега	110
Этнополитические организмы аканов Берега Слоновой Кости	113
Аквamu	114
Денчира	115
Ачемские союзы вождеств	115
Аквалим	116
Джаман (Бондуку)	117
Глава 5	
Конфедерация Ашанти	119
Союз вождеств Асанте	119
Создание ашантийского союза	120
Аманто	121
Кумаси	124
Асантеман: символы единства и система управления	125
Ашантийская держава	128
Создание Асанте Нкабом	128
Амансин и амантеасе: состав и структура управления	129
«Революция» Осея Коджо и реформы Осея Бонсу	131
Предколониальный период: дезинтеграция и англо-ашантийские войны	133
Глава 6	
Конфедерация Фанти	134
Глава 7	
Социальная стратификация	137
Знать	137
Абремпонфо	138
Асомфо	141
Сикафо	143
Свободные общинники	144
Зависимые	145

Глава 8	
Системы терминов родства аканов как показатель уровня стадияльно-формационного развития	146
Системы терминов родства как предмет исследования и источник информации	147
Специфика аканских систем терминов родства, систем родства и социальных организмов родства	150
Системы терминов родства аканов как этносоциологический источник	152
Глава 9	
Традиционное мировоззрение аканов (стадияльно-формационные аспекты)	155
Полидемонизм	157
Культ предков	159
Фетишизм и ведовство	166
Часть третья	
АТРИБУЦИОННАЯ	170
Глава 1	
Экономический базис аканских обществ	170
Производительные силы	170
Разделение и кооперация труда	172
Землепользование и формы собственности	173
Прибавочный продукт: распределение, перераспределение и потребление	175
Источники доходов знати	175
Редистрибуция	178
Потлачевидные обычаи	180
Основные формы обмена	182
Способы и методы эксплуатации	184
Имущественная дифференциация	186
Специфика многоукладности и проблема ведущего способа производства	188
О тенденциях к феодализму	189
Рабовладельческий уклад	193
Типологические параллели с моделями азиатского и африканского способов производства	196
«Вертикальная» многоукладность	197
Глава 2	
Историческая динамика социальных отношений и тенденции классогенеза	198
Специфика общественного расслоения и основные факторы классовообразования	198
Динамика принципов социального расслоения	201
Глава 3	
Историческая динамика потестарно-политической структуры и специфика политогенеза	202
Глава 4	
Вторичный характер политогенеза у аканов	209
Политогенетическая контрверза и возможности ее решения	209

Военно-торговый параполис как вариант становления вторичного государства	211
Конфедерация Фанти — предколониальный вариант становления вторичного государства	214
Глава 5	
Стадиально-формационное развитие аканов в условиях межформационного взаимодействия	216
Глава 6	
Историческая динамика этногенетических и этносоциальных процессов	220
Заключение	224
Примечания	226
Приложение	234
Список библиографических сокращений	237
Использованная литература	239
Глоссарий	258
Список иллюстраций	261
Список карт	262
Указатель географических названий	263
Указатель этносов и языков	267
Указатель имен	269
Summary	272

Научное издание

Попов Владимир Александрович

**Этносоциальная
история аканов
в XVI—XIX веках**

Проблемы генезиса
и стадияльно-формационного развития
этнополитических организмов

Редактор Н. А. Кочнева

Младший редактор Г. С. Горюнова

Художник С. С. Верховский

Художественный редактор Б. Л. Резников

Технический редактор З. С. Теплякова

Корректор В. Н. Багрова

ИБ № 16569

Сдано в набор 01.02.90. Подписано к печати
27.06.90. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типограф-
ская № 2. Вкл. отпечатана на мелованной бу-
маге. Гарнитура литературная. Печать высо-
кая. Усл. п. л. 17,5+0,5 вкл. Усл. кр.-отт.
18,25. Уч.-изд. л. 20,22. Тираж 1100 экз.
Изд. № 6851. Зак. № 61. Цена 3 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

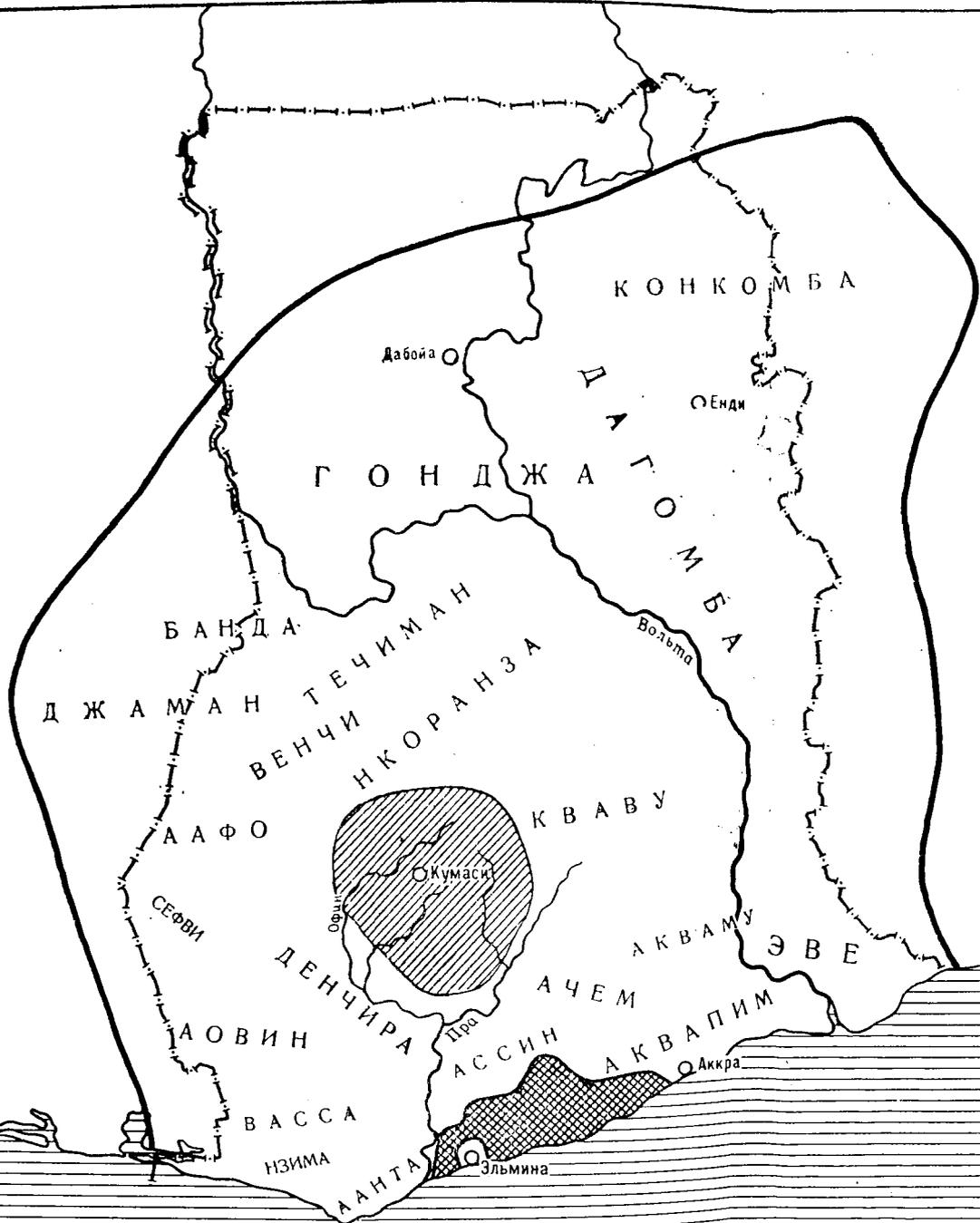
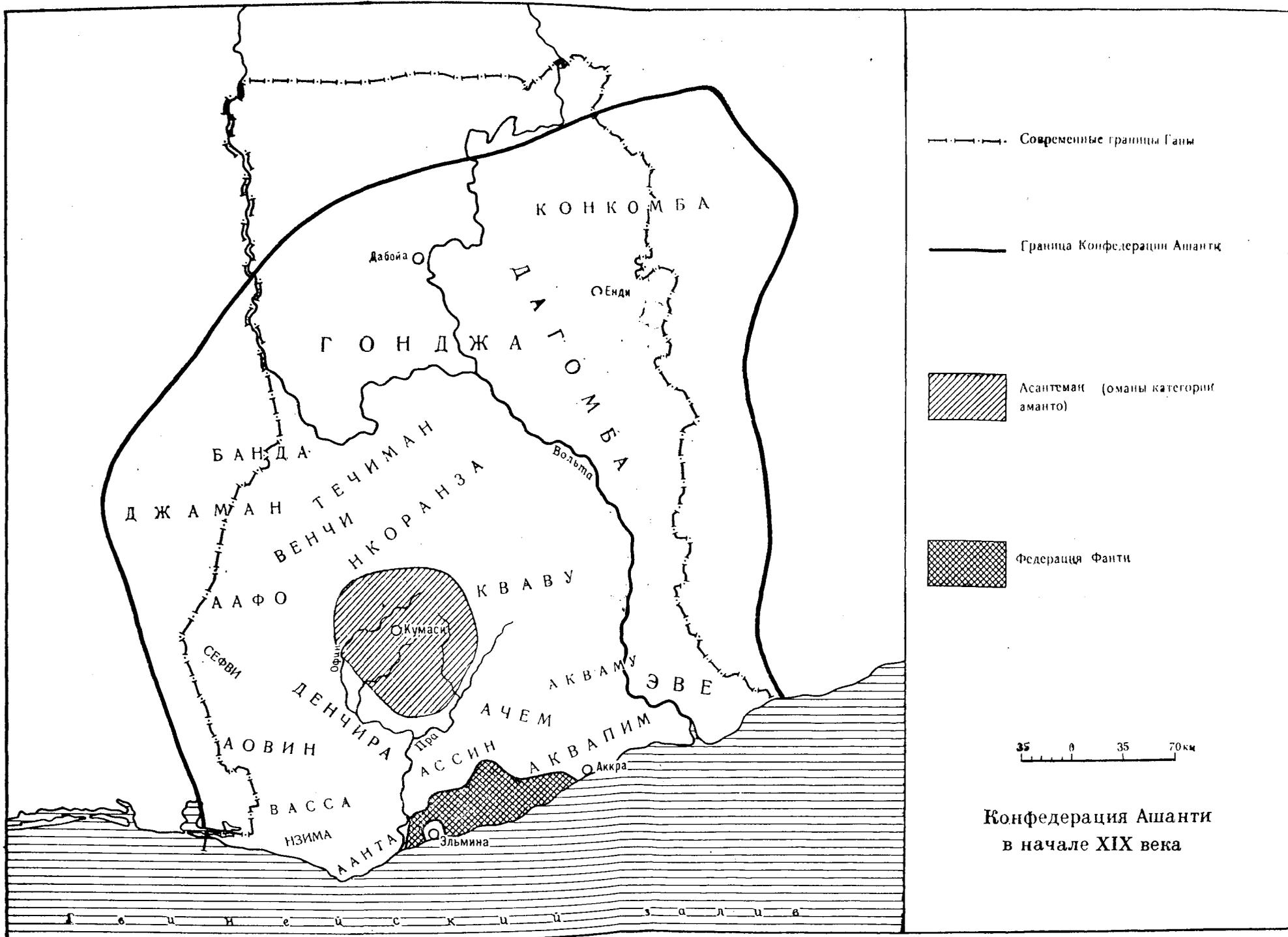
3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**Книги Главной редакции восточной литературы
издательства «Наука»
можно предварительно заказать
в магазинах Центральной конторы «Академкнига»,
в местных магазинах книготоргов
или потребительской кооперации**

Для получения книг почтой
заказы просим направлять по адресу:

- 117192 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2, магазин
«Книга — почтой» Центральной конторы «Академ-
книга»;
- 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга —
почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в
ближайший магазин «Академкниги», имеющий отдел
«Книга — почтой»;
- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
- 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);
- 232600 Вильнюс, ул. Университето, 4;
- 690088 Владивосток, Океанский пр., 140;
- 320093 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
- 734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
- 375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
- 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
- 420043 Казань, ул. Достоевского, 53;
- 252030 Киев, ул. Ленина, 42;
- 252142 Киев, пр. Вернадского, 79;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
- 277012 Кишинев, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);
- 343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга —
почтой»);
- 660049 Красноярск, пр. Мира, 84;
- 443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
- 191104 Ленинград, Литейный пр., 57;
- 199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
- 199044 Ленинград, 9 линия, 16;
- 220012 Минск, Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);
- 103009 Москва, ул. Горького, 19а;
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
- 630076 Новосибирск, Красный пр., 51;

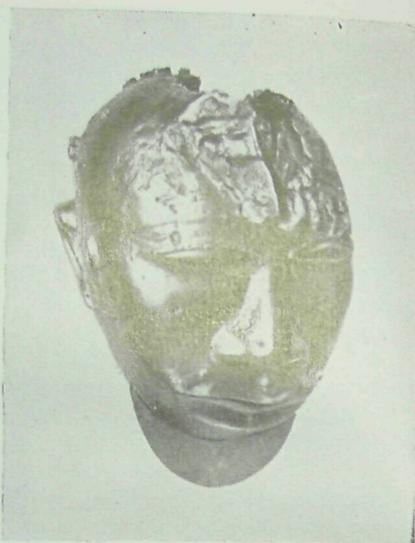
- 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
- 142284 Протвино Московской обл., «Академкнига»;
- 142292 Пущино Московской обл., МР «В», 1;
- 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
- 700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
- 701000 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
- 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
- 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
- 450059 Уфа, ул. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
- 720001 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
- 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 78 («Книга — почтой»).

Акуба. Дерево

Ашантийская гирька
для взвешивания золотого песка
(охотник с леопардом). Бронза

Ашантийская золотая маска

Спальни во дворце асантехене.
На переднем плане —
игроки в вари
(с рисунка Т. Э. Баудича)

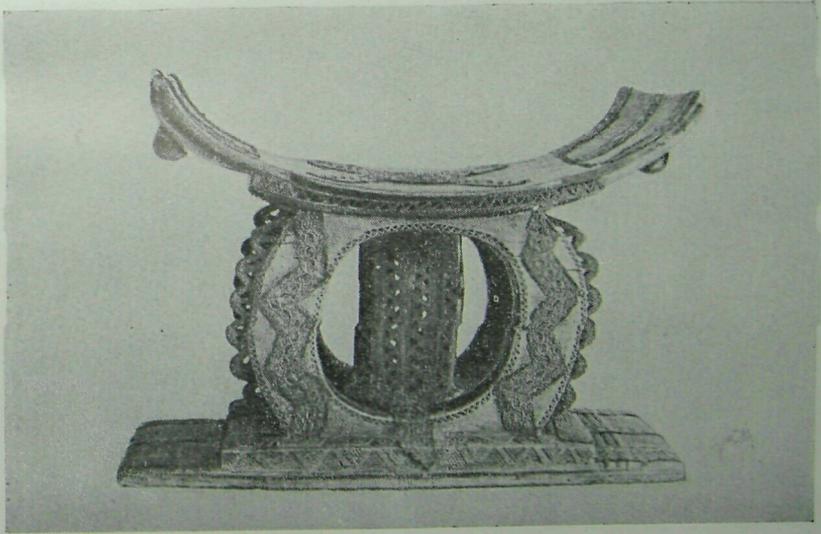
Ашантийские воины

Ашантиец с жезлом очеаме

Ашантийский жрец (окомфо)

*Деревянная фигурка
оракула бауле*

Серебряный трон асантехемы

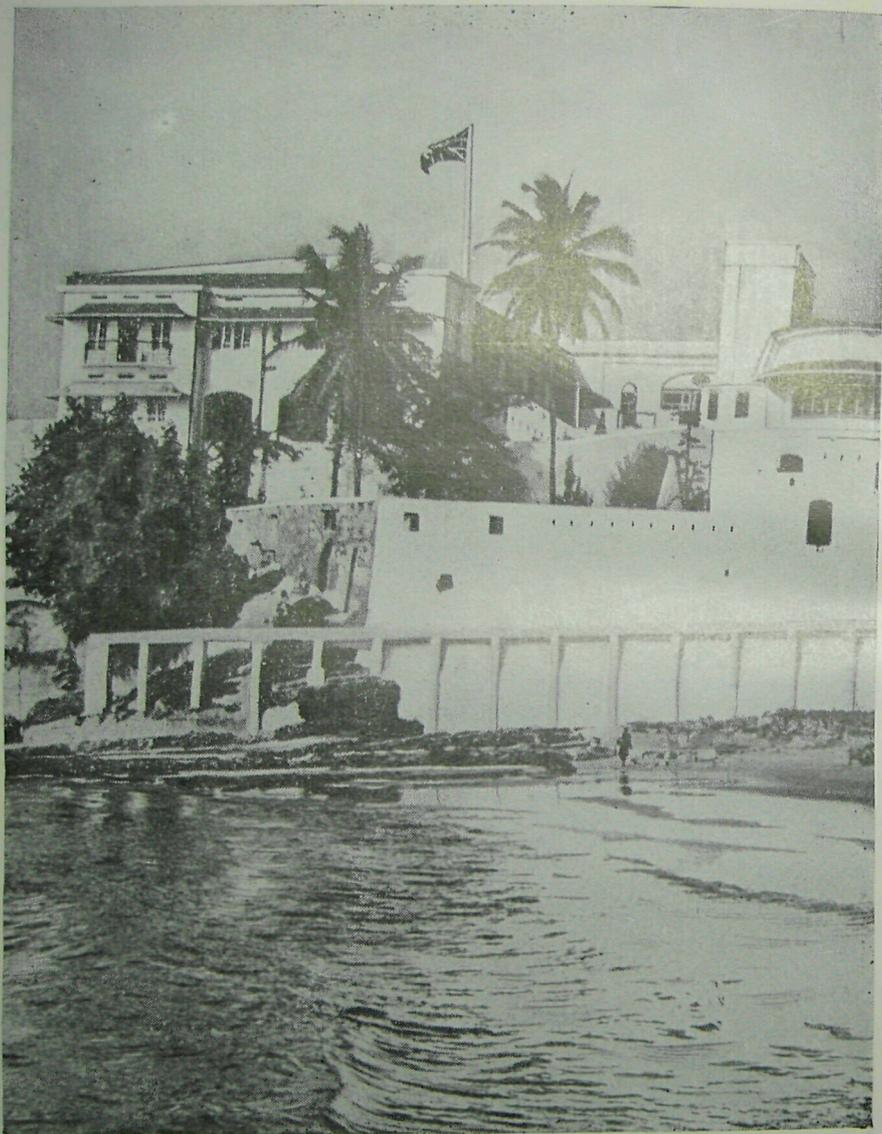

Ашантийское святилище (босомдан)
обосома Тано. XIX в.

Золотые украшения кумавухене

Замок Кристиансборг

